



**Галоўны
рэдактар:**
В. М. Наўныка

**Намеснікі
галоўнага**

рэдактара:
В. С. Болбас,
Т. У. Паліева

**Рэдакцыйная
калегія:**

В. В. Шур
(адказны за рубрыку
“Філалагічныя
навукі” (беларуская
філалогія))

С. Б. Кураш
(адказны за рубрыку
“Філалагічныя
навукі” (руская
філалогія))

І. У. Журлова
(адказны за рубрыку
“Педагагічныя
навукі”)

І. В. Катовіч
(адказны за рубрыку
“Біялагічныя
навукі”)

А. Баршэўскі

І. А. Кавалевіч

У. І. Коваль

В. І. Парфёнаў

В. Ф. Русецкі

А. У. Сузько

Г. С. Тарасенка

Я. П. Урублеўскі

Л. С. Цвірко

Заснавальнік

Установа адукацыі

“Мазырскі
дзяржаўны
педагагічны
ўніверсітэт
імя І. П. Шамякіна”

З м е с т

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

- Бодяковская Е. А., Малюк О. А.* Загрязнение почвы придорожной полосы транспортной магистрали 3
- Воробьева М. М., Воронова Н. В., Абакумова Е. А., Аргер К. В.* Полиморфизм рисунков переднеспинки, темени, элитры и фенотипическое проявление резистентности в популяциях *Leptinotarsa decemlineata* Say южных регионов Беларуси 9
- Головенчик В. И., Гайдученко Е. С., Ризевский В. К., Липинская Т. П.* Генетический полиморфизм популяции бычка-песочника (*Neogobius fluviatilis* (Pallas, 1814)) в водных объектах Беларуси на основе анализа последовательностей гена COI 16
- Громько Н. М., Лебедев Н. А.* Генетическая структура популяции *Felis catus* L. г. Мозыря 24
- Гулаков А. В., Пенькевич В. А.* Парафасциолопсоз и распределение ¹³⁷Cs по органам и тканям лося и косули, обитающих на территории Полесского радиационно-экологического заповедника 30
- Гуминская Е. Ю., Букіневіч Л. А., Кравченко В. А.* Эколого-фитоценологические исследования растительного покрова юго-западной части ландшафтного заказника «Стрельский» 37
- Котович И. В., Позывайло О. П., Баран В. П., Ярошевич Т. М.* Сравнительная оценка показателей пероксидного окисления липидов и антиоксидантной системы крови коров-первотелок в лактационный и сухостойный периоды 43
- Чернецкая А. Г., Каленчук Т. В., Бученков И. Э., Рышкель И. В.* Состояние дендрофлоры Лошицкого усадебно-паркового комплекса г. Минска 50

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

- Бедулина Г. Ф., Лазуков С. А.* Интернет как фактор социализации подростков в условиях информационного общества XXI века 57
- Болбас Г. В., Кананчук О. О.* Мультимодальный подход к организации исследовательской деятельности учащихся 64
- Масло И. М., Масло М. И.* Проблемы физического воспитания дошкольников с ослабленным здоровьем: теоретико-экспериментальное исследование 69
- Паліева Т. В.* Периодизация генезиса поликультурного дошкольного образования в Беларуси 76
- Таранцей Л. М.* Нарматыўнае прававое суправаджэнне працэсу фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці навучэнцаў: на прыкладзе Расіі, Беларусі і Казахстана 83
- Тарасенка Г. С.* Экологизация детского мышления в процессе развития художественно-творческого потенциала младших школьников 90

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

- Гуркова О. С.* Проблемы изучения неологических процессов в русском языке начала XXI века 98
- Зыблева Д. В.* Междометные контактные высказывания 104
- Лаевская Т. Е.* Вторичные речевые жанры: подходы к определению и история изучения 110
- Мамедова А. Э.* О типах моделируемых фрагментов лексико-словообразовательных гнезд (русский литературный язык/говоры) 115

Адрас рэдакцыі:
вул. Студэнцкая, 28,
247777, Мазыр,
Гомельская вобл.
Тэл.: +375 (236) 24-61-29
E-mail:
vesnik.mgpru@mail.ru

Карэктары:
А. У. Сузько,
Т. І. Татарынава

Камп'ютарная
вёрстка:

М. С. Галеня,
Л. М. Дабранская

Падпісана да друку
14.05.2020 г.

Фармат 60x90 1/8.

Папера афсетная.
Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 21,5.

Тыраж 100 экз.

Заказ № 171.

Установа адукацыі
“Мазырскі дзяржаўны

педагагічны

ўніверсітэт

імя І. П. Шамякіна”.

Вул. Студэнцкая, 28,
247777, Мазыр,

Гомельская вобл.

Пасведчанне

аб дзяржаўнай

рэгістрацыі сродку

масавай інфармацыі

№ 1233 ад 08.02.2010,

выдадзенае

Міністэрствам

інфармацыі

Рэспублікі Беларусь.

Рэспубліканскае

ўнітарнае

прадпрыемства

«Інфармацыйна-

вылічальны цэнтр

Міністэрства

фінансаў Рэспублікі

Беларусь».

Вул. Кальварыйская,

17, 220004, г. Мінск.

ЛП № 02330/89

ад 03.03.2014 г.

Меркаванні,

выказаныя

аўтарамі, могуць

не супадаць

з пунктам погляду

рэдакцыі.

<i>Навасельцава Г. В.</i> Мегатэкст у прозе Людмілы Рублеўскай	121
<i>Пасютина Ю. Н.</i> Новый «лишний» герой в городских повестях	
А. Н. Андреева	126
<i>Столярова А. Н.</i> Об экстралингвистической обусловленности неофразем	132
<i>Сузько А. У.</i> Нацыянальная карціна свету ў беларускай літаратурнай	
традыцыі XIX стагоддзя	137
<i>Толкачэва О. В.</i> Репрезентация начала перемещения в семантике	
предлогов (на материале немецкого и русского языков)	143
<i>Трацяк З. І.</i> Адлюстраванне тэмпаральнага разрыву як мастацкі прыём	
увааблення вайны (на прыкладзе твораў І. Шамякіна «Першы генерал»	
і «Петраград – Брэст»)	151
<i>Швец Н. Г.</i> Разработка формальной модели взаимосвязи вербальных	
и невербальных компонентов креолизованного текста	156
<i>Яблонская О. Г.</i> К проблеме выявления механизмов текстообразования	
на базе фразеологических единиц	163
Р Э Ц Э Н З І І	168

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 502:625.7:330

Е. А. Бодяковская¹, О. А. Малюк²

¹Кандидат ветеринарных наук, доцент кафедры биологии и экологии, доцент,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

²Преподаватель кафедры биологии и экологии, УО «Мозырский государственный педагогический
университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

ЗАГРЯЗНЕНИЕ ПОЧВЫ ПРИДОРОЖНОЙ ПОЛОСЫ ТРАНСПОРТНОЙ МАГИСТРАЛИ

В статье представлены результаты исследования агрохимических показателей почвы придорожной полосы автомагистрали М10 в пределах 183-173 км и содержание в ней тяжелых металлов. При выезде из г. Калинковичи на 5-метровом расстоянии от дорожного полотна отмечена высокая кислотность почвы ($pH_{КСЛ}$ 4,7), а также достоверно превышена предельно допустимая концентрация подвижной формы свинца, что объясняется большим потоком автомобильного транспорта. Наименьшее содержание гумуса в почве наблюдалось на участке 1 (183 километр автомагистрали М10).

Ключевые слова: почва, автомагистраль М10, содержание гумуса в почве, кислотность почвы, содержание подвижных форм фосфора, подвижные формы цинка и свинца.

Введение

Загрязнение окружающей среды за многолетний период эксплуатации автодорог выхлопными газами, продуктами истирания шин, тормозных колодок и покрытия автодорог приводит к изменению физико-химических свойств и структуры почв придорожной полосы. Особенно опасно накопление в почвах и растениях тяжелых металлов. Причем на сами растения накопление тяжелых металлов влияет в меньшей степени, хотя они подвергаются прямому влиянию, а на организмы животных и человека воздействует косвенно – через пищу при потреблении загрязненных растительных продуктов [1].

Почва – геохимический экран любого ландшафта, в том числе и техногенного. Через нее проходят все потоки вещества (водные, воздушные), под воздействием которых она геохимически изменяется, влияя на сопредельные среды. По сравнению с атмосферой, подземными и грунтовыми водами, почва – малоподвижная среда, поэтому миграция в ней загрязняющих веществ происходит относительно медленно, что и обуславливает накопление продуктов загрязнения в ней. Почвы в малой степени обладают способностью к самоочищению [2].

За последние 5 лет в Республике Беларусь ежегодные поступления в атмосферу загрязняющих веществ от передвижных источников составили около 1 млн. тонн и превысили 70 % суммарного объема выбросов в стране. Значительная часть этих выбросов сконцентрирована в Минской области, расположенной в центре Республики Беларусь и обладающей развитой сетью автомобильных дорог. Следует также отметить, что территорию республики пересекает трансъевропейский коридор, соединяющий Западную и Центральную Европу с Россией, Северную Европу с Южной [3]. Все это указывает на повышенную антропогенную нагрузку на придорожные земли нашей страны.

Цель работы – исследовать загрязнение почвы придорожной полосы участка автомагистрали М10 Гомель – Кобрин в пределах 183–173 км.

Автомагистраль М10 начинается от границы с Россией и следует на запад, проходя через Добруш, Гомель, Речицу, Василевичи, Калинковичи, Мозырь, Петриков, Житковичи, Микашевичи, Луинец, Пинск, Иваново, Дрогичин, Антополь и заканчивается в Кобрине. Первые 50 км от Гомеля дорога имеет 4 полосы, далее, в районе населенного пункта Волчья Гора, дорога сужается до 2 полос и продолжается до Кобрина, с местными расширениями в районе перекрестков. В целом дорога в удовлетворительном состоянии, присутствуют ямы и неровности, однако они не представляют значительных трудностей для проезда. Исключение составляет участок Пинск – Микашевичи, который из-за глубоких ям и трещин возможно проехать лишь на невысокой скорости.

Методы исследований. Исследования почвы придорожной полосы проводили в апреле 2019 года на участке автомагистрали М10 Гомель – Кобрин, длиной 11 км, от г. Калинковичи до

д. Малые Автюки. Исследования проводились в 3 местах: на выезде из г. Калинковичи (183 километр автомагистрали М10), в районе АЗС (179 километр) и на въезде в д. Малые Автюки (173 километр) на расстоянии 5 м, 30 м, 50 м, 100 м и 300 м от дорожного полотна. На этих расстояниях отобраны пробы почвы в трех повторностях. Масса каждого почвенного образца составила 500 г.

Химический анализ проб проводили в лаборатории ГУ «Мозырский зональный центр гигиены и эпидемиологии». Определяли агрохимические показатели: содержание гумуса в почве, кислотность почвы, содержание подвижных форм фосфора, тяжелые металлы: подвижные формы цинка и свинца. Затем выводили средние значения результатов по каждому показателю и расстоянию от автомагистрали из трех точек сбора и сопоставляли с установленными в республике ПДК (ОДК) [4]. Статистическая обработка данных выполнена в стандартном пакете Excel.

Результаты исследований и их обсуждение

Под кислотностью почвы подразумевают кислотность (pH_{KCl}), по которой почву группируют на классы: очень сильнокислая ($pH < 4,0$), сильнокислая ($pH = 4,1-4,5$), кислая ($pH = 4,5-5,0$), слабокислая ($pH = 5,0-5,5$), близкая к нейтральной ($pH = 5,5-6,0$), нейтральная ($pH = 6-7$). При $pH > 7$ почва считается щелочной [5]. Анализируя полученные данные, отмечаем, что почва с придорожной полосы автомагистрали является кислой или слабокислой (рисунок 1). При этом можно отметить постепенное понижение кислотности почвы по мере удаления от дорожного полотна.

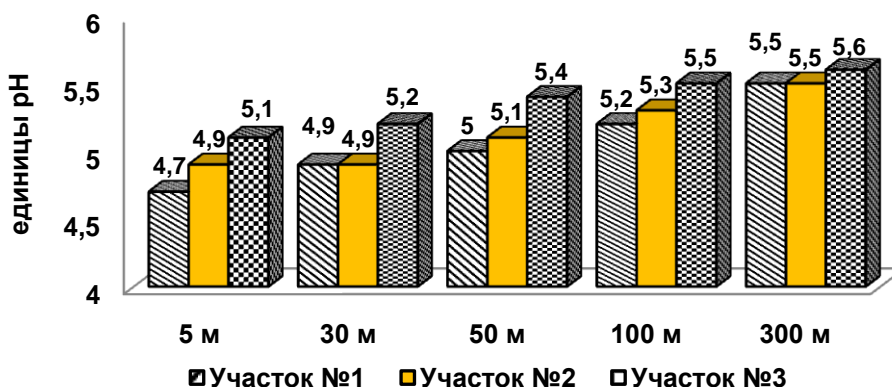


Рисунок 1. – Динамика кислотности почв придорожной полосы участка автомагистрали М10 Гомель – Кобрин в пределах 183–173 км

Высокая кислотность почвы (pH_{KCl} 4,7) отмечена на участке № 1 (выезд из г. Калинковичи) на 5-метровом расстоянии от дорожного полотна, что объясняется большим потоком автомобильного транспорта. Степень кислотности почвы в значительной мере влияет на развитие растений и их жизнеспособность. При этом резко снижается доступность растениям фосфора, кальция, магния и молибдена; подавлена азотфиксация бобовыми растениями. В песчаной почве показатель кислотности находится в пределах pH 5,5–6, для глинистой почвы – pH 6–6,5, в суглинках – pH 6,5–7 [6]. Таким образом, можно констатировать, что придорожная полоса до 100 м от автомагистрали практически непригодна для роста и развития растений.

Одним из главных признаков плодородия почвы является наличие в ней гумусовых веществ, которые обуславливают чёрную, тёмно-серую и серую окраски. Помимо вышеуказанных цветов, соединения окислов железа придают почве красноватый и бурый цвет, от присутствия закисей железа формируются голубовато-зеленоватые тона; кремнезём, углекислый кальций, каолиниты обуславливают белую и белесую окраску. Эти же тона придают почве наличие гипса и некоторых легкорастворимых солей. Содержание органического вещества, и в том числе гумуса, в пахотном слое разных почв сильно колеблется. Наиболее высоким содержанием органического вещества отличается верхний слой почвы (0–20 см). Первичными источниками органики почвы и биосферы являются автотрофы – организмы, способные к самостоятельному синтезу органического вещества из минеральных соединений. При содержании гумуса 10–15 % почва считается высокогумусной, очень плодородной, при содержании гумуса 7–10 % – гумусной, плодородной, при содержании гумуса 4–7 % – среднегумусной, среднеплодородной, при содержании гумуса 2–4 % – малогумусной, среднеплодородной, при содержании гумуса 1–2 % – малогумусной, малоплодородной [7], [8]. Содержание гумуса в почве придорожной полосы участка автомагистрали М10 Гомель – Кобрин в пределах 183–173 км представлено на рисунке 2.

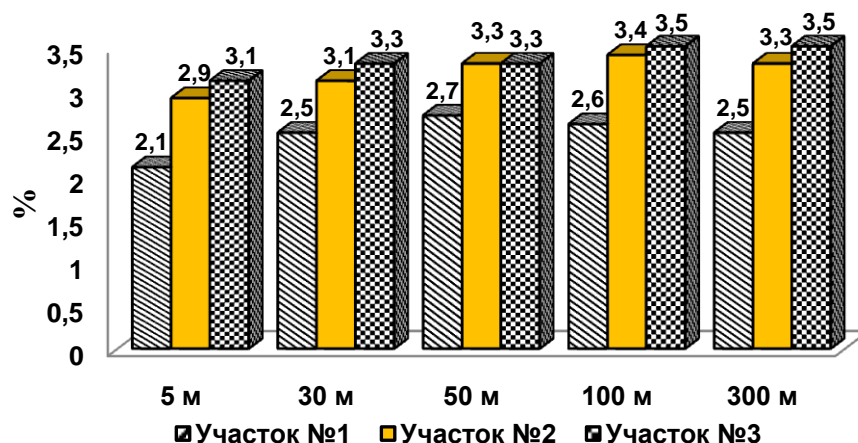


Рисунок 2. – Содержание гумуса в почве придорожной полосы участка автомагистрали М10 Гомель – Кобрин в пределах 183–173 км

Анализ результатов показал, что почва придорожной полосы автодороги М10 в пределах въезда из г. Калинковичи – д. Малые Автюки является малогумусной. Наименьшее содержание гумуса в почве (2,1–2,7 %) отмечено на участке № 1 (въезд из г. Калинковичи). На въезде в д. Малые Автюки содержание гумуса в почве увеличивается на 40–47 %. Стоит отметить, что на всех исследованных участках даже на удалении от автомагистрали на 300 м почва остается малогумусной.

Фосфор играет исключительно важную роль в жизни растений. Большинство процессов обмена веществ осуществляется только при его участии. Он практически всегда находится во втором минимуме (после азота). Общее содержание фосфора в почвах варьирует от 0,01 до 0,3 % и зависит, прежде всего, от минералогического состава материнских пород. Кроме того, больше фосфора содержат богатые гумусом почвы (в гумусе 1–2 % P_2O_5). Таким образом, минимальное содержание фосфора в дерново-подзолистых песчаных, максимальное – в чернозёмных почвах [9]. Жизнедеятельность растений вызывает биологическую аккумуляцию фосфора в верхних горизонтах почв. Судить о наличии доступного растениям фосфора в почве можно по методу Кирсанова: менее 25 мг/кг почвы – очень низкое содержание подвижного фосфора, 26–50 мг/кг – низкое, 51–100 мг/кг – среднее, 101–150 мг/кг – повышенное, 151–250 мг/кг – высокое, более 250 мг/кг почвы – очень высокое [10], [11].

Анализируя полученные данные, отмечаем, что по степени содержания подвижного фосфора почва с придорожных участков автомагистрали от г. Калинковичи до д. Малые Автюки варьирует от средней степени до высокой (рисунок 3). Отмечаем постепенное увеличение содержания подвижного фосфора в почве по мере удаления от дороги. Наименьшее содержание подвижных форм фосфора отмечено на участке № 1 (въезд из г. Калинковичи), что соответствует средней степени обеспеченности подвижного фосфора в почве. Высокой степени обеспеченности подвижных форм фосфора соответствует почва придорожной полосы на въезде в д. Малые Автюки. Такие различия в полученных результатах можно объяснить степенью нагрузки автотранспорта на автомагистраль М10 (участок дороги на въезде из г. Калинковичи испытывает максимальную нагрузку относительно других исследованных участков).

Загрязнение почв тяжелыми металлами происходит главным образом двумя путями: через атмосферу и с опавшими листьями (за счет накопления листьями металлов). Часть металлов закрепляется в почвах, часть переходит в состав почвенных растворов и в грунтовые воды. Миграция загрязняющих веществ в почвах зависит от механического состава почвообразующих пород, физико-химических свойств почвенных растворов и геохимических особенностей самих мигрантов. Обогащенные металлами фильтрующиеся осадки – источник загрязнения грунтовых вод и растительности [12]. Концентрация подвижной формы цинка в почве придорожной полосы участка автомагистрали М10 Гомель – Кобрин в пределах 183–173 км приведена на рисунке 4.

Концентрация подвижной формы цинка в почве придорожной полосы не превысила ПДК на всех исследованных участках (при $p < 0,05$). Максимальное содержание подвижной формы цинка в почве наблюдалось на расстоянии 5 метров от дорожного полотна, причем самые высокие показатели отмечены на участке № 1 (въезд из г. Калинковичи). По мере удаления от автомагистрали содержание подвижной формы цинка в почве значительно снижается. Цинк поступает в придорожное

пространство в результате истирания различных деталей, эрозии оцинкованных поверхностей, износа шин, за счет использования в маслах присадок, содержащих этот металл.

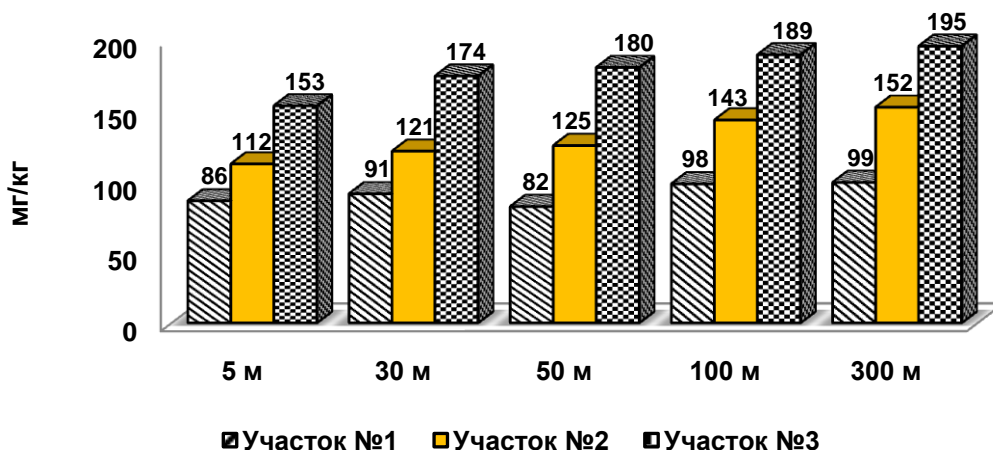


Рисунок 3. – Содержание подвижного фосфора в почве придорожной полосы участка автомагистрали М10 Гомель – Кобрин в пределах 183–173 км

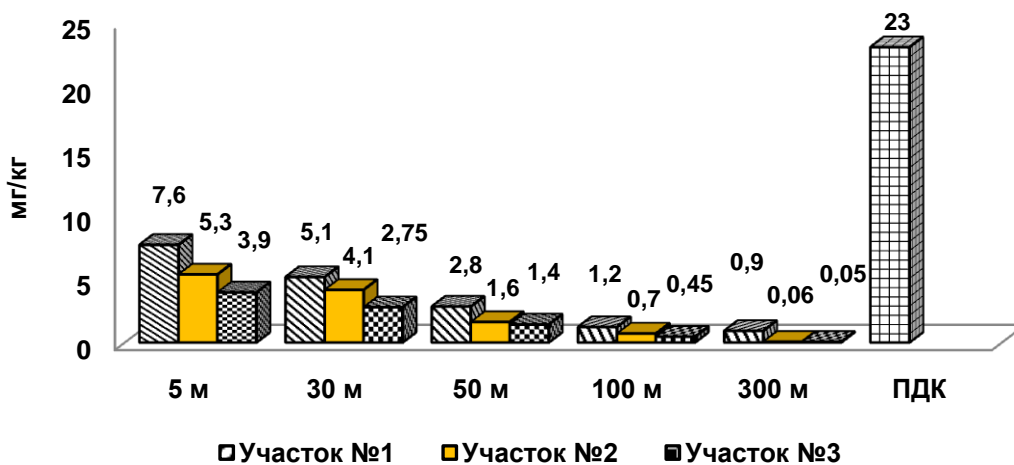


Рисунок 4. – Концентрация подвижной формы цинка в почве придорожной полосы участка автомагистрали М10 Гомель – Кобрин в пределах 183–173 км

Одним из наиболее токсичных загрязнителей окружающей среды, связанных с выбросами автотранспорта, является свинец и его соединения. В бензин в качестве антидетонационной присадки вводят тетраэтилсвинец. Поэтому свинец и его соединения попадают в атмосферу при использовании этилированного бензина: при сжигании 1 л указанного бензина в воздух поступает 0,2–0,4 г свинца. В результате сжигания жидкого топлива в воздух ежегодно выбрасывается, по разным оценкам, от 180 тыс. т до 260 тыс. т, что в 60–130 раз превышает поступление свинца в атмосферу при вулканических извержениях [3]. Результаты показали, что превышение предельно допустимой концентрации подвижной формы свинца в почве придорожной полосы участка автомагистрали М10 наблюдалось на 5-метровом расстоянии от дорожного полотна на участке № 1 (при $p < 0,05$). Оно составило 8 %, что объяснимо высокой транспортной нагрузкой на автомагистраль на выезде из г. Калинковичи. По мере удаления от автомагистрали содержание подвижной формы свинца снижается в 13–50 раз (рисунок 5).

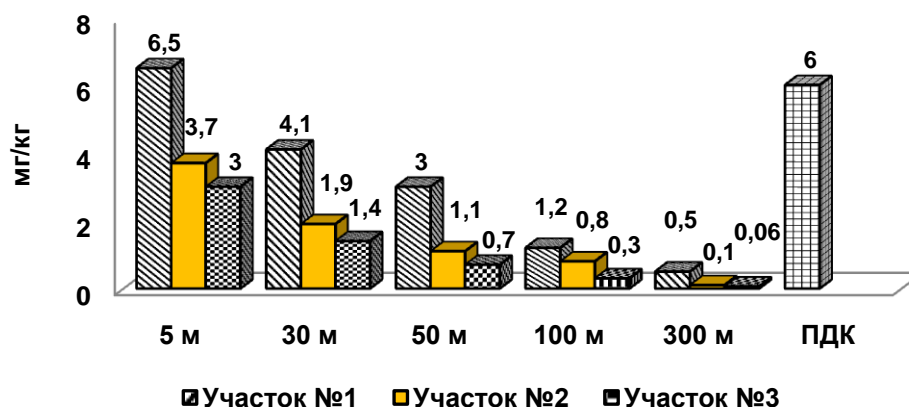


Рисунок 5. – Концентрация подвижной формы свинца в почве придорожной полосы участка автомагистрали М10 Гомель – Кобрин в пределах 183–173 км

Таким образом, результаты исследований показывают, что автомобильный транспорт существенным образом влияет на загрязнение окружающей среды. На выезде из г. Калинковичи отмечена высокая кислотность почвы (4,7 единиц рН), что объясняется большим потоком автомобильного транспорта. Почва придорожной полосы автомагистрали М10 в пределах 183–173 км является малогумусной. Наименьшее содержание гумуса в почве (2,1–2,7%) отмечено при выезде из г. Калинковичи. Наблюдалось превышение на 8% предельно допустимой концентрации подвижной формы свинца в почве придорожной полосы участка автомагистрали М10 на 5-метровом расстоянии от дорожного полотна на участке №1 (выезд из г. Калинковичи). Полученные данные послужат основой дальнейшего изучения взаимосвязи почвенного покрова и растительности, произрастающей в придорожной полосе транспортной магистрали.

Выводы

Результаты исследований показали, что автомобильный транспорт существенным образом влияет на загрязнение окружающей среды. На выезде из г. Калинковичи отмечена высокая кислотность почвы (pH_{KCl} 4,7) и низкое содержание гумуса в ней, что объясняется большим потоком автомобильного транспорта. Наблюдалось достоверное превышение предельно допустимой концентрации подвижной формы свинца в почве придорожной полосы участка №1 (183 километр автомагистрали М10) на 5-метровом расстоянии от дорожного полотна. Эти данные послужат основой дальнейшего изучения взаимосвязи почвенного покрова и растительности, произрастающей в придорожной полосе транспортной магистрали.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шилкова, О. С. Загрязнение придорожной полосы тяжелыми металлами / О. С. Шилкова, А. В. Джанянц, В. И. Сарбаев // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2000. – № 2. – С. 126–129.
2. Шорина, Т. С. Влияние автомобильного транспорта на свойства почв придорожных территорий города Оренбурга / Т. С. Шорина, А. В. Попов, Б. С. Укенов // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2013. – № 6 (155). – С. 134–137.
3. Кузьмин, С. И. Оценка экологического состояния почв в придорожных полосах автомагистралей (на примере Минской области) / С. И. Кузьмин, В. М. Феденя, А. В. Рудь // Современные проблемы геохимии, геологии и поисков месторождений полезных ископаемых: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. К. И. Лукашова, г. Минск, 14–16 марта 2007 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О. В. Лукашев (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2007. – С. 127–128.
4. Гигиенические нормативы 2.1.7.12-1-2004 «Перечень предельно допустимых концентраций (ПДК) и ориентировочно допустимых концентраций (ОДК) химических веществ в почве»: Постановление № 28. – Введ. 01.09.2004. – Минск: М-во здравоохранения Респ. Беларусь, 2004. – 10 с.

5. Кислотность почвы [Электронный ресурс] / Сельское хозяйство. Агрохимия – Режим доступа: <https://UniversityAgro.ru>. – Дата доступа: 02.01.2020.

6. Фадеева, А. А. Влияние кислотности почв на рост растений [Электронный ресурс] / А. А. Фадеева // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования : сб. ст. по мат. XXXV междунар. студ. науч.-практ. конф. № 24 (35). – 2017. – Режим доступа: [https://sibac.info/archive/meghdis/24\(35\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/24(35).pdf). – Дата доступа: 16.10.2019.

7. Органическое вещество почвы [Электронный ресурс] / География. – Режим доступа: <https://biofile.ru.8060html>. – Дата доступа: 16.12.2019.

8. Когут, Б. М. Оценка содержания гумуса в пахотных почвах России / Б. М. Когут // Почвоведение. – 2012. – № 9. – С. 944–952.

9. Фосфор, физиологическая роль, поступление и передвижение по растению. Минеральное питание растений, удобрения в сельско-хозяйственном производстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kaaabaparts.ru.fosfor...rol...peredvizhenie...rasteniya.html>. – Дата доступа: 16.12.2019.

10. Границы интервальных группировок агрохимических показателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prk-kaluga>. – Дата доступа: 16.12.2019.

11. Рудой, Н. Г. Оценка обеспеченности растений фосфором на серых лесных и дерново-подзолистых почвах / Н. Г. Рудой, А. А. Крючков, В. С. Борцов // Вестн. Красноярск. гос. аграр. ун-та. – 2006. – № 10. – С. 88–91.

12. Петрова, Е. Е. Загрязнение почв вблизи автомагистралей кадмием и цинком и их биологическое поглощение яровой пшеницей (в условиях Алейского района Алтайского края) / Е. Е. Петрова, Е. В. Райхерт // Изв. Алтайск. гос. ун-та. – 2013. – № 3 (79). – С. 44–48.

Поступила в редакцию 14.01.2020

E-mail: bea5555@yandex.by

Е. А. Bodyakovskaya, О. А. Maluk

SOIL CONTAMINATION IN THE HIGHWAY AREA

The results of the research of the agrochemical measurements of the soil made on the bank of the highway M-10 in the area of 183-173 km are shown in the article. There are also results of the measurements of the density of the heavy metals contained in the soil. The maximal acidity of the soil has been measured in the area of exit road from Kalinkowichi in the width of 5m. from the road (pH_{KCl} 4,7). The rates of the indices depend on the heavy traffic in that area. The soil in the area between 183-173 km of the highway M-10 has little humus. The least content of humus in the soil (2,1-2,5 %) is being measured in the exit area of Kalinkowichi. The allowed minimum of lead in the soil is outrun by 8 % in the same area.

Keywords: soil, highway M-10, contents of humus in the soil, acidity of the soil, contents of phosphorus, lead and zink.

УДК 577.212

М. М. Воробьева², Н. В. Воронова², Е. А. Абакумова³, К. В. Аргер⁴

¹Кандидат биологических наук, доцент кафедры биолого-химического образования, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры зоологии,

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

³Студентка биологического факультета, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

⁴Студентка технолого-биологического факультета, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

ПОЛИМОРФИЗМ РИСУНКОВ ПЕРЕДНЕСПИНКИ, ТЕМЕНИ, ЭЛИТР И ФЕНОТИПИЧЕСКОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ РЕЗИСТЕНТНОСТИ В ПОПУЛЯЦИЯХ *LEPTINOTARSA DECEMLINEATA* SAY ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ

Популяции *Leptinotarsa decemlineata* Say, 1824 южных регионов Беларуси характеризуются внутривидовым фенотипическим полиморфизмом. Анализ фенотипической структуры популяций показал, что пространственно разобщенные популяции *L. decemlineata* из Брестской и Гомельской областей обладают сходством рисунка центральной части переднеспинки, элитры и темени. Статистически значимых различий по частотам анализируемых фенотипов при сравнении выборок *L. decemlineata* из разных областей не выявлено.

Имаго *L. decemlineata*, коллектированные в Гомельской области, в лабораторных условиях демонстрируют устойчивость к инсектицидам. Отмечена связь между устойчивостью *L. decemlineata* к инсектицидам и частотой встречаемости определенных морф. Высокий уровень резистентности к инсектицидам в лабораторных условиях демонстрируют морфы № 3 и № 6.

Ключевые слова: *Leptinotarsa decemlineata*, фенотипический полиморфизм, переднеспинка, элитры, темя, резистентность, неоникотиноиды.

Введение

Колорадский жук (*Leptinotarsa decemlineata* Say, 1824) – основной вредитель картофеля, имеющий повсеместное распространение [1]. В Беларуси *L. decemlineata* принадлежит к числу экономически значимых вредителей, поскольку при высокой численности фитофага отмечено снижение урожая (30–50 %, а иногда и полное уничтожение посевов), уменьшение размеров клубней, содержание в них крахмала и белка. Насекомые также переносят вирион ветереновидности клубней, X-вирус и возбудителей рака картофеля [1], [2].

Согласно литературным данным, более благоприятными по климатическим условиям для развития и размножения колорадского жука являются южные районы Беларуси, к числу которых принадлежат Гомельская и Брестская области. В данных регионах в жаркие и сухие годы отмечают два поколения колорадских жуков, то есть на растениях практически весь вегетационный период встречаются все стадии развития вредителя: перезимовавшие жуки, яйцекладки, личинки всех возрастов и молодые жуки, что обуславливает наибольшую их вредоносность и значительно затрудняет борьбу с ними [2]. Кроме того, особенностью *L. decemlineata*, во многом определяющей его значение как вредителя, является высокая экологическая пластичность, которая и позволяет быстро и эффективно адаптироваться к изменениям условий окружающей среды. Широкий адаптивный потенциал обусловлен высокой морфологической, генетической и биохимической вариабельностью вида, лежащей в основе микроэволюционных преобразований. В процессе становления вида осуществлялся селективный отбор генотипов, характеризующихся широкими пределами индивидуальных норм реакции, что сыграло ключевую роль в расширении ареала и спектра кормовых растений, а также в формировании устойчивости к инсектицидам различных классов [3]–[6]. По этим причинам *L. decemlineata* является универсальной моделью для изучения внутривидового фенотипического полиморфизма, а также устойчивости конкретных морф к инсектицидам.

Цель работы – изучить вариабельность рисунка покровов тела (фены темени, переднеспинки и элитр) имаго *L. decemlineata*, коллектированных на территории Брестской и Гомельской областей, а также оценить устойчивость разных морф к препаратам из группы неоникотиноидов в лабораторных условиях.

Методы исследования

Имаго *L. decemlineata* коллектированы в Гомельской (г. Мозырь, г. п. Петриков, г. Ельск, г. Калинковичи, г. Речица) и Брестской областях (г. Иваново, г. Пинск, г. Лунинец, г. п. Парахонск, г. Микашевичи) Республики Беларусь в 2018–2019 гг. Сбор материала проводился вручную с посадок картофеля по диагональной линии участка через каждые 10–15 метров, по 2 экземпляра имаго с куста.

Для анализа фенотипического полиморфизма в популяциях *L. decemlineata* использовали фены центральной части переднеспинки, темени и элитр (рисунок 1) [3]. Статистический анализ полученных данных провели методом непараметрической статистики (критерий Стьюдента) в программе STATISTICA 8.0. Достоверными считали различия при $p \leq 0,01$.

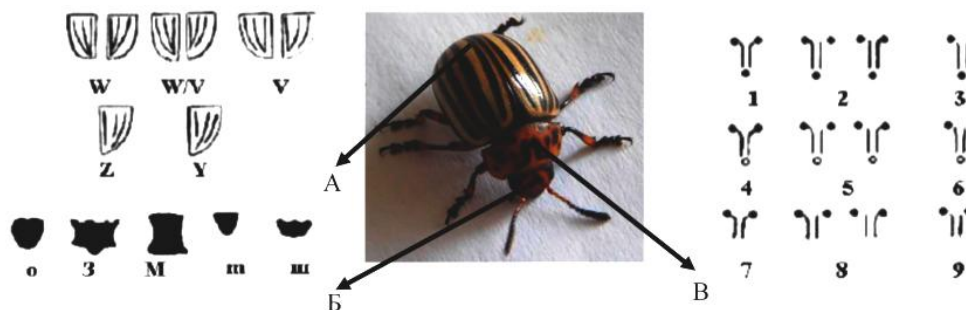


Рисунок 1. – Фены рисунка надкрылий (А), темени (Б) и переднеспинки (В) имаго колорадского жука

Для оценки резистентности колорадского жука к инсектицидам провели мониторинг его чувствительности к препаратам «Имидор» (производитель АО «Щелково Агрохим», РФ, действующее вещество имидаклоприд) и «Актара» (производитель ООО «Сингента», Швейцария, действующее вещество тиаметоксам), относящихся к группе неоникотиноидов контактно-кишечного и системного действия. Эксперимент проводили в чашках Петри, дно которых выстлано фильтровальной бумагой, смоченной несколькими каплями воды для поддержания влажности. В каждую чашку помещали фрагмент листа картофеля, предварительно выдержанный (10 мин) в растворе инсектицида (для опытных образцов) или воды (для контрольных образцов) и по 5 особей имаго колорадского жука. Подбор дозы инсектицида проводили экспериментально, основываясь на концентрациях, предложенных производителем. В частности, для инсектицида «Имидор, ВРК» концентрация составила 0,08 г/л, при двукратном увеличении – 0,16 г/л, а при четырехкратном увеличении – 0,32 г/л. Для инсектицида «Актара, КС» концентрация составила 0,03 г/л, при двукратном увеличении – 0,06 г/л, а при четырехкратном увеличении – 0,12 г/л. Учет выживших/погибших особей проводили через 1, 3, 6, 20 ч после кишечного контакта насекомого с инсектицидом.

Суммарная выборка протестированных жуков в экспериментах (включая контрольные группы) составила 2880 особей, в частности 1170 особей подвергались обработке инсектицидом «Имидор» и 990 – «Актара». Для подбора концентраций использовали выборку в 500 имаго, из них 125 составили контрольную группу.

Расчет смертности в опытных вариантах (С) проводили по формуле Аббота (Abbott 1925):

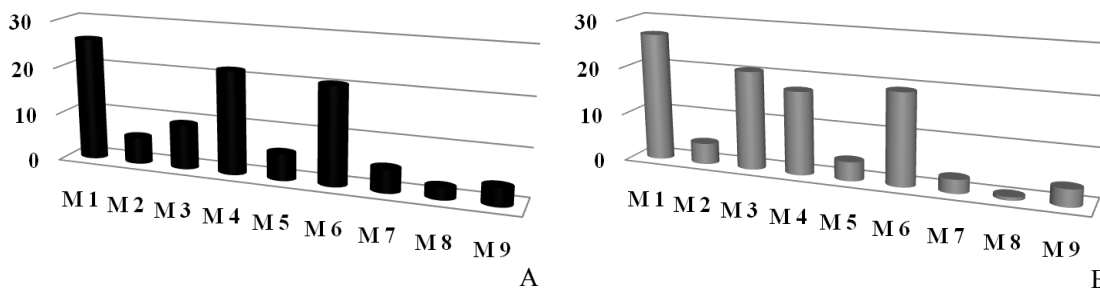
$$C = (A - B) / A \times 100,$$

где А – общее число особей в опытной группе, В – число выживших особей [7].

Оценку устойчивости провели методом анализа выживаемости в программе STATISTICA 8.0.

Результаты исследования и их обсуждение

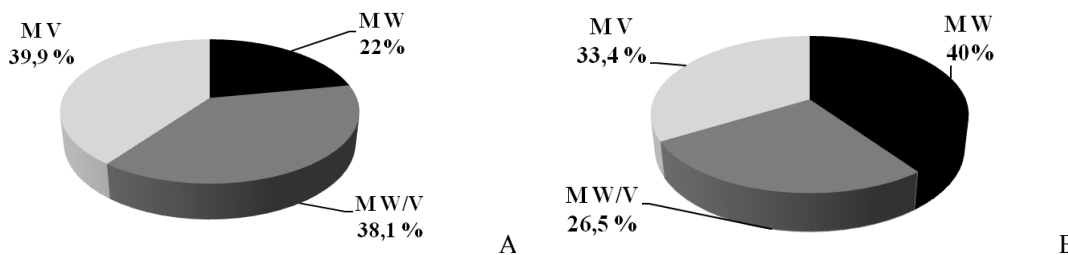
На основе частоты встречаемости вариаций фена рисунка центральной части переднеспинки у колорадских жуков, коллектированных в Гомельской и Брестской областях, методами фенетики выделено 9 морф. В популяциях *L. decemlineata*, коллектированных в Брестской области, встречаются все описанные Фасулати феноформы переднеспинки (рисунок 1В). Наиболее представлены феноформа № 1 (25,9 %), № 4 (21,7 %) и № 6 (20,6 %), меньше – феноформа № 8 (2,4 %) и № 9 (3,4 %) (рисунок 2А). Изучение фенотипической структуры популяций колорадского жука Гомельской области позволило констатировать также 9 феноформ центральной части рисунка переднеспинки. В данной популяции преобладали феноформы № 1 (26,9 %), № 3 (20,3 %), № 6 (19,3 %) и № 4 (17,5 %), а редкими оказались № 8 (0,7 %), № 7 (2,9 %) и № 9 (3,5 %) (рисунок 2Б).



М 1 – морфа № 1; М 2 – морфа № 2; М 3 – морфа № 3; М 4 – морфа № 4;
 М 5 – морфа № 5; М 6 – морфа № 6; М 7 – морфа № 7; М 8 – морфа № 8; М 9 – морфа № 9

Рисунок 2. – Диаграмма, отражающая частоту встречаемости вариаций рисунка переднеспинки в популяциях *Leptinotarsa decemlineata* Брестской (А) и Гомельской (Б) областей

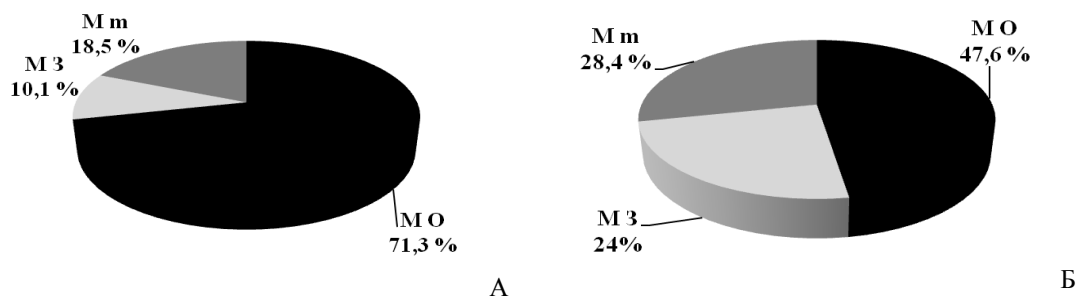
Фенотипический полиморфизм также отмечен в рисунках элитр (рисунок 1А) имаго колорадского жука. В популяциях из Брестской и Гомельской областей обнаружено присутствие трех фенотипов (V, W/V и W) из пяти, описанных М. Б. Удаловым. Оказалось, что фены V (39,9 %) и W/V (38,1 %) преобладают в популяциях жуков из Брестской области, а фен W (40 %) – в популяциях жуков из Гомельской области. Фены Z и Y не были отмечены в популяциях колорадского жука, коллектированных как в Брестской, так и в Гомельской областях (рисунок 3).



М V – морфа V; М W/V – морфа W/V; М W – морфа W

Рисунок 3. – Диаграмма, отражающая частоту встречаемости вариаций рисунка элитр в популяциях *Leptinotarsa decemlineata* Брестской (А) и Гомельской (Б) областей

При изучении вариаций рисунка темени (рисунок 1) в популяциях колорадских жуков из Брестской области обнаружено присутствие трех фенотипов o, 3 и m, при этом отмечается резкое преобладание фена o (73,1 %), в то время как фены m (18,5 %) и 3 (10,1 %) являются редкими. Анализ полиморфизма рисунка темени в популяциях колорадских жуков из Гомельской области показал, что более представленным в данной популяции является также фен o (47,6 %), несколько реже встречаются фены m (28,4 %) и 3 (24 %). Фены M и ш не были зарегистрированы в популяциях колорадского жука, коллектированных как в Брестской, так и в Гомельской областях (рисунок 4).



M m – морфа М; М 3 – морфа 3; М О – морфа О

Рисунок 4. – Диаграмма, отражающая частоту встречаемости вариаций рисунка темени в популяциях *Leptinotarsa decemlineata* Брестской (А) и Гомельской (Б) областей

Сравнительный анализ фенотипической структуры исследуемых популяций колорадского жука показал, что пространственно разобщенные популяции *L. decemlineata* из Брестской и Гомельской областей характеризуются сходством рисунка центральной части переднеспинки, надкрылий и темени. Статистически значимых различий при сравнении выборок из разных областей по частотам анализируемых фенотипов отмечено не было.

На сегодняшний день в Беларуси единственным действенным способом контроля численности и распространения колорадского жука остается применение инсектицидов, однако в литературе [8] появились сведения о формировании резистентности в популяциях *L. decemlineata* к инсектицидам из классов фосфорорганических соединений, карбаматов, пиретроидов, нереистоксина и неоникотиноидов, а также об устойчивости конкретных морф колорадского жука к инсектицидам. Мы провели серию экспериментов по изучению устойчивости имаго колорадского жука, коллектированных в Гомельской области (для постановки эксперимента использовали имаго колорадского жука только из Гомельской области, поскольку одинаковые морфы были отмечены как в Брестской, так и Гомельской областях), к инсектицидам из класса неоникотиноидов.

Подбор доз с различной летальностью провели в серии разведений и учитывали результаты в соответствии с той же временной схемой, т. е. через 1, 3, 6 и 20 ч с начала питания жуков. При сравнении полученных результатов оказалось, что в обоих случаях дозировки веществ, рекомендуемые производителями, были значительно ниже как летальной (LD_{95}), так и полублетальной дозы (LD_{50}) для тестируемых жуков (рисунки 5 и 6), причем смертность в контрольной группе во всех случаях была равна нулю.

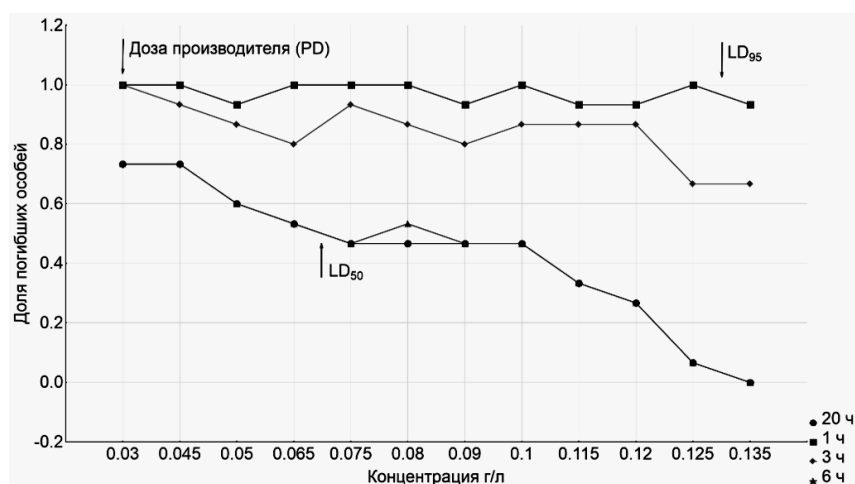


Рисунок 5. – Смертность имаго *Leptinotarsa decemlineata* при действии различных концентраций тиаметоксама (препарат «Актара»)

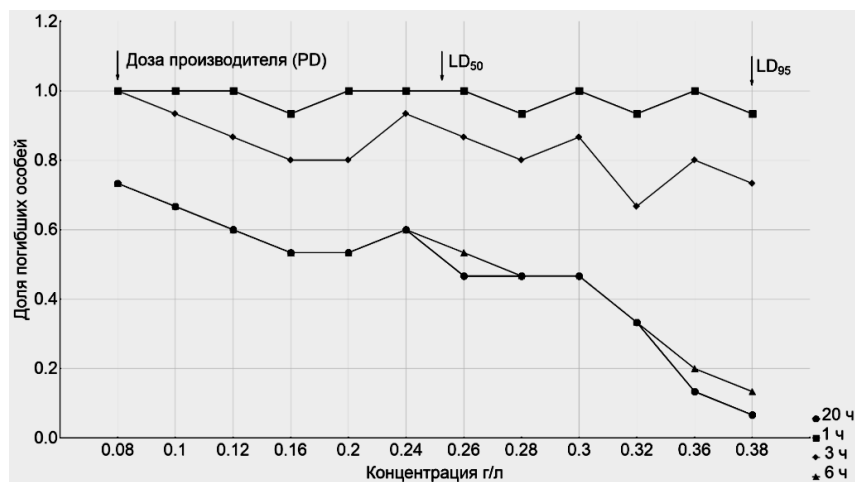


Рисунок 6. – Смертность имаго *Leptinotarsa decemlineata* при действии различных концентраций имидаклоприда (препарат «Имидор»)

Следует отметить, что через 1 ч воздействия ни одна из используемых концентраций тиаметоксама и имидаклоприда не привела к сколько-либо выраженной смертности жуков. Незначимые различия в летальности в зависимости от используемых доз (на уровне тенденций) наблюдались, начиная с 3-го часа воздействия, и только на 6-й час учета в экспериментах с обоими препаратами проявилась выраженная динамика роста смертности при увеличении концентрации инсектицида. LD₅₀ для исследуемой популяции жуков составила 0,07 г/л при воздействии тиаметоксама и 0,255 г/л при действии имидаклоприда. LD₉₅ была рассчитана как 0,13 и 0,38 г/л для тиаметоксама и имидаклоприда, соответственно.

Расчет эффективности двух инсектицидов из группы неоникотиноидов (расчет смертности) провели по результатам экспериментов, в которых использовали дозу препаратов, рекомендованную производителем. Поскольку смертность жуков в контрольных чашках Петри была равна нулю, расчет смертности приводили без учета данных в контрольной группе. При использовании препарата «Актара, КС» в концентрации 0,03 г/л после 20 ч воздействия выжило 76,67 % жуков (эффективность препарата в указанной концентрации 23,33 г/л). При использовании препарата «Имидор, ВРК» в концентрации 0,08 г/л в аналогичных условиях выжило 74,62 % жуков (эффективность препарата в указанной концентрации 25,38 г/л).

Анализ выживаемости по методу Каплана-Мейера показал, что максимальная смертность жуков в опытных группах приходилась на третий час учета, причем убыль жуков продолжалась до 6-го часа учета, после чего количество нецензурируемых (однозначных) наблюдений приближалось к нулю при использовании обоих препаратов из группы неоникотиноидов (рисунки 7 и 8).

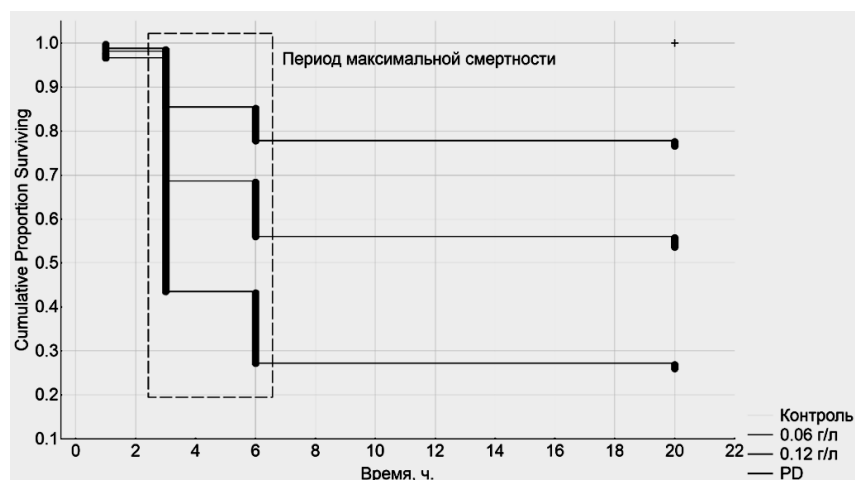


Рисунок 7. – Выживаемость имаго *Leptinotarsa decemlineata* при действии тиаметоксама (Актара)

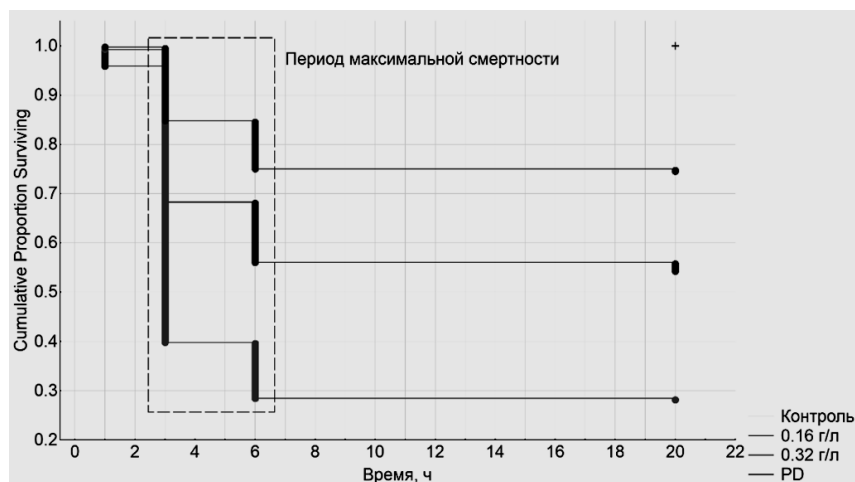


Рисунок 8. – Выживаемость имаго *Leptinotarsa decemlineata* при действии имидаклоприда (Имидор)

Интересно, что при использовании всех трех концентраций инсектицида, включая концентрацию, близкую к LD_{95} , имаго *L. decemlineata*, выжившие через 6 ч после начала эксперимента, не погибли даже при продолжении питания на листьях картофеля, прошедших разовую обработку в течение по меньшей мере 20 ч.

Кроме того, нами установлено, что существует связь между устойчивостью колорадского жука к современным инсектицидам и особенностями окраски их покровов тела (частотой встречаемости определенных морф). Среди анализируемых популяций колорадского жука высокий уровень резистентности к препаратам демонстрировали морфы № 3 и № 6, поскольку именно эти морфы через сутки после контакта с инсектицидом показали высокий процент выживаемости. Морфы № 1 и № 4 погибли в течение 6 ч и лишь единичные особи (только морфы № 1) доживали до окончания эксперимента.

Выводы

Популяции имаго *L. decemlineata*, коллектированные в Брестской и Гомельской областях, характеризуются внутривидовым фенотипическим полиморфизмом рисунка переднеспинки, темени и элитр. В популяциях имаго *L. decemlineata* из Брестской области наиболее представленными формами рисунка центральной части переднеспинки оказались морфы № 1, 4 и 6; рисунка надкрылий – фены V и W/V; рисунка темени – фен о, в то время как в популяциях колорадского жука, коллектированных в Гомельской области, преобладали формы № 1, 3, 6 и 4 (рисунок центральной части переднеспинки); фен W (рисунок надкрылий); фен о (рисунок темени). Достоверных различий фенотипической структуры популяций *L. decemlineata* из Брестской и Гомельской областей по анализируемым рисункам выявлено не было.

Имаго *L. decemlineata*, коллектированные в Гомельской области, в лабораторных условиях демонстрируют большую чувствительность к тиаметоксаму, чем к имидаклоприду, учитывая абсолютную концентрацию вещества. При воздействии различных доз указанных веществ максимальная смертность *L. decemlineata* наблюдалась через 6 ч с момента начала питания, причем особи, не погибшие в течение первых 6 ч, выживали на всем протяжении эксперимента. Кроме того, нами отмечена связь между устойчивостью *L. decemlineata* к инсектицидам и частотой встречаемости определенных морф, в частности, высокий уровень резистентности к препаратам «Актара» и «Имидор» демонстрировали морфы № 3 и № 6.

Исследования выполнены при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Б18АРМГ-002).

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Интегрированные системы защиты сельскохозяйственных культур от вредителей, болезней и сорняков : рекомендации / Нац. акад. наук Респ. Беларусь ; Ин-т защиты растений НАН Беларуси ; под ред. С. В. Сороки. – Минск : Бел. наука, 2005. – С. 230–231.
2. Постановление Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь № 29 от 17.10.2016 г. внесены в «Перечень особо опасных вредителей, болезней растений и сорняков» [Электронный ресурс] / Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. – Минск, 2016. – Режим доступа: http://www.ggiskzr.by/doc/.../osobo_opasnye_vred_17_10_16.doc/. – Дата доступа: 15.10.2019.
3. Изучение фенотипического полиморфизма в популяциях колорадского жука (*Leptinotarsa decemlineata* Say) Лыговского и Рыльского районов Курской области / Л. А. Бабкина [и др.] // Auditorium. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2016. – № 4 (12). – С. 10–16.
4. Луполова, Т. А. Фенотипический полиморфизм колорадского жука (*Leptinotarsa decemlineata* Say) / Т. А. Луполова, В. Т. Петку, С. С. Скоробогатая // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2019. – № 1(53). – С. 34–42.
5. Landscape genomics of Colorado potato beetle provides evidence of polygenic adaptation to insecticides / M. S. Crossley [et al.] // Molecular Ecology. – 2017. – Vol. 26 (22). – P. 1–17.
6. A model species for agricultural pest genomics: the genome of the Colorado potato beetle, *Leptinotarsa decemlineata* (Coleoptera: Chrysomelidae) / S. D. Schoville [et al.] // Scientific Reports. – 2018. – Vol. 8(1). – P. 1–19.
7. Abbott, W. S. A method of computing the effectiveness of an insecticide / W. S. Abbott // Econ. Entomol. – 1925. – N. 18. – P. 265–267.
8. Положение с резистентностью колорадского жука *Leptinotarsa decemlineata* Say (Coleoptera, Chrysomelidae) к инсектицидам в разных зонах картофелеводства России / Г. И. Сухорученко [и др.] // Вестник защиты растений. – 2010. – № 3. – С. 30–38.

Поступила в редакцию 21.11.2019

E-mail: masch.89@mail.ru; nvoronova@gmail.ru;
helen.a.2013@mail.ru; argerkarina@gmail.com

M. M. Varabyova, N. V. Voronova, A. A. Abakumava, K. V. Arher

POLYMORPHISM OF PATTERN OF THE CENTRAL PART OF THE PRONOTUM, ELYTRA AND CROWN AND THE PHENOTYPIC MANIFESTATION OF RESISTANCE IN LEPTINOTARSA DECEMLINEATA SAY POPULATIONS OF THE SOUTHERN REGIONS OF BELARUS

The populations of *Leptinotarsa decemlineata* Say, 1824 of the Southern regions of Belarus are characterized by the intraspecific phenotypic polymorphism. An analysis of the phenotypic structure of populations showed that spatially separated populations of *L. decemlineata* from the Brest and Gomel regions have the similar pattern on the central part of the pronotum, elytra, and crown. There were no statistically significant differences in the frequencies of the analyzed phenes when comparing samples of *L. decemlineata* from different regions.

The adults of *L. decemlineata*, collected in the Gomel region, demonstrate resistance to insecticides under the laboratory conditions. A connection was noted between the resistance of *L. decemlineata* to insecticides and the frequency of occurrence of certain morphs. The high level of resistance to insecticides under the laboratory conditions is shown by morphs No. 3 and No. 6.

Keywords: *Leptinotarsa decemlineata*, phenotypic polymorphism, pronotum, elytra, crown, resistance, neonicotinoids.

УДК [575.2+ 575.8]:597.5

В. И. Головенчик¹, Е. С. Гайдученко², В. К. Ризевский³, Т. П. Липинская⁴¹Младший научный сотрудник лаборатории ихтиологии, ГНПО «Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по биоресурсам» г. Минск, Республика Беларусь²Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории ихтиологии, ГНПО «Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по биоресурсам», г. Минск, Республика Беларусь³Кандидат биологических наук, заведующий лабораторией ихтиологии, ГНПО «Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по биоресурсам», г. Минск, Республика Беларусь⁴Кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гидробиологии, ГНПО «Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по биоресурсам», г. Минск, Республика Беларусь

**ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОЛИМОРФИЗМ ПОПУЛЯЦИИ
БЫЧКА-ПЕСОЧНИКА (*NEOGOBIOUS FLUVIATILIS* (PALLAS, 1814))
В ВОДНЫХ ОБЪЕКТАХ БЕЛАРУСИ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЕЙ ГЕНА COI**

*В последние десятилетия наблюдается активное заселение чужеродными видами рыб водных экосистем. Реки Беларуси – Припять, Пина, Мухавец и Западный Буг – принадлежат Центральному Европейскому инвазионному коридору, который связывает бассейны Черного и Балтийского морей и играет важную роль в распространении чужеродных гидробионтов из Понто-Каспийского региона. В статье представлены данные о генетической вариативности популяций бычка-песочника (*Neogobius fluviatilis* (Pallas, 1814)) в водных объектах Беларуси и других стран, полученные на основании анализа гена COI 40 образцов данного вида. Показан низкий уровень генетической вариативности в инвазионных ареалах, по сравнению с нативными. В Центральном инвазионном коридоре выше Киевского водохранилища обнаружено только два гаплотипа, которые больше нигде найдены не были.*

Ключевые слова: бычок-песочник, *Neogobius fluviatilis*, *Gobiidae*, COI, цитохром оксидаза, инвазивные виды.

Введение

Бычок-песочник (*Neogobius fluviatilis* (Pallas, 1814)) – представитель семейства *Gobiidae*, естественный ареал которого включает пресные и солоноватые воды Чёрного и Мраморного морей [1]. Впервые на территории Беларуси данный вид был зарегистрирован в р. Днепр еще в 30-х годах XX-го века [2], а к настоящему моменту достиг бассейна Балтийского моря [3]. В реке Днепр и Вилейском водохранилище бычок-песочник является одним из самых встречаемых видов, а также следует отметить, что на реках Вилия и Свислочь наблюдается тенденция замещения аборигенного вида окуня бычком-песочником [4]. На некоторых участках р. Припять бычок-песочник входит в группу доминантных видов [4], [5]. Помимо достаточно высокой численности наблюдается проблема конкуренции за ресурсы, так как бычок-песочник имеет сходную кормовую базу с аборигенными видами рыб (ерш, пескарь) и в местах совместного обитания данный чужеродный вид активно вытесняет пескаря [6].

Еще одной важной проблемой, которую несут с собой чужеродные виды, в т. ч. бычок-песочник, является распространение гельминтов. Известно, что у представителей сем. *Gobiidae*, обитающих в водных объектах Беларуси, обнаружено 14 видов паразитов, 4 из которых – новые для Беларуси [7]. Очевидно, что изучение биологии и экологии вселенцев является необходимым условием для понимания процесса инвазий в целом, однако не менее важным является изучение чужеродных видов на молекулярно-генетическом уровне.

Уровень генетической вариативности – один из основных показателей успешности инвазии вида. Высокая генетическая изменчивость, как считается [8], положительно коррелирует со способностью чужеродных популяций проникать, адаптироваться и успешно расселяться в новых

местах обитания. Сравнение последовательностей ДНК между нативными и чужеродными популяциями важно для определения того, наблюдается ли «эффект основателя» или «эффект бутылочного горлышка», или заселение произошло большим количеством генетически разнообразных особей. Также данные, полученные при сравнении уровня генетической вариабельности между чужеродными и нативными популяциями, могут быть использованы для объяснения путей и способов проникновения и расселения видов на новой территории, что, в свою очередь, является основополагающим для прогнозов по дальнейшей инвазии видов и разработки мер по упреждению их распространения [9]–[11].

Целью настоящей работы было проанализировать генетическую вариабельность популяции вида бычка-песочника на территории Беларуси, а также уровень генетической изменчивости этого же вида в других странах на основании анализа последовательностей гена COI.

Материалы и методы исследования

В качестве материала для данного исследования были использованы последовательности генов COI бычка-песочника (*N. fluviatilis*), полученные авторами статьи и представленные в Международных базах данных BOLD и GenBank (таблица 1).

Таблица 1. – Проанализированные образцы бычка-песочника

Номера в базе данных	Ген COI	Год сбора	Место сбора	Широта	Долгота
Наши образцы	73	2015	р. Припять, д. Гольцы, Беларусь	52.1129	26.5238
	278	2016			
	420				
	574				
	575				
	577				
	578				
	584				
	585	2016	р. Припять, д. Барбаров, Беларусь	51.904	29.484
	709				
	306		р. Мухавец, г. Жабинка, Беларусь	52.1909	24.1868
	329				
	334				
	332				
	337				
	338	2015	Вилейское водохранилище, Беларусь	54.4887	27.1269
	69				
	2168				
	1952	2017	р. Припять, г. Мозырь, Беларусь	52.031	29.152
	1940				
1297					
66	2016	р. Днестр, Лиман, Украина	46.371	30.312	
A	2019	р. Случь, д. Гульск, Украина	50.519	27.708	
94		р. Стырь, д. Старая Рафаловка, Украина	51.377	25.861	
BOLD	BayFi 11083	2010	р. Рейн, г. Рес, Германия	51.766	6.348
	BayFi 11084				
	BayFi 11085				
	BayFi 11090				
	Ex16E4	–	Мраморное море, г. Симв, Турция	40.537	28.282
	Ex16E5				
	Ex13G1				
MY-3_N.f	2004	р. Днестр, г. Сороки, Украина	–	–	

Продолжение таблицы 1

GenBank	MG865725 – MG865727	р. Висла, Польша		
	FJ526804	р. Дунай, Вилково, Украина	45.393	29.586
	FJ526805	Азовское море, залив Молочный, Украина	46.655	35.278
	FJ526808	оз. Маныч, Россия	46.016	43.448
	FJ526806	р. Волга, г. Волгоград, Россия	48.870870	44.660139
	FJ526807	Черноземельский канал, г. Элиста, Россия	46.272008	45.615373

Образец ткани от каждой отловленной особи помещался в отдельную пробирку и хранился в 96 %-ом спирте. Подготовку ДНК для ПЦР-реакции проводили при помощи наборов Genomic DNA Purification with spin column (Jena Bioscience). Методику производителя адаптировали для работы с образцами ткани рыб: время инкубации образцов от каждой особи в лизирующем буфере увеличили до 12 часов. Для получения целевого фрагмента использовали праймеры: L6468 (5'-GCTCAGCCATTTTACCTGTG-3'); H7696 (5'-CAATTYTRGCTTTGGGAG-3') [12]. Реакционная смесь для ПЦР содержала в 25 мкл: 200 мкМ dNTP, 0,5 мМ каждого праймера, 2,0 мМ MgCl₂, 1xPfu Buffer, 1U Pfu-полимеразы, 0,5 мкг ДНК-матрицы. ПЦР проводили в режиме: 94° – 2 мин; 35 циклов по 94° – 45 сек, 53° – 45 сек, 72° – 60 сек; 75° – 10 мин. Результаты амплификации анализировали при помощи электрофореза в 1,5 % агарозном геле в TBE-буфере в присутствии бромистого этидия. Продукт ПЦР очищали при помощи ферментов экзонуклеазы и фосфатазы. Секвенирование провели в ЦКП «Геном» ГНУ «Институт генетики и цитологии НАН Беларуси» на 3500 Genetic Analyzer (Applied Biosystems), с BigDye Terminator v3.1 Cycle Sequencing Kit (Applied Biosystems). Первичный анализ результатов секвенирования, редактирование и выравнивание последовательностей проводили в пакетах программ MEGA 7 [13]. Для выравнивания последовательностей применяли алгоритм Muscle, с назначенным пенальти за вставку пробелов -400 [14]. Филогенетический анализ, построение дендрограмм проводилось с использованием программы MEGA 7 [11]. Филогенетическое дерево было построено при помощи метода максимального правдоподобия (ML) [15], модель Jukes-Cantor [16]. Надежность ветвления филогенетического дерева была определена при помощи бутстреп-анализа с учетом 1000 псевдореплик [17]. В качестве внешней группы для филогенетического анализа были выбраны другие представители сем. Gobiidae: бычок-кругляк (*Neogobius melanostomus* (Pallas, 1814)) и бычок-голец (*Neogobius gymnotrachelus* (Kessler, 1857)) (номера в BOLD BCF145-07 и GenBank EU444694.1 соответственно). Парсимониальные сети гаплотипов строили в программе PopArt [18].

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе работы было проанализировано 40 образцов (24 получены авторами статьи, из них 21 – для Беларуси) гена COI с 206 по 623 нуклеотид полноразмерного гена. Все последовательности, полученные авторами, депонированы в международную базу данных BOLD (Набор данных (dataset) «NEOFLU»). В ходе анализа всех сорока последовательностей было обнаружено 5 гаплотипов, при этом 2 из них встречаются на территории Беларуси (таблица 2).

Таблица 2. – Обнаруженные в ходе анализа гаплотипы

Ген COI	Гаплотип	Место сбора	Широта	Долгота
73	Нар_2	р. Припять, д. Гольцы, Беларусь	52.1129	26.5238
420				
574				
575		р. Днепр, д. Нижние Жары, Беларусь	51.2952	30.5762
577				
578				
584				
585		р. Припять, д. Барбаров, Беларусь	51.904	29.484
709				
306				
329				
334	р. Мухавец, г. Жабинка, Беларусь	52.1909	24.1868	

Продолжение таблицы 2

332		Вилейское водохранилище, Беларусь	54.4887	27.1269			
337							
338							
69							
2168							
1940							
1297							
A							
MG865725 – MG865727			–	–			
94	Нар_5	р. Стырь, д. Старая Рафаловка, Украина	51.377	25.861			
278		р. Припять, д. Гольцы, Беларусь	52.1129	26.5238			
1952		р. Припять, г. Мозырь, Беларусь	52.031	29.152			
66	Нар_4	р. Днестр, Лиман, Украина	46.371	30.312			
BayFi 11083	Нар_1	р. Рейн, г. Рес, Германия	51.766	6.348			
BayFi 11084							
BayFi 11085							
BayFi 11090							
MY-3_N.f					р. Днестр, г. Сороки, Украина	–	–
FJ526804					р. Дунай, Вилково, Украина	45.393	29.586
FJ526805					Азовское море, залив Молочный, Украина	46.655	35.278
FJ526808					оз. Маньч, Россия	46.016	43.448
FJ526806					р. Волга, г. Волгоград, Россия	48.870870	44.660139
FJ526807	Черноземельский канал, г. Элиста, Россия	46.272008	45.615373				
Ex16E4	Нар_3	Мраморное море, г. Симав, Турция	40.537	28.282			
Ex16E5							
Ex13G1							

Для всех обнаруженных гаплотипов были построены филогенетические деревья (рисунок 1).

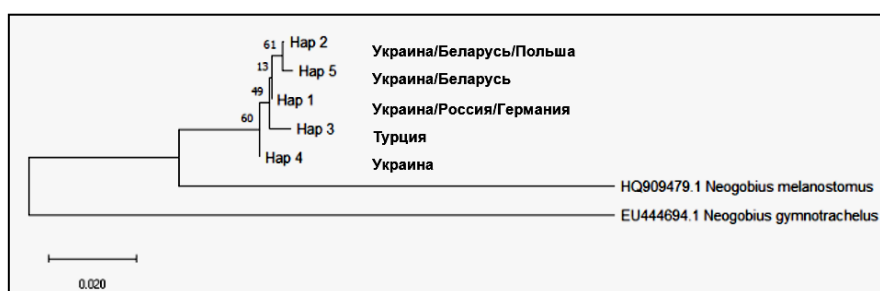


Рисунок 1. – Филогенетическое дерево обнаруженных в ходе анализа гаплотипов гена COI бычка-песочника, построенное методом максимального правдоподобия (ML)

Анализ филогенетического дерева, построенного на основании гена COI, показал, что ветвление в пределах этой группы не имело четкой структуры, связанной с территорией, на которой гаплотип был найден, а также высоких поддержек ветвления (бутстреп поддержка ниже 50).

Частота встречаемости и распределение гаплотипов особенно наглядно представлено на медианной сети гаплотипов (рисунок 2).

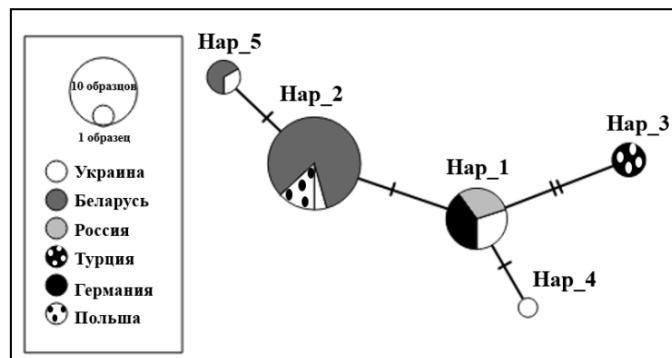


Рисунок 2. – Медианная сеть гаплотипов гена COI бычка-песочника

Анализ медианной сети четко показывает наличие двух наиболее широко распространенных гаплотипов гена COI бычка-песочника: Нар_2 и Нар_1. Имеющиеся данные не позволяют идентифицировать предковые гаплотипы. Однако четко видно, что гаплотип «Нар_2», широко распространённый в Центральном инвазионном коридоре и в Беларуси в частности, наиболее генетически близок к гаплотипу «Нар_1», распространённому в Германии, в нативном ареале на территории Украины и в инвазионном ареале на территории России. Наиболее генетически удален от гаплотипа «Нар_2» гаплотип «Нар_3», обнаруженный на территории Турции.

Анализ географического распространения гаплотипов гена COI показал наличие одного широко распространенного гаплотипа «Нар_1». Данный гаплотип был обнаружен как в нативном ареале в Украине (Азовское море, залив Молочный; р. Дунай, д. Вилково), так и в чужеродном – в России (оз. Маныч, р. Волга, г. Волгоград, Черноземельский канал, г. Элиста) и Германии (южный инвазионный коридор, бассейн Северного моря р. Рейн). На территории Беларуси данный гаплотип обнаружен не был. Самым распространённым гаплотипом в Центральном инвазионном коридоре на участке выше Киевского водохранилища является гаплотип «Нар_2», он был обнаружен как на территории Беларуси и Украины (бассейн Черного моря), так и на территории Польши (бассейн Балтийского моря) (рисунок 3). В целом гаплотипическое разнообразие гена COI в центральном инвазионном коридоре выше Киевского водохранилища и до Балтийского моря невысокое, обнаруженные на данной территории гаплотипы больше нигде обнаружены не были.

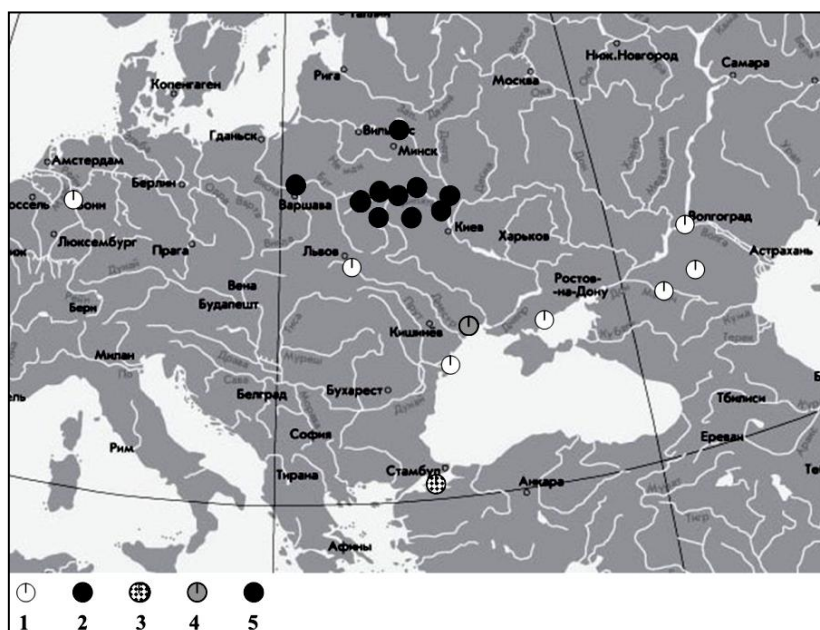


Рисунок 3. – Географическое распределение гаплотипов гена COI бычка-песочника

Все проанализированные последовательности были разделены на пять групп:

1) образцы из приобретенного ареала – Беларусь; 2) образцы из приобретенного ареала – р. Дунай и притоки; 3) образцы из приобретенного ареала – р. Днепр севернее Каховского водохранилища; 4) образцы из приобретенного ареала – оз. Маньч и р. Волга; 5) образцы из естественного ареала – Черное, Мраморное и Каспийское моря. Для каждой группы были рассчитаны показатели генетического разнообразия (таблица 3).

Таблица 3. – Данные генетического разнообразия бычка-песочника

Место сбора	N	S	H	Hd	π	k
COI						
Беларусь	21	1	2	0,181	0,00043	0,18
Центральный инвазионный коридор	25	1	2	0,220	0,00053	0,22
оз. Маньч и р Волга	3	0	–	–	–	–
р. Дунай и притоки	5	0	–	–	–	–
Черное, Мраморное, Каспийское моря и лиманы	6	3	3	0,733	0,00367	1,53

Примечание: – N – число последовательностей; S – число переменных сайтов; h – число гаплотипов; Hd – гаплотипическое разнообразие; π – нуклеотидное разнообразие; k – среднее число нуклеотидных различий

Важными показателями генетического разнообразия являются гаплотипическое и нуклеотидное разнообразие. Считается, что высокие значения гаплотипического и низкие нуклеотидного разнообразия характерны для быстро увеличивающихся численность популяций, которые произошли от предковой с низкой эффективной численностью, когда прошло достаточное время для восстановления гаплотипической изменчивости за счет мутационного процесса, но недостаточное для того, чтобы накопились значительные различия между нуклеотидными последовательностями [19]. В целом, высокий уровень гаплотипического разнообразия говорит о стабильном и эволюционно «здоровом» состоянии популяции. Анализ общего генетического разнообразия показал высокий уровень гаплотипического разнообразия в нативном ареале и низкий уровень в Центральном инвазионном коридоре выше Киевского водохранилища, в частности в Беларуси, несмотря на достаточное количество проанализированных образцов.

В целом, у чужеродных популяций бычка-песочника наблюдается низкая генетическая переменность, изученная по гену COI. Если для популяций из Южного инвазионного коридора и Российской части чужеродного ареала это можно объяснить недостаточным количеством образцов, представленных в базах данных, то для белорусской части Центрального инвазионного коридора было проанализировано достаточно большое количество образцов со всего чужеродного ареала. Первое предположение, которое может объяснить полученный результат, заключается в том, что, как считается [19], митохондриальный геном в целом характеризуется более низкой генетической переменностью из-за меньшего эффективного размера популяции, более быстрого исчезновения линий и отсутствия рекомбинации. Однако мы не наблюдаем такой низкой генетической переменности в нативном ареале. Сходные исследования данного вида бычка с использованием митохондриального гена *cyt b*, а также исследования другого представителя сем. Gobiidae – западного тупоносого бычка – с использованием гена COI не показали такого низкого уровня генетической переменности в целом, только в отдельных регионах [20], [21]. Наиболее вероятным объяснением может быть способ проникновения и путь расселения бычка-песочника по Центральному инвазионному коридору.

В настоящий момент считается, что существует два разных способа проникновения видов на новые территории: расселение через коридор и скачкообразное расселение. Расширение ареала путем коридора происходит через связанные между собой каналы, реки и озера с подходящими для вида местами обитания, при этом, как правило, генетический состав чужеродной популяции, сходный с таковым у нативных популяций, а также наблюдается совместное с видом расселение паразитов. Скачкообразное расселение происходит посредством животных или человека и, как правило, приводит к потере генетического разнообразия, «эффекту основателя» или «бутылочного горлышка», а также к отсутствию связанных с чужеродным видом паразитов. При этом в некоторых случаях, как, например, в Центральном инвазионном коридоре поток генов между нативным и чужеродным ареалами может сохраняться, что впоследствии приводит к увеличению уровня разнообразия и

появлению паразитов, других видов гидробионтов и т. д. Однако чужеродный вид достаточно долгое время может находиться в изоляции от естественных врагов и паразитов, что приводит его к успешной инвазии [10], [11].

В настоящее время считается, что бычок-песочник проник на территорию Беларуси вследствие самостоятельного расширения ареала из-за строительства системы Днепровского каскада водохранилищ. Однако генетические данные, полученные в настоящем исследовании для гена COI, а также проведенные ранее исследования по гену *cut b* [20], [21], показывают, что проникновение данного вида произошло путем скачкообразного расселения посредством деятельности человека (судоходство, непреднамеренная интродукция и т. д.). Эти данные подтверждаются тем, что первая Днепровская плотина была построена только в 1932 году, а последняя Киевская – в 1975 году. В то время как бычок-песочник на территории Беларуси известен с 30-х годов XX-го века, т. е. еще до строительства каскада водохранилищ. Эти данные объясняют также факт такого успешного внедрения и расселения бычка-песочника на территории Беларуси вследствие изоляции от естественных врагов и паразитов и т. д.

Выводы

Данное исследование показало, что в Центральном инвазионном коридоре, преимущественно в белорусской его части, обнаружено только два гаплотипа, которые больше нигде найдены не были. В целом образцы из инвазивного ареала характеризуются низким уровнем генетической вариабельности. Полученные нами данные также указывают на тот факт, что бычок-песочник попал на территорию Беларуси посредством случайной интродукции и/или судоходства.

Сбор и первичная обработка материала осуществлялась в рамках: темы № 24 «Пространственно-биотопическое распределение чужеродных видов рыб на участке Припять – Днепробугский канал – Мухавец» ГПНИ на 2016–2020 гг. «Природопользование и экология» (руководитель – В. К. Ризевский); этап пробоподготовки, пре-ПЦР и постановка ПЦР (частично) – проекта БРФФИ Б17У-008 «Выяснение филогенетических связей и генетического полиморфизма бычков (Gobiidae) как инвазивных Понто-Каспийских видов в Восточно-Европейском регионе» (руководитель – Е. С. Гайдученко); тренинга «Использование ДНК-технологий для идентификации и изучения инвазивных и находящихся под угрозой исчезновения видов», организованного проектом Глобальной Таксономической Инициативы (№ P1-33BEL-000149) и проектом Инициативы «БиоМост» (№ 351225-683ор) при поддержке Секретариата Конвенции о биологическом разнообразии, Японского фонда биоразнообразия и Министерства окружающей среды Республики Корея.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фауна України : в 40 т. / редкол.: В. А. Топачевский (гл. ред.) [и др.]. – Киев : Наук. думка. – Т. 8: Окунеобразные (бычковые), скорпенообразные, камбалообразные, присоскообразные, удильщицеобразные / А. И. Смирнов. – 1986. – 320 с.
2. Воронцов, Е. М. Состав ихтиофауны водоемов Западной области и БССР и характеристика ихтиофауны верхнеднепровского бассейна / Е. М. Воронцов // Фауна и экология. Смоленск. – 1937. – Вып. 3. – С. 59–86.
3. Grabowska, J. Alien invasive fish species in Polish waters: an overview / J. Grabowska, J. Kotusz, A. Witkowski // Folia Zool. – 2010. – V. 59. – P. 73–85.
4. Бычок-песочник *N. fulvatis* – Понто-Каспийский чужеродный вид рыбы в бассейне р. Неман / В. К. Ризевский [и др.] // Доклады Национальной Академии Наук Беларуси. – 2015. – Т. 59, № 4. – С. 83–88.
5. Относительная численность представителей семейства бычковые в структуре молоди рыб прибрежных мелководных участков реки Днепр (в пределах Беларуси) / И. А. Ермолаева [и др.] // Доклады Национальной Академии Наук Беларуси. – 2014. – Т. 30. – С. 267–280.
6. Гулюгин, С. Ю. Эколого-биологическая характеристика бычка-песочника рек Беларуси : автореф. дис. ... канд. биол. наук : ВАК РФ 03.00.10, Ихтиология / С. Ю. Гулюгин ; КГТУ. – Калининград, 2001. – 20 с.
7. Бычкова, Е. И. Гельминтофауна чужеродных видов рыб семейства Gobiidae в речных экосистемах Беларуси / Е. И. Бычкова // Доклады Национальной академии наук Беларуси. – 2015. – Т. 59, № 2. – С. 84–86.

8. Williamson, M. Biological Invasions / M. Williamson – USA : Springer Science & Business Media, 1996. – 244 p.
9. Stepien, C. A. Invasion genetics of Ponto-Caspian gobies in the Great Lakes: a ‘cryptic’ species, absence of founder effects, and comparative risk analysis / C. A. Stepien, M. A. Tumeo // Biological Invasions. – 2006. – Vol. 8. – P. 61–78.
10. Something in the way you move: dispersal pathways affect invasion success / J. Wilson [et al.] // Trends in Ecology and Evolution. – 2009. – V. 24. – P. 136–144.
11. Neilson, E. Historic speciation and recent colonization of Eurasian monkey gobies (*Neogobius fluviatilis* and *N. pallasii*) revealed by DNA sequences, microsatellites, and morphology / E. Neilson, A. Stepien // Diversity and Distributions. – 2011. – V. 17. – P. 688–702.
12. Thacker, C. E. Molecular phylogeny of the gobioid fishes / C. E. Thacker // Molecular Phylogenetics and Evolution. – 2003. – V. 26. – P. 354–368.
13. Kumar, S. MEGA7: Molecular Evolutionary Genetics Analysis version 7.0 for bigger datasets / S. Kumar, G. Stecher, K. Tamura // Molecular Biology and Evolution. – 2016. – V. 33. – P. 1870–1874.
14. Edgar, R. C. MUSCLE: multiple sequence alignment with high accuracy and high throughput / R. C. Edgar // Nucleic Acids Research. – 2004. – V. 32. – P. 1792–1797.
15. Samuel, S. W. Mathematical Statistics. Wiley Series in Probability and Mathematical Statistics / S. W. Samuel – USA : John Wiley and Sons Ltd, 1962. – 664 p.
16. Jukes, T. H. Evolution of protein molecules / T. H. Jukes, C. R. Cantor – USA : Academic Press, 1969. – 132 p.
17. Varian, H. Bootstrap Tutorial / H. Varian // Mathematica Journal. – 2005. – V. 9. – P. 768–775.
18. Leigh, J. W. PopART: Full-feature software for haplotype network construction / J. W. Leigh, D. Bryant // Methods Ecological Evolution. – 2015. – V. 6. – P. 1110–1116.
19. Avise, J. C. Phylogeography: The History and Formation of Species / J. C. Avise – USA : Harvard University Press, 2000. – 464 p.
20. Invasion of the Ponto-Caspian species of Gobiidae in the Eastern European region / H. S. Gajduchenko [et al.] / NEOBIOTA 2018: 10th International Conference on Biological Invasions New Directions in Invasion Biology, Dublin 3rd – 7th September 2018. – Dublin, 2018. – P. 81.
21. Genetic variability of gene COI of *Proterorhinus semilunaris* in Belarus and neighboring countries / V. I. Golovenchik [et al.] // Ecology and Evolutionary Biology Symposium 2019, Ankara, Turkey, 9rd – 12th July 2019. – Ankara, 2019. – P. 66.

Поступила в редакцию 21.11.2019

E-mail: vika.golovenchik@mail.ru;
gajduchenko@tut.by; rvk869@mail.ru; liptan86@mail.ru

V. I. Golovenchik, H. S. Gajduchenko, V. K. Rizevsky, T. P. Lipinskaya

GENETIC POLYMORPHISM OF MONKEY GOBY'S POPULATION
(*NEOGOBIUS FLUVIATILIS* (PALLAS, 1814)) IN THE WATER BODIES OF BELARUS WITHIN
THE SCOPE OF ANALYSIS OF THE COI GENE SEQUENCES

In recent decades there has been an active population of aquatic ecosystems with alien fish species. The rivers of Belarus such as the Pripyat, the Pina, the Mukhavets, the Western Bug, belong to the Central European Invasion Corridor which connects the basins of the Black and Baltic Seas and plays an important role in the distribution of alien aquatic organisms from the Ponto-Caspian region. The article presents data on the genetic variability of the populations of the monkey goby (*Neogobius fluviatilis* (Pallas, 1814)) in the water bodies of Belarus and other countries, obtained based on the analysis of the COI gene of 40 samples of this species. A low level of genetic variability in invasive areas is shown. Only two haplotypes were found that were not found anywhere else in the Central invasive corridor above the Kiev reservoir.

Keywords: monkey goby, *Neogobius fluviatilis*, *Gobiidae*, COI, cytochrome oxidase, invasive species.

УДК 636.8.082.12(476.2)

Н. М. Громько¹, Н. А. Лебедев²¹Учитель биологии и химии, ГУО «Средняя школа № 2 г. Старые Дороги»,
г. Старые Дороги, Республика Беларусь²Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры биологии и экологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь**ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОПУЛЯЦИИ
FELIS CATUS L. Г. МОЗЫРЯ**

Определена генетическая структура популяции Felis catus L. г. Мозыря. Проведена сравнительная оценка полученных результатов с аналогичными данными для восточно-белорусских и западно-европейских популяций F. catus.

Ключевые слова: Felis catus L., одомашнивание, неолитическая революция, генетическая структура популяций.

Введение

Кошка домашняя (*Felis catus L.*, 1758) является одним из наиболее распространенных видов домашних животных. Важнейшую роль в ее одомашнивании сыграл процесс перехода человека от охоты и собирательства к земледелию и животноводству (неолитическая революция). По современным данным сельское хозяйство возникло около 10000–11000 лет назад на Ближнем Востоке и около 7600 лет назад в Средней Европе [1]. С возникновением земледелия люди столкнулись с необходимостью сохранения собранного урожая и защиты его от грызунов. Вероятнее всего, на первоначальном этапе одомашнивания кошки селились вблизи человеческих жилищ и уничтожали грызунов. Такая форма сосуществования оказалась полезной как для человека, так и для кошек. Таким образом, в процессе одомашнивания кошки, как и многих других видов животных, первоначально лежали материальные предпосылки. Согласно современным данным одомашнивание кошек произошло не позднее 5000–6000 лет назад на территории Ближнего Востока и Египта [1], [2]. Не исключено более раннее одомашнивание кошки, что хорошо согласуется с гипотезой о важной роли неолитической революции в этом процессе. Безусловно, у кошки, как и у других видов одомашненных животных, в ходе domestikации произошли изменения целого ряда признаков, включая поведенческие реакции. В то же время домашние кошки, по сравнению с собаками, анатомически изменились незначительно. На наш взгляд, это обусловлено сочетанием нескольких важных обстоятельств. Во-первых, кошки – одиночные животные, между тем, общеизвестно, что стадные (стайные) животные приручаются и одомашниваются значительно быстрее. Во-вторых, как уже отмечалось, важнейшей причиной содержания человеком кошек на протяжении тысячелетий была (в ряде случаев продолжает оставаться) борьба с грызунами. В этой связи искусственный отбор благоприятствовал выживанию и размножению кошек, которые также хорошо охотились, как и их дикие предки. То есть в отличие от собак одомашнивание кошек не потребовало существенного изменения их анатомо-физиологических особенностей и образа жизни. Кроме того, собака, согласно современным данным (Schunemann, Krause, 2014), была древнейшим животным, одомашненным человеком около 15000 лет назад [3]. Кошка же, как указывалось выше, была одомашнена позднее. В ходе domestikации под влиянием дестабилизирующего и искусственного отбора возникли разнообразные варианты окраса шерстного покрова *F. catus*. В природных условиях у диких кошек обычно формируется окрас дикого типа. Частоты встречаемости нормальных и мутантных аллелей генов, определяющих окрас и структуру шерсти, отражают генетическую структуру популяций. В настоящее время частоты по аллелям генов окраса меха домашних кошек достаточно хорошо изучены, в том числе и для ряда белорусских городов [4]–[10]. Однако изучение частоты распространения различных вариантов окраски популяции кошек г. Мозыря не проводилось. В этой связи целью работы стало определение генетической структуры популяции *F. catus* г. Мозыря на основании встречаемости аллелей генов, определяющих их шерстный окрас.

Материал и методы исследований

Исследования по определению генетической структуры популяций *F. catus* проводились в г. Мозыре с 4 апреля по 25 июля 2018 г. в утреннее (с 8⁰⁰ до 10⁰⁰) и вечернее время (с 20⁰⁰ до 22⁰⁰). Такой выбор времени суток обусловлен тем, что кошки являются преимущественно сумеречными животными с наибольшей активностью в утренние и вечерние часы. Кроме времени суток, физиологического состояния на активность кошек также влияют температура окружающей среды и погодные условия [11]. Всего было выявлено и исследовано 195 особей. Определение окраски шерстного покрова кошек проводилось визуально. Для каждой кошки по встречаемости аллелей семи генов (таблица 1), определяющих шерстный окрас кошек, составлялся индивидуальный генетический портрет. Расчеты аллельных частот, анализ фенотипического проявления аллелей проводился в соответствии с данными различных авторов [12], [13].

Таблица 1. – Описание мутантных аллелей генов, ответственных за окрас и структуру меха и хвоста у кошек

Символ	Название	Описание	Тип наследования
a	Agouti	Черная окраска шерсти	Рецессивный
d	Dilute	Ослабленная окраска	Рецессивный
l	Long hair	Длинная шерсть в гомозиготном состоянии	Рецессивный
t ^b	Tabby	Разводы на теле (мраморная окраска)	Рецессивный
W	White	Белая окраска шерсти, часто глухота, голубые глаза	Доминантный
S	Piebald spotting	Белая пятнистость (пегость)	Доминантный
O	Orange	Рыжая окраска; у гетерозиготных самок – черепаховая (трехцветная)	Доминантный

Город Мозырь расположен на юго-востоке Гомельской области, является крупным промышленным центром Беларуси с населением 111,7 тысяч человек (2018 г.). Площадь г. Мозыря в пределах официальной городской черты составляет 3786 га. Для проведения исследований город в зависимости от характера застройки был разделен на следующие участки:

– *участок № 1.* Жилая мало- и многоэтажная застройка. Достаточно распространенный в городе тип застройки с мало- и многоэтажными строениями (ул. Рыжкова, ул. Куйбышева, ул. Пушкина, ул. Шоссейная);

– *участок № 2.* Жилая многоэтажная застройка. Включает многоэтажные жилые дома, торговые центры, административные здания и др. (ул. Ульяновская, бульвар Дружбы, ул. Малинина, ул. Нефтестроителей, бульвар Малинина);

– *участок № 3.* Промышленная застройка. Территория, застроенная преимущественно промышленными зданиями (район кабельного завода, хлебозавода, территория вблизи железнодорожной станции Козенки и др.);

– *участок № 4.* Жилая застройка усадебного типа. Характеризуется в основном одноэтажными и двухэтажными строениями, расположенными на индивидуальных земельных участках. В черте города данный тип застройки встречается в районе станции Мозырь и в центральном районе (д. Бобры, ул. Полесская, микрорайоны «Железнодорожный», «Пхов»).

Результаты исследования и их обсуждение

Данные по количеству выявленных особей *F. catus* на типированных участках застройки приведены в таблице 2.

Таблица 2. – Соотношение количества особей к исследуемым участкам

№ участка	Тип застройки	Количество особей	Процентное соотношение к числу особей
1	Жилая мало- и многоэтажная застройка	77	39,5 %
2	Жилая многоэтажная застройка	65	33,3 %
3	Промышленная застройка	27	13,9 %
4	Жилая застройка усадебного типа	26	13,3 %

Как видно из таблицы 2, наибольшее количество особей выявлено на участках жилой мало- и многоэтажной застройки, многоэтажной застройки (соответственно 39,5 % и 33,3 %). На наш взгляд, это связано с тем, что эти типы застройки, по сравнению с промышленной и усадебной застройкой (соответственно 13,9 % и 13,3 % от общего количества выявленных животных), обеспечивают лучшие условия для выживания кошек (наличие кормовой базы, укрытий, меньшее количество безнадзорных собак в отличие от застройки усадебного типа и др.). Кроме того, большее количество выявленных кошек на данных участках может быть связано с более высокой плотностью населения в этих районах.

Данные по определению частот аллелей мутантных генов, а также соотношению фенотипов на участке № 1 представлены в таблице 3.

Таблица 3. – Соотношение фенотипов и частоты аллелей аутосомных генов популяции *F. catus* г. Мозырь в зависимости от типа застройки

Аллель	Соотношение фенотипов	Частоты мутантных аллелей
Участок 1		
a	33/65	0,712±0,003
d	24/70	0,583±0,003
l	22/77	0,535±0,003
t ^b	1/29	0,184±0,009
S	44/70	0,392±0,003
W	7/70	0,051±0,001
Участок 2		
a	35/60	0,763±0,003
d	16/64	0,500±0,003
l	14/65	0,469±0,003
t ^b	1/37	0,164±0,007
S	40/64	0,384±0,003
W	1/65	0,010±0,001
Участок 3		
a	11/21	0,724±0,008
d	9/23	0,624±0,009
l	6/26	0,480±0,008
t ^b	0/16	-
S	18/23	0,531±0,001
W	3/26	0,062±0,003
Участок 4		
a	8/23	0,589±0,009
d	5/24	0,458±0,009
l	6/27	0,469±0,008
t ^b	2/12	0,407±0,019
S	8/24	0,181±0,006
W	3/27	0,057±0,003

Как видно из таблице 3, на участке № 1 наибольшая частота распространения наблюдалась у аллеля a и составила 0,712±0,003, наименьшая частота на данном участке выявлена для доминантного аллеля W – 0,051±0,001 и аллеля t^b – 0,184±0,009. Аналогичные результаты получены для участка № 2: частота распространения аллеля a была наибольшей и составила – 0,763±0,003; наименьшая частота наблюдалась для мутантного аллеля гена W – 0,010±0,001. Особенностью участка № 3 стало отсутствие особей с рецессивным мутантным аллелем t^b. Доминантный аллель W также как и по другим участкам имел низкую частоту распространения – 0,062±0,003; наибольшая частота наблюдалась у аллеля a – 0,724±0,008. На участке № 4 выявлены средние значения частот рецессивных аллелей d – 0,458±0,009, l – 0,469±0,008 и t^b – 0,407±0,019; низкая частота распространения установлена для аллеля W – 0,057±0,003, отвечающего за белую окраску шерсти.

Таким образом, на всех четырех участках наибольшая частота распространения выявлена для рецессивного аллеля a – от 0,589±0,009 до 0,763±0,003; наименьшая – для доминантного аллеля W – от 0,010±0,001 до 0,062±0,003. Причиной низкой частоты распространения в популяции доминантного аллеля W является тот факт, что белые кошки с голубыми глазами часто являются глухими. На этот факт еще в XIX веке обратил внимание основатель эволюционной биологии Ч. Дарвин [14]. Таким

образом, аллель W, помимо белой демаскирующей окраски кошек, приводит еще и к глухоте, значительно снижающей вероятность выживания в городских условиях.

Данные по частоте распространения мутантного аллеля гена O, определяющего формирование рыжей окраски (у гетерозиготных кошек черепаховой окраски), приведены в таблице 4.

Таблица 4. – Частота встречаемости мутантного аллеля гена O в популяции *F. catus* г. Мозыря

Фенотип	Генотип			Частота аллеля O
	O/?	O/o	o/?	
Участок 1				
Наблюдаемый	5	11	54	
Ожидаемый	6	8,9	55	0,149±0,003
Участок 2				
Наблюдаемый	4	7	53	
Ожидаемый	4,3	6,75	52,9	0,119±0,003
Участок 3				
Наблюдаемый	2	2	19	
Ожидаемый	1,7	2,6	18,7	0,130±0,0080
Участок 4				
Наблюдаемый	1	4	19	
Ожидаемый	1,7	2,6	19,7	0,125±0,058

Как видно из таблицы 4, наблюдаемый результат практически в полной степени соответствует ожидаемому. Так, на участке № 1 наблюдаемое количество особей с генотипом O/? составило 5, ожидаемое – 6. Аналогичные результаты получены и по другим участкам.

Данные по соотношению фенотипов и аллельных частот аутосомных генов, обуславливающих шерстный окрас кошек, по всем участкам г. Мозыря приведены в таблице 5.

Таблица 5. – Соотношение фенотипов и аллельных частот аутосомных генов всех исследованных особей *F. catus* на территории г. Мозыря в 2018 г.

Аллель	Соотношение фенотипов	Частоты мутантных аллелей
a	88/169	0,721±0,001
d	53/181	0,541±0,001
l	45/195	0,479±0,001
t ^b	4/94	0,205±0,003
S	111/181	0,376±0,029
W	14/195	0,036±0,001

В результате проведенных исследований по определению аллельных частот аутосомных генов, обуславливающих шерстный окрас кошек популяции г. Мозыря, установлено, что наибольшую частоту имеет аллель a – 0,721±0,001; наименьшую – аллель W 0,036±0,001. Таким образом, наиболее редким окрасом кошек на территории г. Мозыря был белый.

Частота мутантного аллеля O, сцепленного с полом и определяющего рыжий окрас (у гетерозиготных самок – черепаховый), представлена в таблице 6.

Таблица 6. – Частота встречаемости мутантного аллеля гена O для всех исследуемых особей популяции в 2018 г.

Фенотип	Генотип			Частота аллеля
	O/?	O/o	o/?	
Наблюдаемый	12	23	148	
Ожидаемый	13,3	20,5	147,2	0,130±0,001

Как видно из таблицы 6, частота распространения мутантного аллеля гена O в популяции кошек г. Мозыря, обуславливающего черепаховую окраску особей у гетерозиготных самок, составила в среднем 0,130±0,001 с небольшими колебаниями в зависимости от участка – от 0,119±0,003 (таблица 4) до 0,149±0,003 (таблица 4).

Выводы

В результате исследований установлено, что в популяции *F. catus* г. Мозыря наибольшую частоту распространения имеет рецессивный аллель *a* – от $0,589 \pm 0,009$ до $0,763 \pm 0,003$ при среднем значении $0,721 \pm 0,001$; наименьшую – доминантный аллель *W* – от $0,010 \pm 0,001$ до $0,062 \pm 0,003$ при среднем значении – $0,036 \pm 0,001$. Аллель *t^b* также имеет относительно невысокую частоту распространения – $0,205 \pm 0,003$. Вероятнее всего, это связано с положительной селективной ценностью аллеля *a* для выживания *F. catus* в городских условиях. Напротив, особи с аллелем *W* хуже приспособлены к жизни в условиях городской среды из-за белой демаскирующей окраски и частой глухоты, значительно снижающей вероятность выживания. Особи с аллелем *t^b* исторически реже встречаются в Беларуси. Последний тип окраса чаще встречается у породистых кошек в Великобритании. Средние значения по частоте распространения имели рецессивные аллели *d* – $0,541 \pm 0,001$; *l* – $0,479 \pm 0,001$ и доминантный аллель *S* – $0,376 \pm 0,029$. Сходные данные приводятся и для других белорусских и российских популяций *F. catus*. Так, в работе Г. Г. Гончаренко, С. А. Зяцькова [15] отмечено, что мутантные аллели локусов *White* и *Tabby* для российских и белорусских популяций домашних кошек встречались с низкой частотой; мутантные аллели *S*, *d* и *O* характеризовались средним значением частот встречаемости и в большинстве исследованных популяций имели величины от 15 до 40 %. Частота распространения мутантного аллеля гена *O* в популяции кошек г. Мозыря, обуславливающего черепаховую окраску особей у гетерозиготных самок, составила в среднем $0,130 \pm 0,001$ с небольшими колебаниями в зависимости от участка – от $0,119 \pm 0,003$ (участок № 2) до $0,144 \pm 0,003$ (участок № 1).

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Storch, V. Evolutionsbiologie / V. Storch, U. Welsch, M. Wink. – 3 überarbeitete und aktualisierte Auflage. – Berlin ; Heidelberg : Springer Spektrum, 2013. – 570 s.
2. The palaeogenetics of cat dispersal in the ancient world / C. Ottoni [et al.] // Nature ecology and evolution. – 2017. – Vol. 1, № 139.
3. Schunemann, V. J. Wo der Mensch auf den Hund kam : Genetische Untersuchungen deuten darauf hin, dass der Ursprung der Domestikation in Europa liegt / V. J. Schunemann, J. Krause // Senckenberg – Natur, Forschung, Museum. – 2014. – Vol. 144, № 7–8. – S. 278–281.
4. Towards a comprehensive picture of the Mediterranean: population genetics of the cats of Rome, Italy / A. T. Lloyd [et al.] // Carnivore Genet. Newslett. – 1983. – Vol. 4. – P. 235–241.
5. Мутантные гены окраски в популяциях домашних кошек Средней Азии и Европейской части СССР / Г. Г. Гончаренко [и др.] // Генетика. – 1985. – Т. XXI, № 7. – С. 1151–1158.
6. Распределение генов окраски и длины шерсти в популяциях кошек Кубы, Коста-Рики, Колумбии, Парагвая, Чили и Аргентины и возможное происхождение этих популяций / М. Руис-Гарсия [и др.] // Генетика. – 2002. – Т. 38, № 2. – С. 227–242.
7. Гончаренко, Г. Г. Генетическая структура и уровень дифференциации в популяциях *Felis catus* европейского континента / Г. Г. Гончаренко, С. А. Зяцьков, А. Н. Лысенко // Докл. акад. наук. – 2010. – Т. 431, № 6. – С. 827–830.
8. Березина, Е. С. Морфологические особенности и генетика окрасов кошки домашней в популяции лесной зоны среднего Прииртышья / Е. С. Березина // Рос. вет. журн. Мелкие домашние и дикие животные. – 2011. – № 4. – С. 8–11.
9. Shostell, J. M. Mutant Allele Frequencies in Domestic Cat Populations in Arkansas and Tennessee / J. M. Shostell, J. Staudinger, M. Ruiz-Garcia // Journal of Heredity. – 2005. – Vol. 96 (5). – P. 557–565.
10. Генетическая структура и дифференциация популяций *Felis catus* L. восточной части Беларуси / С. А. Зяцьков [и др.] // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2018. – № 1 (51). – С. 31–35.
11. Антоненко, Т. В. Методика оценки территориальной активности *Felis catus* в антропогенных условиях обитания / Т. В. Антоненко // Вестн. Алтайск. гос. аграр. ун-та. – 2009. – № 10 (60). – С. 110–113.
12. Гончаренко, Г. Г. Генетика: анализ наследственных закономерностей на генах меха кошек *Felis catus* / Г. Г. Гончаренко, С. А. Зяцьков. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – 108 с.
13. Генетика кошки / С. О'Брайен [и др.]. – Новосибирск : Наука, 1993. – 212 с.

14. Дарвин, Ч. Происхождение видов путем естественного отбора / Ч. Дарвин. – М. : Тайдекс Ко, 2003. – 496 с.

15. Гончаренко, Г. Г. Уровень генетической дифференциации у кошек *Felis catus* (L.) в западноевропейских, североамериканских и восточноевропейских популяциях / Г. Г. Гончаренко, С. А. Зяцьков // Вавиловск. журн. генетики и селекции. – 2011. – Т. 15, № 3. – С. 516–523.

Поступила в редакцию 13.09.2019

E-mail: kudelko95@gmail.com;
lebedevna@inbox.ru

N. Hramyka, M. Lebedzeu

GENETIC STRUCTURE OF *FELIS CATUS L.*
POPULATION IN MOZYR

Genetic structure of *Felis catus L.* population found in Mozyr was determined. A comparative analysis between the results received in Mozyr and the data received while investigating the East-Belarusian populations and the West-European populations of *F. catus* was made.

Keywords: *Felis catus L.*, domestication, neolithic revolution, genetic structure of populations.

УДК 591.69:546.36*137:599.6/.73(476.2)

А. В. Гулаков¹, В. А. Пенькевич²

¹Кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры зоологии, физиологии и генетики,
УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»,
г. Гомель, Республика Беларусь

²Кандидат ветеринарных наук

ПАРАФАСЦИОЛОПСОЗ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ¹³⁷Cs ПО ОРГАНАМ И ТКАНЯМ ЛОСЯ И КОСУЛИ, ОБИТАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЕССКОГО РАДИАЦИОННО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

В статье представлены данные о заболеваемости парафасциолопсозом и распределении ¹³⁷Cs по органам и тканям наиболее распространенных видов диких копытных, обитающих на территории с высоким уровнем радиоактивного загрязнения.

Показано, что у половозрелых лосей выявлена более высокая зараженность самцов, чем самок трематодой *Parafasciolopsis fasciolaemorpha*. Так, экстенсивность инвазии самцов составила 68 %, в то время как самок – 61,2 %. В целом инвазированность лосей была довольно высокая и составляла 58,6 %. Также у исследуемых животных наблюдались патологоанатомические изменения печени.

У лосей и косули европейской между показателями удельной активности ¹³⁷Cs в мышечной ткани и внутренних органах существуют тесные коррелятивные зависимости. Хотя следует отметить, что у косули европейской коэффициенты линейной корреляции ниже, чем у лосей.

Ключевые слова: парафасциолопсоз, лось, европейская косуля, инвазированность, ¹³⁷Cs, органы и ткани, распределение, коррелятивные зависимости.

Введение

Радиоактивное излучение негативно действует на все живые организмы, в том числе и на паразитов, которые оказывают влияние на состояние популяций диких промысловых животных. Изучение диких и домашних млекопитающих представляет интерес не только для познания экологии данных животных, но и для выделения их роли в распространении некоторых гельминтозов как человека, так домашних и промысловых млекопитающих. Дикие животные требуют постоянного контроля, поскольку многие их виды без видимых патологических изменений органов и тканей могут являться источниками распространения инвазий, представляющих опасность для домашних, сельскохозяйственных животных и человека [1].

В связи с данным обстоятельством важно знать степень возможного обмена гельминтами между дикими и домашними животными для организации противогельминтозных профилактических мероприятий на определённой территории [2].

Парафасциолопсоз – заболевание диких травоядных животных, вызываемое плоскими червями-сосальщиками, – характеризуется поражением печени, иногда в очень тяжелой форме, что вызывает снижение резвости и подвижности зверя. Отмечен также у овец и крупного рогатого скота [3].

Возбудитель – сосальщик *Parafasciolopsis fasciolaemorpha* Ejsmont, 1932. Это маленькая трематода (3–7 мм длиной и около 2 мм шириной) листовидной или ланцетовидной формы, которая паразитирует в желчных ходах печени и в передней части тонких кишок (рисунок 1).

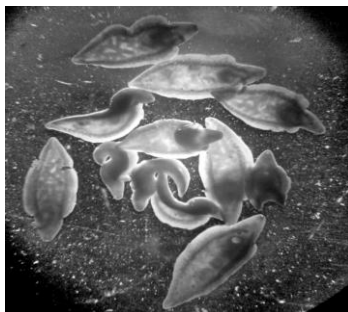


Рисунок 1. – Внешний вид трематоды *P. Fasciolaemorpha*

Трематоды выделяют яйца, которые с фекалиями попадают во внешнюю среду и воду. Из яйца выходит мирацидий, проникающий в тело моллюска, где проходят те же стадии, что и *Fasciola hepatica*.

Промежуточным хозяином для парафасциолописов является пресноводный моллюск – *Coretus corneus*. Церкарии *P. fasciolaemorpha* цилиндрической или грушевидной формы. Пищеварительная система просматривается плохо. Ветви кишечника доходят до конца тела. Выделительный пузырь при наполнении приобретает V-образную форму. Имеется 8 пар мерцательных клеток. Брюшная присоска расположена ниже середины тела. Из моллюска церкарии сотнями выходят во внешнюю среду. Попав в воду, церкарии некоторое время плавают, а затем прикрепляются к растениям, твердым предметам или остаются на поверхности воды и инцистируются. Хвостовой придаток отпадает, вокруг личинки образуется плотная оболочка – циста. Данная личинка называется адолескарием. Животные заражаются при поедании травы и на водопое, заглатывая адолескарии парафасциолописов.

Поэтому целью нашей работы являлось изучение заболеваемости парафасциолопсозом и распределения ^{137}Cs по органам и тканям лося и косули европейской, обитающих на территории с высокой плотностью радиоактивного загрязнения.

Материалы и методы. Основным объектом исследований являлись дикие промысловые копытные животные: лось (*Alces alces* L.) и косуля европейская (*Capreolus capreolus* L.), а также – водные моллюски вида *Coretus corneus*, обитающие на территории Полесского государственного радиационно-экологического заповедника (ПГРЭЗ), с различной плотностью радиоактивного загрязнения. Диких копытных животных отстреливали в осенне-зимний период – с 2005 по 2015 годы. Всего при проведении паразитологических исследований было произведено вскрытие 17 лосей, 78 косуль и обследовано компрессорным методом 348 экземпляров моллюсков.

От каждого отстреленного и вскрытого копытного животного исследовали всю печень методом полных гельминтологических вскрытий: орган разрезали на пластинообразные куски шириной не более 2–3 сантиметров и массой 50–60 грамм. Кусочки печени помещали в физраствор и сдавливали сверху вниз. Паразиты (*P. fasciolaemorpha*) из желчных ходов выпадали в осадок. Кусочки печени удаляли, а червей собирали, подсчитывали и помещали в пробирки с 70%-ным спиртом. В пробирки клали этикетки.

Зараженность водных моллюсков *Coretus corneus* определяли компрессорным методом. Моллюск освобождали от раковины и помещали между стеклами компрессория и под микроскопом подсчитывали количество личинок трематод [4], [5].

Кровь у лосей отбирали в пробирки с каплей гепарина, сразу после отстрела. Подсчет количества эритроцитов, лейкоцитов и тромбоцитов производили в счетной камере с сеткой Горяева (камера Горяева). Общий белок определяли рефрактометрически, а белковые фракции – методом электрофореза на бумаге. Количество гемоглобина определяли в гемометре ГС-2. Определение билирубина в сыворотке крови проводили по Ван-ден-Бергу.

Определение активности ^{137}Cs в органах и тканях животных осуществляли на гамма-спектрометрах ADCAM–300 (США) и МКС–АТ1315 по стандартным методикам [6] на поверенной и аттестованной аппаратуре.

Результаты исследований и их обсуждение

Численность лося на территории Полесского государственного радиационно-экологического заповедника – 1840 особей, что составляет около 10 % численности вида в республике и около 40 % учетных в Гомельской области; косули – 1100 особей и около 3 % численности вида в республике и 10 % на территории Гомельской области [7].

Сравнение полученных результатов исследований по зараженности диких животных ПГРЭЗ гельминтами с данными 1998 года [8] показало, что на территории заповедника до настоящего времени наблюдается значительная инвазированность диких копытных животных гельминтозными инвазиями.

Наши исследования [9], [10] показали, что лоси поражены *P. fasciolaemorpha* на 62,2 %, с ИИ (интенсивность инвазии) от 23 до 35 тыс. экз.; косули – на 50 %, с ИИ 10–178 экз. Данные трематоды вызывают у диких жвачных животных заболевание парафасциолопсоз. Человек данным заболеванием не болеет.

P. fasciolaemorpha является самым патогенным гельминтом лосей и косуль. Эта трематода, паразитируя в желчных ходах печени, вызывает ее изменение (цирроз), снижение упитанности животных и качества продукции, нарушение воспроизводства популяции. Заражение лосей и косуль парафасциолопсозом происходит летом при питье воды. Наиболее высокая экстенсивность и интенсивность инвазии наблюдается в жаркое лето у высыхающих водоемов [11].

Учитывая, что инвазированность лосей, обитающих на территории Полесского радиационно-экологического заповедника, высокая, мы приводим данные по их зараженности более подробно. Исследования показали, что заражение лосят парафасциолопсозом незначительное (таблица 1).

Таблица 1. – Зараженность половозрелых групп лося парафасциолопсозом

Пол, возраст	Количество проб экскрементов, всего	Количество проб зараженных	Экстенсивность инвазии, %
Взрослые самцы	125,0	85,0	68,0
Взрослые самки	191,0	117,0	61,2
Молодые особи	32,0	2,0	6,3
Итого	348,0	204,0	58,6

Сравнение данных о зараженности половозрелых лосей выявило большую зараженность самцов, чем самок. Так, экстенсивность инвазии самцов составила 68 %, в то время как самок – 61,2 %. В целом инвазированность лосей довольно высокая и составляла 58,6 %. Данный факт мы связываем с наличием в заповеднике большого количества водных объектов: каналов, канав, болот, рек, протоков, заболоченных участков; а также с мягким влажным климатом и большой численностью промежуточных хозяев – водных моллюсков *Coretus corneus*.

Плотность данных моллюсков на 1 м² водоема – 2–181 экз. Личинки трематод обнаружены нами у 15,9–86,1 % моллюсков, собранных с заиленных участков рек Припять, Вить, озера Персток, каналов, затоплений. Потребность лося в водоемах определяет его тесную связь с возбудителем парафасциолопсоза.

Как показывают проведенные исследования, паразитирование парафасциолопсисов вызывает у лосей снижение числа эритроцитов в крови на 28,9 %, концентрации гемоглобина – на 26,9 % и рост уровня лейкоцитов – на 34,0 %, при этом в лейкограмме выражены эозинофилия и лимфоцитоз. Количество общего белка в сыворотке крови уменьшается на 22,42 %, альбуминов – на 22,48 %, бета-глобулинов – на 30,06 %, при этом концентрация гамма-глобулинов увеличивается на 73,43 % и общего билирубина – на 30,23 % [12].

Наблюдаются патологоанатомические изменения печени. Она увеличивается, поверхность становится бугристой, плотной консистенции. Часто мы находили в печени более десятка тысяч паразитов, но не наблюдали никаких патологических отклонений, за исключением очаговых кровоизлияний в паренхиме. Следовательно, можно предположить, что изменения в печени зависят не столько от количества паразитов, сколько от длительности их паразитирования. В мясе самок на 0,94 % содержится меньше влаги, на 0,64 % больше сухого вещества, на 0,28 % – жира, на 0,24 % протеина; меньше минеральных веществ, по сравнению с самцами. Витамина А в печени зараженных парафасциолопсисами лосей содержится значительно меньше, чем у относительно здоровых животных. У самцов его меньше на 12 %, у самок – на 25 % [13].

Нами также было изучено накопление и распределение основных дозообразующих радионуклидов в организме наиболее распространенных видов диких промысловых животных, обитающих на территории с высокой плотностью радиоактивного загрязнения.

На рисунке 2 приведено среднее значение активности ¹³⁷Cs в органах и тканях лося, добытого на территории зоны отчуждения.

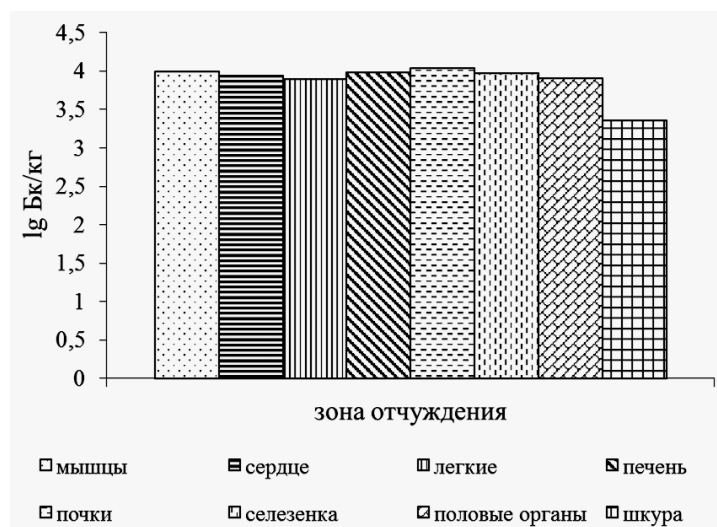


Рисунок 2. – Средняя активность ¹³⁷Cs в органах и тканях лося, обитающего на территории зоны отчуждения

Так как данные удельной активности распределения ^{137}Cs по органам и тканям основных видов диких промысловых животных имеют большой разброс значений, нами была проведена их нормализация путем логарифмирования.

Как видно из приведенных данных на рисунке 2, ^{137}Cs аккумулируется в организме животного неравномерно. Наиболее высокая активность радионуклида отмечается в почках как интенсивном органе выведения. Уровень активности радионуклида в данном органе достигал 4,04 IgBк/кг у животных, добытых в зоне отчуждения. Высокая активность ^{137}Cs отмечалась также и в мышечной ткани лося и составляла 3,99 IgBк/кг . Другие органы накапливали ^{137}Cs в меньшей степени. Так, активность ^{137}Cs в сердце, селезенке, печени находилась в пределах 3,94–3,98 IgBк/кг . Наиболее низкая активность ^{137}Cs наблюдалась в половых органах, легких и шкуре [14], [15].

По степени загрязнения органов и тканей лося данным радионуклидом можно составить следующий ряд в порядке убывания: почки > мышечная ткань > печень > селезенка > сердце > половые органы > легкие > шкура.

Нами был проведен корреляционный анализ активности ^{137}Cs в мышечной ткани и основных внутренних органах лося, обитающего на территории с высокой плотностью радиоактивного загрязнения (рисунок 3).

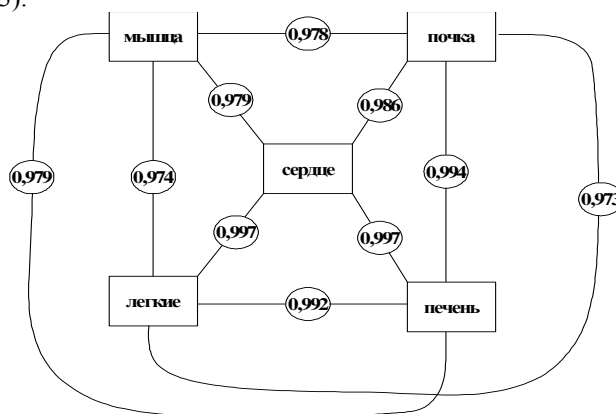


Рисунок 3. – Коэффициенты линейной корреляции между показателями удельной активности ^{137}Cs в органах и тканях лося, обитающего на территории зоны отчуждения

Как видно из данных, представленных на рисунке 3, у лося между показателями удельной активности ^{137}Cs в мышечной ткани и внутренних органах существуют тесные коррелятивные зависимости. Так, значения коэффициентов линейной корреляции находятся в пределах 0,892–0,979 при 5%-ном уровне значимости, что указывает на одинаковый характер метаболизма данного радионуклида в организме животного, обитающего на территории радиоактивного загрязнения [16].

На рисунке 4 показаны средние значения активности ^{137}Cs в органах и тканях косули европейской, добытой за период наблюдения.

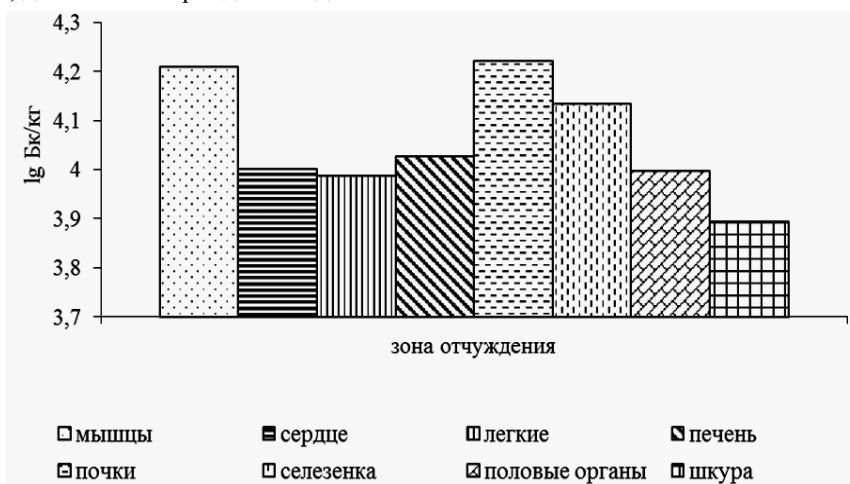


Рисунок 4. – Средняя активность ^{137}Cs в органах и тканях косули европейской, обитающей на территории зоны отчуждения

Как и у лося, у данного вида животного наибольшее радиоактивное загрязнение имели почки и мышечная ткань, причем, наиболее высокое содержание ^{137}Cs отмечено в почках. Активность данного радионуклида в них составляла 4,22 ІgБк/кг у животных, добытых в зоне отчуждения. Остальные исследуемые органы – сердце, печень, селезенка – накапливали ^{137}Cs в меньшей степени.

У животных зоны отчуждения активность ^{137}Cs в данных органах находилась в пределах 4,00–4,13 ІgБк/кг. Наименьшие показатели по активности ^{137}Cs имели половые органы, легкие и шкура косули европейской [17], [18].

По степени содержания ^{137}Cs в органах и тканях косули европейской можно составить следующий ранжированный ряд в порядке убывания: почки > мышечная ткань > селезенка > печень > сердце > половые органы > легкие > шкура.

Нами был также проведен корреляционный анализ активности ^{137}Cs в мышечной ткани и основных внутренних органах косули европейской, обитающей на территории радиоактивного загрязнения (рисунок 5).

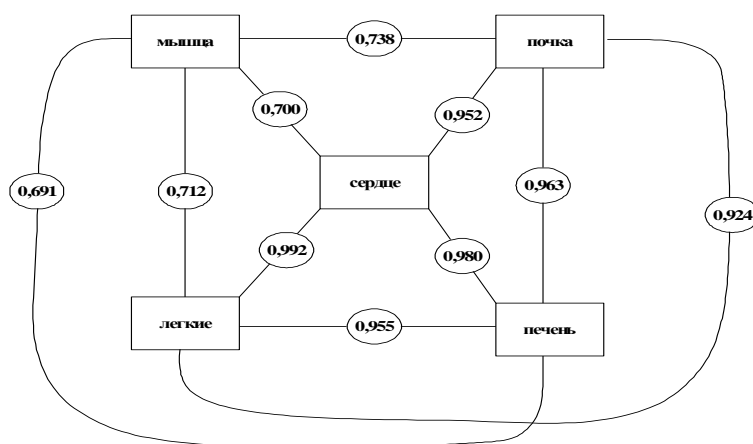


Рисунок 5. – Коэффициенты линейной корреляции между показателями удельной активности ^{137}Cs в органах и тканях косули европейской, обитающей на территории зоны отчуждения

Как видно из представленных данных на рисунке 5, у косули европейской между показателями удельной активности в мышечной ткани и внутренних органах также существуют тесные коррелятивные зависимости. Значения коэффициентов линейной корреляции для данного вида животных находятся в пределах от 0,691 до 0,871 при 5 % уровне значимости, что указывает на однородный характер распределения ^{137}Cs по органам и тканям животного. Хотя следует отметить, что у косули европейской коэффициенты линейной корреляции ниже, чем у лося [16].

Выводы

Сравнение данных о зараженности половозрелых лосей выявило большую зараженность самцов, чем самок. Так, экстенсивность инвазии самцов составила 68,0 %, в то время как самок – 61,2 %. В целом инвазированность лосей довольно высокая и составляла 58,6 %.

Наблюдаются патологоанатомические изменения печени. Она увеличивается, поверхность становится бугристой, плотной консистенции. Часто мы находили в печени более десятка тысяч паразитов, но не наблюдали никаких патологических отклонений, за исключением очаговых кровоизлияний в паренхиме.

У лося между показателями удельной активности ^{137}Cs в мышечной ткани и внутренних органах существуют тесные коррелятивные зависимости. Так, значения коэффициентов линейной корреляции находятся в пределах 0,892–0,979 при 5%-ном уровне значимости, что указывает на одинаковый характер метаболизма данного радионуклида в организме животного, обитающего на территории радиоактивного загрязнения.

У косули европейской между показателями удельной активности в мышечной ткани и внутренних органах также существуют тесные коррелятивные зависимости. Значения коэффициентов линейной корреляции для данного вида животных находятся в пределах от 0,691 до 0,871 при 5 % уровне значимости. Хотя следует отметить, что у косули европейской коэффициенты линейной корреляции ниже, чем у лося.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сонин, М. Д. Гельминты сельскохозяйственных и охотничье-промысловых животных / М. Д. Сонин. – М. : Наука, 1984. – 205 с.
2. Котельников, Г. А. Гельминтологические исследования окружающей среды / Г. А. Котельников. – М. : Росагропромиздат, 1991. – 144 с.
3. Гельминты диких копытных Восточной Европы / Я. Говорка [и др.]. – М. : Наука, 1988. – 209 с.
4. Скрябин, К. И. Метод полных гельминтологических вскрытий позвоночных, включая и человека / К. И. Скрябин. – М. : Изд-во МГУ, 1928. – 45 с.
5. Ивашкин, В. М. Методы сбора и изучения гельминтов наземных млекопитающих / В. М. Ивашкин, В. Л. Контримавичус, Н. С. Назарова. – М. : Наука, 1971. – 123 с.
6. Сборник нормативно-методических, организационно-распорядительных документов Республики Беларусь в области радиационного контроля и безопасности / Комитет по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС при Совете Министров Республики Беларусь, Гомельский филиал Государственного учреждения «Научно-исследовательский клинический институт радиационной медицины и эндокринологии» Министерства здравоохранения Республики Беларусь ; под ред. В. Е. Шевчука. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск, 2002. – 372 с.
7. Кучмель, С. В. Видовой состав млекопитающих отрядов насекомоядные, зайцеобразные, хищные, грызуны и парнокопытные Полесского государственного радиационно-экологического заповедника / С. В. Кучмель // Фаунистические исследования в Полесском государственном радиационно-экологическом заповеднике : сб. науч. тр. / под ред. Г. В. Анципова. – Гомель : РНИУП «Институт радиологии», 2008. – С. 38–64.
8. Одинцова, Т. М. Особенности динамики гельминтоценозов диких копытных в условиях ПГРЭЗ / Т. М. Одинцова // 10 лет Полесскому государственному радиоэкологическому заповеднику : сб. ст. – Минск, 1998. – С. 221–224.
9. Пенькевич, В. А. Паразиты лося (*Alces alces* L.) Полесского радиационно-экологического заповедника / В. А. Пенькевич // Сахаровские чтения 2008 года: экологические проблемы XXI века : материалы междунар. науч. конф., Минск, 22–23 мая 2008 г. – Минск : МГЭУ им. А. Д. Сахарова, 2008. – С. 154.
10. Пенькевич, В. А. Современное состояние гельминтофауны млекопитающих Полесского государственного радиационно-экологического заповедника / В. А. Пенькевич // Фаунистические исследования в Полесском государственном радиационно-экологическом заповеднике : сб. науч. тр. / под ред. Г. В. Анципова. – Гомель : РНИУП «Институт радиологии», 2008. – С. 137–155.
11. Карасев, Н. Ф. Гельминты млекопитающих Березинского заповедника: Исследования / Н. Ф. Карасев. – Минск : Ураджай, 1970. – Вып. 1. – С. 155–179.
12. Показатели крови диких кабанов и лосей при гельминтозах / И. Н. Дубинина [и др.] // Ветеринария. – 2005. – № 10. – С. 33–36.
13. Литвинов, В. Ф. Болезни диких животных / В. Ф. Литвинов, Н. Ф. Карасев, В. А. Пенькевич. – Минск : БГТУ, 2003. – 306 с.
14. Гулаков, А. В. Радиоэкология диких промысловых животных и пресноводных рыб после аварии на Чернобыльской АЭС / А. В. Гулаков, К. Ф. Саевич. – Минск : Веды, 2006. – 168 с.
15. Гулаков, А. В. Уровни содержания ¹³⁷Cs в органах и тканях лося, обитающего на территории радиоактивного загрязнения / А. В. Гулаков // Қазақстанның Биологиялық ғылымдары. – 2009. – № 3–4. – С. 132–138.
16. Гулаков, А. В. Коррелятивные зависимости содержания ¹³⁷Cs в органах и тканях диких млекопитающих лесных экосистем / А. В. Гулаков // Сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин-т леса. – Гомель, 2013. – Вып. 73 : Проблемы лесоведения и лесоводства. – С. 473–480.
17. Гулаков, А. В. Накопление и распределение ¹³⁷Cs в организме косули европейской (*Capreolus capreolus* Linnaeus, 1758), добытой на территории радиоактивного загрязнения / А. В. Гулаков // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2008. – № 5 (50), ч. 2. – С. 83–88.
18. Ильязов, Р. Г. Накопление радионуклидов в организме диких промысловых животных / Р. Г. Ильязов, П. Н. Цыгвинцев, А. В. Гулаков // Адаптация агроэкоосферы к условиям техногенеза ; под ред. Ильязова Р. Г. – Казань : Фэн, 2006. – Гл. 6. – С. 173–185.

Поступила в редакцию 04.02.2020

E-mail: Gulakov@gsu.by; blauehai@mail.ru

A. V. Gulakov, V. A. Penkevich

ARAFASCIOLIPSOSIS AND DISTRIBUTION OF ^{137}Cs BY THE BODIES AND TISSUES OF ORGANS
AND TISSUE OF ELK AND ROE DEER LIVING IN THE TERRITORY OF THE POLESIAN
RADIATION-ECOLOGICAL RESERVE

The article presents data on the incidence of parafasciolopsosis and the distribution of ^{137}Cs in the organs and tissues of the most common species of wild ungulates living in areas with high levels of radioactive contamination.

It was shown that in mature moose, a higher infection rate of males than females with trematode *Parafasciolopsis fasciolaemorpha* was revealed. Thus, the invasion rate of males was 68 %, while that of females was 61.2 %. In general, the invasion of moose was quite high and amounted to 58.6 %. Also, in the studied animals, pathological changes in the liver were observed.

In European moose and roe deer, there are close correlations between the indicators of specific activity of ^{137}Cs in muscle tissue and internal organs. Although it should be noted that the European roe deer have linear correlation coefficients lower than for the moose.

Keywords: parafasciolopsosis, elk, roe deer, invasiveness, ^{137}Cs , organs and tissues, distribution, correlative dependencies.

УДК 581.9

Е. Ю. Гуминская¹, Л. А. Букиневич², В. А. Кравченко³

¹Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, заведующий кафедрой биологии и экологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Старший преподаватель кафедры биологии и экологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

³Студентка технолого-биологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

ЭКОЛОГО-ФИТОЦЕНОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАСТИТЕЛЬНОГО ПОКРОВА ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЛАНДШАФТНОГО ЗАКАЗНИКА «СТРЕЛЬСКИЙ»

На исследованной территории ландшафтного заказника республиканского значения «Стрельский» преобладает сосновая формация, описано 5 типов леса, среди которых доминируют сосняк миштый и сосняк орляковый. Флора представлена 111 видами и 41 семейством. Из описанных видов наиболее многочисленны по отношению к свету гелиофиты (61,26 %), по отношению к влажности – мезофиты (57,66 %), по отношению к трофности – мезотрофы (60,36 %).

Ключевые слова: заказник, флора, таксономические группы, формация, сосновые леса, экологические группы.

Введение

Белорусское Полесье играет важную биоресурсную и экологосберегающую функцию в системе растительных комплексов страны. Здесь сосредоточены значительные водные, почвенные и флористические ресурсы. Следует отметить, что, наряду с богатством флоры и фауны, данная территория, в особенности юго-восточная ее часть, подвержена антропогенному воздействию (осушительная мелиорация, развитие дорожной сети, вырубка лесов, радиационное воздействие в результате аварии на ЧАЭС).

Одним из наиболее существенных факторов обеднения флоры Беларуси следует признать нарушение или уничтожение местообитаний растений в результате возрастающего пресса антропогенных воздействий. Второй важный фактор – прямое уничтожение растений вследствие чрезмерной их добычи. В то же время сукцессивная трансформация ценозов может привести к созданию таких условий, при которых вид устраняется естественным путем. Многие редкие виды характерны для сообществ с разреженным травяным покровом, обладают пониженной конкурентной способностью и могут хорошо развиваться на антропогенно нарушенных участках, где снижена численность их конкурентов.

Является актуальным установление степени естественности природных систем в силу их антропогенных трансформаций. Необходимы исследования по оценке состояния растительности ландшафтных структур и, в первую очередь, лесных комплексов, которые занимают основное место в функционировании экосистем.

В сохранении биологического и ландшафтного разнообразия в Беларуси главная роль принадлежит особо охраняемым природным территориям (ООПТ). В границах ООПТ обеспечивается охрана ландшафтов, особо ценных растительных сообществ, редких и находящихся под угрозой исчезновения видов дикорастущих растений и диких животных. Одной из таких территорий является ландшафтный заказник республиканского значения «Стрельский».

Цель исследования – изучить эколого-фитоценотические особенности растительного покрова юго-западной части ландшафтного заказника «Стрельский».

Методика проведения исследования. По лесорастительному районированию Беларуси [1] ландшафтный заказник республиканского значения «Стрельский» относится к Центрально-Полесскому комплексу лесных массивов Полесско-Приднепровского лесорастительного района подзоны широколиственно-сосновых лесов. Согласно географическому районированию территория исследования расположена в пределах Василевичской равнины Гомельского Полесья. На территории исследования доминируют сосновые формации лесов (72 % покрытых лесом земель). Болотные леса

занимают около 11 % от общей площади лесов [2]. Район исследования относится к Житковичско-Мозырскому агроклиматическому району. Климатические условия в целом благоприятны для произрастания сосны, дуба, ясеня, клена, березы, осины. Ель можно культивировать в местах ее естественной встречаемости.

Согласно схеме геоморфологического районирования [3] территория исследования относится к области Полесской низменности, подобласти Белорусского Полесья. Западная часть относится к Мозырской краевой ледниковой возвышенности с прилегающей к ней водно-ледниковой равниной.

Согласно ландшафтному районированию [3] территория исследования относится к подзоне Полесских ландшафтов Полесской провинции Лельчицких плосковолнистых водно-ледниковых ландшафтных районов с сосняками и Житковичско-Василевичских плосковолнистых озерно-аллювиальных ландшафтов с широколиственно-сосновыми, сосновыми лесами, болотами.

Особенности геоморфологического строения обуславливают уникальность территории [4], характеризующейся большим ландшафтным разнообразием, выраженной неоднородностью природных комплексов, почвенного покрова, разнообразием экологических групп и географических элементов флоры.

Мониторинг видового разнообразия таксономических групп растений заказника «Стрельский» проводили маршрутным методом. Во время следования по ним составляли флористическое описание [5]. На маршруте определяли его протяженность с помощью GPS-навигатора, с использованием топографической карты Республики Беларусь и карты-схемы «План Криничанского лесничества ГОЛХУ «Мозырский опытный лесхоз».

Всего было проложено 3 маршрута в сосновых формациях заказника «Стрельский» общей протяженностью 9,9 км. На территории заказника «Стрельский» сосновые леса являются коренными. По проложенным маршрутам в юго-западной части заказника определены состав деревьев, их возраст, высота, диаметр, бонитет, полнота. Описан подлесок, подрост и живой напочвенный покров. На основании полученных данных определен тип леса и выделены ассоциации [5]. Составлен список флоры заказника. При анализе списка флоры сосновых лесов юго-западной части охраняемой территории выделены экологические группы растений по отношению к свету, трофности, влажности, выделены географические элементы.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате мониторинга флоры исследуемой территории описано 111 видов, представленных 41 семейством. Наиболее обширными по количеству видов являются семейства: сложноцветные (18 видов), розоцветные (8 видов), бобовые (8 видов), гвоздичные (6 видов). Практически все описанные виды являются хозяйственно полезными.

Экологический анализ растительного покрова является важнейшим способом, позволяющим объяснить взаимосвязь растений со средой их обитания. В связи с этим выделены экологические группы растений по отношению к свету, влажности и трофности.

Очень важным экологическим фактором, влияющим на биоценозы заказника, является солнечный свет (рисунок 1).

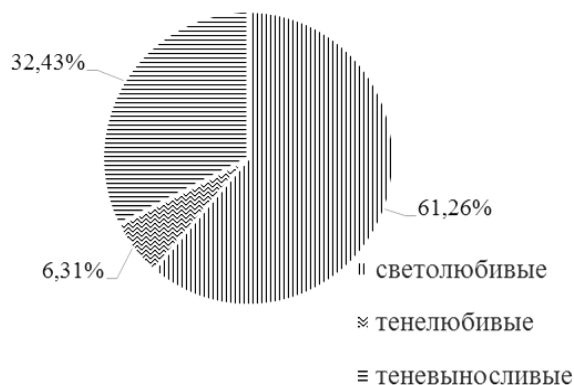


Рисунок 1. – Экологические группы растений по отношению к свету

На трех маршрутах исследования наиболее многочисленной группой являются светолюбивые растения – 61,26 % (*Pinus sylvestris L.*, *Betula pendula Roth*, *Berteroa incana (L.) Dc. u др.*). Теневыносливые виды составляют 32,43 %, типичными из которых являются *Vaccinium vitis-idaea*, *Frangula alnus*, *Urtica dióica*. Сциофиты составляют только 6,31 % (*Vaccinium myrtillus L.*, *Carpinus betulus L.*, *Oxalis acetosella L.*, *Asarum europaeum L.*, *Pyrola rotundifolia L.*). Преобладание группы гелиофитов в целом характерно для умеренной зоны, особенно для формации сосновых лесов.

Спектр гидроморф изученной территории носит мезофитный характер (рисунок 2).



Рисунок 2. – Экологические группы растений по отношению к влажности

По отношению к влажности почвы в составе флоры наиболее многочисленны мезофиты (57,66 %), поскольку для изучаемой территории наиболее характерны умеренно увлажненные экотопы. Типичными представителями мезофитов являются *Dactylis glomerata L.*, *Tripleurospermum inodorum (L.) Sch. Bip.*, *Plantago major L.* Ксеромезофиты (*Knautia arvensis L.*, *Linaria vulgaris (L.) Mill.*) и мезоксерофиты (*Silene tatarica (L.) Pers.*, *Thymus serpyllum L.*) составляют, соответственно 14,41 % и 10,81 %. Доля гигрофитов (*Alnus glutinosa (L.) Gaertn.*, *Vaccinium uliginosum L.*) и ксерофитов (*Pinus sylvestris L.*, *Helichrysum arenarium L.*) среди всех видов – 6,31 % и 3,60 %, соответственно. Единично представлены суккуленты.

Большое влияние на жизнь растений оказывает трофность местообитаний. Она обуславливает биологическую продуктивность и зависит от количества биогенных элементов, находящихся в почве. Сосна имеет широкий экологический диапазон. Из описанных видов наиболее многочисленными оказались мезотрофы (60,36 %), среди которых – *Erigeron canadensis*, *Calamagrostis epigeios*, *Taraxacum officinale* (рисунок 3).



Рисунок 3. – Экологические группы растений по отношению к трофности

Эвтрофы и олиготрофы составили, соответственно, по 27,03 % и 12,61 %. Эвтрофы (*Alnus glutinosa* (L.) Gaertn., *Corylus avellana* L.) и мезотрофы (*Campanula persicifolia* L., *Plantago major* L.) встречаются на более пониженных участках с большим количеством биогенных элементов, в некоторых случаях, на почвах, подстилаемых моренной. Олиготрофы (*Sedum acre* L., *Hypericum perforatum* L.) приурочены к суходолам на вершинах склонов.

Неоднородность природных комплексов и почвенного покрова обуславливает разнообразие типов леса и растительных ассоциаций.

Смена типов леса сосновой формации и видового состава флоры ландшафтного заказника «Стрельский» происходит, как правило, постепенно, в зависимости от изменения почвенного покрова, а также увлажнения и экспозиции склонов [1], [6].

Доминирующими типами леса в юго-западной части охраняемой территории являются сосняк мшистый и сосняк орляковый.

Сосняк мшистый (рисунок 4) (*Pinetum pleuroziosum*) распространен на дерново-подзолистых песчаных и легкосупесчаных почвах, занимает слегка повышенные и ровные участки рельефа. Состав древостоя сложный: 6–10С до 8Б(б)2С и 5С1Д4Б(б). Иногда отмечена примесь осины. Бонитет насаждений сосны I и II классов. В подлеске встречаются преимущественно можжевельник обыкновенный (*Juniperus communis* L.), рябина (*Sorbus aucuparia* L.) и крушина ломкая (*Frangula alnus* Mill.).



Рисунок 4. – Сосняк мшистый (*Pinetum pleuroziosum*)

В пределах сосняка мшистого отмечены три ассоциации: сосняк можжевельниково-мшистый, чернично-мшистый и бруснично-мшистый, с доминированием первой.

В напочвенном покрове из моховидных произрастают *Pleurozium schreberi* и *Dicranum polysetum*.

Травяно-кустарничковый ярус в сосняке можжевельниково-мшистом представлен: *Diphysastrum complanatum*, *Calluna vulgaris*, редко – *Vaccinium myrtillus*; в сосняке черничном – *Vaccinium myrtillus*, *Pyrola rotundifolia*, единично – *Vaccinium vitis-idaea*, в сосняке брусничном – *Vaccinium vitis-idaea*, *Vaccinium myrtillus*, *Pyrola rotundifolia*.

Сосняк орляковый (рисунок 5) (*Pinetum pteridiosum*) приурочен к дерново-подзолистым супесчаным почвам на повышенных элементах рельефа, верхних частях склонов. Состав древостоя достаточно сложный: 6–10С до 5Б(б)3Ос1Д1С; 5Д1С2Ос2Б(б), с примесью клена платановидного. Бонитет насаждений, как правило, I, IA и II классов. Имеются дубовые насаждения возрастом 135–140 лет, имеющие бонитет III класса. Подрост этого типа леса чаще представлен *Quercus robur*, реже – *Carpinus betulus*, *Betula pendula*, в подлеске – *Frangula alnus*, *Sorbus aucuparia*, реже *Juniperus communis*.



Рисунок 5. – Сосняк орляковый

В сосняке орляковом выделены три ассоциации: березово-орляковая, дубово-орляковая, и осиново-орляковая. Доминирует березово-орляковая. Кроме орляка, здесь произрастают *Maianthemum bifolium*, *Pyrola rotundifolia*, *Convallaria majalis*, *Trientalis europaea*, *Oenothera biennis*, *Urtica dióica*, на границах – *Hypericum perforatum*, *Calamagrostis epigeios*, *Bromus inermis*, *Centaurea phrygia*.

На исследованной территории также описаны сосняк вересковый, кисличный и черничный, которые представлены значительно реже.

Сосняк вересковый (*Pinetum callunosum*) встречается в верхней части пологих склонов, на плато, приурочен к дерново-подзолистым песчаным почвам. Состав насаждений: 10С, с примесью березы. Бонитет II класса. Выделена одна ассоциация: сосняк березово-вересковый, представленный лесными культурами. Здесь произрастает *Calluna vulgaris*, *Jasione Montana*, *Silene tatarica*, *Hieracium pilosella*, пятнами – *Thymus serpyllum*.

Сосняк кисличный (*Pinetum oxalidosum*) приурочен к нижним частям склонов, плато, где преобладают дерново-подзолистые супесчаные почвы. Состав насаждений широк: 4Д2Г1Кл1Б2С – 5Д2Ос2Б1Г. Бонитет колеблется от 1 до 3 класса. Отмечены дубовые насаждения 130–140 лет, которые требуют особой охраны. В подросте присутствуют *Carpinus betulus*, *Acer platanoides*, в подлеске – *Corylus avellana*, *Frangula alnus*, *Sorbus aucuparia*.

Выделена одна ассоциация: сосняк лещиново-кисличный. Из травяно-кустарничкового яруса произрастает *Oxalis acetosella*, *Vaccinium myrtillus*, *Maianthemum bifolium*, *Galium verum*, *Cota tinctoria*, *Campanula persicifolia*, *Echium vulgare*.

Сосняк черничный (*Pinetum myrtillosum*) приурочен к супесчаным и песчаным почвам на пониженных местообитаниях. Состав древостоя: 8С2Б, насаждения бонитета I класса. В подросте – *Quercus robur* и *Carpinus betulus*. Выделена березово-черничная ассоциация, где в травяно-кустарничковом ярусе представлены *Vaccinium myrtillus*, *Vaccinium vitis-idaea*, *Pteridium aquilinum*.

Выводы

На основании проведенных исследований составлен аннотированный список флоры юго-западной части заказника «Стрельский». Видовое разнообразие растений представлено 111 видами. Описанные виды относятся к 41 семейству, 6 классам, 5 отделам.

Определены доминирующие типы леса и выделены растительные ассоциации юго-западной части заказника «Стрельский». В сосновых лесах юго-западной части заказника описаны 5 типов леса: сосняк мшистый, орляковый, вересковый, кисличный, черничный. В сосняке мшистом и орляковом выделены по 3 ассоциации, соответственно: сосняк можжевельниково-мшистый, чернично-мшистый, бруснично-мшистый и березово-орляковый, дубово-орляковый, осиново-орляковый. В вересковом, кисличном и черничном сосняках отмечено по одной ассоциации: сосняк березово-вересковый, сосняк лещиново-кисличный, сосняк березово-черничный.

Из описанных видов наиболее многочисленными оказались: по отношению к свету – гелиофиты (61,26 %), по отношению к влажности почвы – мезофиты (57,66 %), по отношению к тропности – мезотрофы (60,36 %).

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Юркевич, И. Д. География, типология и районирование лесной растительности Белоруссии [Текст] / И. Д. Юркевич, В. С. Гельтман ; Ин-т эксперим. ботаники и микробиологии Акад. наук БССР. – Минск : Наука и техника, 1965. – 288 с.
2. Якимов, Н. И. Лесные культуры и защитное лесоразведение : учеб. пособие для студентов специальности «Лесное хозяйство» : в 2 ч. / Н. И. Якимов, В. К. Гвоздев, В. В. Носников. – Минск : БГТУ, 2019. – Ч. 2. – 222 с.
3. Биологическое разнообразие Белорусского Поозерья : монография / Л. М. Мержвинский [и др.] ; под ред. Л. М. Мержвинского. – Витебск : УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2011. – 413 с.
4. Лесостроительный проект Государственного лесохозяйственного учреждения «Калинковичский лесхоз» Гомельского государственного производственного лесохозяйственного объединения на 2015–2024 гг. / А. П. Кулагин [и др.]. – Лесостроительное республиканское унитарное предприятие «Белгослес». – Минск, 2014. – 283 с.
5. Методы полевых экологических исследований : учеб. пособие / О. Н. Артаев [и др.] ; редкол.: А. Б. Ручин (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – 412 с.
6. Определитель высших растений Беларуси / под ред. В. И. Парфёнова. – Минск : Дизайн ПРО, 1999. – 472 с.

Поступила в редакцию 04.02.2020

E-mail: elena.huminskaya@yandex.ru

E. Yu. Huminskaya, L. A. Bukinevich, V. Krauchanka

COLOGICAL AND PHYTOCENOTIC RESEARCHES OF VEGETABLE COVER OF THE SOUTH-WESTERN PART OF THE STRELSKY LANDSCAPE RESERVE

The following data was taken while doing research on the territory of State Landscape Reserve “Strelsky” (the reserve of the state significance); 5 types of forests were described; Pinetum pleurozium and Pinetum pteridiosum dominate. 111 types and 41 families represent the flora of the region. The mentioned further types are the most multitudinous ones: 61,26 % – heliophytes (with regard to light); 57,66 % - mesophytes (with regard to humidity), 60,36 % – mesotrophs (with regard to trophicity).

Keywords: reserve, flora, taxonomic groups, formation, pine forests, ecological groups.

УДК 599.735.51:577.115

И. В. Котович¹, О. П. Позывайло², В. П. Баран³, Т. М. Ярошевич⁴

¹Кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой биолого-химического образования, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Кандидат ветеринарных наук, доцент, декан технолого-биологического факультета, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

³Кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой химии, УО «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины», г. Витебск, Республика Беларусь

⁴Магистр биологических наук

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПЕРОКСИДНОГО ОКИСЛЕНИЯ ЛИПИДОВ И АНТИОКСИДАНТНОЙ СИСТЕМЫ КРОВИ КОРОВ-ПЕРВОТЕЛОК В ЛАКТАЦИОННЫЙ И СУХОСТОЙНЫЙ ПЕРИОДЫ

Проведенные исследования по определению показателей пероксидного окисления липидов и антиоксидантной системы и их динамики в течение лактационного и в сухостойный периоды в крови коров-первотелок ГСХУ «Мозырская сортоиспытательная станция» Мозырского района Гомельской области показали, что между данными системами отмечался разновекторный характер изменений. К середине лактационного периода отмечается повышение уровня первичных (диеновых конъюгатов), вторичных (кетодиенов и триенкетонов) и конечных (оснований Шиффа) продуктов ПОЛ. На фоне дисбаланса между содержанием меди, железа, кобальта и гемоглобина выявлен низкий уровень антиоксидантов в сыворотке крови исследованных животных, который свидетельствует о слабой активности АОС в течение лактационного и в сухостойный периоды.

Ключевые слова: диеновые конъюгаты, кетодиены, триенкетоны, ТБК-активные продукты, основания Шиффа, церулоплазмин, аскорбиновая кислота, гемоглобин, железо, кобальт, медь, сыворотка крови, коровы-первотелки.

Введение

Одной из приоритетных задач, стоящих перед агропромышленным комплексом Республики Беларусь, является максимальная реализация потенциала продуктивности сельскохозяйственных животных [1]. Повышение продуктивности в животноводстве возможно только на основе глубоких знаний взаимоотношений организма с окружающей средой и внедрения в производство биологически обоснованной системы содержания и кормления животных, обеспечивающей интенсификацию отрасли с применением передовых технологических процессов [2].

В настоящее время доказано, что процессы перекисного окисления липидов (ПОЛ) являются одной из важнейших сторон метаболизма и играют существенную роль в обеспечении процессов жизнедеятельности животных [3]. Стационарный уровень интенсивности перекисного окисления липидов характерен для всех нормальных клеток и тканей и является одним из основных биологических инструментов модификации свойств биомембран и мембранозависимых процессов. С одной стороны, интенсивность этого класса биохимических реакций в организме определяется деятельностью систем, генерирующих свободные радикалы и, прежде всего, активные формы кислорода, а, с другой, многоуровневой системой антиоксидантной защиты [4]–[6].

Будучи универсальным неспецифическим механизмом, перекисное окисление липидов и антиоксидантная система контролируют состояние клеточных мембран как в норме, так и при патологических состояниях. Равновесие этих систем обеспечивает нормальную проницаемость мембран и ионный транспорт, регулирует биоэнергетические реакции митохондрий, а также оказывает влияние на естественную репарацию клеточных мембран животных [7].

В организме в результате окислительно-восстановительных реакций постоянно происходит генерация активных форм кислорода (АФК), которые обладают высокой реакционной способностью, вызывая, в частности, окислительную модификацию биополимеров, таких как белки, липиды, нуклеиновые кислоты и углеводы [8]. Радикалы кислорода, несмотря на свою реакционность и потенциальную токсичность, в малых концентрациях являются нормальными метаболитами множества биохимических реакций в клетке. В физиологических условиях свободнорадикальные реакции протекают на низком уровне. Процессы, протекающие с участием радикалов кислорода,

свидетельствуют о важной роли этих соединений в поддержании гомеостаза, формировании резистентности организма против инфекций, обеспечении регенерации тканей и органов. Если процесс генерации АФК усиливается, это может явиться и является пусковым фактором развития целого перечня разнообразных патологических процессов [9]–[11].

Адекватность защиты от избыточного образования активных форм кислорода обеспечивается согласованностью действий всех звеньев антиоксидантной системы (АОС), а каждый ее компонент функционирует в строго очерченных границах на различных этапах свободнорадикального окисления липидов [12]. Многочисленные исследования подтверждают важную роль дисбаланса в цепи «перекисное окисление липидов – антиоксидантная система» на различных этапах развития организма животных. Сбой в согласованности работы этих систем ведет к неконтролируемой активации и накоплению в организме токсических продуктов ПОЛ, которые подавляют клеточные механизмы энергообеспечения, ингибируют большое число мембранозависимых ферментов, биосинтез белка и нуклеиновых кислот, нарушают процессы клеточного деления, дифференцировки, проницаемости, транспорта веществ через мембраны и т. д. Поэтому повреждающему действию перекисного окисления липидов препятствует именно многокомпонентная антиоксидантная система, которая обеспечивает связывание радикалов, предупреждает образование или инактивирует перекиси [5], [6], [9], [12].

В таких условиях одной из наиболее актуальных задач является объективный мониторинг метаболического статуса организма крупного рогатого скота на разных этапах его развития. Определенный теоретический и практический интерес представляет исследование системы ПОЛ-АОС для определения референтных величин, характеризующих состояние организма лактирующих коров разной продуктивности. Благодаря этому возможно своевременное выявление нарушения протекания обменных процессов, проведение необходимых лечебных и профилактических мероприятий, а также корректировка кормления и содержания животных в различные периоды их промышленной эксплуатации [7].

Целью работы явилось исследование показателей перекисного окисления липидов и антиоксидантной системы сыворотки крови у коров-первотелок в течение лактационного и в сухостойный периоды и их сравнительная оценка.

Методы исследования. Работа проведена на базе молочного комплекса государственного сельскохозяйственного учреждения «Мозырская сортоиспытательная станция» Мозырского района Гомельской области (д. Прудок). При выполнении работы изучались показатели прооксидантного статуса коров-первотелок на 5–6-м месяцах лактации и в сухостойном периоде, а неферментативного звена антиоксидантной системы – в сухостойный период. Полученные результаты сравнивались с исследованными ранее показателями прооксидантно-антиоксидантной системы крови коров [13], [14].

Для этого в начальный период лактации в ГСХУ «Мозырская сортоиспытательная станция» комплекс-600 было отобрано по 10 коров-первотелок черно-пестрой породы живой массой 480–500 кг и суточным удоем 14–18 кг молока. Животные находились в одной секции с беспривязным содержанием. Кровь от животных брали из яремной вены утром до кормления в стерильные пробирки с соблюдением правил асептики и антисептики.

В сыворотке крови определяли уровень общих липидов, показатели прооксидантной системы – уровень диеновых конъюгатов, кетодиенов, триенкетонов, ТБК-активных продуктов, оснований Шиффа и неферментативного звена антиоксидантной системы – содержание аскорбиновой кислоты и активность церулоплазмينا.

Для более полной характеристики состояния перекисного окисления липидов и антиоксидантной системы первотелок исследовали уровень гемоглобина, меди и кобальта в цельной крови, железа – в сыворотке крови.

Продукты перекисного окисления липидов в сыворотке крови экстрагировали гептан-изопропанольной смесью (соотношение 2:1). Оптическую плотность гептанового экстракта регистрировали на спектрофотометре РВ 2201 (Республика Беларусь). Показания абсорбции при 232 нм (A_{232}) соответствовали содержанию диеновых конъюгатов, при 278 нм (A_{278}) – суммарному уровню кетодиенов и триенкетонов, а при 400 нм (A_{400}) – содержанию оснований Шиффа [11], [15]. Уровень ТБК-активных продуктов определяли по реакции с тиобарбитуровой кислотой. Оптическую плотность буганольного экстракта регистрировали при 535 нм (специфическое поглощение) и при 580 нм (неспецифическое поглощение) [16].

Значения абсорбции A_{232} , A_{278} и A_{400} рассчитывали на мл сыворотки крови и на мг липидов сыворотки крови, а содержание ТБК-активных продуктов – на л сыворотки и на мг липидов. Содержание общих липидов в сыворотке крови определяли с использованием набора НТПК «Анализ-Х».

Показатели АОС определяли с использованием фотометрического метода: активность церулоплазмينا (ферроксидаза; КФ 1.16.3.1) по реакции окисления парафенилендиамина, а содержание аскорбиновой кислоты – по реакции с α, α' -дипиридиллом [17].

Концентрацию гемоглобина в цельной крови определяли гемиглобинцианидным методом с использованием набора НТПК «Анализ-Х», железа – фотометрическим методом (по образованию комплекса Fe^{2+} с хромогеном) с применением набора «Витал Диагностикс СПб», а кобальта и меди – атомно-абсорбционным методом на спектрофотометре Nova 300.

Обработка экспериментальных данных осуществлена с использованием пакета статистического анализа для «MSExcel».

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ проведенных нами исследований показал (таблица 1), что содержание диеновых конъюгатов, являющихся первичными продуктами ПОЛ, в сыворотке крови коров-первотелок на начальном этапе лактации незначительно превышает верхнюю границу нормативных критериев.

Таблица 1. – Показатели пероксидного окисления липидов сыворотки крови коров-первотелок на разных этапах лактационного и в сухостойный периоды

Исследованные показатели	Min–Max	M±m	Норма
<i>2–3-й месяц лактации</i>			
ОЛ, г/л сыворотки	2,850–7,010	3,806 ± 0,384	2,80–6,00
ДК, A_{232} /мл сыворотки	0,990–1,550	1,193 ± 0,049	–
ДК, A_{232} /мг липидов	0,152–0,417	0,332 ± 0,024	0,100–0,300
КД+ТК, A_{278} / мл сыворотки	0,110–0,410	0,208 ± 0,026	–
КД+ТК, A_{278} / мг липидов	0,037–0,100	0,058 ± 0,007	0,050–0,100
ТБК-АП, мкмоль/л	2,440–9,960	6,690 ± 0,700	0,25–1,00
ТБК-АП, мкмоль/мг липидов	0,680–3,210	1,850 ± 0,230	–
ОШ, A_{400} /мл сыворотки	0,050–0,335	0,136 ± 0,025	–
ОШ, A_{400} / мг липидов	0,017–0,082	0,037 ± 0,006	–
<i>5–6-й месяц лактации</i>			
ОЛ, г/л сыворотки	2,840–7,240	4,904 ± 0,516	2,80–6,00
ДК, A_{232} /мл сыворотки	1,200–2,550	1,840 ± 0,133	–
ДК, A_{232} /мг липидов	0,166–0,555	0,410 ± 0,042	0,100–0,300
КД+ТК, A_{278} / мл сыворотки	0,210–1,005	0,493 ± 0,087	–
КД+ТК, A_{278} / мг липидов	0,040–0,242	0,116 ± 0,019	0,050–0,100
ТБК-АП, мкмоль/л	2,070–5,830	3,554 ± 0,439	0,25–1,00
ТБК-АП, мкмоль/мг липидов	0,340–1,940	0,924 ± 0,183	–
ОШ, A_{400} /мл сыворотки	0,160–0,465	0,249 ± 0,029	–
ОШ, A_{400} / мг липидов	0,026–0,118	0,058 ± 0,010	–
<i>Сухостойный период</i>			
ОЛ, г/л сыворотки	3,510–8,790	5,542 ± 0,466	2,80–6,00
ДК, A_{232} /мл сыворотки	1,360–2,235	1,818 ± 0,146	–
ДК, A_{232} /мг липидов	0,183–0,545	0,347 ± 0,037	0,100–0,300
КД+ТК, A_{278} / мл сыворотки	0,205–1,000	0,539 ± 0,080	–
КД+ТК, A_{278} / мг липидов	0,035–0,192	0,102 ± 0,016	0,050–0,100
ТБК-АП, мкмоль/л	2,26–7,33	4,324 ± 0,460	0,25–1,00
ТБК-АП, мкмоль/мг липидов	0,41–1,70	0,821 ± 0,115	–
ОШ, A_{400} /мл сыворотки	0,155–0,470	0,256 ± 0,034	–
ОШ, A_{400} / мг липидов	0,026–0,090	0,048 ± 0,007	–

На 5–6-м месяце лактации практически у всех первотелок (80 %) содержание ДК превышало норму (0,100–0,300 ед. опт. пл. / мг липидов) и по отношению к начальному периоду лактации увеличилось на 23,49 % ($P > 0,05$) [10], [17]. В сухостойный период данный показатель соответствовал физиологической норме только у 40 % исследованных животных. В сравнении с 5–6-м месяцем лактации он снизился на 15,37 %, по отношению к началу лактации незначительно повысился (на 4,52 %). Однако данные изменения являлись недостоверными. Также отмечалась высокая вариабельность содержания ДК в сыворотке крови первотелок в течение лактационного периода ($C_v = 32–33$ %).

Суммарный уровень кетодиенов и триенкетонов (вторичные продукты ПОЛ) в сыворотке крови на 2–3-м месяце лактации не превысил нормативных критериев, а в середине лактации и в сухо-

стойный период оказался незначительно выше нормы. Необходимо также отметить, что данный показатель на 5–6-м месяце лактации увеличился по отношению к начальному периоду исследований в 2 раза ($P < 0,01$). Это свидетельствует об усилении процессов свободнорадикального окисления и накоплении вторичных продуктов липопероксидации к середине лактации, когда уровень молочной продуктивности достигает максимума. Повышение интенсивности ПОЛ в определенной степени может быть связано с избыточным количеством жиров и органических кислот в рационе, так как ненасыщенные жирные кислоты фосфолипидов клеточных мембран являются субстратами для активных форм кислорода.

В сухостойный период содержание кетодиенов и триенкетонов за счет более высокого уровня общих липидов в сыворотке крови снизилось на 12,07 % ($P > 0,05$) по сравнению с серединой лактации [10], [17]. Отмечался высокий уровень вариабельности значений по содержанию кетодиенов и триенкетонов в сыворотке крови исследованных коров на 5–6-м месяце лактации ($C_V = 50$ %) и в сухостойный период ($C_V = 55$ %).

Уровень ТБК-активных продуктов (вторичные продукты ПОЛ), основным компонентом которых является малоновый диальдегид, на протяжении лактации у всех исследованных коров оказался значительно выше нормативных показателей (0,25–1,00 мкмоль/л) и имел волнообразный характер изменения. Так, к середине лактации содержание ТБК-АП в расчете на л сыворотки крови снизилось на 46,88 % ($P < 0,01$) по отношению к начальному периоду исследований, а в сухостойный период имело место увеличение указанного показателя (на 21,67 %, $P > 0,05$). В то же время при расчете на мг липидов имеет место снижение уровня ТБК-АП как к середине лактации (на 50,05 %, $P < 0,01$), так и к сухостойному периоду (на 11,15 %, $P > 0,05$).

Основания Шиффа представляют собой конечные продукты ПОЛ. Они обладают высокой реакционной способностью и токсичностью. Увеличение их уровня в организме указывает на изменения в структуре клеточных мембран, связанные с образованием полимерных сшивок белков, а также с нарушением функционирования ферментов и других биомолекул [11], [17]. В то же время необходимо отметить, что в литературе не указаны нормативы по данному показателю для крупного рогатого скота с использованием спектрофотометрических методов. Учитывая тот факт, что мы исследовали клинически здоровых животных, полученные нами результаты можно использовать в качестве ориентировочных для оценки состояния ПОЛ у коров-первотелок.

Изменение содержания оснований Шиффа как конечных продуктов ПОЛ в течение лактации имело волнообразную картину и по тенденции изменения сходную с динамикой диенкетонов, кетодиенов и триенкетонов. Так, к середине лактации зарегистрировано увеличение содержания ОШ (более существенное в расчете на мл сыворотки – 83,09 %, $P < 0,01$). К сухостойному периоду за счет повышения содержания общих липидов наблюдается снижение уровня ОШ (на 17,24 %, $P > 0,05$).

Для более полной характеристики состояния пероксидного окисления липидов и антиоксидантной системы первотелок исследовали уровень гемоглобина, меди, железа и кобальта (таблица 2).

Таблица 2. – Содержание гемоглобина, железа, кобальта, меди и показатели антиоксидантной системы крови коров-первотелок на разных этапах лактационного периода

Исследованные показатели	Min–Max	M±m	Норма
<i>2–3-й месяц лактации</i>			
Медь, мкмоль/л	10,79–20,83	16,30±1,15	14,17–17,31
Железо, мкмоль/л	9,60–103,20	41,04±10,84	17,85–28,57
Кобальт, нмоль/л	223,73–955,93	544,07±72,88	510,00–850,00
Гемоглобин, г/л	108,00–179,00	144,89±8,10	99,00–129,00
ЦП, мкмоль/л	33,88–99,53	74,48±6,67	150,00–550,00
АК, мкмоль/л	7,85–36,49	23,68±2,88	34,09–85,23
<i>5–6-й месяц лактации</i>			
Медь, мкмоль/л	15,44–19,04	17,22±0,41	12,50–18,75
Железо, мкмоль/л	27,27–114,55	61,09±7,53	17,85–28,57
Кобальт, нмоль/л	657,12–909,32	770,97±27,81**	510,00–850,00
Гемоглобин, г/л	84,32–191,72	145,81±9,94	99,00–129,00
ЦП, мкмоль/л	56,47–89,65	67,06±3,85	150,00–550,00
<i>Сухостойный период</i>			
Медь, мкмоль/л	10,99–19,93	14,37±0,75	14,17–17,31
Железо, мкмоль/л	16,80–79,20	46,57±6,02	17,85–28,57
Кобальт, нмоль/л	256,05–392,76	328,37±16,89***	510,00–850,00
Гемоглобин, г/л	116,00–185,94	142,61±7,29	99,00–129,00

Продолжение таблицы 2

ЦП, мкмоль/л	6,35–14,82	10,45±1,10***	150,00–550,00
АК, мкмоль/л	10,99–39,43	27,41±3,20	34,09–85,23
P < 0,01 по отношению к начальному периоду лактации; *P < 0,001 по отношению к 5–6-му месяцу лактации.			

Примечание – Содержание гемоглобина и кобальта приведено в цельной крови, остальных показателей – в сыворотке крови.

Железо, кобальт и медь являются компонентами ряда ферментов и необходимы для процессов жизнедеятельности организма (кроветворение, окислительное фосфорилирование и др.). В то же время ионы Fe^{2+} и Cu^{+} могут вовлекаться в процессы ПОЛ. Вступая с пероксидом водорода в реакцию Фентона, они являются источниками наиболее реакционной из активных форм кислорода – радикала OH^{\bullet} , что приводит к нарушениям в функционировании клеточных структур и к их гибели [18].

Проведенные нами исследования показали, что уровень железа в сыворотке крови первотелок в начале лактации имел очень высокую вариабельность ($C_v = 84\%$) и, в целом, превышал нормативные величины [17]. На 5–6-м месяце лактации концентрация железа увеличилась на 48,85 % ($P > 0,05$) по отношению к начальному периоду лактации и практически у всех исследованных первотелок (90 %) была выше необходимой нормы и имела большую вариабельность ($C_v = 39\%$). Уровень железа в сухостойный период в сыворотке крови исследованных животных по отношению к начальному периоду лактации увеличился на 13,47 % ($P > 0,05$), а в отношении 5–6-го месяца лактации – снизился на 23,77 % ($P > 0,05$). При этом в данный период концентрация железа в сыворотке крови коров была выше физиологической нормы в 2,6 раза [17]. Высокое содержание данного элемента в первую очередь может оказывать токсическое действие на печень и селезенку, а также приводит к подавлению многих функций иммунитета, особенно клеточного [19]. Данная проблема осложняется еще и тем, что ионы железа являются индуктором ПОЛ, а следовательно, стимулируют возникновение свободных радикалов, которые могут вызвать повреждения ДНК и даже гибель клеток. Поэтому особенно опасны высокие дозы железа на фоне стрессовых ситуаций и дефицита антиоксидантов [10].

Анализ содержания меди в крови коров-первотелок показал, что он в среднем соответствовал нормативным величинам на протяжении всего срока исследования.

Уровень кобальта в крови первотелок имел большую вариабельность ($C_v = 32\%$) и был, в целом, близок к нижней границе нормы. При этом у 40 % исследованных первотелок были зарегистрированы низкие значения [17]. На 5–6-м месяце лактации содержание кобальта в цельной крови соответствовало физиологической норме и по отношению к начальному периоду исследований увеличилось на 41,70 % ($P < 0,01$). В сухостойный период содержание кобальта в цельной крови находилось ниже нормативных критериев у 100 % коров. При этом уровень данного микроэлемента в крови снизился по отношению к начальному периоду исследований на 39,61 % ($P < 0,01$), а по отношению к 5–6-му месяцу лактации – на 57,41 % ($P < 0,001$).

На фоне высокого уровня железа в сыворотке крови первотелок отмечалось повышенное содержание гемоглобина в цельной крови на протяжении всего срока исследований. Высокие уровни гемоглобина и железа создают предпосылки для интенсификации окислительных процессов в клетке и усиления ПОЛ.

Для поддержания в организме животных физиологического гомеостаза и нормального функционирования органов и тканей необходим баланс между функционированием прооксидантной и антиоксидантной систем. Переход биологической системы на более напряженный уровень деятельности сопряжен с повышенной потребностью в веществах, обладающих антиоксидантной активностью. Одним из основных антиоксидантов плазмы крови является белок церулоплазмин. Он нейтрализует радикалы $O_2^{\bullet-}$, связывает ионы Fe^{2+} и Cu^{+} , обладая ферроксидантным и купроксидантным свойствами, проявляя таким образом специфическую и неспецифическую антиоксидантную активность [10], [18], [20].

На фоне дисбаланса между содержанием меди, железа, кобальта и гемоглобина выявлен низкий уровень антиоксидантов в сыворотке крови коров-первотелок на протяжении всего срока исследований. Так, активность церулоплазмينا в сыворотке крови коров-первотелок на 5–6-м месяце лактации оказалась ниже физиологической нормы в 2,24 раза, а содержание аскорбиновой кислоты – в 1,34 раза. При этом по отношению к начальному периоду исследований активность церулоплазмينا снизилась на 9,96 % ($P > 0,05$), а уровень аскорбиновой кислоты незначительно увеличился (на 7,05 %, $P > 0,05$) и имел большую вариабельность значений ($C_v = 55\%$). В сухостойный период было отмечено незначительное повышение уровня аскорбиновой кислоты – на 8,13 %, в сравнении с серединой лактации, и на 15,75 % – по отношению к начальному периоду исследований. В то же время у 60 % обследованных коров сухостойного периода содержание данного антиоксиданта находилось ниже

нормативных величин [17]. По отношению к начальному периоду лактации активность церулоплазмينا снизилась на 85,97 % ($P < 0,001$), а в сравнении с 5–6-м месяцами лактации – на 84,42 % ($P < 0,001$).

Таким образом, низкий уровень церулоплазмينا и аскорбиновой кислоты в сыворотке крови свидетельствует о слабой активности антиоксидантной системы у первотелок в разные периоды лактации, когда организм коров характеризуется высокой напряженностью обменных процессов и подвержен воздействию различных стресс-факторов.

Расчет корреляций между показателями ПОЛ и АОС не показал синхронизации в работе данных систем. В начале лактации наиболее высокая степень зависимости была установлена между уровнем диеновых конъюгатов и аскорбиновой кислотой ($r = 0,431$). Определенная стабильность этой зависимости сохранилась в середине лактации и в сухостойный период ($r = 0,216$ и $0,301$ соответственно).

Обратная корреляционная зависимость средней силы в начальный период лактации была зарегистрирована между содержанием диеновых конъюгатов и активностью церулоплазмينا ($r = -0,624$), а также между уровнем оснований Шиффа и активностью церулоплазмينا ($r = 0,-475$). В середине лактации между большинством показателей ПОЛ и АОС установлена положительная корреляция средней и малой силы. Наиболее высокие показатели при этом были выявлены между содержанием ТБК-активных продуктов и аскорбиновой кислотой ($r = 0,578$), а также между содержанием оснований Шиффа и аскорбиновой кислотой ($r = 0,540$). Наиболее низкая корреляция отмечена между уровнем диеновых конъюгатов и активностью церулоплазмينا ($r = 0,-475$). В сухостойный период показатели взаимосвязи систем ПОЛ и АОС имели, в целом, положительную корреляционную зависимость средней и малой силы. Наиболее высокий уровень зависимости был установлен между уровнем ТБК-активных продуктов и аскорбиновой кислотой ($r = 0,452$).

Выводы

1. Сравнительный анализ показателей пероксидного окисления липидов и неферментативной антиоксидантной системы сыворотки крови в лактационный и сухостойный периоды коров-первотелок и их динамика имеют разновекторный характер изменений.

1.1. Отмечается повышение уровня первичных (диеновых конъюгатов), вторичных (кетодиенов и триенкетонов) и конечных (оснований Шиффа) продуктов ПОЛ к середине лактационного периода с незначительным снижением к сухостойному периоду. Содержание ТБК-активных продуктов, являющихся вторичными продуктами ПОЛ, на протяжении лактации у всех исследованных коров превышает нормативные критерии.

1.2. Содержание аскорбиновой кислоты и уровень церулоплазмينا в сыворотке крови коров имеют низкие величины, что на фоне высокого содержания гемоглобина в цельной крови и железа в сыворотке создают условия для усиления процессов пероксидного окисления липидов.

1.3. Среди показателей АОС наибольшую корреляционную зависимость с динамикой ПОЛ имеет аскорбиновая кислота.

2. Полученные результаты исследований могут быть использованы в качестве ориентировочных величин в оценке состояния липидного обмена и прооксидантно-антиоксидантного статуса организма коров-первотелок, а в комплексе с другими биохимическими показателями плазмы крови – для мониторинга физиологического состояния данных животных на разных этапах лактационного периода.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mshp.gov.by>. – Дата доступа: 01.06.2018.

2. Ярован, Н. И. Биохимические аспекты оценки, диагностики и профилактики технологического стресса у сельскохозяйственных животных : автореф. ... дис. д-ра биол. наук : 03.00.04 / Н. И. Ярован ; Моск. гос. акад. ветеринар. медицины и биотехнологии. – М., 2008. – 39 с.

3. Каширина, Л. Г. Перекисное окисление липидов и антиоксидантная защита организма у молочных коров разной продуктивности / Л. Г. Каширина, А. В. Антонов, И. А. Плющик // Вестн. Рязан. гос. агротехнол. ун-та. – 2013. – № 1. – С. 8–12.

4. Никанов, А. Ю. Биохимические и экологические аспекты формирования продуктивного здоровья первотелок и получения молока с высокими биологическими и гигиеническими свойствами : автореф. ... дис. канд. биол. наук : 03.01.04 / А. Ю. Никанов ; Всерос. науч.-исслед. ин-т жив-ва. – Дубровицы, 2015. – 22 с.

5. Высокогорский, В. Е. Пероксидация липидов и окислительная модификация белков молока и крови коров, больных эндометритом / В. Е. Высокогорский, Т. Д. Воронова, Н. А. Погорелова // Успехи совр. естествознания. – 2014. – № 3. – С. 81–85.

6. Копылов, С. Е. Перекисное окисление липидов у коров / С. Е. Копылов, Е. В. Пименов // Ветеринар. медицина. – 2012. – № 1. – С. 45–47.

7. Воскобойник, В. Ф. Ветеринарное обеспечение высокой продуктивности коров / В. Ф. Воскобойник. – М. : Росагропромиздат, 1988. – 287 с.
8. Новиков, В. Е. Роль активных форм кислорода в физиологии и патологии клетки и их фармакологическая регуляция / В. Е. Новиков, О. С. Левченкова, Е. В. Пожилова // Вестн. Смолен. гос. мед. академии. – 2015. – Т. 14, № 2. – С. 13–21.
9. Кузьмич, Р. Г. Перекисное окисление липидов и система антиоксидантной защиты организма животных : учеб.-метод. пособие / Р. Г. Кузьмич, Д. И. Бобрик, А. В. Саватеев. – Минск, 2004. – 58 с.
10. Перекисное окисление липидов и эндогенная интоксикация у животных (значение в патогенезе внутренних болезней животных, пути коррекции) : монография / С. С. Абрамов [и др.]. – Витебск : УО ВГАВМ, 2007. – 208 с.
11. Перекисное окисление липидов при неврологической патологии у детей / Е. М. Васильева [и др.] // Клинич. лаборатор. диагностика. – 2005. – № 2. – С. 8–12.
12. Искусных, О. Ю. Перекисное окисление липидов и система антиоксидантной защиты у животных при парентеральном применении озонированного физиологического раствора : дис. ... канд. биол. наук : 03.00.04 / О. Ю. Искусных. – Воронеж, 2001. – 145 л.
13. Показатели липидного обмена, перекисного окисления липидов и антиоксидантной системы крови у коров-первотелок на начальном этапе лактации / И. В. Котович [и др.] // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та. – 2019. – № 2 (52). – С. 33–59.
14. Позывайло, О. П. Содержание меди, железа, кобальта, гемоглобина и показатели антиоксидантной системы крови коров-первотелок в середине лактационного периода / О. П. Позывайло, И. В. Котович, Т. М. Ярошевич // Эколого-биологические аспекты состояния и развития Полесского региона : материалы VIII Междунар. заочной науч.-практ. конф. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2018. – С. 179–183.
15. Гаврилов, В. Б. Измерение диеновых конъюгатов в плазме крови по УФ-поглощению гептановых и изопропанольных экстрактов / В. Б. Гаврилов, А. Р. Гаврилова, Н. Ф. Хмара // Лаборатор. дело. – 1988. – № 2. – С. 60–64.
16. Гаврилов, В. Б. Анализ методов определения продуктов перекисного окисления липидов в сыворотке крови по тесту с тиобарбитуровой кислотой / В. Б. Гаврилов, А. Р. Гаврилова, Л. М. Мажуль // Вопросы мед. химии. – 1987. – № 1. – С. 118–122.
17. Методы ветеринарной клинической лабораторной диагностики : Справочник / И. П. Кондрахин [и др.] ; под ред. проф. И. П. Кондрахина. – М. : КолосС, 2004. – 520 с.
18. Gutteridge, J. M. Inhibition of the Fenton reaction by the protein caeruloplasmin and other copper complexes. Assessment of ferroxidase and radical scavenging activities / J. M. Gutteridge // Chem. Biol. Interact. – 1985. – V. 56. – P. 113–120.
19. Орлов, Ю. П. Метаболизм железа в биологических системах (биохимические, патофизиологические и клинические аспекты) / Ю. П. Орлов, В. Т. Долгих // Биомед. химия. – 2007. – Т. 53, Вып. 1. – С. 25–38.
20. Мжельская, Г. И. Биологические функции церулоплазмينا и их дифференциация при мутации генов, регулирующих обмен меди и железа / Т. И. Мжельская // Бюлл. эксперимент. биологии и медицины. – 2000. – Т. 130, № 8. – С. 124–133.

Поступила в редакцию: 20.01.2020

E-mail: oppozyvailo@mail.ru; ivkotovich@mail.ru

I. V. Kotovich, O. P. Pozvyvailo, V. P. Baran, T. M. Yaroshevich

COMPARATIVE EVALUATION OF PEROXIDE OXIDATION INDICATORS OF LIPIDS
AND ANTIOXIDANT SYSTEM OF COWS' BLOOD
IN LACTATION AND DRY PERIODS

The research was conducted to determine the indicators of lipid peroxidation and antioxidant system and the dynamics during lactation and in the dry periods in the blood of first-calf cows of the Mozyr Variety Testing Station in Mozyr district (Gomel region). The results showed that there was a multi-directional nature of changes between these systems. There is an increase in the level of primary (diene conjugates), secondary (ketodienes and trienketones) and final (Schiff bases) LPO products by the middle of the lactation period. A low level of antioxidants in the blood serum of the animals was revealed against the background of the imbalance between the contents of copper, iron, cobalt and hemoglobin. It indicates a weak AOS activity during lactation and dry periods.

Keywords: diene conjugates, ketodienes, trienketones, TBA-active products, Schiff bases, ceruloplasmin, ascorbic acid, hemoglobin, iron, cobalt, copper, blood serum, first-born cows.

УДК 581.2:581.524 (476-25)

А. Г. Чернецкая¹, Т. В. Каленчук², И. Э. Бученков³, И. В. Рышкель⁴

¹Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой общей биологии и генетики, УО «Международный государственный экологический институт А. Д. Сахарова»

Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь

²Ассистент кафедры биотехнологии, УО «Полесский государственный университет», г. Пинск, Республика Беларусь

³Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, заместитель директора по учебной и воспитательной работе, доцент кафедры общей биологии и генетики,

УО «Международный государственный экологический институт А. Д. Сахарова»

Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь

⁴Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры общей биологии и генетики, УО «Международный государственный экологический институт А. Д. Сахарова»

Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь

СОСТОЯНИЕ ДЕНДРОФЛОРЫ ЛОШИЦКОГО УСАДЕБНО-ПАРКОВОГО КОМПЛЕКСА Г. МИНСКА

Лошицкий парк – одна из красивейших природных достопримечательностей города Минска. В Лошицком парке сохранились элементы всех эпох садово-паркового искусства за всю историю Беларуси.

В статье показаны результаты исследований по изучению количественного и качественного состава и фитопатологического состояния древесной растительности на территории Лошицкого усадебно-паркового комплекса г. Минска. В ходе исследований получены данные о состоянии древостоя и фитопатогенном состоянии Лошицкого усадебно-паркового комплекса.

Ключевые слова: дендрофлора, рекреационные зоны, видовой состав, состояние древостоя, фитопатологическое состояние, Лошицкий усадебно-парковый комплекс г. Минска.

Введение

Деревья – один из важных элементов городского ландшафта. В современных городах зеленые насаждения выполняют множество функций. Санитарно-гигиенические качества зеленых насаждений основаны на высоких газопоглощительных и аккумуляционных свойствах растений. В зеленых зонах микрорайонов запыленность воздуха снижается на 40–50 %. Кроме того, растения обладают высокими шумозащитными свойствами, что используется при организации противошумовых барьеров на магистралях, улицах и в жилых кварталах. Также зеленые насаждения выполняют и эстетическую функцию, улучшают микроклимат, рассеивают слишком яркий свет [1], [2].

К деревьям, используемым для озеленения городов, предъявляется ряд отдельных требований. Они должны иметь не только эстетически выигрышную, но и легко контролируемую форму роста и устойчивость к болезням, вредителям, загрязнению и физическим повреждениям [3], [4]. Желательно, чтобы у листопадных деревьев цветки, плоды и осенняя окраска листьев были привлекательными. Весьма нежелательны: плохой запах от каких-либо частей дерева, присутствие в них химических веществ, угнетающих рост других видов, а также корневая система, склонная взламывать снизу уличное покрытие и давать отпрыски вдалеке от материнского ствола. Следует также учитывать влияние искусственного освещения и дополнительных источников тепла [5]–[8].

Целью нашего исследования являлось изучение количественного и видового состава, а также фитопатологического состояния древесной растительности Лошицкого усадебно-паркового комплекса города Минска.

Первое документальное упоминание о Лошицкой усадьбе датируется 1557 годом. В то время ее владельцем был Василий Толочинский из рода князей Друцких. За все время существования у Лошицы сменилось от 12 до 14 владельцев. Это и потомки Всеслава Чародея князя Друцкие-Горские, и князя Радзивиллы, и граф Антоний Прушинский.

В послереволюционный период парк находился в запустении. В 20-е годы прошлого века на территории Лошицкого парка по инициативе Николая Вавилова было создано белорусское отделение Всесоюзного института растениеводства. И в этом парке ученый-селекционер вывел практически все сорта злаковых культур, которые выращивают в Беларуси. Кроме того, Вавилов заложил огромный сад, посадил немало экзотических растений.

С 1987 года Лошицкое имение стало функционировать как отдел Национального художественного музея Республики Беларусь. И только лет семь назад, когда владельцем парка стал «Минскзеленстрой», в нем начались масштабные реставрационные работы. В 2011 году парк был обновлен и начал свою работу.

Лошицкий парк – одна из красивейших природных достопримечательностей города Минска. В нем сохранились элементы всех эпох садово-паркового искусства за всю историю Беларуси. В общем в данном комплексе имеется более чем 400 биологических видов (деревьев, кустарников, трав, насекомых, животных и птиц), а также в этих местах наблюдается 32 почвенные разновидности.

Благодаря некоторым владельцам усадьбы, располагавшейся некогда в Лошицком парке, туда были специально завезены редкие для Беларуси саженцы магнолии кобус, сибирской пихты, маньчжурского ореха, крымской и горной сосен, маньчжурского абрикоса, липы крымской, лиственницы Даурской, гортензии Бретшнейдера. Также особо можно выделить Липовую аллею, так как некоторым представителям данного рода (липы) более двухсот лет.

Всё это нуждается в защите от некоторых факторов окружающей среды, созданных человеком, являющих собой опасность в большей степени для растительного разнообразия комплекса. Главным фактором, определяющим экологическое состояние Лошицкого усадебно-паркового комплекса, является выполняемая им рекреационная функция. Это положительно влияет на инфраструктуру парка, но в то же время большой поток посетителей оказывает негативное влияние на экосостояние комплекса. Неблагоприятным для сохранения природы парка является расположение вблизи него двух производственных предприятий: «Минский камвольный комбинат» и «Минский хладокомбинат № 2».

В связи с этим Лошицкий парк является ценным местом и интересным экологическим объектом, который нуждается в соответствующей охране [1], [2], [9].

Материалы исследования. Лошицкий усадебно-парковый комплекс расположен на Минской возвышенности. Она представляет собой наиболее высокую часть Белорусской гряды, на северо-западе Минской области. Относительные превышения Минской возвышенности над соседними равнинами составляет более 150 м.

Поверхностные воды комплекса загрязнены. Индекс загрязнения воды в р. Свислочь составляет более 4. Для разбавления стоковых вод требуется объем чистой воды, составляющий примерно 200 %.

Средняя температура января – 6,4°C, июля – 18,8°C, осадков – 600 мм за год, вегетационный период – 197 суток. Раз в 8 лет осадков бывает более 720 мм, в засушливые годы – 340 мм. Максимальное суточное их количество раз в 5 лет не менее 52 мм, раз в 20 лет не менее 60 мм; 16.7.1893 суточная сумма осадков составила до 75 мм. Средняя максимальная высота снега за зиму достигает 22 см, в отдельные годы до 40 см. Среднее количество суток с метелью за год – 13, с туманом – 58, максимум – 76, с молнией соответственно – 30–35, с градом – 1 [1], [2].

Из 64 типов почвы, какие только есть в Беларуси, 32 находятся именно здесь, т. к. около 10 тысяч лет назад здесь проходила граница, на которой остановился последний ледник. Преобладают дерново-подзолистые супесчаные, песчаные или легкосуглинистые почвы, в поймах рек – торфяно-болотные (таблицы 1, 2) [1], [2].

Таблица 1. – Почвы агропочвенного района (в %)

Почвы	%
Дерново-подзолистые	48,2
Дерново-подзолистые заболоченные	18
Дерновые и дерново-карбонатные заболоченные	4,2
Пойменные (аллювиальные)	22,4
Торфяные	7,2

Таблица 2. – Почвы. Механический состав (в %)

Почвы	%
Суглинистые	6,8
Супесчаные	46
Торфяные	7,2

Методы исследования. Исходными данными для выполнения исследования явились:

- 1) специальная научная литература, методические пособия, другие литературные источники и документы по проблеме проведения исследования;
- 2) топографическая карта г. Минска;

3) полевые исследования территории района. Исследование проводилось методом пробных площадок.

Разработка методики наблюдений складывается из следующих пунктов:

- 1) выбор места и объекта наблюдений;
- 2) уточнение признаков, подлежащих наблюдению;
- 3) установление видового состава деревьев и их состояния.

Для исследования выбран Лошицкий усадебно-парковый комплекс.

Деревья оценивались по шкале категорий состояния древесных пород (Санитарные правила в лесах РФ, 1998):

«0» – здоровые: крона густая, листва зеленая, блестящая;

«1» – ослабленные: крона слабоажурная, небольшое угнетение роста, встречаются сухие побеги и ветви, листья зеленые, размеры листовой пластинки уменьшены;

«2» – сильно ослабленные: крона заметно изрежена, сухих ветвей до 50 %, листья мелкие и светлее обычных, преждевременно опадают;

«3» – усыхающие: крона сильно изрежена, сухих ветвей более 50 %, листва желтая, мелкая, преждевременно опадает, увядает.

Были определены коэффициенты состояния древесных пород.

Коэффициенты состояния (K_1, K_2, K_3 и т. д.) определяют для каждого вида деревьев по формуле:

$$K_1 = (\sum (b_1 \cdot n_1)) / N,$$

где K_1 – коэффициент состояния отдельных видов деревьев; b_1 – баллы состояния отдельных деревьев; n_1 – общее число деревьев каждого балла состояния; N – общее число учтенных деревьев каждого вида.

Также был определен коэффициент состояния лесного древостоя в целом (K) как среднее арифметическое коэффициентов состояния отдельных видов деревьев на пробной площадке:

$$K = (K_1 + K_2 + \dots + K_r) / R,$$

где K_1, K_2, \dots, K_r – коэффициенты состояния видов деревьев; R – число видов деревьев.

Оценка состояния древостоя леса производится, учитывая следующую градацию:

$K < 1,5$ – здоровый древостой;

$K = 1,6-2,5$ – ослабленный древостой;

$K = 2,6-3,5$ – сильно ослабленный лес;

$K = 3,6-4,5$ – усыхающий лес;

$K > 4,6$ – погибающий лес.

При коэффициенте от 2,0 до 2,5 состояние насаждения оценивается как угрожающее, восстановление его возможно только при снижении уровня загрязнения атмосферы и применении комплекса мероприятий по оздоровлению этих лесных насаждений.

При коэффициенте, превышающем 2,5, состояние оценивается как критическое, соответствующее началу распада лесных насаждений.

Итоги наблюдений фиксировались в таблицах, диаграммах и на фотографиях.

Результаты исследования и их обсуждение

На территории парка произрастает более 36 тысяч деревьев, 16 тысяч кустарников. На исследуемой площади определено 27 видов деревьев. Данные по состоянию основных видов деревьев и их количеству отражены в таблицах 3, 4.

Таблица 3. – Видовое разнообразие деревьев, произрастающих на исследуемой территории Лошицкого парка города Минска

Вид дерева (русское название)	Вид дерева (латинское название)	Семейство	Количество деревьев, шт.
1	2	3	4
Груша обыкновенная, или груша дикая	<i>Pyrus communis</i> L.	Rosaceae	70
Алыча, или Слива растопыренная	<i>Prunus cerasifera</i> Ehrh.	Rosaceae	19
Ель голубая, или Ель колочая	<i>Picea pungens</i> Engelm.	Pinaceae	11
Яблоня домашняя	<i>Malus domestica</i> L.	Rosaceae	58
Черешня, или Вишня птичья	<i>Prunus avium</i> L.	Rosaceae	18
Береза повислая	<i>Betula pendula</i> Roth.	Betulaceae	12
Берёза пушистая	<i>Betula pubescens</i> Roth.	Betulaceae	4
Веймутова сосна	<i>Pinus strobus</i> L.	Pinaceae	3

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4
Лиственница европейская	<i>Larix decidua</i> Mill.	Pinaceae	2
Магнолия кобус	<i>Magnolia kobus</i> var. <i>borealis</i> Sarg.	Magnoliaceae	1
Орех серый, или сердцевидный	<i>Juglans cinerea</i> L.	Juglandaceae	3
Абрикос маньчжурский	<i>Prunus mandshurica</i> (Maxim.) Koehne	Rosaceae	3
Ива белая «Chermesina»	<i>Salix alba</i> L.	Salicaceae	9
Каштан конский	<i>Aesculus hippocastanum</i> L.	Hippocastanaceae	10
Тополь черный	<i>Populus nigra</i> L.	Salicaceae	11
Ольха серая	<i>Alnus incana</i>	Betulaceae	52
Тополь серебристый	<i>Populus alba</i> L.	Salicaceae	6
Липа мелколистная	<i>Tilia cordata</i> Mill.	Tiliaceae	22
Ясень обыкновенный	<i>Fraxinus excelsior</i> L.	Oleaceae	50
Клен остролистный	<i>Acer negundo</i> L.	Aceraceae	336
Шиповник майский	<i>Rosa majalis</i> J. Herm.	Rosaceae	3
Осина	<i>Populus tremula</i> L.	Salicaceae	19
Ель обыкновенная	<i>Picea abies</i> L.	Pinaceae	43
Рябина обыкновенная	<i>Sorbus aucuparia</i> L.	Rosaceae	68
Вяз гладкий	<i>Ulmus laevis</i> Pall.	Ulmaceae	15
Дуб черешчатый	<i>Quercus robur</i> L.	Fagaceae	14
Робиния ложноакациевая	<i>Robinia pseudoacacia</i> L.	Robinia	18
Итого:			880

На 1 м² в среднем приходится 1,28 древесных растений. Также произрастает небольшое количество кустарников. Участок является достаточно озелененным. Доминантным видом на участке является Клен остролистный (*Acer platanoides*) – 38,19 %. Деревья в основном средневозрастные (старше 30 лет), но имеются и молодые посадки голубых елей и каштанов.

Таблица 4. – Состояние наиболее встречающихся видов деревьев, произрастающих на исследуемой территории Лошицкого парка города Минска

Вид дерева (русское название)	Вид дерева (латинское название)	Семейство	Количество деревьев, %	Коэффициент состояния вида
Клен остролистный	<i>Acer negundo</i> L.	Aceraceae	38,19	1,6
Груша обыкновенная, или груша дикая	<i>Pyrus communis</i> L.	Rosaceae	7,95	2,8
Рябина обыкновенная	<i>Sorbus aucuparia</i> L.	Rosaceae	7,73	1,4
Яблоня домашняя	<i>Malus domestica</i> L.	Rosaceae	6,59	2,5
Ольха серая	<i>Alnus incana</i>	Betulaceae	5,90	1,9
Ясень обыкновенный	<i>Fraxinus excelsior</i> L.	Oleaceae	5,68	1,5
Ель обыкновенная	<i>Picea abies</i> L.	Pinaceae	4,89	2,8
Липа мелколистная	<i>Tilia cordata</i> Mill.	Tiliaceae	2,50	2,8
Алыча, или Слива растопыренная	<i>Prunus cerasifera</i> Ehrh.	Rosaceae	2,16	1,3
Осина	<i>Populus tremula</i> L.	Salicaceae	2,16	1,7

Плодовые деревья, произрастающие на участке, являются уже достаточно старыми и одичалыми. Доминантным видом среди плодовых деревьев на участке является груша дикая (*Pyrus communis*) – 7,95 %.

Наши исследования показывают, что основной фонд зеленых насаждений представлен весьма ограниченным ассортиментом: *Sorbus aucuparia* L. (7,73 %), *Acer negundo* L. (7,39 %), *Malus domestica* L. (6,59 %) и др. Данные растения являются типичными для озеленения городской зоны (рисунок 1).

В ходе изучения флористического состава кустарников на территории парка было выявлено 4 вида кустарниковых растений (рисунок 2). Всего было исследовано 86 экземпляров.

Список изученных кустарниковых растений:

можжевельник казацкий – *Juniperus*; семейство Кипарисовые (*Cupressaceae*). Общее количество – 5 шт.;

пузыреплодник калинолистный также физокарпус калинолистный (*Physocarpus opulifolius*) – листопадный кустарник; вид рода Пузыреплодник семейства Розовые. Общее количество – 27 шт.;

спирея иволистная (*Spiraea*) – род листопадных декоративных кустарников семейства розовых (*Rosaceae*). Общее количество – 43 шт.;

снежноягодник, или снежник, или снежная ягода, или волчья ягода (лат. *Symphoricarpos*) – род листопадных кустарников, семейство Жимолостные (*Caprifoliaceae*) – 11 шт.



Рисунок 1. – Соотношение видов деревьев, произрастающих на исследуемой территории Лошицкого парка

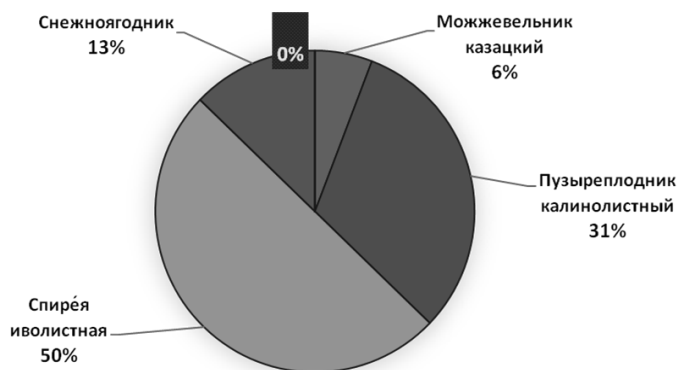


Рисунок 2. – Соотношение видов кустарников, произрастающих на исследуемой территории Лошицкого парка

Фитопатологическое состояние дендрофлоры Лошицкого парка города Минска. В ходе изучения фитопатологических заболеваний деревьев Лошицкого парка г. Минска было обнаружено множество заболеваний (таблица 5). Сухих и сильно поврежденных растений не обнаружено.

Таблица 5. – Заболевания и вредители дендрофлоры Лошицкого усадебно-паркового комплекса г. Минска

Вид дерева (русское название)	Вид дерева (латинское название)	Заболевание или вредители
Клен остролистный	<i>Acer negundo</i> L.	Ступенчатый рак (<i>Nectria galligena</i>), бурая пятнистость (<i>Phyllosticta pinna</i> Sacc.)
Груша обыкновенная, или груша дикая	<i>Pyrus communis</i> L.	Чёрный рак (<i>Sphaeropsis malorum</i>), бурая пятнистость (<i>Phyllosticta pinna</i> Sacc.), грушевая медяница (<i>Cacopsylla mali</i>), мучнистая роса (<i>Sphaerotheca pannosa</i>)
Рябина обыкновенная	<i>Sorbus aucuparia</i> L.	Бурая пятнистость (<i>Phyllosticta pinna</i> Sacc.)
Яблоня домашняя	<i>Malus domestica</i> L.	Мучнистая роса (<i>Sphaerotheca pannosa</i>)
Липа мелколистная	<i>Tilia cordata</i> Mill.	Галлы, липовый войлочный клещик (<i>Eriophyes tiliae varliosoma</i>)

При анализе фитопатологического состояния доминантных видов деревьев на изучаемом участке было выявлено, что 36,84 % стволов *Pyrus communis* заражено так называемым «чёрным раком». Чёрный рак – очень опасное заболевание плодовых деревьев, особенно груши. Возбудитель заболевания гриб *Sphaeropsis malorum* поражает листья, плоды, кору штамба и скелетных сучьев.

Наиболее опасной формой является заболевание коры, в результате которого пораженные деревья дают пониженный урожай. Если поражена кора, то вначале на ней появляется красновато-бурое, слегка западающее пятно. Здоровая кора по краям пятна вследствие усиленного роста тканей приподнимается и на границе между здоровой и больной корой происходит разрыв, ведущий к образованию трещин, расположенных зонами вокруг места заболевания.

Также было выявлено, что заражены грибом виды, которые соседствуют друг с другом, находятся на относительно небольшом расстоянии друг от друга, что свидетельствует о распространении *Sphaeropsis malorum* воздушным путем. Возраст зараженных видов – приблизительно 60–100 лет.

Также 56 % листьев *Pyrus communis* были поражены бурой пятнистостью, возбудителем которой является гриб *Phyllosticta pinna* Sacc. При такой болезни листьев груши, как бурая пятнистость, появляются бурые округлые или неправильной формы пятна, которые часто сливаются между собой. Симптомы поражения листьев бурой пятнистостью в период разрастания пятен и их побурения напоминает ожоги. В некротической ткани со временем формируются мелкие точечные бурые плодовые тела зимующей стадии. Листья желтеют и преждевременно опадают, что сказывается на вызревании древесины побегов и их морозоустойчивости. Инфекция сохраняется в пораженных опавших листьях. При изучении было выбрано 100 случайных листьев, на которых были произведены замеры, и выявлено, что общая площадь поражения листьев составляет приблизительно 15 %.

Помимо поражения растений грибом, было выявлено, что листья растения подвергались атакам грушевой медяницы (*Cacopsylla mali*) – насекомого из семейства листоблошки (*Psyllidae*). Вредит повсеместно, особенно часто в Центральном и Северо-Западном регионах; монофаг, повреждает яблоню и грушу. В результате недоразвиваются листья, осыпаются бутоны, цветки и завязи, уменьшается масса плодов, ухудшается формирование плодовых почек под урожай будущего года. Как правило, сильнее повреждаются сорта более позднего срока цветения с густой кроной и толстой морщинистой корой на плодовых побегах, карликовые и полукарликовые формы – меньше. Сильнее заселяются ряды сада, граничащие с лесом или лесополосами. Интенсивному размножению яблонной медяницы благоприятствует умеренно теплая и влажная погода.

На исследуемом участке также обнаружено заболевание мучнистая роса (*Sphaerotheca pannosa*). 100 % диких яблонь поражено этим заболеванием, а также 27 % черешен и 33 % груш. Поражение листовой пластины колеблется от 13 % до 37 %, что в среднем дает 25 % повреждения листа. Каждое же дерево поражено в среднем на 35 %.

Также объектом для оценки фитопатологической ситуации как доминантный вид был выбран клен остролистный (*Acer negundo* L.). Для начала был проведен визуальный осмотр и выявлено, что около 75 % деревьев поражены ступенчатым раком. Возбудитель – сумчатый гриб *Nectria galligena*. Поражаются дуб, клен, липа, ясень и другие породы. Заражение осуществляется аскоспорами и конидиями. Гриб поражает кору, луб, камбий, заболонь. Мицелий развивается в тканях дерева в течение многих лет, вызывая ежегодное отмирание камбия и образование все новых каллюсов, вследствие чего возникают ступенчатые раны. Ступенчатый рак приводит к постепенному ослаблению деревьев, частичному усыханию кроны.

58 % листьев клена были поражены бурой пятнистостью, возбудителем которой является гриб *Phyllosticta pinna* Sacc. Общая площадь поражения листьев составляет приблизительно 16 %.

Самой пораженной оказалась липа сердцевидная. Примерно 95 % от всего вида липы поражено различными заболеваниями. Обнаружено минирование листьев липовым войлочным клещиком (*Eriophyes tiliae varliosoma*). На листьях появляются светлые галлы, которые впоследствии темнеют. Меньше заселялись одиночные деревья, в отличие от посадок аллеями или группами. Поврежденность листьев в среднем – 85 %.

Самой опасной для деревьев является тля, поскольку даже после заморозков остается много её живых особей. Более 70 % всех видов деревьев заражены тлей.

Видами деревьев, мало подвергающихся заражению, являются ольха серая *Álnus incána* L., ясень обыкновенный *Fraxinus excelsior* L., ель обыкновенная *Picea abies* L., Алыча, или Слива растопыренная *Prunus cerasifera* Ehrh., осина *Populus tremula* L. У подавляющего большинства кустарников не обнаружено признаков заболеваний.

Выводы

На основании проведенных в 2018 году исследований можно сделать следующие выводы:

1. В Лошицком усадебно-парковом комплексе города Минска произрастают преимущественно лиственных пород. На исследуемой территории имеется 23 лиственных, 4 хвойных породы деревьев и 4 вида кустарников.

2. Основной фонд зеленых насаждений представлен весьма ограниченным ассортиментом: клен остролистный (*Acer negundo L.*) – 38,19 %; груша обыкновенная, или груша дикая (*Pyrus comminis L.*) – 7,95 %; рябина обыкновенная (*Sorbus aucuparia L.*) – 7,73 %; яблоня домашняя (*Malus domestica L.*) – 6,59 %; ольха серая (*Alnus incana L.*) – 5,90 %; ясень обыкновенный (*Fraxinus excelsior L.*) – 5,68 %.

3. Основные виды деревьев подвергаются следующим видам заболеваний и вредителей:

клен остролистный (*Acer negundo L.*) – ступенчатый рак (*Nectria galligena*), бурая пятнистость (*Phyllosticta pinna Sacc.*);

груша обыкновенная, или груша дикая (*Pyrus comminis L.*) – чёрный рак (*Sphaeropsis malorum*), бурая пятнистость (*Phyllosticta pinna Sacc.*), грушевая медяница (*Cacopsylla mali*), мучнистая роса (*Sphaerotheca pannosa*);

липа мелколистная (*Tilia cordata Mill.*) – галлы, липовый войлочный клещик (*Eriophyes tiliae varliosa*).

4. Видами деревьев, мало подвергающихся заражению, являются ольха серая *Alnus incana L.*, ясень обыкновенный *Fraxinus excelsior L.*, ель обыкновенная *Picea abies L.*, Алыча, или Слива растопыренная *Prunus cerasifera Ehrh.*, осина *Populus tremula L.* У подавляющего большинства кустарников не обнаружено признаков заболеваний.

5. По полученным в ходе исследований данным состояние древостоя Лошицкого усадебно-паркового комплекса таково:

28,3 % – здоровые деревья;

43,4 % – ослабленные деревья;

28,3 % – сильно ослабленные деревья.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Булыгин, Н. Е. Дендрология / Н. Е. Булыгин. – М. : Агропромиздат, 2001. – 312 с.
2. Гроздов, Б. В. Дендрология / Б. В. Гроздов. – М. : Гослесбумиздат, 1960. – 245 с.
3. Бакутис, В. Э. Инженерная подготовка городских территорий / В. Э. Бакутис. – М. : Стройиздат, 1986. – 239 с.
4. Иванова, А. Д. Планировка и застройка городских жилых районов / А. Д. Иванова. – Киев : Изд-во акад. архитектуры Украины, 2003. – 154 с.
5. Денисов, М. Ф. Ландшафтное проектирование малых архитектурных форм : учеб. пособие / М. Ф. Денисов. – М. : Архитектура-С, 2006. – 91 с.
6. Клиорина, Г. И. Инженерная подготовка городских территорий / Г. И. Клиорина, В. А. Осин, М. С. Шумилов. – М. : ЮРАЙТ, 1984. – 331 с.
7. Николаевская, И. А. Благоустройство городов / И. А. Николаевская. – М. : Высшая школа, 2001. – 160 с.
8. Озеленение населенных мест : Справочник / В. И. Ерохина [и др.] ; под ред. В. И. Ерохиной. – М. : Стройиздат 1987. – 480 с.
9. Струк, М. И. Экологическое состояние ландшафтов пригородной территории Минска / М. И. Струк, С. Г. Живнач // Природопользование. – 2011. – Вып. 19. – С. 174–182.

Поступила в редакцию 05.11.2019

E-mail: chealval@gmail.com; chrysanthemum@list.ru; chealval@gmail.com

A. G. Chernetskaya, T. V. Kalenchuk, I. E. Buchenkov, I. V. Ryshkel

PHYTOPATHOLOGICAL CONDITION OF THE DENDROFLORA OF THE LOSHITSYA MANOR-PARK COMPLEX OF THE CITY OF MINSK

Loshitsky Park is one of the most beautiful natural attractions of the city of Minsk. Elements of all eras of landscape art in the entire history of Belarus have been preserved in Loshitsky Park.

The article shows the results of studies on the quantitative and qualitative composition and phytopathological state of woody vegetation in the territory of the Loshitsky estate and park complex in Minsk. In the course of the research, data were obtained on the state of the stand and the phytopathogenic state of the Loshitsya estate and park complex.

Keywords: dendroflora, recreational zones, species composition, state of the stand, phytopathological state, Loshitsya manor and park complex of Minsk.

ПЕДАГОГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 33/2964

Г. Ф. Бедулина¹, С. А. Лазуков²

¹Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии, УО «Белорусский государственный экономический университет», г. Минск, Республика Беларусь

²Магистр педагогических наук, заместитель директора по воспитательной работе, ГУО «Средняя школа № 3 г. Витебска», г. Витебск, Республика Беларусь

ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА XXI ВЕКА

В статье раскрывается проблема социализации подрастающего поколения в условиях информационного общества XXI века средствами Интернета. С помощью теоретического анализа научных источников и проведенного пилотажного исследования определяются основные характеристики современной социальной среды, специфика выражения и влияния факторов социализации на подростков в Интернет-пространстве. Выявлены особенности социализации подростков в современном информационном обществе, а также условия позитивного взаимодействия и сотрудничества детей и взрослых на основе создания единого информационного пространства.

Ключевые слова: информационное общество; Интернет-пространство; онлайн-среда; учреждения образования; подростки; социализация; обучающиеся.

Введение

В период интенсивного использования электронных, компьютерных, информационно-коммуникативных и цифровых технологий важнейшая роль в формировании ценностных и социальных норм подрастающего поколения отводится глобальной сети – Интернет. В таких стремительно развивающихся условиях информационного общества происходит социализация подростков.

В XXI веке Интернет стал новой социальной средой, которая оказывает двойственное влияние на социализацию подростка. С одной стороны, она обладает мощным образовательным потенциалом, с другой – оказывает негативное психологическое воздействие на формирующуюся личность.

Являясь важным фактором социализации, онлайн-среда влияет на изменение структуры досуга учащихся, на каналы получения информации и характер межличностных взаимодействий.

Разделяя мнение Авдуловой Т. П., следует отметить, что социализация подростков, в том числе средствами Интернета, должна способствовать выработке умения «ставить и творчески решать актуальные задачи, с которыми еще не сталкивались прошлые поколения, гибко оперировать источниками информации и уметь учиться» [1, с. 9].

Интернет – это не просто новая технология, но и новое информационное пространство, новая форма социальной реальности. Интернет-технологии трансформируют различные аспекты социального взаимодействия, порождая новые социокультурные феномены. Например, одним из таких феноменов стали компьютерные игры, которые благодаря Интернет-технологиям и выходу в онлайн-пространство достигли пика своей популярности. В мировом научном сообществе проводится масса исследований по изучению феномена воздействия онлайн-среды на процессы социализации детей и подростков.

Исследования ирландских ученых Catherine Kenny, Ian McCafferty, Killian Forde (The Integration Centre и the Cork Institute of Technology, Ireland) показали, что более половины ирландских подростков играют в многопользовательские видеоигры в социальных сетях регулярно, 29 % игроков-подростков завели друзей посредством онлайн-игр, 62 % игроков-подростков говорят о благоприятном отношении к представителям других культур и стран, в то время как лишь 50 % неиграющих подростков говорят о таком же отношении. Согласно данным исследования 55 % онлайн-игроков хотели бы общаться с представителями других стран и культур против 40 % неигроков, имеющих такое же желание [2, с. 189].

Результаты исследования сингапурских ученых Adam Chie-Ming Oei и Michael Donald Patterson (Nanyang Technological University, Singapore) свидетельствуют о том, что ежедневная непродолжительная игра в онлайн-игры может развить познавательные способности мозга, причем, развитие определенных способностей происходит в зависимости от типа и других особенностей игр, в которые играет пользователь. В целом, основываясь на данных исследований, можно говорить о том, что онлайн-среда является одним из видов современного досуга, она встроена в коммуникацию

и взаимодействие современных детей и подростков и при разумном (не чрезмерном) использовании выполняет ряд позитивных функций в процессах социализации обучающихся [2, с. 189–191].

Н. В. Угольников, изучая Интернет как институт социализации старших школьников, опираясь на работы М. Г. Абрамова, О. Н. Арестовой, А. Б. Курицкого, Р. Ф. Абдеева, Е. С. Полат, В. П. Беспалько, И. В. Роберта, Т. П. Авдуловой, пришел к выводу, что раньше Интернет использовался подростками для поиска необходимой информации, выступая в качестве «огромной библиотеки». В настоящий период Интернет представляет собой средство самореализации, общения и налаживания социальных связей [3, с. 12].

Анализ литературных источников показал, что проблематике социализации посвящены научные труды многих белорусских ученых.

Вопросы социализации несовершеннолетних, требующих особого педагогического внимания, рассмотрены в работах А. Н. Барановского, А. П. Сманцера, А. Д. Григорьева, Г. Ф. Бедулиной, Т. В. Кондрашенко, И. А. Левицкой, С. А. Игумнова, А. В. Торховой, В. Б. Шабанова, И. А. Фурманова, Ю. Г. Черняка, А. А. Глинского и др.

Особенности формирования личности несовершеннолетних отражены в работах отечественных педагогов О. С. Богдановой, Н. И. Болдырева, Д. И. Водзинского, З. И. Васильевой, К. В. Гавриловец, А. В. Зосимовского, И. И. Казимирской, В. М. Коротова, А. И. Кочетова, Т. М. Куриленко, И. С. Марьенко, Л. И. Новиковой, И. Ф. Харламова и др.

Исследования, раскрывающие педагогические основания социализации, проводились В. В. Гринкевич, Е. А. Савченко, И. А. Царик и др.

Актуальность изучения вопросов социализации несовершеннолетних в онлайн-пространстве подтверждена результатами фундаментального научного исследования Института социологии НАН Беларуси «Специфика молодежи как субъекта социокультурного пространства в условиях глобализации и информатизации современного общества».

Практическим направлением научного исследования вопросов социализации подростков в условиях информационного общества является инновационная деятельность по теме «Внедрение модели формирования культуры пользователя Интернет-ресурсами для этичного общения подростков в социальных сетях», которая реализуется с 2017 г. по настоящее время на базе 7 учреждений общего среднего образования согласно инструкции Министерства образования Республики Беларусь «О порядке осуществления экспериментальной и инновационной деятельности в сфере образования» (научный консультант – кандидат социологических наук, доцент Бедулина Г. Ф.).

Однако сегодня, несмотря на имеющиеся в отечественной науке публикации и исследования, актуальным является поиск и изучение условий, действенных форм и методов, способствующих формированию Интернет-компетенций у подрастающего поколения, которые представляют собой результат процесса социализации на данном этапе. На основании этого, учитывая информационность современного общества, актуальным является:

- комплексное и всестороннее изучение поведения подростков в Интернете: частоты выхода в сеть, продолжительности сеансов, интересов и др.;
- участие педагогов в сопровождении процессов социализации обучающихся в Интернет-пространстве;
- поиск новых форм и средств организации процесса непрерывного воспитания, в том числе средствами глобальной сети.

Целью работы является определение условий, необходимых для позитивного взаимодействия и сотрудничества детей и взрослых на основе единого информационного пространства через ресурсы Интернета как важного фактора социализации подростков в условиях информационного общества XXI века.

Результаты исследования и их обсуждение

Сегодня Интернет имеет глобальные масштабы: он является средством, позволяющим объединить людей различных возрастных категорий, социальных групп и профессиональных сообществ. Однако те возможности, которые даёт Интернет, до сих пор полностью не описаны, вследствие чего оценивать влияние Сети на социализирующие процессы в подростковой среде можно только приблизительно.

В настоящее время приобретают важность задачи, связанные с изучением деятельности, которую учащаяся молодёжь осуществляет в Интернете; с определением методов, которые могут быть применены обществом для нейтрализации отклонений в социальном развитии, вызываемых онлайн-средой. Чаще всего подростки проявляют активность в пространстве виртуального характера, общаясь на форумах и чатах, в социальных сетях, оставляя собственные мнения, разрабатывая и продвигая

собственные блоги и сайты. Эти и другие методы, с помощью которых подростки проявляют собственную социальную активность, должны быть изучены как средства их мотивации и собственной актуализации.

С целью получения новых гипотез и сбора данных о факторах воздействия информационного пространства Интернета на учащихся учреждений общего среднего образования проведено пилотажное исследование на базе государственного учреждения образования «Средняя школа № 3 г. Витебска» (далее по тексту – ГУО) в марте 2019 года (научный руководитель – кандидат социологических наук, доцент Бедулина Г. Ф.)

Для опроса было выбрано учреждение общего среднего образования областного центра, где данные категории обучающихся по параметрам отражают среднестатистические характеристики. Метод сбора информации – анкетный опрос.

Исследование проводилось по разведывательному плану, требования к репрезентативности выборки не соблюдались. Характеристика выборки: в качестве респондентов выступили учащиеся 7–11 классов – 250 человек. Основной возраст респондентов – от 13 до 17 лет. В исследовании также была определена другая группа респондентов: 160 родителей, дети которых являются учащимися 7–11 классов ГУО «Средняя школа № 3 г. Витебска».

Результаты исследований приведены далее.

Немаловажной характеристикой социализации учащихся в Интернет-пространстве является определение того, на каких сетевых платформах они общаются. Данные ответов показали: зарегистрированы в социальных сетях 99,6 % респондентов: из них в «ВКонтакте» – 98,7 % (213 учащихся); Mail.ru – 86 % (187 учащихся); в Facebook – 32 % (69 учащихся); в Twitter – 30 % (66 учащихся); Instagram – 8 % (18 учащихся); в Одноклассниках – 32 % (69 учащихся). 57,4 % респондентов используют Интернет-мессенджеры (ICQ, QIP, Skype, Viber); 53,2 % – электронную почту. Например, 95 % опрошенных наиболее популярной считают социальную сеть «ВКонтакте», ее посещают регулярно и проводят в ней в среднем от 1 до 3 часов в сутки.

На вопрос «С какой целью подростки проводят свое общение в онлайн-среде?» ответы распределились таким образом: зарегистрированы для общения 100 % респондентов (250 учащихся); слушают музыку 86 % (187 учащихся); играют в онлайн-игры 43 % (93 учащихся); смотрят видео 67 % (146 учащихся).

Респонденты так определились с преимуществом выбора социальных сетей для коммуникации: 99 % респондентов (216 учащихся) отметили возможность быстрого общения, даже на дальнем расстоянии; 58 % опрошенных (126 учащихся) указали, что это удобно, если болеешь; ответ «Проще общаться» выбрало 43 % участников опроса (93 учащихся).

75 % респондентов указали на то, что общаются со своими друзьями через Интернет чаще, чем в реальности. Можно сделать вывод о существовании проблемы, когда у подростков могут закладываться на уровне подсознания фобии к общению в реальном мире, отстраненность от реальных жизненных ситуаций.

Практика показывает, что могут возникать существенные сложности при знакомстве с представителями противоположного пола, подростки не могут использовать в нужных ситуациях те речевые обороты, которыми они владеют. Подростку часто бывает легче выйти в Интернет, зайти в социальную сеть, где он зарегистрирован, обнаружить аккаунт интересного человека и написать ему сообщение, игнорируя орфографию русского языка. Это в итоге формирует личность, неспособную четко и ясно формулировать и излагать свои мысли в реальной жизни.

Поиск друзей становится проблематичным занятием. Подростки, увлечённые Интернетом, сводят к минимуму реальное общение не только с представителями других возрастных категорий, но и практически отказываются от общения «в офлайне» со своими сверстниками, начинают соперничать друг другу исключительно виртуально, теряя способность чувствовать истинные ощущения и проявлять настоящие чувства [1, с. 103].

В виртуальном пространстве происходит спонтанный поиск самореализации личности подростков. Общение с помощью онлайн-переписки заставляет забыть о реальном общении, быть заложниками виртуальной репутации, демонстрировать большую свободу выражения и поступков (вплоть до оскорблений, непристойных выражений), а долгое пребывание в социальных сетях приводит к Интернет-зависимости [4, с. 607–613].

Также существует и другая проблема: в Интернет-пространстве не ощущается ответственность за свое поведение, это связано с анонимностью. 39 % респондентов указало на то, что зачастую имя, под которым они выдают себя в соцсети, отличается от реального имени. Этот факт может повлиять на развитие двуличности, сначала отмечаемой только в Интернете, а затем начинающей сказываться и в реальности.

Была отмечена положительная динамика в онлайн-коммуникации обучающихся. Например, 48 % респондентов задействуют Интернет, чтобы лучше подготовиться к учебным занятиям; 35 % – для онлайн-игр с участием своих одноклассников; 61 % используют Интернет для просмотра либо скачивания видео-и аудиоинформации по учебной программе; 57 % для поиска полезной, интересной информации, для расширения кругозора; 4 % среди вариантов ответа «другое» отметили такие цели использования Интернета, как дистанционное образование.

Для выявления роли классного руководителя в процессе общения подростка в онлайн-пространстве был задан соответствующий вопрос, на который респонденты ответили следующим образом: 75 % доверяют классному руководителю; 35 % ожидают от классного руководителя помощи в коммуникациях; 35 % хотели бы налаживать онлайн-коммуникацию с одноклассниками и классным руководителем.

По мнению подростков, современный классный руководитель должен находить подход к каждому ученику, уметь формировать дружный классный коллектив, используя при этом современные информационные технологии.

Еще одной проблемой процесса социализации подростков является повышение Интернет-грамотности родителей. Пребывание в Сети, продолжительность которого не контролируется родителями подростка, может спровоцировать у него проявление поведенческих форм, являющихся в условиях современного общества неприемлемыми [1, с. 103].

Результаты анкетного опроса родителей представлены далее:

По составу семьи 72 % респондентов состоят в браке, 26 % – воспитывают детей в неполной семье, 20 % – многодетные семьи. Большинство участников опроса имеют среднее специальное образование (72 %). Средний возраст респондентов – от 25 до 40 лет.

В основном все семьи имеют компьютерную технику: 90 % респондентов (145 семей) имеют один компьютер; 6 % опрошенных (10 семей) имеют дома более двух компьютеров; 4 % участников опроса (5 семей) не имеют домашнего компьютера.

На вопрос «Кто чаще в семье пользуется домашним компьютером?» получены следующие ответы: только родители – на это указал 1 % опрошенных (2 семьи); только ребенок пользуется компьютером – у 3 % респондентов (5 семей); 81 % участников опроса (130 семей) отметили, что все члены семьи пользуются компьютером; ответ «другое» выбрали 8 % (13 семей).

Интересным было определить участие родителей в Интернет-среде. Так, зарегистрированы в социальных сетях 89 % респондентов (142 родителя); ответ «нет» выделили только 11 % респондентов (18 родителей). Из числа респондентов зарегистрированы «Вконтакте» – 22 % участников опроса (35 родителей); в «Одноклассниках» – 75 % респондентов (120 родителей), в Mail.ru – 44 % (71 родитель); не пользуются социальными сетями 8 % опрошенных (18 родителей).

Был задан соответствующий вопрос о том, для чего современные родители используют Интернет. Результаты следующие: в социальных сетях общаются с друзьями 68 % респондентов (109 родителей); слушают музыку 24 % (39 родителей); смотрят видео 39 % (62 родителя); играют в онлайн-игры 4 % (5 родителей). Также следует отметить следующее: видят преимущества социальных сетей в быстром общении – 85 % (136 родителей); проще общаться, так считают 16 % (25 родителей); удобно, если болеешь, для 14 % (23 родителя); другие варианты – 11 % (18 родителей); социальные сети способствуют самовыражению – такое мнение высказали 27 % (43 родителя).

Вместе с тем, респонденты отметили, что социальные сети имеют свои недостатки: отнимают много времени – 8 % (13 семей); это небезопасно: так считают 19 % (31 родитель); много негатива и «мусора» – 18 % (29 родителей); замена реального общения – 29 % (46 родителей); интернет-зависимость – 42 % (67 родителей).

Положительной стороной коммуникации своего ребенка в социальных сетях родители считают: помощь в подготовке домашних заданий – 30 % респондентов (48 родителей), улучшение образовательного уровня ребенка – 44 % (70 родителей), не видят таких преимуществ – 26 % опрошенных (42 родителя).

На вопрос «Как родители оценивают роль школы в сопровождении социализации своих детей в Интернет-пространстве?» получены следующие ответы: скорее положительное – у 78 % (124 родителя); не видят необходимости 11 % опрошенных (18 родителей); ответ «другое» выделили 11 % респондентов (18 родителей), однако не описали свое видение; часто посещают школьный сайт 24 % респондентов (37 родителей); очень редко посещают 27 % (43 родителя); не посещают 9 % (14 родителей); другое – 60 % (96 родителей) семей. Данные ответов говорят о том, что нет полного взаимодействия школы и родителей по поводу использования Интернет-общения для совместного воспитательного взаимодействия.

По мнению родителей, чтобы сделать работу детей в Интернете безопасной, школе и родителям нужны совместные шаги по блокированию вредных сайтов: так считают 50 %

респондентов (80 родителей); ограничить детям и подросткам доступ к социальным сетям предложило 18 % опрошенных (24 родителя); за осуществление контроля за посещением сайтов высказалось 16 % (25 родителей); интересным представляется предложение «найти альтернативу Интернету», которое инициируют 4 % участников опроса (6 родителей); информировать о вреде Интернета предлагают 12 % (25 родителей).

Таким образом, многомиллионный Интернет является социализирующим личность фактором. В зависимости от применения средств Интернета данный фактор может влиять на развитие представителей подрастающего поколения как положительно, так и отрицательно. Очевидно, что социализирующая сторона Интернета воздействует на подростка, определяет предпочитаемые им роли в обществе, поведенческие модели, избираемые нормы и ценности культурного характера. Также из-за влияния Интернета воздействие близких людей на формирование культурного мира современного подростка снижается.

Сегодня социализация подростков средствами Интернета представляет собой новый социальный феномен, который требует обсуждения и выработки методологии его исследования как социально-педагогической проблемы.

Теоретический анализ научных источников и результаты проведенного пилотажного исследования позволяют определить особенности социализации подростков в современном информационном обществе:

1. Масштабная характеристика социальной среды, в которой развивается современный подросток, – преобразование общества в информационное. В современном мире информационная среда тесно вплетена в жизнь людей и влияет на все ее сферы. По профессиональному мнению некоторых ученых, современные люди не различают виртуальность и реальность, они как будто живут одновременно в двух мирах, не разделяя между собой свои личности в них.

2. Развитие онлайн-среды, увеличение аудитории, которая регулярно пользуется предоставляемыми ею средствами, будут иметь следствие в виде принятия ранее неизведанных социальных позиций многими личностями. То, какие конкретно роли будут приниматься, зависит прежде всего от того, в каком качестве человек пользуется Интернетом (является ли он простым пользователем либо активно участвует в разных коммуникационных процессах, реализуемых посредством Сети). Компьютеризация сегодня такова, что ребенок с самых ранних стадий своей социализации, наряду с влиянием среды, в которой он непосредственно и естественно находится, также существует под воздействием Сети.

3. Современная социальная среда, в которой развиваются дети и подростки, обеспечивает почву для переоценки и поиска норм, ценностей нынешнего общества, сопровождающегося критическим осмыслением опыта предыдущих поколений, новыми представлениями о будущем.

4. Сегодня подростковую социализацию следует рассматривать не как пассивное действие, когда подросток «плывет по течению», а с точностью наоборот: подросток крайне активно выстраивает свой образ в социальной среде. Такие факторы социализации, как средства массовой коммуникации и семья, можно поставить в один ряд. С помощью первого подростки находят своего онлайн-героя, кумира, который служит им ценностным ориентиром, однако такая модель подражания является упрощенной и обычно недолговременной. Социализация подростков должна быть направлена на формирование таких личностных составляющих, как внутренний стержень, социальные и нравственные убеждения, социальная мобильность, умение мыслить стратегически, преодолевать стрессовые ситуации, саморегуляция, способность найти верный выход из любой противоречивой ситуации через самообразование.

5. Воспитание как процесс, который напрямую связан с социализацией, постоянно требует свежего взгляда, нововведений. Перед тем как переходить непосредственно к воспитанию ребенка, необходимо не только выявить его личностные характеристики (интересы, принципы, мечты, потребности), но и определить особенности современности, социальной среды, факторов, приоритетов, которые оказывают влияние на его формирование, развитие как личности. В последнее время данная проблема получила огромное внимание, с акцентом именно на информационное общество.

Социализация современных подростков происходит в качественно новых условиях, поэтому необходимо разрабатывать новые формы семейного и школьного воспитания, способные развивать системное мышление учащихся, целостное освоение мира, формировать личностные качества молодых представителей информационного общества. Современным педагогам можно рекомендовать такие эффективные формы взаимодействия в Интернет-пространстве между субъектами образовательного процесса учреждения образования:

1. Информационное сопровождение работы классных руководителей через создание методического виртуального кабинета, Call-центра «Поддержка», Сетевого клуба «Интернет – тьютор» для повышения ИТ-грамотности педагогов.

2. Создание на базе сайта учреждения образования рубрики «Безопасное поведение в Интернете», где есть разделы для подростков «В лабиринтах Интернета» и для родителей «Что родители должны знать об Интернете?», «Использование ИК в безопасной социализации детей».

3. Киберликбез «Родитель в тренде» по темам: «Характеристика социальных сетей», «Школа ВКонтакте», «Безопасный Интернет».

4. Разработка пособия «Лингвобродилка» с содержанием новой терминологии Интернета.

5. Программа тренингов для обучающихся «Мой безопасный Интернет» по темам: «Что нужно знать об Интернете?», «Какие опасности нас подстерегают в Интернете?», «Пути защиты от сетевых угроз», «Правила поведения в социальных сетях».

6. Часы общения в онлайн-режиме «Профилактика употребления ПАВ» (онлайн-тестирование по изучению склонностей к 13 видам зависимости, подборка и онлайн-обсуждение материалов про ПАВ).

7. Деловая онлайн-игра «Мы выбираем профессию». Учащиеся получают ответы на интересующие их вопросы о выбранной ими профессии, через презентацию в Google:

– вебквест «Путь к профессии» (определение типов и подтипов профессий);

– вебквест «Выбор. Свобода. Ответственность»;

– вебквест «Азбука правовой грамотности».

8. Проект «Сопровождение учащихся с ОПФР и детей-инвалидов с целью их социализации и устранения дефицита общения через взаимодействие в социальных сетях».

Выводы

Таким образом, можно утверждать, что перед педагогической общественностью стоит задача, помимо традиционных ценностей воспитания обучающихся, учитывать особенности информационного общества, влияния Интернета на формирование социокультурных моделей поведения подрастающего поколения.

Результаты проведенного исследования указывают на необходимость создания такого образовательного пространства, которое превратит территорию учреждения общего среднего образования в воспитательную среду, в которой создаются условия для позитивного взаимодействия и сотрудничества детей и взрослых на основе создания единого информационного пространства. Такими условиями можно считать:

– формирование культуры пользователя Интернет-ресурсами для этичного общения подростков в социальных сетях;

– повышение компьютерной грамотности субъектов образовательного процесса через сеть факультативов и объединений по интересам информационной направленности;

– повышение ИТ-квалификации педагогических работников;

– внедрение практики «ученик – тьютор» (помощник организации интернет-среды учреждения образования);

– создание сетевых воспитательных площадок и Сетевых блогов.

Как показывают полученные данные, явным условием социализации подростков является сопровождение их жизнедеятельности в Интернете:

– сопровождение позитивных детско-родительских отношений (Call-центр);

– социально-педагогическое и психологическое сопровождение подростков (Call-центр);

– сопровождение индивидуальной траектории пользователя Интернетом (рефлексивный клуб «Работа над собой» в форме онлайн-общения);

– онлайн-консультирование в целях оказания помощи подросткам, страдающим зависимостью от сетевых сообществ.

На территории нашей республики деятельность по внедрению сетевых технологий в педагогический процесс пока не стала массовой, однако, учитывая тот факт, что тенденция к информатизации всех сторон общественной жизни сегодня активно развивается, можно сделать прогноз о переходе на коммуникации через Интернет для решения самых разных вопросов, связанных с образованием. Именно поэтому сегодня нужно проводить общественное обсуждение проблемы, связанной с тем, как социальные сети используются подростками и как такие ресурсы Интернета решают вопросы подростковой социализации.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авдулова, Т. П. Психология подросткового возраста : учебник и практикум для академического бакалавриата / Т. П. Авдулова. – М. : Издательство Юрайт, 2017. – 394 с. – (Серия: Бакалавр. Академический курс).
2. Сечко, Н. Н. Исследование процессов влияния компьютерных игр на социализацию детей и подростков в Интернет-пространстве / Н. Н. Сечко // Инновационные подходы в формировании культуры пользователя Интернет-ресурсами для этичного общения молодежи в социальных сетях / Г. Ф. Бедулина // Проблемы кибербуллинга: как сделать посещение интернета для детей и молодежи безопасным : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Свислочь, 30 нояб. 2017 / редкол. А. С. Лаптёнок (гл. ред.) ; Институт социально-гуманитарного образования УО «Белорусский государственный экономический университет». – Минск : РИВШ, 2018. – 312 с. – С. 189–191.
3. Угольков, Н. В. Интернет как институт социализации старших школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук :13.00.01 / Н. В. Угольков ; ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет». – М., 2012. – 25 с.
4. Бедулина, Г. Ф. Социализация подростков в интернет-пространстве на основе модели «Классный руководитель в социальной сети»: социологический анализ / Г. Ф. Бедулина // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. – 2018. – Вып. 11. – С. 607–613.

Поступила в редакцию 12.03.2020

E-mail: bedulina@yandex.ru; lazukouS@yandex.by

G. F. Bedulina, S. A. Lazukov

INTERNET AS A FACTOR OF SOCIALIZATION OF TEENAGERS IN THE INFORMATION
SOCIETY OF THE XXI CENTURY

The article highlights the problem of socialization of the younger generation in the information society of the XXI century by means of the Internet. With the help of theoretical analysis of scientific sources and conducted pilot research, the main characteristics of the modern social environment, nuances of expression and influence of socialization factors on teenagers in the Internet space are determined. The necessity of studying, developing and implementing new educational approaches for successful socialization and formation of personal qualities of teenagers of the digital age is revealed.

Keywords: information society; Internet space; online environment; educational institutions; teenagers; socialization; students.

УДК 373.5.091.3

Г. В. Болбас¹, О. О. Кананчук²

¹Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

²Магистрант кафедры педагогики и психологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

Научный руководитель: Болбас Галина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ

В статье актуализируются проблемы организации исследовательской деятельности учащихся в условиях активизации информационного потока и обосновывается необходимость применения мультимодальных стратегий обучения. Авторами раскрывается сущность и потенциал комплексного использования сенсорных каналов в восприятии, осмыслении и обработке школьниками информации, выявляются возможности их развития посредством разнообразных методов и форм работы с научным материалом.

Ключевые слова: исследовательская деятельность школьников, научное знание, восприятие, мультимодальный подход, мультимодальная стратегия обучения, сенсорная система.

Введение

В последние десятилетия жизнедеятельность человека протекает в условиях развития мощного информационного пространства. Непрерывно растущий поток информации и научного знания, наряду с преимуществами их многообразия и доступности, зачастую провоцирует у людей состояние повышенной напряженности, по сути «информационный стресс». Данная проблема распространяется на все сферы деятельности современного человека, в том числе и образование. Внимание многих ученых, психологов и педагогов сосредотачивается на вопросах восприятия, осмысления и обработки учащимися разнообразного, сложного и динамичного информационного потока в рамках образовательного процесса [1]. Актуализируется проблема обусловленности взаимодействия школьника с учебной информацией его индивидуальными особенностями. Немаловажным аспектом анализа данной проблемы выступает вид познавательной активности, в контексте которого осуществляется непосредственно процесс восприятия. Особый интерес в связи с этим вызывает специфика отражения научного знания в условиях исследовательской работы школьников, представленной учебно-исследовательской и научно-исследовательской деятельностью и характеризующейся активным исследовательским поиском, необходимостью работы с большими объемами информации, текстами, заключающими конкретно-научное и общеметодологическое знание. Исследования, затрагивающую данную тему, представлены преимущественно зарубежными авторами. Среди российских ученых вопросы взаимосвязи восприятия информации с индивидуальными стратегиями обработки рассматривались лишь в аспекте мультимодальной лингвистики (Г. Е. Крейдлин и Е. А. Гришина и др.) и коррекционной педагогики (О. И. Политика). В Беларуси данная тема осталась вне поля зрения исследователей. Таким образом, это предопределило цель настоящей работы: раскрыть сущность мультимодального подхода к организации исследовательской деятельности учащихся и выявить специфику его практической реализации в условиях современной школы.

Результаты исследования и их обсуждение

Долгое время в вопросах организации процесса восприятия информации педагоги опирались на идею о ведущем стиле восприятия, которая получила наиболее широкое распространение в 70–80-е годы XX века и была обоснована серией психологических экспериментов. Представители данного подхода определили некоторую зависимость отражения информации в сознании человека от ведущего сенсорного канала (визуального, аудиального и кинестетического)

и связывали успешность познавательной деятельности учащихся с адаптацией к этому каналу дидактического инструментария, используемого педагогом [2], [3].

В настоящее время существует более семидесяти моделей обучения, основанных на этой теории, однако их первоисточником стала модель VAK (visual/aural/kinesthetic), разработанная американским ученым У. Б. Барбом и его коллегами. Они определили визуальную, аудиальную и кинестетическую модальности обучения и настаивали на необходимости их комплексного использования, отмечая при этом, что с возрастом в процессе обучения может происходить усиление или видоизменение одной из них [4]. Несколько позже педагоги-исследователи Р. Данн и К. Данн соотнесли данную идею с возможностями реализации индивидуального подхода в процессе освоения учебных предметов и занимались разработкой эффективных методик преподавания [5].

Новозеландский преподаватель Н. Флеминг развивал идеи У. Б. Барка и в середине XX века представил уточненную модель с несколько расширенной аббревиатурой VARK (visual/aural/read-write/kinesthetic). Ученый охарактеризовал аудиальную и кинестетическую стратегии обучения, а визуальную дополнил вербальным компонентом, который стал выступать автономно и представлял собой символическое восприятие текста посредством его чтения и записи [2]. В результате экспериментальной работы по выявлению ведущей модальности исследователь пришел к выводу, что у 50–70 % учащихся нельзя четко определить, какой стиль восприятия является предпочтительным. При том, что ведущими у человека обычно являются один-два сенсорных канала, по мнению ученого, оптимальной в процессе обучения является мультимодальная стратегия. Более того, ввиду гибкости и пластичности психики детей, они достаточно быстро адаптируются к различным способам преподавания и чувствуют себя недостаточно уверенно при использовании только одной из стратегий обучения.

Дополнительные обоснования идея использования при обучении всех каналов восприятия получает в работах современного нейробиолога С. Гринфилд, которая считает такой подход наиболее логичным, научно и эволюционно доказанным. Исследователь утверждает существование мультисенсорного, кросс-модального процесса, в котором «информация, будь она кинестетической, звуковой или визуальной, взаимосвязана и складывается в единую информационную картину мира» [6, с. 123]. По ее мнению, самую большую долю в нашем восприятии занимает зрение и на основе, прежде всего, зрительных сигналов мозг создает пространственные «карты мира». Основной вывод, который делает ученый, – человек в процессе своего развития всегда искал возможность быстрой обработки информации и способы более эффективного ее освоения, поэтому максимально задействовал все сенсорные системы одновременно.

Однако история развития мультимодального подхода свидетельствует не только о периодах его активного развития, но и о научных сомнениях в его потенциале. В результате многочисленных экспериментов американским профессором П. Хасманн было выявлено, что в значительно большей степени на восприятие и осмысление информации влияет сосредоточенность учащихся на понимании учебного материала, а не учет ведущей модальности. Степень усвоения информации напрямую зависит и от фиксации произвольного внимания, и от внутренних смысловых свойств информации. Исследователь утверждает, что «хотя мы можем выделить пять разных чувств, наш мозг, тем не менее, обычно воспринимает картину в целом» и «независимо от сенсорного входа, посредством которого мы получаем информацию, сознание делает акцент на смысле» [7, с. 685].

Подавляющая часть современных исследователей являются сторонниками мультимодальной стратегии обучения. Они предупреждают об опасности опоры в процессе обработки информации только на одну сенсорную систему и приобщения ребенка к мысли о том, что у него есть ведущий канал восприятия и его необходимо максимально использовать. По мнению ученых, такой подход приведет в дальнейшем к игнорированию учащихся иных стилей обучения, что негативно скажется на его общем развитии [4]. Создание и реализация условий для использования в большей степени каких-то определенных способностей может препятствовать развитию остальных. Более того, обучение на основе одного из стилей восприятия, как правило, требует дополнительных ресурсов, как временных, так и материальных.

Использование мультимодального подхода в организации исследовательской деятельности расширяет возможности школьников в освоении научного материала, так как определяет системное использование модальностей обучения. В настоящее время, когда более востребованными становятся комплексные и междисциплинарные исследования, включающие в себя знания из различных научных отраслей, данный подход наиболее целесообразен и предпочтителен. Согласно классификации И. В. Усачевой и И. И. Ильясова, научная информация, с которой работает школьник, представлена несколькими видами:

- информация о научных фактах (фактологическая);
- информация о научных гипотезах, концепциях и теориях, объясняющая и объединяющая некоторую совокупность научных фактов и взаимосвязь между ними;
- информация, объединяющая некоторую совокупность научных фактов, гипотез, концепций, теорий и законов, образующую основу данной науки или области знания;
- информация, отображающая и формирующая общий подход к познанию в некоторой области знания [8, с. 51].

Кроме того, опираясь на структуру учебного исследования, представленную американским ученым М. Капланом, объектами для восприятия выступают не только система знаний, но и система действий (знания о способах мыслительной деятельности и наличие некоторых умений их применения), а также расширенная система знаний и действий [9]. Два последних компонента специфичны и отличаются степенью сложности и объемом для восприятия учащимися.

Анализ и обработка научной информации в рамках учебно-исследовательской и научно-исследовательской деятельности старшеклассников – достаточно длительный и трудоемкий процесс, который многие педагоги интуитивно связывают с визуальным восприятием знания и, соответственно, организуют его, задействуя лишь зрительный канал, ведущий, на их взгляд, в контексте решения данной задачи. В этом случае они могут ориентировать учащихся на визуализацию текста, например, посредством блок-схем, интеллект-карт, использования подчеркивания и выделения цветом важных мыслей, просмотра видеоматериала, обработки и презентации информации в виде диаграмм либо графиков кривых.

Однако активизация лишь одного из каналов восприятия не обеспечивает достаточной обработки научного знания. Дополнительные ресурсы в работе с информацией появляются при использовании аудиальной сенсорной системы. Это нацеливает на необходимость микрогрупповой работы, индивидуальных консультаций с педагогом, который руководит научно-исследовательской работой учащегося, дискуссий и других форм, которые предполагают обсуждение научной гипотезы, различных аспектов изучаемой проблемы и новых, нестандартных идей в ее решении, промежуточных и итоговых результатов исследования. Для учащихся с ведущим аудиальным каналом результативным является усвоение знания через объяснение, проговаривание изложенного материала вслух или про себя.

При изучении научного материала высокой степени сложности наиболее предпочтительна вербальная стратегия обучения, определяющая восприятие словесной информации, представленной в письменном виде. В таком случае целесообразно применение техник изучения и выписывания новых терминов, неоднократного перечитывания записей, словесной интерпретации и перефразирования идей других авторов, подготовки мини-отчета либо научного эссе-размышления. Подобные задания способствуют развитию аналитического и критического мышления, умений представлять результаты исследования и формированию навыков самостоятельной работы.

В организации исследовательской деятельности школьников часто недооценивается кинестетическая стратегия обучения, связанная с ощущениями и эмоциями ученика, его собственным чувственным опытом. Для ее реализации необходимо насыщать материал реальными жизненными примерами, обеспечивать по возможности тактильный контакт юного исследователя с объектами и предметами научного познания, создавать условия для практической экспериментальной работы, позволяющей методом проб и ошибок прийти к открытиям. В случае если у учащегося кинестетический канал не является основным при восприятии, его необходимо развивать, поскольку преимущественно он обеспечивает осознание связей между теорией и практикой.

В рамках мультимодального подхода к работе с научным материалом эффективными являются задания, в решении которых учащийся использует одну стратегию обучения, а после обрабатывает и трансформирует данный результат посредством другой стратегии. Например, материал, который при активизации визуального канала восприятия представляется в виде диаграмм или графиков, при опоре на вербальный канал может быть преобразован в словесные утверждения.

В ходе длительных исследований когнитивного психолога Р. Майера были осуществлены попытки выявления закономерностей восприятия, на основе которых было бы возможно определить практические требования либо рекомендации к эффективной организации процесса освоения информации. В ходе экспериментальной работы ученый изучал особенности обработки научного знания в двух группах учащихся, в одной из которых использовали лишь одну модальность, во второй – несколько модальностей. Полученные выводы подтвердили, что стимулирование именно различных каналов восприятия способствует более детальному и глубокому запоминанию, осмыслению

інформації, а также позволили определить принципы, которых необходимо придерживаться при передаче информации:

- информация должна представляться вербально и визуально, с использованием изображений;
- вербальные и визуальные данные необходимо представлять одновременно;
- при объяснении материала вербальные и визуальные данные должны находиться рядом: на одних страницах, слайдах;
- необходимо исключить материал, не имеющий отношения к научной теме или проблеме и отвлекающий внимание слушателей [10].

Несмотря на то, что мультимодальная стратегия обучения подразумевает использование всех сенсорных каналов, на начальном этапе организации исследовательской деятельности необходимо, руководствуясь тестами Н. Флеминга и собственными наблюдениями, определить ведущие каналы восприятия учащихся, их собственные предпочтения в обработке получаемой информации. Исследования П. Хасманн доказывают, что на первоначальном этапе работы с детьми необходимо использовать небольшое количество стратегий и лучше ведущих [7]. Более того, такие данные позволяют, с одной стороны, учитывать индивидуально-возрастные особенности восприятия детей; с другой – развивать недостающие, но необходимые умения и навыки исследовательской работы, разрабатывать практические рекомендации, которыми школьники смогут воспользоваться в ходе самостоятельной работы над исследованием, в условиях свободного открытия и творчества. Реализация исследовательской деятельности в современной школе предполагает в большинстве своем индивидуальные формы работы с учащимися, оказание им консультативной помощи педагогов, которые являются специалистами в определенной области знания и способны качественно сопровождать школьника в научном поиске. При этом возможными являются не только помощь в понимании знания определенной отрасли науки, но и рекомендации по эффективному восприятию и осмыслению.

Выводы

Таким образом, мультимодальный подход к организации исследовательской деятельности школьников представляет собой совокупность методов, приемов и форм активизации сенсорных каналов с целью всестороннего восприятия и глубокой обработки научного материала. Целенаправленное, системное и комплексное использование визуальной, аудиальной, вербальной и кинестетической модальностей в педагогическом сопровождении юного исследователя способствует созданию комфортных и эффективных условий для научного поиска учащегося. Практическая реализация мультимодального подхода в условиях современной школы предполагает диагностическую работу по выявлению ведущих каналов восприятия и индивидуально-возрастных особенностей школьников, а также проектировочно-деятельностную, направленную на разработку и использование системы способов и приемов обработки информации и создания научного продукта. Данный подход способствует повышению качества исследовательских работ, а также сохранению осмысленности, активности и оригинальности деятельности учащихся. В условиях информационного бума он позволяет осваивать научное знание максимально эффективно, экологично и в предельно сжатые сроки.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Палиева, Т. В. Технологии когнитивной визуализации как средство обобщения, систематизации и запоминания теоретической информации обучающимися / Т. В. Палиева, О. В. Кононенко // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2018. – № 1 (51). – С. 108–112.
2. Fleming, N. Learning styles again: VARKing up the right tree! / N. Fleming, D. Baume // Educational Developments. – 2006. – 7 (4). – P. 4–7.
3. Willingham, D. T. Visual, auditory, and kinaesthetic learners need visual, auditory and kinaesthetic instruction / D. T. Willingham // American Educator. – 2005. – № 29 (2). – P. 31–35.
4. Curry, L. One critique of the research on learning styles / L. Curry // Education Leadership. – 1990. – 48 (2). – P. 50–55.
5. Dunn, R. Teaching students through Their Individual Styles: a practical approach / R. Dunn, K. Dunn. – Reston, Virginia: Resion Publishing company, 1978. – 23 p.
6. Гринфилд, С. Один день из жизни мозга. Нейробиология сознания от рассвета до заката. – СПб.: Питер, 2018. – 240 с.

7. Husmann, P. Plans in Perspective: a Pilot Study of Medical Student Study Strategies in Physiology / P. Husmann, A. Chong // *Medical Science Educator*. – 2019. – № 29. – С. 683–689.
8. Ильясов, И. И. Структура процесса учения / И. И. Ильясов. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 199 с.
9. Каплан, М. З. Учебное исследование как метод обучения математике в средней школе : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / М. З. Каплан. – Минск, 1985. – 170 л.
10. Moreno, R. Cognitive principles of multimedia learning: The Role of Modality and Contiguity / R. Moreno, R. E. Mayer // *Journal of Educational Psychology*. – 1999. – Vol. 91. – № 2. – P. 358–368.

Поступила в редакцию 03.04.2020

E-mail: bgv78@mail.ru; hrizostom@tut.by

G. V. Bolbas, O. O. Kananchuk

MULTIMODAL PREFERENCES TO ORGANIZATION OF STUDENT'S RESEARCH

This article actualizes some problems of organization of student's research under the conditions of information flow and its increased activity. It also gives proof of necessity to apply to multimodal learning strategies. The authors reveal the essence and the potential of the integrated use of the sensory channels of perception, student's abilities of comprehension and information processing as well as development of students' opportunities by means of different techniques and methods which are used when students work with scientific resources.

Keywords: research work, scientific knowledge, perception, multimodal preferences, multimodal teaching strategy, sensory system.

УДК 373.2.015.31:796

И. М. Масло¹, М. И. Масло²

¹Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и методики физического воспитания, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Старший преподаватель кафедры теории и методики физического воспитания, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

ПРОБЛЕМЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ С ОСЛАБЛЕННЫМ ЗДОРОВЬЕМ: ТЕОРЕТИКО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье представлены результаты теоретико-экспериментального исследования в области физического воспитания детей старшего дошкольного возраста с ослабленным здоровьем на основе комплексного применения средств и методов оздоровительной физической культуры. Доказано, что рациональный режим дня, двигательная активность и целенаправленные физические упражнения являются необходимыми для дошкольников с ослабленным здоровьем. Разработана и апробирована методика оздоровительных мероприятий с использованием повышенного двигательного режима и нетрадиционных средств оздоровления для детей старшего дошкольного возраста с ослабленным здоровьем.

Ключевые слова: дети с ослабленным здоровьем, физическое воспитание, физическая культура, дошкольные учреждения.

Введение

Анализ литературных источников, анкетный опрос, проведенный среди работников дошкольных учреждений и родителей, педагогические наблюдения свидетельствовали о необходимости более глубокого изучения проблемы физического воспитания дошкольников с ослабленным здоровьем.

Необходимо отметить, что большое количество детей в этом возрасте показывает низкий уровень здоровья [1]. Как правило, часто болеющие дети, с риском возможного возникновения у них хронической патологии, болеют от 3 до 6 раз в году по 30–60 дней, а у часто болеющего ребенка наблюдается значительное перенапряжение регуляторных функций организма, истощение его ресурсов и резервов. Частые болезни снижают общий уровень развития детей, приводят к недостаточному развитию тех или иных функций и систем [2], [3]. Уровень здоровья взрослого человека во многом определяется тем, как долго и часто он болеет в детстве. Известно, что причины и корни большинства хронических заболеваний возникают в детские годы, а проявляются и прогрессируют в более старшем возрасте [4], [5].

Целью осуществленных нами исследований теоретического и экспериментального характера явилась разработка оригинальной методики проведения физкультурно-оздоровительных мероприятий для детей старшего дошкольного возраста с ослабленным здоровьем.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенные экспериментальные исследования, осуществленные на базе государственного учреждения образования «Санаторный ясли-сад № 13 города Мозыря», показали, что дети, которые занимаются по обычной программе дошкольного физического воспитания, имеют более низкие показатели физического развития, функционального состояния и двигательной подготовленности. Сравнение их со средними показателями, рекомендованными Учебной программой дошкольного образования (Республика Беларусь), выявило, что дети данной категории имеют низкий и средний уровни, но, как правило, близкие к низкому как у мальчиков, так и у девочек, что согласуется с мнением ряда авторов [3], [6], [7].

Проведенный нами анкетный опрос показал, что работники дошкольных учреждений считают физкультурные занятия в режиме дня дошкольника важными и способствующими укреплению здоровья детей, однако более половины опрошенных (53,2 %) считают, что в этом возрасте к повышению двигательного режима детей с ослабленным здоровьем надо подходить очень осторожно, чтобы не способствовать возникновению хронических заболеваний. Более половины опрошенных родителей (55,3 %), имеющих в семьях часто болеющих детей, затрудняются ответить на вопрос, укрепляют ли здоровье физкультурные занятия, проводимые в дошкольных учреждениях, а причиной своих бед называют социально-экономические условия и ухудшение состояния окружающей среды. При этом родители крайне редко занимаются самостоятельно физическими упражнениями с детьми дома,

а только 13,7 % опрошенных заявили, что ведут здоровый образ жизни и служат примером для своих детей. И те, и другие отметили отсутствие специальной литературы с рекомендациями по использованию форм, средств и методов физического воспитания детей с ослабленным здоровьем.

Все это позволяет предположить, что разработка и внедрение дополнительных форм, средств и методов физического воспитания детей дошкольного возраста с ослабленным здоровьем повлияет на общее развитие ребенка и, в конечном счете, повысит уровень его здоровья. По нашему мнению, основной формой физкультурно-оздоровительной работы в дошкольных учреждениях должны стать занятия, основной задачей которых является укрепление здоровья детей.

В специальной литературе мы не обнаружили рекомендаций по увеличению двигательного режима детей с ослабленным здоровьем.

На наш взгляд, при работе с дошкольниками с ослабленным здоровьем большинство мероприятий имеет в основном развлекательный характер, и существующие подходы не позволяют решить задачу эффективного укрепления здоровья детей, что согласуется с мнением ряда авторов [8], [9], [10]. Внедрение оздоровительных тренировок в систему дошкольного воспитания должно изменить сложившуюся ситуацию в позитивную сторону [4], [11].

Анализ научной и методической литературы позволил сделать вывод о том, что для достижения высокого уровня здоровья детей, наряду с другими факторами, существенное влияние оказывает режим двигательной активности [7], [12], [13]. Выявлено, что у детей, занимающихся дополнительно какими-либо формами двигательной активности, уровень физической, двигательной и координационной подготовленности выше, а созревание основных физиологических функций и механизмов происходит на более качественном уровне [10], [14], [15].

В своих исследованиях Т. Ю. Логвина [1], [16] выделяет умеренный режим двигательной активности как наиболее гармонично развивающий физическую подготовленность детей и соответствующий их функциональному состоянию. Мы придерживались данной рекомендации при работе с детьми с ослабленным здоровьем в процессе проведения исследований. В течение экспериментального периода среднегрупповая суточная двигательная активность постепенно увеличивалась с 3369 до 4211 локомоций у мальчиков и с 2855 до 3712 у девочек.

Чтобы из множества возможных вариантов организации и набора физических упражнений выбрать оптимальные, необходимо предварительно оценить их эффективность. Изложенные в работе результаты предварительных экспериментов вносят некоторую ясность в эту проблему.

В нашем предварительном исследовании увеличение двигательной активности на 20–23 % было спланировано в структуре организованной и самостоятельной двигательной активности за счет дополнительного использования подвижных игр и эстафет на прогулках.

Во втором предварительном эксперименте мы исследовали влияние нетрадиционных средств физической культуры (комплексы упражнений гимнастики тайджицюань и шоуугун-терапии, разработанные нами специально для детей дошкольного возраста) на физическое развитие, функциональное состояние и физическую подготовленность детей. Польза от использования нетрадиционных средств физической культуры доказана при работе со школьниками в исследованиях Т. И. Барановой [6]. В нашем случае дети осваивали основные движения руками и ногами, различные позы, дыхательные и некоторые энергетические упражнения [8], [17], [18], [19].

Поскольку среди нозологических групп, представленных в эксперименте, была выделена только группа заболеваний, имеющих простудный характер, во втором предварительном эксперименте мы выясняли, в какой мере нетрадиционные средства физической культуры влияют на функции дыхательного аппарата и всего организма в целом.

Обобщая результаты, показанные в ходе первого и второго предварительных экспериментов, можно утверждать, что повышение двигательной активности детей 5–6 лет с ослабленным здоровьем и использование нетрадиционных средств оздоровления благоприятно отразилось на физическом состоянии и здоровье дошкольников. По результатам предварительных экспериментов нами была предложена наиболее рациональная методика проведения физкультурно-оздоровительных занятий.

При составлении годового плана-графика мы исходили из установки на увеличение двигательного режима и постепенное разучивание элементов гимнастики тайджицюань и комплекса упражнений шоуугун-терапии с последовательным закреплением и совершенствованием разученных элементов. При этом основной уклон в процессе обучения, воспитания и развития детей был направлен на оздоровление, повышение двигательного потенциала, совершенствование «школы движений» и формирование положительного отношения к занятиям физической культурой.

Оздоровительные занятия строились по общепринятой структуре. Они состояли из подготовительной, основной и заключительной частей. Каждая из них имеет обоснование и содействует решению конкретных задач занятия.

Назначение подготовительной части заключается в организации детей и активизации всех систем подготовки организма к физическим нагрузкам, что достигается посредством выполнения разминочного комплекса, который включает несложный самомассаж, суставную гимнастику и упражнения на развитие эластичности связок. При этом последовательность выполнения упражнений предполагает поочередное воздействие на основные мышечные группы, постепенное увеличение нагрузки и ведется сверху вниз: шея – плечевой пояс – локтевые суставы – запястья – тазовый пояс – коленные суставы – голеностопные суставы. В процессе разминки используются разнообразные вращательные движения, наклоны, приседания, которые выполняются без излишнего напряжения мышц.

Для повышения моторной плотности подготовительной части занятия используется синхронный способ информирования (сочетания показа с одновременным рассказом), что дает возможность инструктору объяснить назначение и другие характеристики заданного упражнения. Продолжительность подготовительной части 5–10 минут.

Решение наиболее сложных задач оздоровительного занятия осуществляется в его основной части. Здесь проводится обучение новым двигательным действиям, повторение и закрепление пройденного материала. Основное средство этой части занятия – упражнения из арсенала гимнастики тайдзицюань и комплекса шоугун-терапии. Продолжительность – 20–25 минут.

Необходимо помнить, что лишь соблюдая последовательность в разучивании комплекса гимнастики тайдзицюань и комплекса шоугун-терапии, можно получить оздоровительный эффект. Для снятия излишнего напряжения используется техника «внутренней улыбки» и самомассаж в виде похлопываний ладонями по торсу сверху вниз.

В заключительной части занятия выполняются дыхательные упражнения и восстановительное упражнение тренировки структурного совершенствования тела с использованием стены в качестве опоры. При выполнении этого упражнения необходимо прислониться спиной к стене, пятки располагаются на расстоянии около 30–40 см от стены. Плотно прижать к стене нижний отдел позвоночника, затем прижать возможно большую часть верхнего отдела позвоночника. Упражнение представляет собой «раскатывание» позвоночника вверх по стене позвонок за позвонком без ощущения какого-либо дискомфорта. При этом плечи необходимо опустить вниз и развернуть их пошире в стороны. Количество повторений составляет от 1 до 3 раз. Продолжительность заключительной части занятия 3–5 мин.

Контроль за физической нагрузкой и психическим состоянием детей проводится по исследованию частоты сердечных сокращений (ЧСС). Реакция считается нормальной при ЧСС в пределах 140–150 уд/мин после выполнения полного комплекса упражнений и 80–90 уд/мин после выполнения комплекса дыхательных упражнений, а также оценивается визуальным методом – наблюдением за внешними признаками утомления занимающихся.

Физическое развитие оценивалось по пяти показателям: длине и массе тела, окружности грудной клетки, кистевой динамометрии левой и правой руки. Сравнение исходных данных со средними показателями физического развития детей дошкольного возраста [10], [20] показало, что рост детей, участвующих в нашем эксперименте, в основном соответствует среднему и ниже среднего. У большинства детей наблюдается дефицит массы тела, что является неблагоприятным фактором для развития организма и может привести к дистрофии. Окружность грудной клетки у большинства детей не соответствует норме. Недостаточно развита сила мышц кисти, что в конечном итоге может привести к тому, что необходимые для обучения письму и другим мелким операциям навыки могут осваиваться хуже с физиологической точки зрения, что согласуется с мнением ряда авторов [3], [5].

Характер и объем сдвигов, наблюдаемый в ходе предварительных исследований и основного эксперимента, отображен в процентном отношении от исходного на приведённых ниже графиках (рисунки 1, 2).

Данные графические изображения позволяют проследить во времени особенности влияния тех или иных средств физического воспитания на физическое развитие, функциональную и двигательную подготовленность детей старшего дошкольного возраста с ослабленным здоровьем. В ходе проведенных исследований мы наблюдали рост анализируемых показателей как у мальчиков, так и у девочек, а по окончании основного эксперимента эти величины соответствовали, как правило, средним и, в отдельных случаях, выше среднего величинам.

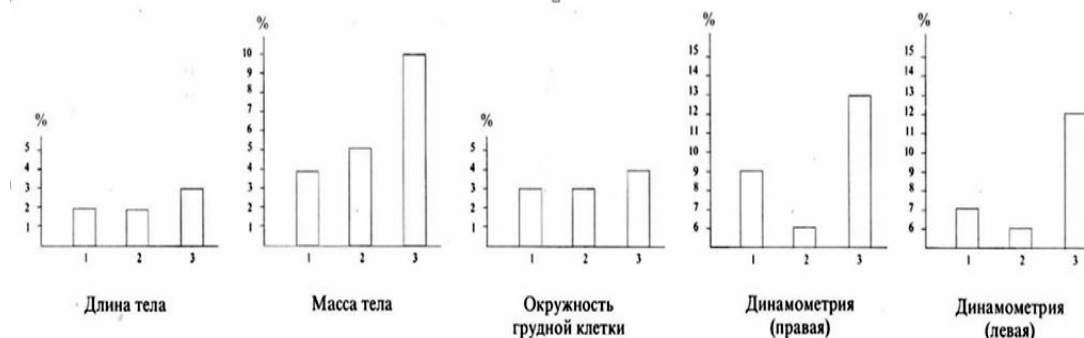


Рисунок 1. – Динамика показателей физического развития мальчиков в ходе проведённых исследований, в % от исходного (1 – первый предварительный эксперимент; 2 – второй предварительный эксперимент; 3 – основной эксперимент)

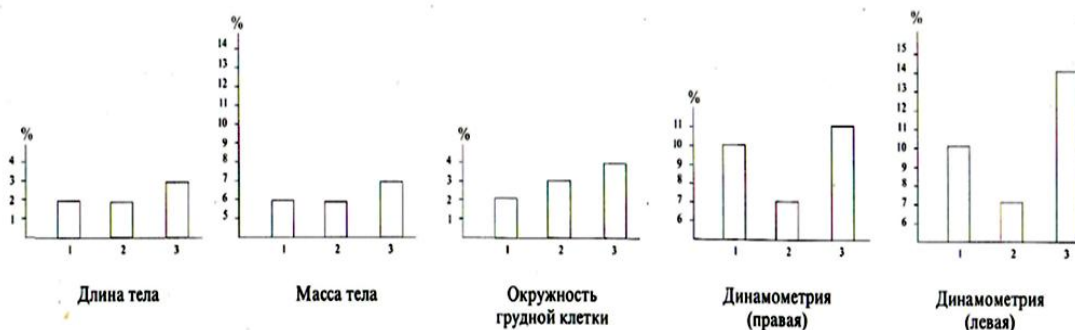


Рисунок 2. – Динамика показателей физического развития девочек в ходе проведённых исследований, в % от исходного (1 – первый предварительный эксперимент; 2 – второй предварительный эксперимент; 3 – основной эксперимент)

Функциональное состояние мы оценивали по пяти показателям: ЧСС, артериальному давлению (АД) систолическому и диастолическому, жизненной ёмкости лёгких (ЖЕЛ) до и после занятий.

Динамика показателей функционального состояния мальчиков в ходе предварительных исследований и основного эксперимента отображена на рисунке 3.

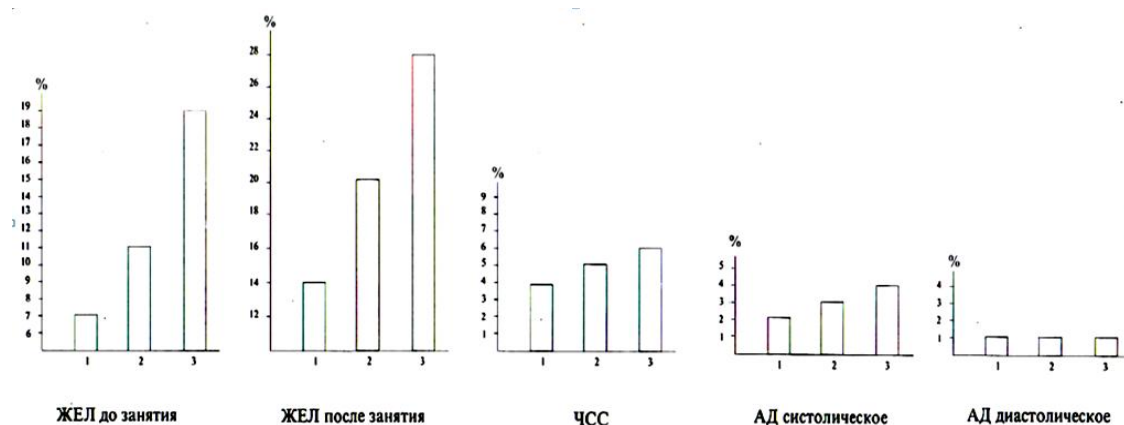


Рисунок 3. – Динамика показателей функционального состояния мальчиков в ходе проведённых исследований, в % от исходного (1 – первый предварительный эксперимент; 2 – второй предварительный эксперимент; 3 – основной эксперимент)

Динамика показателей функционального состояния девочек в ходе предварительных исследований и основного эксперимента отображена на рисунке 4.

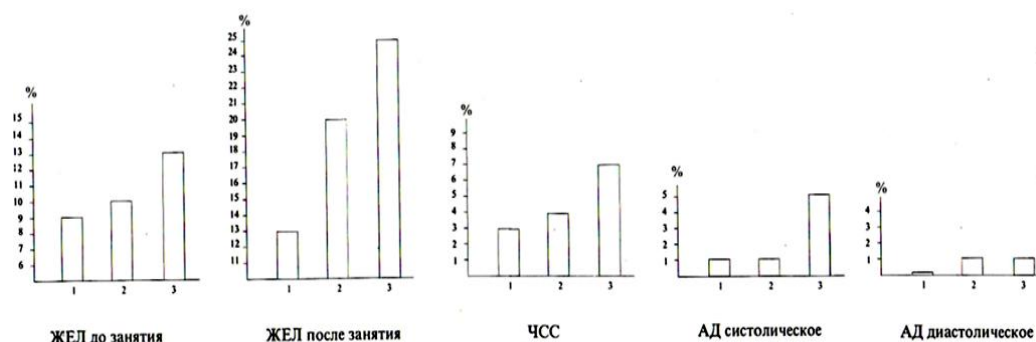


Рисунок 4. – Динамика показателей функционального состояния девочек в ходе проведённых исследований, в % от исходного (1 – первый предварительный эксперимент; 2 – второй предварительный эксперимент; 3 – основной эксперимент)

Как видно из приведённых данных, в ходе исследований нам удалось приблизить состояние сердечно-сосудистой системы к средним нормам для данного возраста [3], [20]. Относительная стабилизация АД систолического и урежение пульса от 4 % в первом предварительном исследовании до 6 % в основном эксперименте говорит об экономизации работы сердечно-сосудистой системы, которая явилась следствием разработанной нами программы физкультурно-оздоровительных мероприятий для детей с ослабленным здоровьем.

Небезинтересным для нас было наблюдение за показателями ЖЕЛ до и после занятий. Если по исходным данным мы наблюдали заметное снижение этого показателя после занятий, что говорит о слабости дыхательной системы, то по итогам наших исследований мы обнаружили у некоторых детей стабилизацию ЖЕЛ, а в большинстве случаев увеличение, где в первом исследовании до занятий у мальчиков оно было выражено в 7 %, во втором – 11 %. Повышение двигательного режима и использование нетрадиционных средств физической культуры в основном эксперименте позволило увеличить этот показатель до 19 %. У девочек – на 9 %, 10 % и 13 % соответственно. В то время как увеличение ЖЕЛ после занятий выразилось в 14 %, 20 % и 28 % у мальчиков и 13 %, 20 % и 25 % у девочек.

Влияние дыхательных упражнений на функцию дыхательной системы известно давно. Ряд авторов [13], [17], [18] предполагает, что определенные типы дыхания могут повысить сопротивляемость детского организма различным инфекциям, а Б. С. Толкачев [21] утверждает, что использование дыхательных и физических упражнений, закаливания и воздействия на биологически активные точки может оказать «физкультурный заслон острым респираторным заболеваниям (ОРЗ)».

Все это явилось подтверждением тому, что увеличение двигательного режима и использование нетрадиционных средств физической культуры благоприятно сказывается на состоянии дыхательной системы детей дошкольного возраста с ослабленным здоровьем, а разработанная нами программа физического воспитания данной категории детей еще более увеличивает положительное влияние на физическое развитие и функциональную подготовленность. В подтверждение этому ряд авторов [2], [11], [17], [18] полагает, что нормирование физических нагрузок у детей должно предусматривать некоторое повышение их относительно принятого сегодня оптимума, а перевод их в зону «умеренного напряжения» функциональных систем не вызывает напряжения физиологических функций и не дает достаточного эффекта [1], [3], [11]. Как отмечает В. К. Бальсевич [14], [22], до 5–6 лет характер физических нагрузок должен быть весьма разнообразен при достаточно большом объеме с небольшой интенсивностью, а в 6 лет необходима уже специальная тренировка отдельных физических качеств и способностей, освоение сложных видов движений из арсенала спорта.

В связи с отмеченным выше в процессе исследований мы с особым интересом наблюдали за изменением физической подготовленности, которая была представлена восьмью показателями. Результаты тестирования выявили, что как в первом, так и во втором предварительном эксперименте мы наблюдали положительную динамику исследуемых параметров, а неодинаковые результаты отражали специфику используемых средств и методов физического воспитания. И. В. Муравов [23] отмечает, что наиболее ярко эффект тренированности проявляется в дошкольном возрасте. Появление термина «оздоровительная тренировка» обусловлено многолетними исследованиями ученых влияния физической нагрузки на организм дошкольников [8], [12], [20].

Как отмечает В. К. Бальсевич [14], параметры тренировочных нагрузок должны соответствовать текущему состоянию занимающихся и соизмеряться с естественным ритмом развития их

двигательных функций, а специфика тренировки ребенка определяется необходимостью создания фундамента его физического здоровья.

Основными принципами оздоровительной тренировки являются систематичность (последовательность, регулярность), постепенность, адекватность (индивидуальная нагрузка), активность [3], [7], [16]. Чтобы правильно дозировать нагрузку, необходимо определить физические и нервно-психические возможности каждого ребенка, знать его группу здоровья [8], [18]. Существенным отличием оздоровительной тренировки является ее направленность не столько на восстановление нарушенных функций, сколько на повышение надежности здоровья человека [4].

Одним из критериев, оценивающих эффективность оздоровления детей, является снижение заболеваемости. В большинстве рассмотренных нами работ [9], [10], [11], [12] этот показатель изучается авторами в течение проводимых экспериментов. В нашем случае, как и в других исследованиях, нам удалось значительно уменьшить количество заболеваний за год, число дней, пропущенных по болезни, и продолжительность одного случая заболевания.

По данным многих авторов [4], [5], [22], [24], до 75 % времени пребывания в дошкольных учреждениях дети находятся в состоянии относительного покоя, что снижает их функциональные возможности, физическую подготовленность, сдерживает их физическое развитие, способствует заболеваемости. Как отмечает И. В. Аулик [25], гипокнезия у детей дошкольного возраста вызывает увеличение ЧСС в покое, толщину кожно-жировой складки, содержание холестерина в крови.

Выводы

Особенность проведенных нами исследований заключалась в том, что мы занимались с детьми с ослабленным здоровьем и доказали, что рациональный режим дня, двигательная активность и целенаправленные физические упражнения являются необходимыми для таких детей.

Результаты основного педагогического эксперимента убедительно доказали эффективность разработанной нами методики физкультурно-оздоровительных мероприятий для детей дошкольного возраста с ослабленным здоровьем, которые выявили их положительное влияние на физическое развитие и функциональную подготовленность испытуемых.

Новизна разработанной нами оригинальной методики заключается в использовании повышенного двигательного режима и нетрадиционных средств оздоровления для детей старшего дошкольного возраста с ослабленным здоровьем. Данная методика не требует при её внедрении материальных вложений, а базируется на пересмотре некоторых положений организации занятий оздоровительной физической культурой с детьми с ослабленным здоровьем. В ней мы пытались соединить и синтезировать все лучшие достижения древних (гимнастика тайдициоань и шоугун-терапия) и современных знаний о физическом воспитании человека. Результаты исследований могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании физкультурно-оздоровительных мероприятий в дошкольных учреждениях для детей 5–6 лет с ослабленным здоровьем; при составлении документов планирования оздоровительных мероприятий в детских садах; при организации физкультурно-оздоровительной работы с дошкольниками в летних лагерях и санаториях, что позволит на более высоком уровне решать задачи физического воспитания детей, связанные с укреплением здоровья и формированием здорового образа жизни.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Логвина, Т. Ю. Диагностика и коррекция физического состояния детей дошкольного возраста : метод. рекомендации / Т. Ю. Логвина, В. Н. Шебеко, В. А. Шишкина. – Минск : Изд. В. М. Скакун, 1996. – 32 с.
2. Бережнова, О. В. Парциальная программа физического развития детей 3–7 лет «Малыши-крепыши» / О. В. Бережнова, В. В. Бойко. – М. : Цветной мир, 2016. – 136 с.
3. Гуляйкин, В. А. Методика физической подготовки детей 4–6 лет на основе воспитания комплекса основных двигательных качеств : автореф. дис. ... канд. пед. наук / В. А. Гуляйкин. – Омск, 1986. – 21 с.
4. Анисимова, Т. Г. Физическое воспитание детей 2–7 лет: развернутое перспективное планирование по программе / Т. Г. Анисимова ; под ред. М. А. Васильевой, В. В. Гербовой, Т. С. Комаровой. – М. : ИЛ, 2016. – 610 с.
5. Вареник, Е. Н. Физкультурно-оздоровительные занятия с детьми 5–7 лет / Е. Н. Вареник. – М. : ТЦ Сфера, 2009. – 128 с.
6. Баранова, Т. И. Методика оздоровительных уроков физической культуры для учащихся среднего школьного возраста общеобразовательных школ территорий чернобыльского загрязнения : дис. ... канд. пед. наук / Т. И. Баранова. – М., 1996. – 127 л.

7. Королева, М. Н. Методика воспитания быстроты у детей дошкольного возраста (4–6 лет) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / М. Н. Королева. – Омск, 1985. – 15 с.
8. Алимовская, В. Г. Как воспитать здорового ребенка / В. Г. Алимовская – М. : LINKA PRESS, 1993. – 62 с.
9. Пензулаева, Л. И. Физическая культура в детском саду. Система работы в старшей группе / Л. И. Пензулаева. – М. : Мозаика-Синтез, 2014. – 626 с.
10. Подольская, Е. И. Оздоровительная гимнастика. Игровые комплексы, занятия, физические упражнения. Первая младшая группа / Е. И. Подольская. – М. : Учитель, 2014. – 144 с.
11. Алябьева, Е. А. Нескучная гимнастика. Тематическая утренняя зарядка для детей 5–7 лет / Е. А. Алябьева. – М. : Сфера, 2015. – 144 с.
12. Болсунова, Е. Б. Сказочная гимнастика с элементами йоги. 3–4 года : учебно-методический комплект / Е. Б. Болсунова. – М. : ВАКО, 2016. – 977 с.
13. Гришук, С. Б. Школа здоровья / С. Б. Гришук, А. Я. Тихонова, В. А. Статников. – Новосибирск : Новосибирское издательство, 1990. – 171 с.
14. Бальсевич, В. К. Физическая культура для всех и для каждого / В. К. Бальсевич. – М. : Физкультура и спорт, 1988. – 208 с.
15. Потапчук, А. А. Как сформировать правильную осанку у ребенка / А. А. Потапчук. – М. : Огни, 2009. – 982 с.
16. Логвина, Т. Ю. Организационно-методическая направленность процесса сохранения здоровья детей средствами физической культуры / Т. Ю. Логвина, Е. П. Врублевский, В. Ф. Костюченко // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2016. – № 8 (138). – С. 116–121.
17. Бреслав, И. С. Как управляется дыхание человека / И. С. Бреслав. – Л. : Наука, 1985. – 160 с.
18. Динейка, К. Движение, дыхание, психофизическая тренировка / К. Динейка. – Минск : Польша, 1981. – 144 с.
19. Кулькова, Л. В. Динамика заболеваемости органов дыхания у детей Кормянского и Чечерского районов Гомельской области после аварии на ЧАЭС / Л. В. Кулькова, И. А. Гутковский, Е. В. Улановская // Актуальные проблемы современной медицины : тез. докл. науч. конф., посвящ. 60-летию Витебского медицинского института. – Витебск, 1994. – Т. П. – С. 136.
20. Недомеркова, И. Н. Физическое развитие детей 3–4 лет. Март–май. Планирование НОД. Технологические карты: 32 карты / И. Н. Недомеркова. – М. : ИЛ, 2016. – 954 с.
21. Толкачев, Б. С. Физкультурный залон ОРЗ / Б. С. Толкачев. – М. : Физкультура и спорт, 1988. – 158 с.
22. Бальсевич, В. К. Здоровье – в движении! / В. К. Бальсевич. – М. : Советский спорт, 1988. – 48 с.
23. Муравов, И. В. Оздоровительные эффекты физической культуры и спорта / И. В. Муравов. – К. : Здоровье, 1989. – 272 с.
24. Бальсевич, В. К. Ваши дети: Книга для родителей / В. К. Бальсевич. – М. : Физкультура и спорт, 1985. – 157 с.
25. Аулик, И. В. Определение физической работоспособности в клинике и спорте / И. В. Аулик. – М. : Медицина, 1990. – 192 с.

Поступила в редакцию 06.04.2020

E-mail: maslo.mishanya@mail.ru

Ivan Maslo, Mikhail Maslo

PHYSICAL TRAINING OF PRESCHOOL CHILDREN WHOSE HEALTH IS WEAK: PROBLEMATIC ASPECTS, THEORETICAL AND EXPERIMENTAL RESEARCH

The article presents the results of theoretical and experimental research on physical training of senior preschool children whose health is weak; the training was based on a complex application of health-improving specialized tools and techniques. The method of health-improving measures with the use of increased motor mode and non-traditional means of health-improving for senior preschool children with weak health was developed and tested.

Keywords: children whose health is weak, physical training, physical culture, preschool institutions.

УДК 373.2.013.43(476)

Т. В. Палиева

Кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной работе,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ГЕНЕЗИСА ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ

На основе трансформации образовательной политики, детерминированной факторами социального сеттинга (социокультурными, социолингвистическими, социально-экономическими, политико-правовыми и собственно педагогическими), в статье представлена и обоснована периодизация становления и развития поликультурного дошкольного образования Беларуси. Определены хронологические границы каждого периода, выделены их характерные особенности с позиции современной трактовки сущности поликультурного образования, базирующегося на мультиперспективной концепции.

Ключевые слова: поликультурное воспитание, поликультурное образование, интернациональное воспитание, этнопедагогизация.

Введение

Глобализация как результат объективного, сложного и противоречивого процесса взаимодействия многих стран и народов отражается на политической, социально-экономической, информационной, экологической, мировоззренческой основах картины мира. С одной стороны, глобализация стремится к гомогенизации, стандартизации и унификации различных сфер жизни общества, что рассматривается как угроза для сохранения национального своеобразия, традиционных культурных ценностей и др., а с другой – способствует взаимосвязи и взаиморазвитию различных национальных институтов, культур и общественных систем. Такая амбивалентность (двойственность) глобализационных процессов требует адекватной реакции социальных систем. Поэтому в этих условиях именно поликультурное образование способно обеспечить гуманитарную безопасность современного общества, его консолидацию, с одной стороны, и подготовить подрастающее поколение к эффективному взаимодействию с различными народами и культурами, с другой стороны. Это, в конечном итоге, определяет конкурентоспособность нации и уровень экономического и социального развития государства.

В современном мире развитие теории и практики поликультурного образования подчинено влиянию разнообразных факторов. Данные факторы можно разделить на две взаимосвязанные и взаимовлияющие группы:

- факторы, связанные с историей развития конкретного государства и нации (общенсторические, этногенетические, географические и конфессиональные);
- факторы социального сеттинга, активно воздействующие в конкретно-временных условиях (социокультурные, социолингвистические, социально-экономические, политико-правовые и собственно педагогические).

Рассматривая влияние первой группы факторов, следует отметить, что на территории Беларуси в различные исторические периоды наблюдалось распространение полилингвизма и обеспечивалось взаимодействие и взаимообогащение различных национальных культур. Поэтому Беларусь имеет богатый исторически сложившийся педагогический опыт деятельности образовательных систем в условиях этнического, лингвистического, культурного и религиозного многообразия. Более того, присутствие толерантности как ментальной характеристики нации также обусловлено множеством факторов, в том числе и особенностями организации воспитания и обучения подрастающего поколения.

В каждую историческую эпоху происходило переосмысление и обогащение фундаментальных подходов к воспитанию и обучению в условиях многокультурности мира, которые в дальнейшем были не только основательно проработаны в теоретическом плане, но и в значительной мере осуществлены. Изучение генезиса поликультурного образования на территории Беларуси представляет бесспорную ценность в связи с возможным инкорпорированием ведущих идей,

имеющих глубокие национальные корни, в современную систему образования. Историко-педагогический анализ становления и развития теории и практики поликультурного образования в Беларуси поможет не только осмыслить, систематизировать и обобщить богатый отечественный опыт, но и выработать эффективные современные концепции и практические подходы его осуществления, базирующиеся на исторической преемственности.

Особое значение в развитии личности имеет период дошкольного детства, когда закладываются первоосновы нравственных качеств, мировоззренческих установок и др. Значимость дошкольного детства для развития личности обусловила акцентуацию внимания нашего исследования на системе дошкольного образования. Цель исследования – выявление этапов становления и развития теории и практики поликультурного дошкольного образования в Беларуси, определение специфики каждого из выделенных периодов на основе анализа факторов социального сеттинга.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследуя генезис теории и практики поликультурного образования детей дошкольного возраста в Беларуси, мы исходили от современного понимания сущности поликультурного образования. Концепция поликультурного образования, зародившись во второй половине XX века в связи с развитием миграционных процессов как образование для этнических меньшинств, сегодня приобретает более широкое значение. Систематизируя определения, данные множеством авторов, сформулируем сущность основного понятия нашего исследования уже с позиции современной мультиперспективной концепции поликультурного образования.

Поликультурное образование – образование, включающее организацию и содержание педагогического процесса, в котором представлены две или более культур, отличающиеся по языковому, этническому и национальному признаку, направленное на приобщение подрастающего поколения к этнической, национальной и мировой культуре, развитие на этой основе общепланетарного мировоззрения, усвоение культурно-исторического и социального опыта различных стран и народов, формирование готовности и умения жить в глобализационном мире с сохранением и укреплением национальной идентичности.

Под мировой культурой понимают совокупность всех культур мира (общечеловеческая метакультура). Национальная культура – это культура группы народов одной языковой общности, включающая своеобразие традиций, обычаев и нравов, отличающих ее от культур других народов. Этническая культура – культура представителей того или иного этноса.

Понятия «этническая культура» и «национальная культура» часто используются как тождественные. Однако в нашем исследовании мы используем данные понятия, исходя из определений, представленных российским философом и культурологом, доктором философских наук, профессором В. М. Пивовым: этнос – это возникший на основе племенного объединения народ, обладающий типичными расово-антропологическими чертами, самобытным образом жизни, поведением, обычаями, языком, менталитетом, особенностями художественно-эмоционального выражения, системой ведущих ценностей; нация – это народ, осознавший свою идентичность и защищающий себя с помощью государства [1, с. 8].

Если человек принадлежит к этносу, составляющему основу нации, то в данном случае действительно эти понятия для него тождественны. Если же нет – то он является представителем этнического меньшинства, при этом входя в состав нации. Таким образом, в условиях Республики Беларусь в значении национальной культуры выступает белорусская, в значении этнической культуры – культура представителей национальных меньшинств.

В структуру поликультурного образования в рамках мультиперспективной концепции мы включаем: полилингвальное обучение (обучение этническому, национальному и иностранному языку, культуре межнационального общения и др.), поликультурное воспитание (воспитание уважения к различным национальностям и культурам, формирование умений жить в поликультурном мире, в условиях этнического, лингвистического, культурного, конфессионального и социального многообразия), формирование национального самосознания (усвоение ценностей этноса и общенациональных (государственных) ценностей и др. для обеспечения консолидации и гуманитарной безопасности общества).

Исходя из выделенной структуры поликультурного образования, мы провели историко-педагогический анализ развития дошкольного образования Беларуси с целью комплексного объективного научного исследования отечественной истории развития идей поликультурного воспитания и обучения. Выбор хронологических рамок исследования связан с развитием дошкольного образования как системы, которая только после Октябрьской социалистической революции 1917 года

приобретает институциональность. В своем исследовании мы рассмотрим генезис поликультурного дошкольного образования до настоящего времени. В основе предлагаемой периодизации становления и развития поликультурного дошкольного образования в Беларуси лежит трансформация целевых приоритетов образовательной политики.

Система общественного дошкольного воспитания в Беларуси зародилась в начале XX века. По неполным данным, в дореволюционное время в Беларуси существовало только около 40 дошкольных учреждений различного типа, в которых воспитывалось более трех тысяч детей [2, с. 28].

Первый период (1917 – первая половина 30-х гг. XX века). С установлением советской власти в Беларуси началось создание широкой сети дошкольных учреждений. После принятия в 1918 г. «Положения о Единой трудовой школе» впервые детские сады были включены в государственную систему образования. В тяжелых экономических условиях практически с нуля создавалась система общественного дошкольного воспитания.

Внутригосударственная защита этнических меньшинств, сохранение их языкового и культурного наследия закрепляются законодательно и отражаются на образовательной политике. В 1927 г. была принята Конституция БССР, которая признавала в качестве официальных языков на территории республики белорусский, русский, еврейский и польский при преобладании белорусского как языка государственных и общественных организаций [2].

В этот период в образовательной политике наблюдается тенденция разделения образовательных учреждений по национальному и языковому признаку. В стране начала складываться система полинациональной школы. На четырех государственных языках издавались учебники, осуществлялась подготовка педагогических кадров. В начале 30-х годов в Беларуси существовало девять типов национальных школ с белорусским, русским, еврейским, польским, украинским, литовским, латышским, эстонским и немецким языками обучения, что способствовало реальному становлению *полинациональной* системы общественных дошкольных учреждений в республике [2]. По статистическим данным, приведенным Е. Г. Андреевой, в 1926/27 учебном году из 73 государственных детских садов и очагов на белорусском языке работало 36 дошкольных учреждений, на еврейском – 21, на русском – 14, на польском – 2 [3, с. 84].

Советская дошкольная педагогическая наука начинает свое развитие с 20-х гг. XX века. В это время велись поиски новых методов, средств и форм работы, направленных на совершенствование воспитательно-образовательного процесса в дошкольных учреждениях. Появляются первые общесоюзные нормативные акты, методические пособия по организации общественного дошкольного воспитания, которыми руководствовались в своей работе и воспитатели детских садов Беларуси.

Содержание программ советского дошкольного воспитания складывалось постепенно. В 1932 г. вышел проект «Программы работы дошкольных учреждений», а в 1934 г. были утверждены «Программы и внутренний распорядок детского сада». На основе данного документа в 1935 г. в БССР были изданы «Праграмы і ўнутраны распарадак дзіцячага сада». К ним были разработаны приложения по развитию речи и основам письма на польском и еврейском языках. В 20–30-е гг. XX века происходит зарождение методики развития белорусскоязычной речи детей дошкольного возраста (В. Ф. Луцевич, А. Савенок, Н. И. Коржова).

Второй период (вторая половина 30-х гг. – 40-е гг. XX века). Со второй половины 30-х гг. XX века под знаменем борьбы с «нацдемовщиной» в стране стали подавляться всякие проявления национальной активности. Началась унификация культуры, постепенная русификация системы образования Беларуси.

В связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», в котором педология признавалась «лженаучной педагогической теорией», были пересмотрены документы по дошкольному воспитанию в РСФСР [4, с. 15]. Так, «Программы и внутренний распорядок детского сада» (1934 г.) были отменены как «вредные, противоречащие задачам советского детского сада» [4, с. 17]. В 1938 г. был разработан и утвержден новый директивный документ по дошкольному воспитанию «Руководство для воспитателей детского сада. Устав детского сада» [4].

Воспитание детей дошкольного возраста в этот период осуществлялось в духе классовой борьбы и интернационализма, основанного на марксистско-ленинской идеологии. Для ознакомления с детской художественной литературой в приложении был опубликован список книг, состоящий из произведений зарубежных, русских, советских писателей и поэтов, а также фольклорных произведений народов СССР. Белорусская литература была представлена одним стихотворением Янки Купалы «Летчик». Правда, в программе делалась оговорка о необходимости дополнять

список произведений детской литературы за счет появляющихся «хороших детских книг» [4, с. 82]. В программе акцентировалось внимание на воспитании у детей любви к социалистической родине, чувства интернационализма [4, с. 19].

Великая Отечественная война оказала значительное влияние на этнический состав населения Беларуси в связи с сокращением численности коренного населения и массовыми миграционными процессами. Война и послевоенное обновление вызвали потребность в более тесном объединении народов СССР, что привело к увеличению роли русского языка как языка межнационального общения.

Третий период (50-е – первая половина 80-х гг. XX века). В 1950 году вышла брошюра И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой была представлена теория «объединения культур» [5], что определило курс на создание единой советской культуры. В частности, руководитель советской страны полагал, что в период победы коммунизма в мировом масштабе национальные языки неминуемо должны слиться в единый общий язык [5, с. 51–53]. «В свете учения т. Сталина» в обязательном порядке пересматривались теоретические основы научно-исследовательской работы языковедов и исходные положения преподавания языков. Краеугольным камнем теории унификации культуры, сближения наций и народностей было единое многонациональное государство с централизацией управления, общей армией, образовательной системой, делопроизводством и т. п.

Таким образом, основной концептуальной линией в этот период становится формирование единой общенациональной идентичности – «советский народ», что определяет социальную *гомогенизацию* общества, направленную на формирование сходных личностных качеств и характеристик для сохранения государственной целостности. Это отражается на национально-языковой структуре образовательной системы.

Гомогенизация общества вытекала из:

- идеологического основания, базирующегося на стратегии государства, требующей языковой общности во имя национального и государственного единства;
- практического обоснования, основанного на общем для всего государства административном управлении, требующем единого языка;
- языковой политике, одним из главных элементов которой является образование, осуществляемое на официальных языках.

В этот период продолжается реализация концепции интернационального воспитания, характеризующегося направленностью на формирование дружеских отношений со всеми народами СССР и трудящимися стран социалистического лагеря, объединяющихся идейным императивом борьбы с империализмом.

Еще в 1939 г. в Конституцию БССР 1937 г., действовавшую до 1978 г., были внесены изменения и дополнения, которые вместо четырех государственных языков регламентировали только два – белорусский и русский. Конституцией декларировалась возможность обучения в школах на родном языке. Однако распределение образовательных учреждений по языкам обучения постепенно унифицировалось. В начале 50-х гг. все школы и детские сады национальных меньшинств – польские, еврейские, литовские, латышские и др., действовавшие в республике в довоенное время, были переведены на русский язык воспитания и обучения [6, с. 370].

Таким образом, в Беларуси происходит постепенная девальвация национального языка и снижение значимости национального компонента в содержании воспитания и обучения дошкольников. Декларированный принцип организации педагогического процесса в дошкольном учреждении на родном языке не обеспечивался программным содержанием. Русский язык в воспитательно-образовательный процесс дошкольных учреждений вводился методом тотальной иммерсии.

В 1985 году на основе «Типовой программы воспитания и обучения в детском саду», вышедшей в 1984 году, была создана «Программа воспитания и обучения в детском саду». В ней учитывалась специфика культурно-национальных условий организации дошкольного воспитания в союзных республиках. Главное отличие от предшествующих программ заключалась в том, что в «Программе воспитания и обучения в детском саду» (1985 г.) были определены общие положения организации педагогического процесса в национальных детских садах. Так, отмечалось, что в дошкольном учреждении воспитание и обучение детей должно вестись на родном языке, а начиная со старшей группы рекомендовалось приступать к обучению русскому языку. Такой подход обусловил появление в союзных республиках, за исключением Беларуси, научных исследований и методических разработок, направленных на определение особенностей усвоения детьми дошкольного возраста русского языка как второго с учетом фонетических, грамматических и лексических

отличий от первого национального языка. Также программой предусматривалось обучение национальному языку в детских садах с русским языком воспитания и обучения. Специальные занятия рекомендовалось проводить 2 раза в неделю, начиная со старшей группы.

Однако система дошкольного воспитания, функционирующая в условиях билингвизма, не имела соответствующего научно-методического обеспечения. Наблюдался значительный перевес дидактических ресурсов по организации русскоязычного воспитания и обучения дошкольников.

Четвертый период (вторая половина 80-х – первая половина 90-х гг. XX века). Масштабные изменения в идеологии, политике и экономике страны были связаны с периодом «перестройки», осуществляемой во второй половине 80-х гг. XX века. В этот период поднимается волна национального-политического движения во многих союзных республиках, что в конечном итоге приводит к распаду СССР и созданию суверенного государства – Республики Беларусь.

В этот период в республике наблюдается этнический ренессанс, повышается интерес, в том числе и научно-педагогический, к вопросам формирования национального самосознания у дошкольников, овладение этническим языком и др., наблюдается попытка масштабного введения белорусского языка в учебно-воспитательный процесс дошкольных учреждений методом тотальной иммерсии.

19 сентября 1993 г. Верховным Советом Республики Беларусь был принят «Закон Рэспублікі Беларусь аб правах дзіцяці», который базировался на Конвенции о правах ребенка и Конституции Республики Беларусь. Закон определял «правовой статус ребенка как самостоятельного субъекта и направлен на обеспечение его физического, нравственного и духовного здоровья, формирование национального самосознания на основе общечеловеческих ценностей мировой цивилизации» [7, с. 10–11]. Закон устанавливал право каждого ребенка на получение образования на родном языке (ст. 19). Государство, в соответствии с Законом, должно обеспечить «детям возможность приобщения к истории, традициям и духовным ценностям народа Республики Беларусь и достижениям мировой культуры» (ст. 18) [7, с. 14].

В этот период значительно расширилась сеть дошкольных учреждений и групп с белорусским языком обучения и воспитания. К 1994 г. году из 2357 дошкольных учреждений в городской местности 1343 (57 %) осуществляли работу на белорусском языке, а в сельской местности из 2267 дошкольных учреждений – 2182 (96,3 %) были белорусскоязычными.

Активно разрабатывались научно-методические пособия по дошкольной лингводидактике белорусско-русского билингвизма (Д. Н. Дубинина, Н. И. Москаленко, В. Н. Ляшук, Н. С. Старжинская и др.) и методические пособия, предусматривающие использование двух языков как средства общения и познания во всех видах детской деятельности (Р. А. Александрович, Л. Н. Воронецкая, Л. Б. Горуневич, И. В. Житко, А. Ю. Лозко, Г. П. Орлова, А. А. Петрикевич, В. А. Шишкина и др.).

Пятый период (вторая половина 90-х гг. XX века – 2011 г.). После майского референдума 1995 г. два языка (белорусский и русский) получили статус государственных языков, что кардинально изменяет образовательную политику.

Первая редакция национальной программы воспитания и обучения детей в дошкольном учреждении «Пралеска» вышла в 1995 г. [8]. Одной из задач дошкольного воспитания, выделенной в программе, было приобщение детей к общечеловеческим и национальным ценностям.

В системе дошкольного образования наблюдается интенсивное развитие теории и практики билингвального образования, осуществляется поиск путей совершенствования двуязычного воспитания и обучения детей в дошкольных учреждениях.

В этот период широкое развитие приобретает концепция этнокультурного образования детей дошкольного возраста (Д. Н. Дубинина, В. Н. Шебеко, А. П. Орлова, А. Ю. Лозко и др.), реализуемая по трем направлениям: народоведение, краеведение, народное искусство. Все три направления реализуется через культуротворческую деятельность и направлены на приобщение дошкольников к национальной (белорусской) культуре. Актуальным для этнокультурной концепции образования является воспитание у детей доброжелательного отношения к людям вне зависимости от их этнической принадлежности, умения взаимодействовать с разными культурами.

Верхней границей пятого периода является принятие в январе 2011 г. Кодекса Республики Беларусь об образовании [9].

Шестой период (2011 г. – по настоящее время). С принятием Кодекса Республики Беларусь об образовании начался новый этап развития системы дошкольного образования. В этот период наблюдается усиление внешней унификации структуры, выражающейся в сокращении дошкольных учреждений, использующих языки этнических меньшинств и организующих образовательный

процесс на белорусском языке. Наблюдается также и внутренняя унификация, проявляющаяся в организации образовательного процесса по единой программе «Учебная программа дошкольного образования» [10]. Однако, данный период характеризуется расширением целевых и содержательных перспектив поликультурного дошкольного образования, его переходом к мультиперспективной парадигме, которая предполагает:

- переход от узкогрупповой направленности на детей этнических меньшинств к ориентации на всех обучающихся различных ступеней образования с учетом языковой, этнической и социальной гетерогенности;
- трансформацию содержания образования в направлении увеличения поликультурной перспективы;
- формирование расширенной идентичности (этнической, общенациональной и общечеловеческой) с сохранением и усилением национальной идентичности с целью консолидации общества в условиях глобализации;
- формирование общепланетарного мировоззрения, обеспечивающего конкурентоспособность и социально-экономическое развитие страны.

Выводы

В настоящее время в мировой педагогической науке и практике в определении сущности поликультурного образования наблюдается трансформация в сторону мультиперспективной парадигмы, где *поликультурное образование* понимается как образование, включающее организацию и содержание педагогического процесса, в котором представлены две или более культуры, отличающиеся по языковому, этническому и национальному признаку, направленное на приобщение подрастающего поколения к этнической, национальной и мировой культуре, развитие на этой основе общепланетарного мировоззрения, усвоение культурно-исторического и социального опыта различных стран и народов, формирование готовности и умения жить в глобализационном мире с сохранением и укреплением национальной идентичности.

Периодизация генезиса поликультурного дошкольного образования в Беларуси предложена с учетом влияния факторов социального сеттинга, активно воздействующих в конкретно-временных условиях (социокультурные, социолингвистические, социально-экономические, политико-правовые и собственно педагогические). Хронологические рамки исследования (1917 – по настоящее время) связаны с развитием дошкольного образования как целостной системы.

Таким образом, в становлении и развитии поликультурного дошкольного образования нами были выделены следующие периоды: *первый период (1917 – первая половина 30-х гг. XX века)* – создание сети дошкольных учреждений на полинациональной основе; *второй период (вторая половина 30-х гг. – 40-е гг. XX века)* – унификация структуры и содержания дошкольного образования через русификацию; *третий период (50-е – первая половина 80-х гг. XX века)* – гомогенизация системы дошкольного воспитания; *четвертый период (вторая половина 80-х – первая половина 90-х гг. XX века)* – белорусизация системы дошкольного воспитания; *пятый период (вторая половина 90-х гг. XX века – 2011 г.)* – зарождение поликультурного дошкольного образования; *шестой период (2011 г. – по настоящее время)* – переход поликультурного дошкольного образования к мультиперспективной парадигме.

В начале 2020 года разразившаяся пандемия, вызванная коронавирусом COVID-2019, привела к закрытию границ, приостановлению социальных и торгово-экономических отношений между странами, что, безусловно, отразилось на всех сферах жизни: экономике, внешней политике, глобализационных процессах, межкультурных отношениях, образовании и др. Эти изменения, на наш взгляд, неизбежно приведут к трансформации теории и практики поликультурного образования во всем мире.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пивоев, В. М. Этнос и нация: проблемы идентификации / В. М. Пивоев. – 2-е изд. – М. : Директ-Медиа, 2013. – 111 с.
2. Палиева, Т. В. Развитие дошкольного образования Беларуси в условиях билингвизма во второй половине XX века : пособие / Т. В. Палиева. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2008. – 89 с.
3. Андреева, Е. Г. Становление и развитие общественного дошкольного воспитания в Белорусской ССР (1917–1941) : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Е. Г. Андреева. – Тбилиси, 1987. – 299 с.

4. Руководство для воспитателя детского сада. Устав детского сада / Дошк. от-ние Нар. ком. просвещения БССР. – Минск : Наркомпрос БССР, 1938. – 96 с.
5. Сталин, И. В. Марксизм и вопросы языкознания / И. В. Сталин. – М. : Госполитиздат, 1950. – 115 с.
6. Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – 2-е выд., дап. – Мінск : Экаперспектыва, 1997. – 467 с.
7. Дашкольная адукацыя : зб. нармат.-правовых і інструктыўных матэрыялаў / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь ; склад. А. І. Сачанка. – СПб. : Виктория, 2000. – 343 с.
8. Пралеска: праграма выхавання і навучання дзяцей у яслях-садзе / Г. М. Белаус [і інш.]. – Мінск : Выд. Ул. М. Скакун, 1995. – 224 с.
9. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2011. – 400 с.
10. Учебная программа дошкольного образования : учебное издание. – Минск : Национальный институт образования, 2012. – 416 с.

Поступила в редакцию 31.03.2020

E-mail: 0605tanya1980@rambler.ru

T. V. Paliyeva

PERIODIZATION OF THE GENESIS OF MULTICULTURAL PRESCHOOL EDUCATION IN BELARUS

The article presents the periodization of the formation and development of multicultural preschool education in Belarus, developed on the basis of the transformation of educational policy, determined by factors of social setting (sociocultural, sociolinguistic, socio-economic, political and legal and pedagogical). The chronological boundaries of each period are identified, their characteristic features are highlighted from the perspective of a modern interpretation of the essence of multicultural education, based on a multi-perspective concept.

Keywords: polycultural education, polycultural training, international education, ethnopedagogization.

УДК 37.035.6

Л. М. Таранцей

Кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дэкан факультэта прафесійнай самарэалізацыі, ДУА «Гродзенскі абласны інстытут развіцця адукацыі», г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

НАРМАТЫЎНАЕ ПРАВАВОЕ СУПРАВАДЖЭННЕ ПРАЦЭСУ ФАРМІРАВАННЯ НАЦЫЯНАЛЬнай ІДЭНТЫЧНАСЦІ НАВУЧЭНЦАЎ: НА ПРЫКЛАДЗЕ РАСІІ, БЕЛАРУСІ І КАЗАХСТАНА

Прадстаўлены вынікі аналізу нарматыўнай прававой забяспечанасці працэсу фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці навучэнцаў, абумоўленай дзяржаўнай адукацыйнай палітыкай у сферы выхавання з улікам змяненняў у апошнія дзесяцігоддзі сацыякультурнай і палітычнай сітуацыі на прыкладзе такіх дзяржаў, як Расія, Беларусь, Казахстан. У рэалізацыі выхаваўчага працэсу з'яўляецца гатоўнасць педагогаў да фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці.

Ключавыя словы: нацыянальная ідэя, грамадзянская ідэнтычнасць, нацыянальная ідэнтычнасць, фарміраванне нацыянальнай ідэнтычнасці навучэнцаў.

Уводзіны

Актуалізацыя праблемы фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці абумоўлена знешнімі і ўнутранымі праблемамі выклікамі, з якімі сутыкаюцца суверэнныя дзяржавы ў эпоху глабалізацыі, а таксама неабходнасцю пераадолення негатыўных з'яў у сферы міжнацыянальных адносін і ўмацавання шматнацыянальнай структуры іх народаў.

Сумесны гістарычны шлях, які прайшлі рэспублікі былога СССР, грунтаваўся на пануючай ідэі разумення нацыі «... як формы або стадыі развіцця этнасу, этнічнай супольнасці. Нацыя – гэта этнас у вышэйшай стадыі свайго развіцця» [1, с. 55]. Як адзначае Н. Г. Скварцоў, ва ўмовах СССР вышэйшым вынікам развіцця гэтага этнічнага ланцужка абвяшчалі «савецкі народ» «як новую этнічную супольнасць – надэтнічную і наднацыянальную» [1, с. 55]. Такім чынам, у межах савецкай ідэалогіі нацыя трактавалася з пазіцыі натуральнага развіцця папярэдніх этнічных супольнасцяў. Распад СССР пацягнуў за сабой пераход у шэрагу новых дзяржаў ад этнічнай мадэлі ў вызначэнні нацыі, з апорай на культурна-гістарычнае адзінства, да так званай «саграмадзянскай» мадэлі нацыі, дзе дамінавала прыналежнасць аўтараў даследаванняў да адзінай гісторыі, звычаяў, элементаў культуры і т. п., узмоцненая ўяўленнямі аб агульных законах, правах чалавека і тэрытарыяльным грамадзянстве [1, с. 55]. Пазней пераход да разгляду грамадзянска-тэрытарыяльнай мадэлі нацыі стаў проста неабходным кампанентам дзяржаўных сістэм, якія ўключаюць шматлікія нацыі і народнасці. Такімі шматнацыянальнымі і шматканфесійнымі дзяржавамі з'яўляюцца Расія, Беларусь, Казахстан. За больш чым дваццаціпяцігадовы перыяд развіцця гэтых суверэнных дзяржаў адбыўся іх паступовы адыход ад канцэпцыі разгляду савецкага народа як новай гістарычнай сацыяльнай і інтэгратыўнай супольнасці людзей да іншай практыкі фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці грамадзян як неабходнай умовы захавання і развіцця шматнацыянальных дзяржаў. На першы план сталі выходзіць пытанні фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці на аснове агульначалавечых каштоўнасцяў, патрыятычнага і прававога выхавання, фарміравання грамадзянскай адказнасці, а таксама асабістага дачынення да развіцця сваёй дзяржавы.

Мэтай дадзенага артыкула выступае параўнальны аналіз нарматыўных прававых дакументаў Расіі, Беларусі, Казахстана, якія забяспечваюць працэс фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці навучэнцаў, і вызначэнне ролі педагогаў у рэалізацыі дзяржаўнай адукацыйнай палітыкі ў сферы выхавання.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Аналіз базавага паняцця «нацыя» ў зменлівых палітычных і сацыякультурных умовах дазваляе гаварыць аб складанасці і шматузроўненасці працэсу фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці ў шырокім сацыяльным кантэксце. Гаворка ідзе аб пэўных узроўнях, якія вызначаюць працэс фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці на ўзроўнях нацыі і асобна ўзятых індывідаў.

Такая комплексная шматузроўневая структура нацыянальнай ідэнтычнасці абумоўлівае складанасць яе фарміравання ў свядомасці людзей і патрабуе дачынення многіх сацыяльных інстытутаў да аналізуемага працэсу – сям'і, дзяржавы, адукацыі, СМІ.

У сучасных сацыякультурных умовах сензітыўным для фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці з'яўляецца перыяд старэйшага падлеткавага і ранняга юнацкага ўзросту, што прыводзіць да росту ролі адукацыі ў суправаджэнні дадзенага працэсу. Узнікае неабходнасць аналізу асноўных нарматыўных прававых дакументаў, якія вызначаюць мэтавыя, змястоўныя, тэхналагічныя, дзейсныя складнікі як магчымасць вызначыць напрамкі дзяржаўнай палітыкі ў сферы выхавання ў аспекце фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці дзяцей і моладзі Расіі, Казахстана і Беларусі.

Прадметам аналізу былі адабраны нарматыўныя прававыя дакументы, якія:

- у цэлым вызначаюць мэты, задачы і змест выхавання падростаючага пакалення;
- рэгламентуюць дзейнасць устаноў адукацыі ў пытаннях арганізацыі адукацыйнага працэсу ў аспекце рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі ў сферы выхавання.

Намі прааналізаваны «Стратэгія развіцця выхавання ў Расійскай Федэрацыі на перыяд да 2025 года», Дзяржаўная праграма «Патрыятычнае выхаванне грамадзян Расійскай Федэрацыі на 2016–2020 гады», Федэральны дзяржаўны адукацыйны стандарт асноўнай агульнай адукацыі (Расія); канцэпцыя выхавання ў сістэме бесперапыннай адукацыі Рэспублікі Казахстан (2009), канцэпцыя дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі Рэспублікі Казахстан да 2020 года «Казахстан 2020: шлях у будучыню» (2013), Канцэптальныя асновы выхавання (2015, Казахстан); Канцэпцыя бесперапыннага выхавання дзяцей і навучэнскай моладзі на 2016–2020 гады, адукацыйны стандарт агульнай сярэдняй адукацыі (Беларусь, 2018).

Асноўнымі крытэрыямі для аналізу намі вызначаны наступныя з іх, якія:

- 1) вызначаюць уключанасць ідэі фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці ў мэты і задачы, якія характарызуюць арыенціры для рэалізацыі нарматыўнага прававога дакумента ў сістэме адукацыі;
- 2) даюць разуменне сутнасці працэсу фарміравання зместу нацыянальнай ідэнтычнасці ў сістэме цэласнага фарміравання і развіцця асобы навучэнца;
- 3) адлюстроўваюць умовы, прымальныя для аптымальнай арганізацыі адукацыйнай прасторы ўстановаў адукацыі і рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі ў сферы адукацыі, тэхналагічнай і метадычнай забяспечанасці выхаваўчага працэсу;
- 4) характарызуюць прадстаўленасць нацыянальнай ідэнтычнасці ў асобных, метапрадметных, прадметных выніках засваення адукацыйных праграм.

Аналіз нарматыўнай прававой базы Расійскай Федэрацыі паказаў, што праблема фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці шырока і сістэмна прадстаўлена ў дзеючых дакументах, аднак дадзены тэрмін наўпрост не выкарыстоўваецца. Так, у «Стратэгіі развіцця выхавання ў Расійскай Федэрацыі на перыяд да 2025 года» прыярытэтнай задачай у сферы выхавання дзяцей выступае «... развіццё высокамаральнай асобы, якая валодае актуальнымі ведамі і ўменнямі, здольнай рэалізаваць свой патэнцыял ва ўмовах сучаснага грамадства, гатовай да мірнага стварэння і абароны Радзімы» [2]. Тут мэта выхавання арыентавана на ўзровень нацыянальнай супольнасці з апорай на традыцыйныя духоўныя і грамадзянскія каштоўнасці.

З мэтай каардынацыі намаганняў па ўмацаванні і развіцці сістэмы патрыятычнага выхавання грамадзян Расійскай Федэрацыі распрацавана і ўкаранёна дзяржаўная праграма «Патрыятычнае выхаванне грамадзян Расійскай Федэрацыі на 2016–2020 гады». У ёй дэталёва вызначаны асновы навуковага і метадычнага суправаджэння сістэмы патрыятычнага выхавання грамадзян, канкрэтызаваны формы і метады працы, віды дзейнасці і ўмовы ўдасканалення патрыятычнага выхавання з улікам змены сітуацыі, узроставых асаблівасцяў грамадзян і актыўнага міжведамаснага партнёрства [2]. Адметнай асаблівасцю гэтага дакумента з'яўляецца яго нацэленасць на ўсе сацыяльныя слаі і ўзроставыя групы пры захаванні прыярытэту патрыятычнага выхавання дзяцей і моладзі. У праграме падкрэсліваецца важнасць забяспечэння расійскай грамадзянскай ідэнтычнасці ў бесперапынным выхаваўчым працэсе, апісаны агульныя арыенціры і механізмы яе рэалізацыі.

Канкрэтызацыя зместу выхавання і патрабаванняў да вынікаў асваення навучэнцамі асноўнай адукацыйнай праграмы адлюстравана ў Федэральным дзяржаўным адукацыйным стандарце сярэдняй (поўнай) агульнай адукацыі (далей – ФДАС С (П)АА). Фарміраванне расійскай грамадзянскай ідэнтычнасці вучняў вызначана як галоўны накірунак. Пры распрацоўцы праграмы выхавання і сацыялізацыі навучэнцаў на этапе сярэдняй (поўнай) агульнай адукацыі на падставе ФДАС С (П)АА рэкамендавана яе пабудова на аснове «...базавых нацыянальных каштоўнасцяў

расійскага грамадства, такіх, як патрыятызм, сацыяльная салідарнасць, грамадзянскасць, сям'я, здароўе, праца і творчасць, навука, адукацыя, традыцыйныя рэлігіі Расіі, мастацтва, прырода, чалавецтва, і накіравана на выхаванне высокамаральнага, творчага, кампетэнтнага грамадзяніна Расіі, які прымае лёс сваёй краіны як свой асабісты, усведамляе адказнасць за яе сучаснасць і будучыню, укаранёную ў духоўных і культурных традыцыях шматнацыянальнага народа Расійскай Федэрацыі, падрыхтаванага да жыццёвага самавызначэння» [3].

Можна заключыць, што змест паняцця «грамадзянская ідэнтычнасць» у расійскіх нарматыўных прававых дакументах дапоўнены, з аднаго боку, базавымі каштоўнасцямі, спалучанымі з этнічнымі характарыстыкамі і культурнай разнастайнасцю, з другога – арыентацыяй на грамадскія каштоўнасці, абумоўленыя актыўнай грамадзянскай пазіцыяй, усведамленнем адказнасці за лёс сваёй краіны, асобасным і прафесійным самавызначэннем [3].

У стандарце падкрэсліваецца, што яго рэалізацыя ў праграмах выхавання павінна забяспечыць дасягненне выпускнікамі асобасных вынікаў з дапамогай фарміравання «ўкладу школьнага жыцця на аснове базавых нацыянальных каштоўнасцяў расійскага грамадства, які ўлічвае гісторыка-культурную і этнічную спецыфіку рэгіёну, у якім знаходзіцца адукацыйная арганізацыя» [4].

Такім чынам, аналіз асноўных расійскіх нарматыўных прававых дакументаў, якія рэгламентуюць дзяржаўную палітыку ў аспекце фармавання нацыянальнай ідэнтычнасці, дазволіў зрабіць наступныя высновы аб тым, што:

- у нарматыўных прававых дакументах, якія рэгламентуюць выхаваўчы працэс, вызначаны агульныя арыенціры, канцэптуальныя, метадалагічныя падставы для рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі ў дзейнасці ўстаноў адукацыі. Тэхналагічны і метадычны бакі гэтага працэсу строга не агавораны, што дазваляе ўстановам і педагогам самастойна вызначаць сродкі і метады працы з навучэнцамі з арыентацыяй на прапанаваныя віды дзейнасці і формы работы, з улікам сацыяльнай, рэгіянальнай, узроставай спецыфікі;

- у якасці базавага і асноўнага выкарыстоўваецца тэрмін «грамадзянская ідэнтычнасць», які дапоўнены ў змястоўным плане кампанентамі, што дазваляюць зрабіць вывад аб іх мэтанакіраванасці на фармаванне нацыянальнай ідэнтычнасці;

- праблема нацыянальнай ідэнтычнасці пашырана да фарміравання патрыятызму і грамадзянскасці ў цэлым усіх грамадзян Расіі, з паглыбленнем ролі адукацыі і ўлікам сензітывнасці фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці падростаючага пакалення ў сістэме адукацыі;

- пры распрацоўцы праграм выхавання па рэалізацыі асноўных нарматыўных прававых дакументаў у сістэме адукацыі акцэнт робіцца на этнакультурны, рэгіянальны і агульнанацыянальны кампаненты нацыянальнай ідэнтычнасці.

Аналіз нарматыўных прававых дакументаў, якія рэгламентуюць выхаваўчы працэс у Рэспубліцы Казахстан, дае падставу лічыць, што асноўным прыярытэтам развіцця казахстанскага грамадства з'яўляецца ўмацаванне грамадзянскай і духоўнай, этнічнай і нацыянальнай ідэнтычнасці, аптымізацыя сацыякультурнай і сацыяпсіхалагічнай актыўнасці грамадзян. Фундаментальныя асновы самавызначэння нацыі знайшлі адлюстраванне ў агульнанацыянальнай патрыятычнай ідэі «Мэнгілік Ел», вылучанай лідарам нацыі Н. А. Назарбаевым яшчэ ў 2010 годзе. Дадзеная ідэя пакладзена ў аснову распрацоўкі нарматыўна-прававых дакументаў, галоўным з якіх стала канцэпцыя фарміравання дзяржаўнай ідэнтычнасці Рэспублікі Казахстан [5]. Гаворка ідзе менавіта аб казахстанскай ідэнтычнасці як адной з базавых каштоўнасцяў фарміравання народа Казахстана, незалежна ад этнічнага паходжання канкрэтнага чалавека, які пражывае на тэрыторыі Казахстана і злучае свой лёс з яго будучыняй. Пры фарміраванні нацыянальнай ідэі акцэнт ставіцца на грамадзянскае разуменне нацыі, калі нацыянальная ідэя ў поліэтнічнай дзяржаве арыентавана не толькі на дзяржастваральную нацыю. Нацыянальная ідэя нясе этнафарміруючы і кансалідуючы сэнс і накіравана «...на аб'яднанне ўсіх грамадзян краіны, незалежна ад іх этнічнай прыналежнасці, у адзіны народ Казахстана на аснове агульнасці іх казахстанскага Грамадзянства» [5, с.19].

Аналіз стратэгічных нацыянальных нарматыўных прававых дакументаў дазваляе прадставіць нацыянальную ідэю «Мэнгілік Ел» у адзінстве і ўзаемасувязі такіх яе складнікаў, як этнафармуючы, грамадзянскі і агульнанацыянальны, арыентаваны на развіццё інтэлектуальнай і канкурэнтаздольнай нацыі.

Выразная фармулёўка нацыянальнай ідэі, шырокая прадстаўленасць яе ў нарматыўных прававых дакументах, змястоўная канкрэтызацыя працэсу фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці дазволілі распрацаваць нацыянальную мадэль адукацыйнай сістэмы Казахстана. У ёй пастаўлена дастаткова прадуктыўная мэта ператварэння Казахстана ў краіну з канкурэнтаздольным капіталам.

Для дасягнення гэтай мэты ў краіне прыняты такія дакументы, як «Канцэпцыя выхавання ў сістэме бесперапыннай адукацыі Рэспублікі Казахстан» (2009), «Тыпавы комплексны план па ўзмацненні выхаваўчага кампаненту працэсу навучання ва ўсіх арганізацыях адукацыі» (2012), «Канцэпцыя дзяржаўнай моладзевай палітыкі Рэспублікі Казахстан да 2020 года» [6], «Казахстан 2020: шлях у будучыню» (2013) [7] і іншыя, якія забяспечваюць умовы адраджэння інтэлекту, духоўнага і творчага патэнцыялу нацыі з улікам агульнаказахстанскага менталітэту, культурных нацыянальна-гістарычных традыцый. Развіццё казахстанскага грамадства з улікам сацыякультурных змяненняў і выклікаў сучаснасці запатрабавала актуалізацыі нарматыўнай прававой базы ў сферы выхавання і паслужыла перадумовай для распрацоўкі «Канцэпттуальных асноў выхавання» (2015). У гэтым дакуменце адзначана, што «звыклыя схемы выхавання ў сучасных умовах сталі неэфектыўнымі, і склаліся аб'ектыўныя перадумовы для распрацоўкі канцэпттуальнай асновы выхавання, што адпавядае новым умовам і патрабаванням фарміравання грамадзяніна Казахстана на аснове агульначалавечых і нацыянальных каштоўнасцяў» [8, с. 5]. Асноўнай мэтай рэалізацыі канцэпттуальных асноў выхавання з'яўляецца вызначэнне ідэалогіі і стратэгіі выхавання дзяцей і моладзі ва ўмовах абнаўлення зместу адукацыі. Канцэпттуальныя асновы выступаюць падставай для распрацоўкі дзяржаўных праграм развіцця адукацыі, комплекснай праграмы выхавання, дзяржаўнага агульнаабавязковага стандарта адукацыі, навучальных праграм і падручнікаў [8].

Асабліваю цікавасць у казахстанскім вопыце для нашага даследавання ўяўляюць прыярытэтныя напрамкі выхаваўчай работы, мэты выхавання, сфармуляваныя для кожнага напрамку, і крытэрыі ацэньвання. Акрамя асноўнага кірунку – выхавання казахстанскага патрыятызму і грамадзянскасці, прававога выхавання, – ідэю фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці можна прасачыць у кожным кірунку або вылучыць яе структурныя складнікі пры ацэньванні вынікаў. Так, кірунак «духоўна-маральнае выхаванне» мае такія крытэрыі ацэньвання, як «...права маральных адносінаў да: ... культуры, звычаяў і традыцый свайго і іншых народаў; ... адзінства розных культур і вераванняў; ... абавязку перад бацькамі, радзімай, грамадствам...». Кірунак «нацыянальнае выхаванне» ўключае крытэрыі «права пачуцця гонару і адказнасці ў адносінах да: этнічнай самасвядомасці, этнічнай ідэнтычнасці; ... звычаі і традыцыі казахстанскага і свайго народа...». Напрамак «сямейнае выхаванне» мае адным з крытэрыяў «права паважлівых, беражлівых адносін да: этнасацыяльных роляў...» і г. д.

Характэрным з'яўляецца тое, што ў магчымых выніках рэалізацыі канцэпттуальных асноў выхавання выразна прасочваецца ідэя фарміравання актыўнай грамадзянскай пазіцыі як важнага дзейснага кампанента нацыянальнай ідэнтычнасці. Акрамя забеспячэння засваення асноў культуры, да кірунку далучэння асобы да агульначалавечых і нацыянальных каштоўнасцей, павагі да роднай і дзяржаўнай мовы і культуры, узростнага ўзроўню сфарміраванасці ў навучэнскай моладзі казахстанскага патрыятызму, грамадзянскай самасвядомасці, прававой і антыкарупцыйнай культуры, талерантнасці і сацыяльна значных якасцяў асобы, вынікі выхавання дапаўняюцца такой мэтай, як развіццё эканамічнага мыслення і экалагічнай пісьменнасці, усвядомленага стаўлення да прафесійнага станаўлення і самарэалізацыі, здольнасці да супрацоўніцтва і міжкультурнага ўзаемадзеяння, адказнасці за лёс краіны [8].

Пры рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі ў сферы адукацыі вялікі акцэнт робіцца на фарміраванні ўсіх кампанентаў нацыянальнай ідэнтычнасці ў структуры асобы самога педагога. З гэтай мэтай у вуну краіны выкладаецца асобная вучэбная дысцыпліна «Мэнгілік Ел», у рамках якой раскрываецца сутнасць працэсу нацыянальнага выхавання перш за ўсё саміх будучых спецыялістаў. Змест вучэбнай дысцыпліны «Мэнгілік Ел» накіраваны на: а) фарміраванне нацыянальнай самасвядомасці, грамадзянскасці і патрыятызму студэнтаў, развіццё ў іх гістарычнай і сацыяльнай памяці, каштоўнасцаў стаўлення да нацыянальнай культуры, духоўнай спадчыны казахскага народа, народа Казахстана ў цэлым; б) станаўленне інтэлектуальнай і канкурэнтаздольнай асобы, якая валодае навыкамі міжкультурнай камунікацыі, здольнай пераадолюваць этнічныя стэрэатыпы і будаваць канструктыўны дыялог з прадстаўнікамі іншых культур [5].

Такім чынам, у Рэспубліцы Казахстан выбудаваная сістэма фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці навучэнцаў на ўзроўні дзяржаўнай ідэалогіі ў кантэксце нацыянальнай ідэі «Мэнгілік Ел». Нацыянальная ідэя выступіла метадалогічнай асновай распрацоўкі нарматыўных прававых дакументаў у сферы выхавання і ўключае этнічныя, грамадзянскія, агульнанацыянальныя складнікі. Дэталёвая распрацоўка паняцця «нацыянальная ідэнтычнасць», падрабязнае змястоўнае напаўненне ўсіх кампанентаў казахстанскай нацыянальнай ідэнтычнасці дазваляе выбудоваць дзейную сістэму выхавання з уключэннем нацыянальнай ідэі ва ўсе выхаваўчыя напрамкі.

У Рэспубліцы Беларусь палітыка фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці рэалізуецца, перш за ўсё, у сістэме адукацыі. Гэта замацавана ў «Канцэпцыі бесперапыннага выхавання дзяцей і навучэнскай моладзі на 2016–2020 гады» (далей – Канцэпцыя) [9]. У якасці прыярытэту выхавання вызначана паслядоўнае і актыўнае садзейнічанне асобаснаму станаўленню грамадзяніна і патрыёта сваёй краіны, прафесіянала-працаўніка, адказнага сем'яніна [9]. У асноўных аналізаваных нарматыўных прававых дакументах (канцэпцыя, праграма бесперапыннага выхавання дзяцей і навучэнскай моладзі на 2016–2020 гады, адукацыйны стандарт агульнай сярэдняй адукацыі (2018) і інш., апора робіцца на наступныя ідэі:

– асновай фарміравання нацыянальнай самасвядомасці ў адукацыйным працэсе выступае дзяржаўная ідэалогія як нацыянальная ідэя, якая аб'ядноўвае, мабілізуе і дазваляе людзям з розных культур прыйсці да ўсведамлення агульных каштоўнасцяў, якая спрыяе ўсталяванню ў грамадстве атмасферы згоды і стварэння талерантных зносін;

– выкарыстоўваецца паняцце «нацыянальная самасвядомасць», што дазваляе пры рэалізацыі выхаваўчага працэсу ва ўстановах адукацыі арыентавацца на агульнапрынятыя падыходы да вызначэння паняцця «нацыянальная самасвядомасць» з вылучэннем у яго структуры этнічнага, нацыянальнага і агульначалавечага кампанентаў. Пры гэтым фарміраванне нацыянальнай самасвядомасці звязана з працэсамі фарміравання грамадзянскасці і патрыятызму;

– пры вызначэнні асаблівасцяў выхавання на кожным узроўні адукацыі робіцца акцэнт на этнічным складніку. Так, пры арганізацыі выхаваўчага працэсу для навучэнцаў на III ступені агульнай сярэдняй адукацыі рэкамендавана спалучэнне ў выхаванні нацыянальнага і агульначалавечага складнікаў пры вывучэнні нацыянальных традыцый, фальклору, лепшых узораў нацыянальнай культуры; далучэнне да вывучэння культуры і традыцый беларускага народа; актыўны ўдзел навучэнцаў у захаванні і развіцці самабытнасці нацыянальнай культуры [9];

– паняцці «ідэнтычнасць», «нацыянальная ідэнтычнасць» не выкарыстоўваюцца, аднак складнікі нацыянальнай ідэнтычнасці ўключаны ў асноўныя задачы выхавання.

Ідэалагічнае выхаванне ў Рэспубліцы Беларусь вызначаецца прыярытэтамі развіцця беларускага грамадства, што выступае асновай для вызначэння зместу выхавання і ўключана як інтэгральны кампанент ва ўсе напрамкі выхавання. У структуры ідэалагічнага выхавання закладзены кагнітыўны, эмацыяна-каштоўнасны, дзейнасны кампаненты нацыянальнай ідэнтычнасці. Там увага акцэнтуюцца на:

– фарміраванні асобы, якая свядома ўдзельнічае ў сацыяльным жыцці грамадства (дзейнасны кампанент), «здольнай на адэкватнае стаўленне да тых падзей, што адбываюцца ў свеце і краіне, да культурнай і навуковай спадчыны, гістарычных дасягненняў, з разуменнем сябе, свайго месца ў грамадстве» (эмацыянальна-каштоўнасны кампанент) [9];

– забеспячэнні ведання асноў ідэалогіі беларускай дзяржавы, засваенні падростаючым пакаленнем асноўных каштоўнасцяў, ідэй, перакананняў, якія адлюстроўваюць сутнасць беларускай дзяржаўнасці (кагнітыўны кампанент) [9].

Асобныя складнікі нацыянальнай ідэнтычнасці можна вылучыць у грамадзянскім і патрыятычным выхаванні – фарміраванне актыўнай грамадзянскай пазіцыі, патрыятызму, прававой і палітычнай, інфармацыйнай культуры; у духоўна-маральным выхаванні – далучэнне да агульначалавечых і нацыянальных каштоўнасцяў, у полікультурным выхаванні – фарміраванне талерантнага стаўлення да прадстаўнікоў іншых культур, нацыянальнасцяў, веравызнанняў і інш.

Змест канцэпцыі абаяраецца на канцэптualaльны асновы ідэалогіі беларускай дзяржавы – дзяржаўны суверэнітэт, нацыянальны інтарэс, нацыянальная бяспека, сацыяльная справядлівасць, эканамічны дабрабыт, развіццё грамадзянскай супольнасці, якія павінны быць рэалізаваны з дапамогай ідэалагічнага выхавання і заснаваных на ім іншых напрамкаў выхавання ў адукацыйным працэсе ўстаноў адукацыі.

Перанос акцэнтаў фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці ў сістэму адукацыі прад'яўляе асаблівы патрабаванні да педагагічных работнікаў. Да такіх патрабаванняў у канцэпцыі адносяцца прафесіяналізм настаўніка, высокі ўзровень яго ідэйнай перакананасці. Умова паэтапнага станаўлення ідэалагічнай перакананасці асобы ў поўнай меры адлюстроўвае агульны механізм фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці: авалоданне ведамі, прыняцце і фарміраванне каштоўнасцяў і перакананняў, свядомы ўдзел у грамадска значнай дзейнасці беларускага грамадства і дзяржавы [9].

У беларускім адукацыйным стандарце сярэдняй адукацыі ўзмоцнена арыентацыя адукацыйнага працэсу на фарміраванне грамадзянскай ідэнтычнасці, акцэнтавана ўвага на захаванне і развіццё нацыянальнай культуры; культурнай і моўнай спадчыны нацыянальных меншасцяў,

якія пражываюць на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь. Так, адной з ключавых мэтаў адукацыі на III ступені агульнай сярэдняй адукацыі выступае «фарміраванне асобы навучэнца як носьбіта каштоўнасцяў нацыянальнай і сусветнай культуры, грамадзяніна і патрыёта, яго сацыяльных кампетэнцый і маральнай сталасці, гатоўнасці да жыцця ў полікультурным свеце і бесперапыннай адукацыі, здольнасці да сацыяльнага самавызначэння і самастойнага выбару, каштоўнаснага стаўлення да здаровага ладу жыцця і навакольнага асяроддзя» [10].

Такім чынам, аналіз нарматыўнай прававой дакументацыі, якая рэгламентуе выхаванне навучэнцаў у Рэспубліцы Беларусь, дазволіў устанавіць, што ідэя фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці выразна прасочваецца ў змесце і прагназуемых выніках адукацыі, адлюстравана ў яе мэтах. У прааналізаваных дакументах можна вылучыць кампаненты нацыянальнай ідэнтычнасці, паняцце «грамадзянская ідэнтычнасць», якое змястоўна дапоўнена і раскрывае шырокі кантэкст нацыянальнай ідэнтычнасці.

Адной з асаблівасцяў фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці ў Рэспубліцы Беларусь з'яўляецца выкарыстанне патэнцыялу цэласнага адукацыйнага працэсу без яўнага яго дзялення на працэсы навучання і выхавання, што дазваляе комплексна падыходзіць да вырашэння пастаўленых задач і ўключаць ідэю фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці ва ўсе напрамкі работы з навучэнцамі.

Вывады

Параўнальны аналіз нарматыўнай прававой дакументацыі ў сферы выхавання ў Расіі, Казахстане, Беларусі дазволіў зрабіць наступныя высновы:

– найбольш выразна нацыянальная ідэя, якая абумоўлівае працэс фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці, сфармулявана ў Казахстане, дзе распрацаваны яе тэарэтыка-метадалагічныя асновы, канкрэтызаваны змест. У беларускіх дакументах часцей гаворка ідзе аб дзяржаўнай ідэалогіі як нацыянальнай ідэі;

– у Казахстане і Расіі дакументы, якія вызначаюць змест выхавання, арыентаваны на фарміраванне нацыянальнай ідэнтычнасці ў шырокіх слаёў насельніцтва з узмацненнем ролі адукацыі. У беларускіх дакументах відавочна прасочваецца накіраванасць у першую чаргу на навучэнцаў, на сістэму адукацыі;

– гатоўнасць педагогаў да фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці называецца адной з асноўных умоў рэалізацыі выхаваўчага працэсу, аднак, пытанні падрыхтоўкі педагогаў найбольш дэталёва распрацаваны і прадстаўлены ў казахстанскіх дакументах, адлюстраваны ў асобнай вучэбнай дысцыпліне «Мэнгілік Ел» для будучых спецыялістаў.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Скворцов, Н. Г. Формирование национальной идентичности в современной России / Н. Г. Скворцов // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Том 20. – № 4. – С. 53–60.

2. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : Распоряжение Правительства Российской Федерации, 29 мая 2015 г., № 996-р. // Российская газета. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> – Дата доступа: 25.08.2019.

3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Российской Федерации, 30 декабря 2015 г., № 1493. // Консультант Плюс. Россия / Официальный сайт компании «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ – Дата доступа: 23.08.2019.

4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс] : Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации, 17 декабря 2010 г., № 1897. // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rf-ot-17122010-n-1897/> – Дата доступа: 22.08.2019.

5. Мэнгілік Ел: учебник / М. Б. Касымбеков [и др.] – Алматы : Ұлағат, 2015 – 336 с.

6. Концепция воспитания в системе непрерывного образования Республики Казахстан [Электронный ресурс] : утв. приказом Министра образования и науки Республики Казахстан, 16 ноября 2009 г., № 521 : реком. организациям непрерывного образования Республики Казахстан. – Режим доступа: <https://pandia.ru/text/80/088/36832.php> – Дата доступа: 24.08.2019.

7. Концепция государственной молодежной политики Республики Казахстан до 2020 года «Казахстан 2020: путь в будущее» [Электронный ресурс] : одобр. Постановлением Правительства Республики Казахстан, 27 февраля 2013 г., № 19. // Информационная система «ПАРАГРАФ». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31348880 – Дата доступа: 24.08.2019.

8. Концептуальные основы воспитания [Электронный ресурс] : утв. приказом Министра образования и науки Республики Казахстан, 22 апреля 2015 г., № 227. – Режим доступа: <http://politex.kz/index.php/kz/kolledzh/normativnye-dokumenty-tipo/22-kontseptualnye-osnovy-vozpitanija>. – Дата доступа: 24.08.2019.

9. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Министерства образования Республики Беларусь, 15 июля 2015 г., № 82 // Национальный институт образования. – Режим доступа: <https://www.adu.by/wp-content/uploads/2015/umodos/koncept-vozpitan-detej-i-molodioji.doc>. – Дата доступа: 24.08.2019.

10. Об утверждении образовательных стандартов общего среднего образования [Электронный ресурс] : постановление Министерства образования Республики Беларусь, 26 декабря 2018 г., № 125 // Национальный институт образования. – Режим доступа: <https://adu.by/images/2019/01/ob-standarty-ob-sred-obrazovaniya.pdf>. – Дата доступа: 24.08.2019.

Паступіў у редакцыю 07.10.2019

E-mail: larisa.tarantej@yandex.by

L. M. Tarantsay

LEGAL AND REGULATORY SUPPLY OF STUDENTS' NATIONAL IDENTITY FORMATION: COMPARATIVE ANALYSIS

The content of the article primarily reflects the normative legal provision of the process of forming the national identity of students due to the state educational policy in the field of education taking into account the sociocultural and political situation which has changed in recent decades using the example of such countries as Russia, Belarus and Kazakhstan. One of the main conditions for the implementation of the educational process is the willingness of teachers to form national identity.

Keywords: national idea, civic identity, national identity, formation of national identity of students.

УДК 961:06-15:37.036.5

Г. С. Тарасенко

Доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры экологии, естественных и математических наук, Винницкая академия непрерывного образования, г. Винница, Украина

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ДЕТСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье обоснована роль детского творчества в системе гармонизации отношений ребёнка с природой, а также презентованы методические приёмы развития художественно-творческого потенциала младших школьников с целью экологизации детского мышления. Создание учащимися литературных образов окружающей природы целенаправленно усиливает эмпативно-рефлексивные механизмы творческой деятельности и способствует формированию у детей гуманных поведенческих программ. В конечном итоге это благотворно влияет на развитие экологического мышления школьников.

Ключевые слова: младший школьник, детское творчество, художественно-творческий потенциал, эмпатия, экологизация детского мышления.

Введение

Уже стала привычной мысль о том, что каждый ребёнок – художник. Действительно, человек от первого своего слова включается в процесс творчества и, таким образом, будто конструирует собственное представление о необъятном и загадочном мире, в котором имел счастье родиться. Более того, ребёнок просто не может не творить, ведь это его органика, способ самовыражения, путь к гармонии с окружающей средой.

В то же время возникает вопрос: должно ли детское творчество быть спонтанным ради полного самопроявления его сущности? Вряд ли. В основу творчества ребёнка педагог обязан прежде всего заложить высшие чувства – патриотические, этические, эстетические. Творчество во имя творчества бесплодно и напоминает капризный узор на фоне пустоты. Творчество во имя любви – это путь к личностному самосовершенствованию детей, поскольку учим их творить не для того, «чтобы все были художниками, а для того, чтобы никто не был рабом» [1].

Педагогика творчества никогда не стояла в стороне от решения проблемы отношений человека и природы. Более того, педагогика творчества на всех этапах зарождения и развития активно включалась в процесс формирования истинно духовного отношения личности к окружающему миру, в том числе к природе. Культ творчества, интерес к становлению личности творца, к акту творчества, к его результату и продукту со времён эпохи Ренессанса волновали мыслителей всех стран и народов [2, с. 78]. Проблема экологизации мышления молодых поколений на современном этапе её изучения также тесно связана с вопросами творческого развития личности.

Экологизм детского мышления напрямую зависит от творческих установок деятельности и способствует гармонизации «духовного космоса» воспитанников в соответствии с гармонией космоса природного. Реализация творческого потенциала младшего школьника возможна в конкретных видах его деятельности и опирается на определённую совокупность субъективных образов объективного мира. Однако констатируем недостаточность теоретически обоснованного методического арсенала стимулирования художественно-творческой деятельности детей с экологически направленным целеполаганием.

Цель исследования состоит в поиске и презентации методических приёмов развития художественно-творческого потенциала детей младшего школьного возраста с целью экологизации детского мышления.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ научных источников убеждает в том, что роль творчества в духовном становлении учащейся молодёжи неоднократно была предметом научного исследования. Значительный вклад в разработку теории творческого развития личности внесли учёные Б. Ананьев, И. Бех, А. Ковалёв, Я. Коломинский, А. Матюшкин, В. Моляко, Я. Пономарёв, В. Роменец, С. Рубинштейн, Б. Теплов,

О. Тихомиров и др. Концептуально данная проблема звучит в идеях и технологических разработках Г. Альтшуллера – автора теории развития творческой личности, который убедительно доказал на практике, что формирование творческих установок деятельности способно мощно влиять на общую одарённость и способность к интеллектуальному поиску [3].

Дефинитивный анализ в контексте нашего исследования обусловил определённые научные результаты. Так, исследуя феномен творческой личности, находим ряд научных определений, которые позволяют истолковывать творческую личность как такую, которой свойственно индивидуальное своеобразие, наличие творческого потенциала, повышенный уровень потребности в творческой деятельности, интенсивное стремление к творческой активности, оригинальность, нестандартность и образность мышления, высокая ассоциативность, развитые интуиция и фантазия [4, с. 6].

Если понятие «потенциал» включает в себя скрытые возможности и внутренние силы индивида, то категория «творческий потенциал» аккумулирует природные склонности и задатки человека к тому или другому виду творчества. Знаменательно, что психофизиологические принципы развития творческого потенциала личности часто отождествляют с творческими способностями.

Понятие «творческий потенциал младшего школьника» с психологической точки зрения изучают как интегрированные возможности ребёнка ставить и решать новые задания в сфере духовно-интеллектуальной деятельности. Причём творческий потенциал исследователи всегда связывают со способностью самостоятельно решать не просто любые задачи, а жизненно важные проблемы. В научной литературе [5] творческий потенциал презентуют как синтез различных личностных потенциалов: преобразовательно-предметного (навыки, умения), познавательного (интеллектуальные способности), аксиологического (ценностные ориентации), коммуникативного (морально-психологические качества), художественного (эстетические способности) и др.

Значительное место в структуре творческого потенциала младшего школьника занимает способность к образному мышлению, которая постепенно трансформируется в мотивы творческой активности во всех видах детской деятельности. Как убеждают теория и практика образовательной работы в начальной школе, образное и абстрактно-логическое мышление являются взаимосвязанными, но разными сторонами единого процесса. Образное мышление рождает художественный образ как одно из средств творческого отражения действительности. Способность к образной интерпретации результатов восприятия действительности является основой художественно-творческого потенциала ребенка. Благодаря научным исследованиям психологов (Г. Кудиной, Н. Лейтеса, А. Мелик-Пашаева, З. Новлянской и др.) изучена структура способностей учащихся младшего школьного возраста к художественно-творческой деятельности. Исследованы отдельные компоненты творческих способностей школьников, а именно: особенности художественного восприятия (О. Никифорова, В. Ягункова, П. Якобсон и др.), своеобразие развития воображения (Л. Выготский, О. Дьяченко, А. Запорожец, С. Рубинштейн и др.), механизмы формирования речевых навыков как творческого процесса (В. Бадер, А. Богуш, Н. Гавриш, М. Плющ и др.).

Педагогическая инноватика в Украине всё больше внимания уделяет проблеме гармонизации отношения детей к миру средствами формирования их художественно-творческого потенциала. Учитывается тот факт, что в новом тысячелетии значительно изменился «портрет» современного младшего школьника: он всё реже линейно (тривиально) мыслит; знания приобретает преимущественно эмпирически-интуитивным путём, отказываясь от зубрежки и пассивной учёбы; постоянно испытывает информационный голод; нуждается в творческом диалоге с педагогом и т. п. Феномен «неудобства» таких детей для ортодоксальной педагогики является вполне понятным. Гуманистическая же педагогика непрестанно ищет пути оптимизации образовательной среды вокруг детей поколения Alpha не только во имя их полнейшей личностной самореализации, но и во имя творческой подготовки детей к спасению окружающей среды на основе любви.

Мы исходим из того, что экологизация детского мышления является первоочередной задачей образования, поскольку именно экологическое мышление способствует успешному поиску ребёнком собственного места в природе и вырабатывает мотивацию экологического поступка. Экологизация детского мышления предполагает не формальные запреты варварского поведения в природе – подобное табуирование поведения не является эффективным. Мышление, наполненное экологическими смыслами, предполагает высокий уровень развития интеллектуальных и эмоциональных процессов, которые подпитываются яркими сенсорными, перцептивными реакциями ребёнка на мир, а также нестандартными, оригинальными, т. е. творческими подходами к решению экологических проблем взаимодействия с природой. Психологи неоднократно отмечают, что дети дошкольного и младшего школьного возраста тяготеют, в основном, к художественному типу реакции на внешний мир, хотя

могут при этом никак не проявлять себя непосредственно в художественной деятельности [6], [7]. Доминирование «правополушарного» типа мышления усиливает эмоционально-образное восприятие мира и побуждает ребёнка этого возраста прежде всего к эстетическим оценкам природы.

Художественно-творческий потенциал ребёнка имеет непосредственные выходы в плоскость эстетики. Придерживаемся мысли о том, что основной её категорией является не прекрасное (как принято думать), а скорее выразительное (А. Лосев) как проявление внутренней сущности через своеобразие внешних характеристик. Выразительность в природе всегда аккумулирует особенное, специфическое, неповторимое. Именно выразительность объектов и явлений природы должна стать материалом для детского творчества. Универсальным средством «подпитки» неординарности детского мышления должно стать расширение границ эстетической оценки мира. Понимание эстетической выразительности бытия приучает детей искать уникальность во всех творениях природы. Мир становится безгранично интересным, загадочно-таинственным, эмоционально привлекательным. Природа превращается в животворный источник детского вдохновения. Детское творчество, в свою очередь, последовательно становится на защиту природы.

Предлагаем варианты организации детского литературного творчества на темы природы с экологически направленным целеполаганием. Мы исходим из того, что слово является самым первым и самым удобным материалом, комбинируя и видоизменяя который ребёнок конструирует собственную эстетическую оценку природы. Словесное творчество, во-первых, побуждает к поэтическому восприятию реальности, которое развивается лишь на фоне яркой эмоциональной реакции. Во-вторых, успех литературного творчества зависит от точности чувственного восприятия природы, скорости запоминания и длительности сохранения образов действительности в памяти. В-третьих, словесное творчество абсолютно зависит от метафорического восприятия и оценки окружающего мира [8]–[10].

Украинскими исследователями (Н. Волошина, О. Малихина, Н. Миропольская, И. Осадченко, К. Пономарёва, О. Савченко, М. Шопина, М. Явоненко и др.) акцентирована важность изучения теоретических и практических аспектов развития литературно-творческих способностей школьников на основе личностно ориентированных методик. Экспериментально доказано [6], что творческое воображение, образное мышление, логическая память являются важнейшими компонентами в структуре литературно-творческих способностей ребёнка.

В своей поисково-методической работе мы апробировали на основе идей Ж. Пиаже своеобразный алгоритм организации словесно-творческой работы с младшими школьниками на темы природы:

- расширение опыта эмоционально-чувственного восприятия природы и создание своеобразной «фотопластинки» как основы детского литературного творчества;
- становление формативно-операционного мышления, которое позволит ребёнку перестроить на новом уровне то, что было освоено на предыдущем этапе, и в результате сравнения и обобщения создать собственные эстетические оценки природы;
- обеспечение художественности восприятия и оценки детьми природы с опорой на образное мышление и активное использование художественных средств языка;
- формирование экологичности восприятия ребёнком окружающего мира с перенесением его рефлексивно-эмпатийной реакции в сферу словесного творчества с последующим творческим проектированием гуманных поведенческих программ.

В соответствии с разработанным алгоритмом, презентуем отдельные приёмы организации словесно-творческой работы с младшими школьниками, которые используются в украинских школах в контексте внедрения авторских технологий эстетико-экологического воспитания [11], [12].

Приём 1. Сенсорно-оценочный тренинг «Времена года» (запомни на цвет, на вкус, на запах)

Детям предлагаются своеобразные творческие этюды на активизацию чувственного восприятия мира, в котором они учатся многогранно ощущать природу при непосредственном контакте с ней. Это помогает «накормить» глаза, уши, нос, пальцы ребёнка и подготовить материал для последующего его творчества. Выполняя подобные задания, ребёнок приобретает надлежащую культуру сенсорной реакции на окружающую среду. Мир природы раскрывается перед ним в конкретных эстетических проявлениях – цвете, форме, пропорции, симметрии, звуках, запахах и т. п.

Типичные задания (на примере восприятия осенней природы):

- поищите “золото” осени: укажите жёлто-зеленые, рыжие, медные, лимонные, оранжевые, бронзовые, коричневые листочки;
- найдите в окружающей природе больше всего оттенков красного цвета: укажите багряные, пурпурные, лиловые, вишнёвые, фиолетово-красные, бордовые листочки;
- примите участие в конкурсе на лучшую гирлянду из осенних листьев. Условие: листочки нужно сколоть так, чтобы был заметен постепенный переход от зеленого к жёлтому или от желтого к красному цвету;
- погладьте лепестки осенних цветов. Почему бархатцы называют бархатными, астры – трепетными, хризантемы – холодными?
- попробуйте на ощупь осенние листья. Найдите самый плотный или самый мягкий листочек. Предлагаем игру “Узнайте листья на ощупь”;
- присмотритесь к кронам деревьев. Какая из них нравится больше всего и почему? Какие из них напоминают колонну, конус, шар, зонтик, свечу? Почему иву называют плакучей, берёзку – кудрявой, тополь – стройным, дуб – могучим, кипарис – гордым?
- проследите за полётом осенних листьев. Подберите слова, которые удачно передают характер их движения (например: летят, падают, кружатся, вьются, танцуют, порхают и др.).

**Приём 2. Метафоризация объектов и явлений природы
(поиграем словами)**

Система предложенных ниже заданий поможет ребёнку найти и оценить эстетическое своеобразие природы, понять образное значение её выразительности. В ходе выполнения таких заданий воспитанники определяют выразительную сущность объекта через ассоциацию образа, в основе которого лежит чувственный опыт восприятия.

Задание А. Угадай цвет слова

Предлагаемые слова	Возможные варианты ответов
Небо	синее, нежно-голубое, насупленно-серое
Солнце	золотое, оранжевое, ослепительно-красное
Ночь	бархатно-чёрная, звёздно-синяя, загадочно-фиолетовая
Ёлка	зелёная, изумрудная, заснеженная
Подснежник	молочно-белый, весенне-светлый, зелёноглазый
Калина	огненная, сочно-красная, кроваво-спелая

Задание Б. Отыщи интересные слова (из жизни природы)

Предлагаемые слова	Возможные варианты ответов
Сладкие	земляника, слива, яблоко, груша, мёд
Кислые	вишня, лимон, калина, клюква
Колючие	ёж, крапива, шиповник, крыжовник, кактус
Пушистые	кролик, цыплёнок, медвежонок, котёнок
Горячие	солнце, лето, песок
Холодные	зима, снег, лёд, сосулька
Мокрые	дождь, лужа, речка, море

Необходимо активизировать детское воображение и постепенно приближать его к оперированию метафорой. Именно метафоризация ставит ребёнка в художественную позицию по отношению к природе. Метафора будто обнажает эстетическую суть объекта и изменяет ракурс его оценивания под углом выразительности.

Задание В. Заменяй выразительными словами

Предлагаемые слова	Возможные варианты ответов
Звезды	глаза неба
Снежинка	кружевная звездочка
Радуга	разноцветный мостик
Осень	щедрая хозяйка
Капель	музыка весны
Иней	снежная муфточка
Ромашка	жёлтый глаз

Задание Г. На что это похоже?

Предлагаемые слова	Возможные варианты ответов
<i>Сосулька</i>	<i>ледяной гвоздь</i>
<i>Снегопад</i>	<i>белые бабочки</i>
<i>Дождь</i>	<i>слезы неба</i>
<i>Листопад</i>	<i>осенний балет</i>
<i>Ива</i>	<i>девичьи косы</i>

По нашему убеждению, любовь и творчество всегда сплетены воедино. Любить что-то – это творить для него, во имя него, под его влиянием. Потому детское творчество на темы природы является, как правило, эмоционально окрашенным и обращенным к источнику чувств. Однако импульсивная реакция не всегда рождает у детей сочувственное внимание ко всем формам бытия в природе. Организация же детского творчества на темы природы, на наш взгляд, должна быть сориентированной в первую очередь на укрепление эмоционально-духовной связи учащихся с окружающей средой на основе эмпатии и идентификации. Именно творчество должно научить школьников фиксировать любовно-заинтересованный взгляд на самых скромных проявлениях выразительности в природе. Именно творчество должно помочь ребенку полюбить природу всем сердцем, проникнуться её болью и защитить от надругательства невежды.

Экологизация мышления ребёнка основана на переносе его рефлексивно-эмпатийной реакции в сферу словесного творчества с последующим проектированием гуманных поведенческих программ в природе. Приведём пример своеобразных творческих этюдов, какие могут выполняться учащимися второго года обучения в процессе урочной и внеурочной работы (ниже поданы образцы детского творчества, собранные во 2-м классе Винницкой школы-лицея № 7 учителем Е. Прушковской).

**Приём 3. Активизация рефлексии относительно первых встреч с природой
(вспомним своё чувство)**

Время от времени детей следует включать в процесс самонаблюдения, которое помогает им восстановить память раннего детства (упражнения типа «когда я был маленьким»). Анализ ранее возникших чувств (удивления, волнения, страха, увлечения и т. п.) снова и снова приближает ребёнка к самым первым эмоциональным впечатлениям от встреч с природой. Интроспективные задания побуждают учащихся совмещать творческие импульсы воображения со взглядом «внутрь». Рефлексивная реакция помогает детям подняться с бытового на эстетический уровень восприятия природы. Отталкиваясь от ключевого слова (например: снег, цветы, ручей, радуга и др.), дети как будто блуждают концентрическими кругами памяти прошлых впечатлений, погружаются в поток прежних переживаний. В таких рассказах-воспоминаниях, как правило, отражается бескорыстная чистота детского взгляда на мир, например:

Предлагаемые фразы	Варианты ответов
<i>Когда я впервые увидел снег</i>	<i>Я был совсем маленьким. Тогда падал снег, а я его ловил руками. Я думал, что это белые мушки. Они были очень мокрые, холодные и сразу исчезали. Меня это напугало (Вадим К.).</i>
<i>Как меня удивили весенние цветы</i>	<i>Я впервые увидела цветы каштана в нашем парке. Мне показалось, что кто-то специально поставил на веточки каштана белые свечи. Это было очень красиво (Марина Т.)</i>

**Приём 4. Формирование эмпатийных реакций на природу
(прояви сочувствие)**

Младшие школьники, бесспорно, очень эмоционально реагируют на природу, однако реакция не всегда бывает достаточно чуткой. Нередко наблюдаем случаи жестокого обращения детей с растениями и животными. Чтобы предупредить детскую жестокость, нужно последовательно смягчать реакцию учащихся на окружающую среду. Можно время от времени предлагать «слово-образовательные» игры, которые не нанесут вреда лексическому развитию детей, однако условные «неологизмы» стремительно приблизят их к эмпатии, то есть к состоянию сочувствия природе.

Задание А. Подбери к природе ласковые слова

Предлагаемые слова	Варианты ответов (Тамара Н.)
<i>Дерево</i>	<i>зеленчук</i>
<i>Цветочек</i>	<i>душистик</i>
<i>Дождик</i>	<i>плакусик</i>
<i>Зайка</i>	<i>пушистик</i>
<i>Птичка</i>	<i>звонкоголосик</i>

Чрезвычайно полезными, по нашим наблюдениям, являются задания, которые готовят ребёнка к своеобразному слиянию (идентификации) с природой, помогают постичь общие моменты между собой и ею. Здесь рождается культура вхождения в жизнь природы, закладывается основа альтруистичного поведения, корректируются моральные координаты отношения к окружающему. Такое творчество обновляет детские позиции относительно природы, делает их более чуткими, более справедливыми, более человечными.

Задание Б. Пожалей природу за что-либо

Предлагаемые слова	Варианты ответов (Борис М.)
<i>Небо</i>	<i>плачет дождём, терпит тучи, его бьёт град, гром оглушает, самолеты задымляют</i>
<i>Земля</i>	<i>ногами топчут, раскапывают тракторами, с неё срывают траву и цветы (больно), замерзает от мороза, весной захлебнулась водой</i>
<i>Цветок</i>	<i>тяжело пробивает головкой землю, сохнет без воды, погибает от жажды, деревья закрывают его от солнца, пчела забирает пыльцу</i>
<i>Птичка</i>	<i>мерзнет от холода, дрожит от страха, голодает зимой, боится кота, люди ловят её и сажают в клетку</i>

Приём 5. Включение детей в творческие ситуации идентификации с природой (встань на её место)

Можно предлагать учащимся создавать своеобразные монологи природы, акцентируя их внимание на тех объектах, которые приобрели тревожный экологический статус, например:

Задание А. Вообрази, что природа просит защиты

Предлагаемые фразы	Варианты ответов
<i>От имени лягушки</i>	<i>Не обижайте меня, пожалуйста. Я беззащитная и совсем не гадкая. Живу себе спокойно в реке. От вас ничего не хочу. Буду для вас полезной – почищу питьевую воду, уничтожу насекомых, устрою вечером концерт. Люди, не убивайте меня! Я просто маленькая зелёная лягушка (Сергей К.)</i>
<i>От имени ёлки</i>	<i>Не рубите меня. Мне больно. Я боюсь новогодних праздников. Я вся дрожу. Неужели и меня срубят, как мою сестру? Подождите, я вам пригожусь. Наполню лес свежим ароматом. Я закрою вас летом от солнца своими пушистыми ветками (Марина З.)</i>

В процессе такой работы ребёнок как будто расчленяет собственное «я», пытается вникнуть в жизнь других земных существ или в объекты неживой природы. Активное использование персонификации рождает глубокое сопереживание и условное слияние с природой.

Однако следует постепенно усложнять задание и нацеливать детей на создание небольших диалогов с природой. В таких творческих работах ребёнок учится сопоставлять жизненные потребности человека и природы.

Задание Б. Придумай свой разговор с природой

Предлагаемые фразы	Варианты ответов
<i>Мой разговор с рекой</i>	<i>– О чем ты звонко журчишь, реченька? – О рассвете, который разбудил меня, тебя и птичку. – Кого ты больше всего любишь? – Людей. Но они редко разговаривают со мной и спрашивают о моих делах. А я болею от грязи (Яна Г.)</i>

Приём 6. Тренинг фантазийно-сказочных сюжетов (твори непредсказуемо)

С раннего детства природа входит в сознание детей сказочными образами, которые сразу же определяют характер восприятия её объектов и явлений. Сказки учат детей уважительному, толерантному отношению к окружающей среде. В сказке природа всегда бывает доброй, щедрой, иногда смешной и шаловливой, но никогда не бывает враждебной. Научить детей конструировать сказочные сюжеты о природе не просто. Как правило, учащиеся в основной массе склоняются к обычному подражанию, нередко к откровенному заимствованию сюжетных ходов из известных сказок.

Предлагаем почаще использовать в работе с детьми так называемый «бином фантазии» (Дж. Родари). Можно включать детей в составление сказок на основе сопоставления несовместимых, на первый взгляд, объектов природы и социума, что разрушает стереотипные ходы детской фантазии, вынуждает её гибко двигаться в незнакомом направлении. Это может быть противопоставление объекта (явления) природы и творения урбанизированной среды, эмоционально-образная дистанция между которыми является очевидной, например:

Предлагаемые слова	Варианты ответов
<i>Листопад и компьютер</i>	<i>Наступил октябрь. Петрик отворил окно. Листопад заглянул в него и заметил компьютер. Это его заинтересовало. Листопад залетел в комнату и тихонько влез в компьютер. Когда Петрик вечером включил компьютер, то удивился – там случился буквопад! Петрик рассердился на октябрьский вирус и пожаловался отцу. А отец рассмеялся и сказал: «Осень играет с тобой» (Вадим К.)</i>

Выводы

Организованная таким образом словесно-творческая работа с младшими школьниками значительно приближает их к природе, гуманизирует их отношение к миру. Экологизация детского мышления на основе художественно-творческой деятельности решает многовекторные задания:

- ценностное ориентирование детей на антиутилитаризм в отношении к природе;
- освобождение детского сознания от излишнего прагматизма и корыстности по отношению к окружающей среде;
- формирование установки на альтруистическое взаимодействие с природой и её обитателями;
- пробуждение в учащихся энергии милосердия, доброты и сопереживания природе;
- развитие эмоциональной культуры восприятия, оценки, поведенческих программ в природе;
- формирование готовности детей к природоохранной работе и последующему творческому решению экологических проблем.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Родари, Дж. Грамматика фантазии / Дж. Родари. – М. : Самокат, 2015. – 240 с.
2. Зенько, Н. Н. Проблема творческой самореализации личности в трудах мыслителей эпохи Возрождения / Н. Н. Зенько // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – № 2 (50). – 2017. – С. 78–82.
3. Альтшуллер, Г. С. Как стать гением: Жизненная стратегия творческой личности / Г. С. Альтшуллер, И. М. Вёрткин. – Минск : Беларусь, 1994. – 479 с.
4. Шпачинський, І. Л. Творчий потенціал особистості і його реалізація в умовах трансформації суспільства : автореф. дис. ... канд. філософ. наук : 09.00.03 / І. Л. Шпачинський. – Одеса, 2006. – 20 с.
5. Шопіна, М. О. Образна символіка як чинник розвитку творчого потенціалу молодшого школяра : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / М. О. Шопіна. – Київ, 2009. – 16 с.
6. Художественная одарённость детей, её выявление и развитие / А. А. Мелик-Пашаев [и др.]. – Дубна : Феникс+, 2006. – 112 с.
7. Роменець, В. А. Психологія творчості / В. А. Роменець – Київ : Вища шк., 2004. – 247 с.
8. Бажанюк, В. С. Психологічні основи підготовки майбутніх учителів-словесників до роботи з літературно обдарованими дітьми : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / В. С. Бажанюк. – Київ, 1995. – 25 с.
9. Малихіна, О. Є. Психологічні умови розвитку здібностей молодших школярів до словесної творчості : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / О. Є. Малихіна. – Одеса, 2009. – 20 с.

10. Миропольська, Н. Є. Мистецтво слова в структурі художньої культури учня: теорія і практика / Н. Є. Миропольська. – Київ : Парламентське видавництво, 2002. – 204 с.

11. Тарасенко, Г. С. Інноваційні підходи до мовленнєвотворчої роботи з обдарованими дітьми в контексті підготовки їх до школи / Г. С. Тарасенко // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету. Серія: Педагогіка (початкова освіта). – 2010. – № 1. – С. 56–61.

12. Тарасенко, Г. С. Любов помножити на творчість / Г. С. Тарасенко, О. Л. Прушковська // Початкова школа. – № 9. – 1999. – С. 18–21.

Поступила в редакцію 03.04.2020

E-mail: tarasenkogal@gmail.com

H. S. Tarasenko

GREENING OF CHILDREN'S THINKING IN THE PROCESS OF THE DEVELOPMENT OF ARTISTIC AND CREATIVE POTENTIAL OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN

The article substantiates the role of children's creativity in the system of harmonisation of the child's relationship with nature as well as presents methodological tools for the development of the artistic and creative potential of primary school children with the goal of greening children's thinking. The creation by students of literary images of the surrounding nature purposefully enhances the empathic-reflective mechanisms of creative activity and contributes to the formation of human behavioral programs of children. Ultimately, it has a beneficial effect on the development of the ecological thinking of school children.

Keywords: primary school children, children's creativity, artistic and creative potential, empathy, greening of children's thinking.

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 811.161.1'373

О. С. Гуркова

Магистр филологических наук, аспирант кафедры белорусской и русской филологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь
Научный руководитель: Кураш Сергей Борисович, кандидат филологических наук, доцент

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА**

В статье рассматриваются проблемы изучения неологических процессов в русском языке начала XXI в., а также эволюция, специфические черты и особенности употребления неологизмов и неометафор, связанных с переходами из сферы электронных коммуникаций в иные коммуникативные практики.

Ключевые слова: лингвонеология, лингвометафарология, сфера электронных коммуникаций, неологизация, неологизм, неометафора.

Введение

Актуальность обращения к обозначенной выше теме обусловлена неугасающим интересом лингвистов к общим тенденциям развития русского языка и отличительным чертам каждой эпохи. Особо пристальное внимание исследователей направлено на пополнение и обновление словарного состава, его специфику на текущем этапе развития современного русского языка. Это связано со своеобразными неологическими взрывами, известными истории языка, приводящими к интенсивному изменению в номинативном фонде. Этот процесс актуален и сегодня. «Язык и время – извечная проблема исследователей. Язык живёт во времени (имеется в виду не абстрактное время, а общество определенной эпохи), но и время отражается в языке. Язык изменяется. Это эволюционное качество заложено в нем самом» [5, с. 4].

Конец XX – начало XXI вв. отмечены стремительным развитием информационных технологий, едва ли не ежедневным появлением новых устройств и изобретений, которым необходимо давать названия. Современный мир погрузился в новое коммуникативное пространство Интернета и мобильной телефонии, что привело к появлению значительного количества новых слов – неологизмов, рожденных в сфере электронных коммуникаций.

Целью данной статьи является критико-аналитический обзор различных подходов к решению проблемы изучения и описания неологических процессов, характерных для лексической подсистемы русского языка начала XXI века.

Для достижения данной цели был проанализирован ряд теоретических источников в области лингвонеологии, лингвометафарологии, электронных коммуникаций (диссертационные исследования, монографии, научные статьи, учебные пособия и др.) и собран необходимый фактический материал (неолексемы, восходящие к электронным коммуникациям, употребляющиеся во внеинтернетном общении). Подчеркнем, что мы сохранили все особенности примеров, приведенных далее в тексте. Основными методами исследования являются метод выборки, который позволяет отобрать необходимый языковой материал, метод аналитического описания, сопоставления и интерпретации.

Результаты исследования и их обсуждение

Лингвонеология – относительно молодая отрасль языкознания, которой изучаются активные процессы в языке, и в первую очередь – в лексике и фразеологии. В некоторых странах (Россия, США, Франция, Япония и др.) уже существуют центры лингвонеологии, занимающиеся научными исследованиями неологических процессов, вопросами культуры речи, стандартизации языка, информационно-справочных служб и пр. [4, с. 122]. Проблемное поле неологии охватывает такие области исследования, как выявление и анализ причин появления неологизмов, способы их образования, сферы их функционирования и т. д. В то же время неология сталкивается с такими проблемами, как отсутствие четкого определения её центрального объекта – неологизма, нерешенность вопроса об объёме данного понятия, нахождение в стадии формирования терминологической базы и пр.

Синонимичными терминами к понятию *неологизм* являются такие, как *инновация*, *новое слово*, *новообразование* и др.

Ответвление лингвонеологии в отдельную отрасль лексикологии начинается во второй половине XX века. Этому содействовали работы А. А. Брагиной, Р. А. Будагова, Г. О. Винокура, В. Г. Гака, Е. В. Розен, Н. И. Фельдман и др. Особое место в формировании теории неологии и неографии принадлежит Ю. С. Сорокину и Н. З. Котеловой, основателям русской неологической лексикографии.

В современной неологии можно выделить два основных направления: 1) исследование специфики обновления словарного состава языка (неологизм как объект неологии); 2) выявление и изучение проблематики, связанной с лексикографированием неологизмов (неологизм как объект неографии) [13, с. 8].

Нам представляется более интересным, объёмным и перспективным первое из этих направлений.

Проблемой терминологического определения неологизма занимались такие учёные, как Н. З. Котелова, Л. П. Катлинская, Е. В. Сенько, С. В. Ильясова, С. И. Алаторцева и др. Так, С. И. Алаторцева указывает на то, что «центральной проблемой неологии является постоянно меняющееся представление о том, что же такое ‘неологизм’», а Л. П. Катлинская отмечает, что «вопрос о том, что такое неологизм в собственно лингвистическом смысле по-прежнему остается открытым» [7, с. 7], поэтому, как справедливо отмечает Л. В. Шалина, анализируя новейшие диссертационные исследования, монографии, научные статьи по неологии, «почти каждый исследователь, прежде чем начать работу, оказывается перед выбором: использовать одну из многих существующих трактовок термина или предложить свою. Поэтому неслучайно в каждой работе встречаются формулировки: “В работе термин ‘неологизм’ понимается как...”, или “вслед за ... мы понимаем под неологизмами...” и т. д. Безусловно, один ученый вряд ли справится с задачей создания четкого терминологического аппарата» [14, с. 73].

Выскажем предположение, что в ближайшее время вопрос терминологического определения неологизма всё же разрешится, так как увеличивается количество работ, обращенных к изучению новых слов, неографических и неологических процессов. Так, С. И. Алаторцева отмечает, что «решение основных вопросов неологии (теории нового слова) было поставлено на научную основу в результате формирования эмпирической базы, созданной серией словарей новых слов» [1, с. 2]. Ряд диссертационных исследований и монографий в области неологии были выполнены с учетом данных неографии определенного временного среза, что позволило исследователям определить изменения в словарном составе русского языка. Продолжают создаваться книжные и электронные неологические словари. Однако, учитывая стремительное развитие информационных технологий и мобильной телефонии, сохраняется острота проблемы несвоевременной лексикографической фиксации неолексем, тематически связанных с этими сферами.

Обращаясь к понятию *неология*, Е. В. Розен отмечает, что «с позиции языковой культуры принято различать *необходимую* и *избыточную* неологию. К первой принадлежат такие новые названия, которые появляются в связи с новыми объектами обозначения – новыми предметами, техническими изобретениями, новыми идеями, номенклатурами и др. Избыточными считают появление новых обозначений, которые являются синонимичными уже существующим, заимствований с других языков, жаргонов, диалектов. Делать выводы о том, нужно или нет коммуникантам то или другое слово за пределами исторической перспективы, – задание неблагоприятное. Лингвисту, который непосредственно наблюдает языковые изменения, нужна большая осторожность при разных рекомендациях касательно “улучшения” языка и прогнозов о судьбе слова» [12, с. 61].

В лингвистической науке конца XX – начала XXI вв. актуализируются когнитивно-дискурсивные аспекты неологизации русского языка. «Всестороннее осмысление данной проблемы связано с проникновением в тайны когнитивно-дискурсивной деятельности человека. Таким образом, данная тема относится к разряду неисчерпаемых проблем, всегда открытых для дальнейших исследований. Изменяется мир, совершенствуются речемыслительные механизмы, номинации, вместе с ними обновляется языковая картина мира», – отмечает Л. Ю. Касьянова [7, с. 5].

Таким образом, на данном этапе развития лингвистической русистики можно выделить несколько ключевых вопросов, связанных с изучением неологии и неологических процессов:

- 1) отсутствие единого общепризнанного терминологического определения неологизма;
- 2) выявление и анализ путей возникновения новых слов, их лексикографическое описание;
- 3) классификация неологизмов.

Важную роль в образовании лексических инноваций играет метафорическое мышление. Так, например, Л. Ю. Касьянова отмечает, что в «В контексте ... лингвокогнитивного исследования процессов неологизации представляется важным учитывать положение когнитивного подхода, согласно которому метафора рассматривается как одна из форм мышления, особенно эффективная ситуация осмысления новых реалий и используемая поэтому для переосмысления известных предметов и явлений» [6, с. 69].

Известно, что при благоприятных условиях в языке с огромной скоростью распространяются актуальные для данного временного среза неологизмы и другие инновации (неометафоры, неофраземы и пр.). Особого внимания на современном этапе развития русского языка заслуживают лексические новации, рожденные в сфере электронных коммуникаций и вышедшие за пределы своего «материнского» дискурса.

С появлением сети Интернет возник весьма специфический язык электронных коммуникаций, обладающий своими характерными чертами: «В обмене сообщениями с помощью языка электронных коммуникаций участвует значительное количество лиц по всему миру, а языковые средства отличаются определенными лексическими и грамматическими характеристиками. К ним относятся: ... г) активное образование новых слов; д) лексическая интерференция русского и английского языков с появлением гибридных единиц лексического уровня (напр. “мыло” – сообщение электронной почты, от e-mail, и производное “мылить” – посылать по электронной почте); е) формирование собственных жаргонов интернетовских субкультур» [15, с. 390].

В настоящее время сфера электронных коммуникаций по степени своего влияния на другие лексические сферы в русском языке, пожалуй, не имеет себе равных. Очевиден и рост числа участников (пользователей Интернета, мобильной телефонии и пр.) данной коммуникативной сферы. Общение между коммуникантами в виртуальном пространстве чрезвычайно эмоционально насыщенное, и это сближает компьютерно-опосредованный дискурс с разговорным. При этом специфические особенности интернет-общения всё интенсивнее воздействуют на различные типы внесетевого дискурса.

Своеобразие языка Интернет-коммуникаций привлекло к себе интерес многих лингвистов (Н. А. Ахренова, А. А. Атабекова, А. А. Баркович, Е. Н. Галичкина, Е. А. Горошко, О. В. Дедова, В. Б. Кашкин, О. В. Лутовинова, Н. Б. Мечковская, П. В. Морослин, И. Н. Розина, М. Ю. Сидорова, Г. Н. Трофимова, М. С. Рыжков, К. В. Овчарова, Ф. О. Смирнов и др.).

Так, в диссертационной работе «Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое явление» (2019 г.) Н. А. Ахренова впервые в русском языкознании определила статус интернет-лингвистики как нового междисциплинарного интегративного научного направления и выделила коммуникативные, интегральные, социолингвистические, лингвистические и экстралингвистические доминанты интернет-лингвистики [3, с. 23]. Заметим, что названный ученый в своём труде ставит понятие «коммуникация» в один ряд с базовыми понятиями «информационное общество», «когнитивная метафора» и др.

Исследованию проблемы функционирования языка, актуализации его единиц в процессе письменной коммуникации в пространстве Интернет-сайта в рамках системно-сопоставительного анализа языкового оформления англо- и русскоязычных Web-страниц посвящен диссертационный труд А. А. Атабековой (2004 г.), в котором наиболее важным представляется описание актуализации лексических единиц в процессе письменной коммуникации в электронной сфере коммуникации [2, с. 4].

В диссертационном исследовании П. В. Морослина «Лингвокультурологические основы теории функционирования Рунета в пространстве межкультурной коммуникации» (2010 г.) приводится лингвистическое описание текстов в сети и даётся комплексная характеристика функционирования электронного дискурса с позиций лингвокультурологии; при этом отмечается: «При проведении анализа общения в Сети следует учитывать разные аспекты коммуникации: синхронный, асинхронный, официальный или неофициальный характер общения, спонтанность или подготовленность речи, количество участников, коммуникативные намерения (деловое общение, реклама, игра), тематическая характеристика общения» [11, с. 11]. В данном исследовании представляют особый интерес лингвистическое описание и характеристика текстов общения участников ЭК.

В статье «Интернет-коммуникация и ее влияние на общение и язык повседневной жизни» Н. Б. Мечковская выделяет ряд таких характерных черт сетевого общения, как использование знаков разных семиотик (буквы и знаки препинания естественных языков, математические и логические символы, знаки-иконки и знаки-символы), распространение разноязыковых гибридов (on-line-режим,

web-дизайн, web-серфинг, WWW-чат), клавиатурные кальки, игровая контаминация русских и английских слов, компьютерный сленг, насыщенность компьютерного сленга заимствованиями [10].

Следует отметить, что в решении проблем лингвистического описания ЭК лингвистами многое уже сделано, но в то же время недостаточно исследованными остаются такие вопросы, как процесс обновления словарного состава языка за счет перехода лексических единиц из сферы ЭК в другие дискурсивные практики; семантическая и функционально-прагматическая характеристика неолексем, рожденных в сфере электронных коммуникаций, но употребляемых вне прямой референции и пр.

В ходе нашего исследования некоторые описанные выше характерные черты языка, присущие сетевому общению, были обнаружены вне прямой референции, что говорит о достаточно высокоскоростной трансферции инновационных единиц из одной сферы (в данном случае из сферы электронных коммуникаций) в другие и является соответствующим духу времени проявлением динамизма лексических процессов в современном русском языке. Ср.: *on-line-режим* → «*Online кафе*» (г. Новополоцк); *перезагрузка (комп. термин)* → «*перезагрузка мозгов (отношений и пр.)*» и др. Заметим, что словари, в том числе Википедия, фиксируют лишь «компьютерное» значение слова *перезагрузка* – 'процесс, при котором компьютер либо другое устройство полностью очищает или восстанавливает содержимое оперативной памяти и возобновляет свою работу' [18].

Одной из характерных примет языка электронных коммуникаций является высокая эмоциональная насыщенность. Так, в условиях отсутствия невербальных средств передачи эмоций в электронной коммуникации в качестве компенсаторного средства эмоциональной окрашенности высказывания стали использоваться смайлики (эмотиконы) – графические знаки, которые служат для изображения мимики коммуниканта. И этот феномен электронного общения не заставил себя долго ждать за пределами данной коммуникативной сферы. Ср.: *смайлик (эмотикон)* → *фотосалон «Смайлик»*.

В отношении процесса неологизации в сфере электронных коммуникаций можно говорить о двух следующих путях: во-первых, о пути заимствования англицизмов (американизмов), а во-вторых, о создании на их базе новых слов. При этом, как отмечает Н. Б. Мечковская, «приток заимствований – это одно из слагаемых обновления языка. Такого рода процессы воспринимаются положительно молодежью и в той или иной мере настороженно людьми среднего и пожилого возраста» [9, с. 229].

Для коммуникативного пространства характерным явлением стало то, что пользователи средств электронных коммуникаций, таких, как SMS, блоги, форумы, чаты в сети Интернет (Рунет, Байнет), стали переносить фразы и слова, восходящие к электронным коммуникациям, в обыденное общение. Проникновение неолексем в живое обыденное общение приводит к интенсивным изменениям разговорной речи. Приведём примеры из личных наблюдений: *Пока. Встретимся в ВК* (из разговора двух подростков, г. Гомель, февраль 2017, речь идёт о социальной сети «ВКонтакте»). На уроке русского языка, когда учитель (автор данной статьи) объяснял, как выполнять домашнее задание, несколько учеников отреагировали так: *Это же изи* (т. е. домашнее задание представилось им лёгким для выполнения; г. Гомель, сентябрь 2018 г.). Сфера-источник лексемы *изи* (от англ. *easy* – разг. 'легко, спокойно') связана с компьютерными играми, где она обозначает простейший уровень прохождения игровых заданий. Отметим, что понятие «сферы (зоны) отправления/источника» и «сферы (зоны) прибытия» мы используем вслед за сторонниками когнитивной теории метафоры Лакоффа – Джонсона [8].

Еще один «компьютерно-игровой» метафорический концепт – выражение *гейм овер* (англ. *Gameover* – 'конец игры, игра окончена'), являющийся обозначением проигрыша или выигрыша в компьютерных играх. Вне компьютерно опосредованного дискурса это выражение встречается, например, в текстах песен и художественной литературы, где приобрело значение 'конец чего-либо', тем самым метафорически распространившись на широкий круг ситуаций, ср.: *Сегодня улечу, курю igos из твоих чувств / Твой номер, гейм оверя больше не хочу* (исп. О. Бузова); *Потом Лёха и Саня отдадут автобус, и Гугер с Валерием уедут в Москву. Гейм овер. Кирилл понял, что напрягает его вовсе не ловушка сама по себе. Тревожит очевидная нелепость этой ловушки* (Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы [17].

Наряду с вышеописанными сферами «прибытия» неолексем, восходящих к электронным коммуникациям, отметим ещё одну – СМИ (медиа-пространство). Отметим, в частности, неолексему *хештег*, популярную в социальных сетях (ВКонтакте, Инстаграм, Фейсбук и др.) Поясним, *хештег* – это комбинация символа # и ключевого слова или фразы, использующихся в записях на странице пользователя или группы пользователей социальных сетей для удобства поиска

или привлечения внимания к чему-то (кому-то). Например, *#ritawomen#брендовые очки* – рекламная надпись магазина оптики «Focus» в Instagram 30.11.2019. Сегодня можно заметить активное употребление данной лексемы во внеинтернетной среде. Ср.: 1) *#Минскнаш* (Белгазета, № 34, 10.09.2019, с. 2, заголовок статьи); 2) *Метеорит, прилетевший на Урал, возглавил мировые тренды Twitter. Хештег #метеорит» стал лидером списка мировых трендов сервиса микроблогов Twitter. Это произошло после того, как МЧС сообщило о выпадении в Челябинске метеоритных осадков.* (Мария Клапатнюк. Равнение на Челябинск (12.03.2013) // «Новгородские ведомости», 2013) [17]. Отметим, что в приведенных примерах слово *хештег* используется для привлечения внимания читателей.

Изучение неологических процессов тесно связано с проблемой метафоризации, поскольку речь идёт о приобретении новых значений неологизмами вследствие их переосмысления. Наиболее частое употребление неометафор, восходящих к ЭК, отмечено в молодежном сленге, разговорной речи, сфере масс-медиа, поп-культуре и др. Ср.: *«Хайнуй, пока белорус! А похайповать хочет каждый! Иными словами, и от фейка может быть какая-нибудь польза родине!* (Белгазета, № 48, 26.12.2018, с. 8); *в чем пришли гости недели: фейковые кроссы Balenciaga...* (Комсомольская правда, № 199, 19.10.2019, с. 10); из личных наблюдений автора: *Если в работе обнаружат плагиат, то всё, ... – забанят. Можно ставить крест...* (22.10.2019 из беседы).

Отметим, что в настоящее время лексемы *хайп*, *фейк*, *хештег*, *банить*, *троллить* и др., а также их производные являются «модными словами», а это говорит о том, что немаловажное влияние на употребление в речи неометафор, тематически восходящих к сфере электронных коммуникаций, оказывает фактор языковой моды.

Как указывает Л. Ю. Касьянова, «когнитивный подход в теории неологизации связан с представлением неометафоризации как базового когнитивно-дискурсивного процесса» [7, с. 69]. Метафоризация объединяет две понятийные сферы (сферу-источник и сферу-мишень), что создаёт возможность использования скрытых сил источника неологизации в процессе осмысления нового значения и придания ему оттенков «неожиданности» и «свежести». Ср.: *«Головоломные» лайфхаки для прокачки молодого врача* (заголовок статьи газеты «Медицинский вестник», № 33, 15.08.2019). Таким образом, профессионализм молодого специалиста уподобляется мастерству игрового персонажа. Обратим внимание на историю лексемы *лайфхак* (от англ. life 'жизнь' и hack 'взлом'). В конце 80-х гг. XX в. программисты стали использовать слово *hack* – взлом как обозначение обхода программного обеспечения обманным путем, а человек, который совершает такую операцию (взломщик), стал называться *хакером*. Позже к лексеме *хак (hack)* присоединилась лексема *лайф (life)* – так образовался неологизм *лайфхак* [15].

Таким образом, неометафоры из сферы ЭК, вышедшие за пределы зоны своего бытования, фиксируются в различных дискурсивных практиках, сохраняя специфические черты языка электронных коммуникаций, приобретая при этом оценочно-смысловые коннотации, что чаще всего попадают в сферу наименования человеческих чувств и действий. Нами было выявлено, что неолексемы, восходящие к сфере электронных коммуникаций, все активнее включаются в модели переноса значения с тех или иных свойств и качеств электронных средств общения на человека, т. е. по сути развивают глобальную метафору «человек – это компьютер». Неологизмы и неометафоры, восходящие к электронным коммуникациям, всё чаще фиксируемые вне данной дискурсивной сферы, демонстрируют пример одного из наиболее актуальных динамических процессов в лексико-фразеологической подсистеме современного русского языка.

Выводы

1. Важнейшими факторами, влияющими на интенсивное пополнение и развитие лексики начала XXI века, являются глобализация, компьютеризация, расширение общения в социальных сетях.

2. Одним из наиболее показательных процессов является приход неологизмов из сферы электронных коммуникаций в другие тематические сферы в качестве своеобразных неометафор. Причинами их употребления в речи являются новизна, эмоциональность, оценочность и др., немаловажное значение имеет и фактор языковой моды.

3. Метафоры, рождённые в «материнской сфере» ЭК, зачастую развивают глобальную метафору «человек – компьютер». Этому способствует склонность к принятию «технических» характеристик (компьютера, телефона, гаджетов, игровых персонажей и др.) органистическими объектами и связанными с ними процессами и понятиями.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алаторцева, С. И. Проблемы неологии и русская неография [Электронный ресурс] / С. И. Алаторцева : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. – М. : ПРОМЕДИА, 1999. – 42 с. – Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/297765>.
2. Атабекова, А. А. Сопоставительный анализ функционирования языка на англо- и русскоязычных Web-страницах : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / А. А. Атабекова ; Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). – М., 2004. – 32 с.
3. Ахренова, Н. А. Доминанты современной интернет-лингвистики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н. А. Ахренова ; Моск. гос. обл. ун-т. – Мытищи, 2018. – 53 с.
4. Брусенская, Л. А. Учебный словарь лингвистических терминов / Л. А. Брусенская, Г. Ф. Гаврилова, Н. В. Малычева. – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 256 с.
5. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
6. Касьянова, Л. Ю. Неометафоризация в свете когнитивной семантики / Л. Ю. Касьянова // Гуманитарные исследования. – 2009. – № 2 (30). – С. 68–74.
7. Катлинская, Л. П. Живые способы создания русских слов : учеб. пособие / Л. П. Катлинская. – М. : Прометей, 1995. – 168 с.
8. Лакофф, Дж. Metaphors we live by / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал, УРСС, 2004. – 256 с.
9. Мечковская, Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета : курс лекций по общему языкознанию / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд. – М. : Флинта, 2016. – 584 с.
10. Мечковская, Н. Б. Интернет-коммуникация и её влияние на общение и язык повседневной жизни [Электронный ресурс] / Н. Б. Мечковская. – Режим доступа: www.conferenciya.seluk.ru. – Дата доступа: 24.04.2019.
11. Морослин, П. В. Лингвокультурологические основы теории функционирования Рунета в пространстве межкультурной коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / П. В. Морослин ; Междунар. слав. ин-т. – М., 2010. – 41 с.
12. Розен, Е. В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке / Е. В. Розен. – М. : Менеджер, 2000. – 192 с.
13. Сенько, Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект / Е. В. Сенько. – СПб. : Наука, 2007. – 354 с.
14. Шалина, Л. В. К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике / Л. В. Шалина // Известия ПГПУ. – 2007. – № 4 (8). – С. 73–77.
15. Щукин, А. Н. Лингвоэнциклопедический словарь / А. Н. Щукин. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2008. – 746 с.
16. Что такое лайфхак: история, разновидности значение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pro-promotion.ru>. – Дата доступа: 18.11.2019.
17. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 17.11.2019.
18. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 02.02.2019.

Поступила в редакцию 28.01.2020

E-mail: olga.gurkova.by@yandex.by

V. Hurkova

PROBLEMS OF STUDYING NEOLOGICAL PROCESSES
IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

The article deals with the problems of studying neological processes in the Russian language of the beginning of the XXI century, as well as the evolution, specific features and features of the use of neologisms and neometaphors associated with the transition from the sphere of electronic communications to other communicative practices.

Keywords: linguoneology, linguometaphorology, the sphere of electronic communications, neological, neologisms, neometaphors.

УДК 811.112.2

Д. В. Зыблева

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Белорусский и иностранные языки»,
УО «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого»,
г. Гомель, Республика Беларусь

МЕЖДОМЕТНЫЕ КОНТАКТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В статье рассматриваются условия реализации речевой категории контактности определенными коммуникативно-прагматическими типами междометных высказываний, а также междометными вводно-эмоциональными элементами в составе реплик диалогических единств.

Ключевые слова: коммуникативно-прагматический тип, контактные высказывания, диалогическое единство.

Введение

В качестве носителей текстуального коннотативного значения, отражающего отношения участников коммуникации, задачи и цели коммуникативного акта, а также эмоциональную насыщенность речи, междометия характеризуются способностью образовывать не только синтаксически независимые сегменты в составе включающего предложения-высказывания, но и самостоятельные высказывания.

При исследовании прагматических особенностей функционирования междометных высказываний, особенно в структуре диалогических единств, выявляется их соответствие предложенному Г. П. Грайсом общему принципу кооперации коммуникантов, включающему категории количества, качества, отношения и способа [1, с. 222]. В этом плане можно отметить следующие характеристики междометных высказываний: краткость (междометие – наикратчайший путь для выражения эмоционально-волевого содержания); релевантность (оно релевантно для раскрытия темы наряду с другими высказываниями диалогического единства); однозначность (у междометий она обеспечивается за счёт интонации, ситуации и контекста, а также паралингвистических средств, дублирующих выражаемое междометным высказыванием содержание); истинность (в большинстве случаев междометие служит для выражения истинности, подчеркивая искренность говорящего в момент произнесения высказывания).

Анализ словарных значений междометий показывает, что в их семантике заложены потенциальные возможности для реализации таких частных языковых функций, как экспрессивная или эмотивная (передача чувств говорящего), волюнтаривная (передача волеизъявлений говорящего) и фатическая (установление контакта). В связи с этим можно говорить о предназначённости междометия к употреблению в речевом акте в одной из названных функций, что позволяет предположить наличие типовых речевых актов, включающих междометные высказывания, объединённые общей иллюкутивной направленностью [2].

Следовательно, по характеру выполняемых речевых действий междометные высказывания можно распределить по коммуникативно-прагматическим типам, причём основная роль при этом отводится, наряду с семантикой междометий, речевому контексту, паралингвистическим средствам и указаниям на интонацию.

Коммуникативно-прагматический тип междометных эмоционально-оценочных высказываний отмечен тем, что его иллюкутивная сила заключается в воздействии на адресата речи с помощью выражения адресантом собственной эмоциональной оценки факта реальной действительности, чем и достигается некоторый перлюкутивный эффект. При этом различаются экспрессивы – собственно оценочные речевые акты, функционирующие как в инициативных репликах, так и в реплика-реакциях диалогов, и экспозитивы – речевые акты интенсивного утверждения и отрицания, сфера действия которых ограничена репликами-реакциями. Промежуточное положение между интенсивными утверждениями и отрицаниями занимают речевые акты, выражающие сомнения [3].

Коммуникативно-прагматический тип побуждений образует ограниченное количество междометных высказываний, функционирующих в зависимости от контекста и интонации в качестве нестандартных речевых актов-требований (ускоренного действия, совместного действия),

актов-просьб (успокоения, увещевания), актов-вопросов, запретов, предостережений и угроз. Многие из названных актов дублируются паралингвистическими сопроводительными жестами [4].

Ряд междометных высказываний служит осуществлению контакта между коммуникантами. В рамках данного исследования будут рассмотрены типичные коммуникативные ситуации и условия для реализации междометиями речевой категории контактности (фатической функции языка).

Результаты исследования и их обсуждение

Если исходить из факта, что всякое высказывание организуется таким образом, чтобы непосредственно или опосредствованно воздействовать на смысловое поле адресата, то особенность рассматриваемых высказываний заключается в том, что они не вызывают изменений в смысловом поле адресата, поскольку не передают существенной информации, а лишь выражают намерение говорящего вступить в контакт, продолжить его или завершить. Поэтому есть все основания говорить о готовых речевых комплексах, употребление которых ситуативно ограничено: они свойственны для ситуаций непринужденного повседневного общения и реализуются по параметрам социальных отношений коммуникантов. По характеру функционирования в рамках данного типа междометных высказываний выделяются следующие разряды:

- а) контактоустанавливающие;
- б) контактоподдерживающие;
- в) контактозавершающие.

Контактоустанавливающими являются, в первую очередь, некоторые побудительные междометные высказывания, близкие по специфике речевого действия к обращениям, иллюкутивная сила которых состоит в привлечении и поддержании внимания говорящего. Вместе с обращениями контактоустанавливающие междометные высказывания могут быть отнесены к апеллятивным (вокативным) речевым актам. Дело в том, что, подобно обращению, междометное высказывание адресуется участнику коммуникации. Однако обращение непосредственно называет адресата речи, в то время как междометие осуществляет действие адресации без идентификации адресата, сведения о котором могут быть представлены в предыдущем или последующем контексте. Но всегда обращение является сигналом установления или поддерживания контакта и определенных социальных отношений между коммуникантами. Также и междометие служит своеобразным сообщением об этом адресату и самим действием установления и поддерживания контакта и определенных социальных отношений между говорящими с целью воздействия на волю и поведение адресата.

О наличии функциональной общности у обращения и междометия свидетельствует и их частое совместное употребление.

Так, при исследовании использования междометий как вводно-эмоциональных элементов в препозиции к включающему предложению были выявлены многочисленные факты, свидетельствующие об их участии в выполнении фатической функции языка, в частности, контактоустанавливающей. В таких случаях за междометием обычно следует обращение, указывающее на адресата речи:

Ach, Gerber, du bist schon anders ... [2, с. 117];

Ach, Jungchen, es geht ja alles ganz langsam. [3, с. 218];

Gott, Kleinholz, das ist auch so ein Betrieb ... [3, с. 100].

В приведенных примерах междометие не детерминирует все предложение, а эмоционально выделяет адресата речи. Очевидно, что употребление в контактоустанавливающей функции эмоционального междометия служит самовыражению говорящего, для которого передаваемая информация настолько важна в данный момент, что заставляет его с помощью конструкции междометие + обращение активизировать собеседника. Ответная реакция адресата факультативна, т. е. она может иметь место или отсутствовать.

Используемые в контактоустанавливающей функции апеллятивные междометия помимо актуализации собеседника имеют также своей целью побуждение к ответной реакции, поскольку от адресата требуется не уяснение важности передаваемой информации, на что направлена конструкция эмоциональное междометие + обращение, а определенное ответное действие:

He, Xaver, bringe mir meinen Wein! [4, с. 261];

He, Bürschchen, das sind wieder mal deine Vettern da oben! [5, с. 336].

Таким образом, при реализации контактоустанавливающей функции синтаксическими построениями эмоциональное/апеллятивное междометие + обращение междометию отводится вспомогательная роль, в то время как непосредственная прямая адресация осуществляется с помощью обращения.

Далее будут рассмотрены условия для реализации речевой категории контактности побудительными междометными высказываниями в структуре диалогических единств.

Междометные апеллятивы – прямые речевые акты, употребление которых в процессе непосредственного общения обусловлено реализацией адресантом коммуникативной цели, направленной на установление контакта с адресатом.

Междометный апеллятив встречается в различных контекстах, как правило, в инициативных репликах диалогов, которым предшествует авторское описание ситуации с идентификацией адресата речи:

*Auf dem Weg kam die Henselka mit ihrem Wagen vorbei.
Felix hatte sie erst überholt. Sie fuhr in den Steinbruch.
Auf ihrem Wagen hatte sie ein Faß mit Gurken,
Buchsen mit Rollmopsen und Bratheringen und eine Kiste
Semmeln.
"He!" schrie der Vater. "Gib mir 'nen Rollmops, 'ne
Gurke und zwei Semmeln!" [6, с. 12].*

В авторском комментарии указывается не только имя адресата "Henselka", но и сведения о социальном статусе (Хензелка – торговка съестным), которое имплицитно вытекает из описания тележки с товаром. Обращение "He!" вместо "Henselka" свидетельствует о различии в социальном уровне коммуникантов и характеризует их межличностные отношения – пренебрежение адресанта к адресату, что далее мотивируется в словах автора, характеризующих Хензелку: "Die Frau war alt, schmutzig und dumm. Bloß mit dem Geld wußte sie Bescheid" [6, с. 13].

Употребление междометного апеллятива в данном контексте обосновано сугубо прагматически.

Междометные апеллятивы часто сочетаются с глагольными императивами в значении привлечения внимания, призыва выслушать:

*Nach fünf Minuten kam der Kalfaktor in seinen Holzpantinen
die Kellertreppe heruntergepoltert. Walter ging an die Zellentür, rief leise:
"He... He... Hör doch!"
Der Kalfaktor antwortete nicht, knipste das Licht aus
und klapperte wieder davon. [7, с. 100].*

Междометное высказывание "He... He..." и императив "Hör doch!" в рассматриваемой ситуации коммуникативно равнозначны, поскольку оба адресуются с одинаковой иллюкутивной целью одному и тому же лицу.

О коммуникативной равнозначности высказываний свидетельствует и следующий пример, в котором междометие дублирует содержание предшествующей реплики:

*Hellbrecht erreichte als erster den Notausgang.
An der Tür brannte noch die Karbidlampe. Er nahm sie herunter
und ging voran in den verqualmten Keller.
"Ist hier noch jemand? Ist hier noch jemand?"
Niemand antwortete.
Er stieg über Koffer und Wäschebündel, Plötzlich stutzte er.
"Hallo! Hierher!" [8, с. 474].*

При анализе коммуникативных ситуаций прослеживается закономерность, позволяющая предположить, что решающую роль в выборе междометного высказывания как способа обращения играет степень знакомства коммуникантов: чем меньше говорящий знает об адресате (прежде всего его имя), тем вероятнее использование междометия. Следует оговорить, что подобное положение характерно только для сферы обиходного речевого общения.

Междометные вопросы, если они находятся в инициативных репликах диалогических единств, в препозиции к полносоставному вопросительному предложению также выполняют апеллятивное речевое действие, направленное на привлечение внимания адресата с целью вовлечения его в речевой контакт:

*"Na?" Meister Mathießen blickte nicht einmal von
seinem Schreibblock auf. "Immer noch krank?"
"Ich nab gestreikt!" [9, с. 174].*

Контактоподдерживающая функция, в широком понимании, может быть реализована практически всеми типами междометных высказываний как побочная, но междометные вопросы служат непосредственному поддержанию контакта:

*Felix sagte: "Vater ...".
"Hm?" machte der Vater.
"Ich habe verschnüttet "* [6, с. 13].

Лишь междометные запреты проявляют тенденцию к завершению контакта:
*Nun konnte Peter doch nicht mehr an sich halten; als Jakob zu ihm trat,
fragte er leise: "Alles gut gegangen? "
"Pst!" machte Jakob nur.
Jedes Sprechen und Flüstern war strengstens verboten.
Aber er nickte mit dem Kopf* [7, с. 13].

Анализ материала показал, что имеется ограниченное количество междометных контактных высказываний-побуждений, или междометных апеллятивов, интенционально-семантическая значимость которых заключается в управлении вниманием адресата и вовлечении его в речевой контакт, поддержании контакта или его завершении. Они носят непосредственный характер и однозначно интерпретируются коммуникантами.

Что касается междометных эмоционально-оценочных высказываний, то контактоустанавливающую функцию в широком понимании могут осуществлять междометные экспрессивы в инициативных репликах диалогических единств. Так, часто объект оценки содержится в авторском описании ситуации, лежащей в основе коммуникативного акта. В этом случае эмоциональная оценка может быть представлена в инициативной реплике, а весь последующий диалог будет направлен на ее экспликацию:

*Auf dem Bahnhof bleibt keine Zeit, einander nach dem
Befinden zu befragen. Bienkopp und Märkte müssen prüfen,
ob die Küken in den Kartons alle leben. Märkte öffnet den
ersten Karton. "Du lieber Himmel!"
"Alles tot?"
"Nein, wie schön immer wieder!"* [10, с. 284].

Междометный экспрессив "Um Gottes Willen!" в качестве инициации коммуникативного акта выполняет в данном примере контактоустанавливающую функцию, побуждая адресанта проявить интерес к оцениваемой ситуации.

В некоторых случаях в инициативной реплике непосредственно предлагается оценка, которую в зависимости от различных субъективных и объективных факторов адресат может принять или отвергнуть:

*"Ich finde es ent-setz-lich!"
"Ah, ah!"
"Ein Friedhof!"* [4, с. 24].

Междометное высказывание "Ah, ah!" подтверждает оценку, выраженную оценочным прилагательным ent-setz-lich!". Объект оценки и является референтом междометного высказывания. В результате оно выражает эмоциональную оценку в отношении определенного предмета или события реальной действительности. Выступая в реплике-реакции, междометное оценочное высказывание одновременно служит стимулом для дальнейшего развития коммуникативного акта, выполняя тем самым контактоподдерживающую функцию.

Подобная реализация характерна и для междометных экспозитивов, представленных синтетическими формами со значением интенсивного утверждения или отрицания: *Ach ja! O ja! Ach was! Ach nein! I wo! Ach wo!* и др. Это устоявшиеся конструкции, применяемые в ответных репликах диалогических единств для подтверждения/отрицания или выражения согласия/несогласия с передаваемой в инициативной реплике информацией.

Они информативно значимы для участников коммуникативного акта:

*Hierauf wandte er sich wiederum an Georgette: "Beachten
Sie den jungen Mann, der jetzt kommt. Ein hübscher Junge,
nicht wahr? Es ist Harper junior. Haben Sie von
den Harper-Pneus gehört?"
"Oja".
"Nun, das ist er. Er kommt soeben von der Jagd aus
Afrika zurück!"* [11, с. 60].

Смысл, передаваемый междометным высказыванием "Oja", значительно шире выражаемого утверждением "Ja", так как эмоционально-утвердительная конструкция "Oja", представляя собой синтез чувственной и мыслительной ступеней познания, подчеркивает, что некто не только слышан

о спрашиваемом объекте, но и дает его позитивную эмоциональную оценку. При употреблении “*Oja*” также имеет место интенсивное утверждение, но оно непосредственно связывается с положительной оценкой, а это уже воспринимается как новая информация об объекте.

Коммуникативная значимость рассматриваемых форм заключается в том, что они являются сигналами, управляющими развитием коммуникативного процесса, стимулируя дальнейшую подачу информации или же сигнализируя о достижении коммуникативной цели и завершении коммуникативного акта.

К экспозитивам относятся также интенсивные междометные отрицания:

*“Weinst du, mein Junge?” Dabei verzerrte sie selber
bas Gesicht und kämpfte mit den Tränen.
“Ach wo-o! Leb wohl, Tante!”* [7, с. 285].

Отрицательные междометные формы употребляются в репликах-реакциях для выражения несогласия с полученной в инициативной реплике информацией, которая расценивается адресатом как несоответствующая истинному положению дел. При восприятии отрицательного ответа у слушающего создается впечатление, что он недостаточно владеет ситуацией, т. е. уровень его ситуативной компетенции не удовлетворяет требованиям, соблюдение которых необходимо для осуществления принципа кооперации. Возникает конфликтная ситуация, имеющая своим следствием подачу, наряду с отрицанием, новой, достоверной информации или же прекращение беседы. Декодировав интенсивное отрицание, собеседник обязательно учитывает характер сопутствующей эмоциональной оценки, в соответствии с которой выносит решение о прекращении или продолжении беседы.

Выводы

В статье рассмотрены наиболее типичные коммуникативные ситуации и условия реализации категории контактности междометными высказываниями в качестве прямых или косвенных речевых актов. Проведенный анализ материала показал, что междометия могут участвовать в реализации такой частной языковой функции, как фатическая. Это готовые речевые комплексы, выражающие намерение говорящего вступить в контакт, продолжить его или завершить.

Определена функциональная общность обращения и междометия как вводно-эмоционального элемента в конструкции эмоциональное / апеллятивное междометие + обращение.

В качестве самостоятельных высказываний наиболее однозначно интерпретируются междометные апеллятивы, способные в силу своей семантики управлять процессом общения.

Коммуникативная значимость эмоционально-оценочных высказываний (экспрессивов и экспозитивов) в аспекте данного исследования заключается в том, что выражаемая ими положительная / отрицательная оценка может стимулировать или прекращать коммуникативный акт.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XV. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
2. Зыблева, Д. В. Эмоциональность и экспрессивность – основные лингвистические характеристики междометия / Д. В. Зыблева // Язык и дискурс: Семантический, прагматический и лингводидактический аспекты. – Мозырь: МГПУ им. И. П. Шамякина, 2016. – С. 102–108.
3. Зыблева, Д. В. Междометия как речевые акты общения / Д. В. Зыблева // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2016. – № 1 (47). – С. 119–122.
4. Зыблева, Д. В. Коммуникативно-прагматический тип междометных высказываний – побуждений / Д. В. Зыблева // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2018. – № 1 (51). – С. 122–126.
5. Bredel, W. Die Väter / W. Bredel. – Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1977. – 408 s.
6. Bredel, W. Die Söhne / W. Bredel – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1967. – 545 s.
7. Bredel, W. Die Enkel / W. Bredel – Berlin: Aufbau-Verlag, 1956. – 358 s.
8. Brezan, J. Mannesjahre / J. Brezan. – Berlin: Verlag Neues Leben, 1970. – 392 s.
9. Fallada, H. Kleiner Mann – was nun? / H. Fallada. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1974. – 403 s.
10. Kellermann, B. Das blaue Band / B. Kellermann. – Berlin: Verlag Volk und Welt, 1972. – 418 s.
11. Kellermann, B. Die Stadt Anatol / B. Kellermann. – Berlin: Verlag Volk und Welt, 1964. – 587 s.
12. Koplowitz, J. Geschichten aus Ölpapier / J. Koplowitz. – Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1972. – 680 s.

-
13. Seghers, A. Das Vertrauen / A. Seghers. – Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1970. – 455 s.
14. Strittmatter, E. Ole Bienkopp / E. Strittmatter. – Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1969. – 428 s.

Поступила в редакцию 17.04.2019

E-mail: zybleva@gstu.by

D. V. Zybleva

INTERJECTION CONTACT SENTENCES

The article is devoted to the conditions for the implementation of the speech category of contact by certain communicative pragmatic types of interjectional utterances as well as interstitial emotionally introductive elements in the composition of the replicas of a dialogical unity.

Keywords: a communicative pragmatic type, contact sentences, dialogical unity.

УДК 81'42

Т. Е. Лаевская

Секретарь кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков,
УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

ВТОРИЧНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

В статье представлен анализ подходов к проблеме первичных и вторичных жанров речи, описаны основные критерии определения вторичности в современной лингвистике, даны определения первичных и вторичных жанров с точки зрения различных подходов, намечены перспективные направления дальнейшего изучения вторичных жанров.

Ключевые слова: вторичность, жанр речи, первичный жанр, вторичный жанр, текст.

Введение

В последнее время проблема вторичности и сами тексты, которые принято называть вторичными, все чаще привлекают внимание исследователей в области жанроведения, теории текста и литературоведения. Такой интерес можно обоснованно назвать закономерным, так как широкое употребление вторичных текстов является характерной особенностью текстового поля современного общества. Данный факт обусловлен потребностью динамично развивающегося социума в информационной компрессии, т. е. в передаче большого объема информации лаконичными средствами. В понятии «вторичный» имплицитно заложено противопоставление понятию «первичный», соответственно первичные и вторичные тексты создают специфическую оппозицию, которая строится на наличии/отсутствии какого-либо признака. Однако подходы к определению первичного и вторичного текстов разнообразны и зачастую не имеют между собой ничего общего.

Цель статьи – проанализировать подходы к изучению вторичных речевых жанров и определению основных критериев вторичности, существующих в современной лингвистике, и выявить круг проблем, представляющих интерес для дальнейшего исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

По нашим наблюдениям, можно выделить несколько направлений в решении проблемы первичных и вторичных речевых жанров.

1. Первое направление подразумевает включение простых элементов (первичных жанров) в состав сложных структур (вторичных жанров).

Для такого понимания вторичных и первичных речевых жанров значимыми являются идеи М. М. Бахтина [1], ставшие основой современного социопрагматического жанроведения.

Согласно концепции М. М. Бахтина, изложенной в классической статье «Проблема речевых жанров», а также в других его работах, «вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям; например, реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни. Роман в целом является высказыванием, как и реплика бытового диалога или частное письмо (он имеет с ними общую природу), но в отличие от них это высказывание вторичное (сложное)» [1, с. 239].

Как видим, вторичный речевой жанр здесь рассматривается как тип текстов, прежде всего диалогических, составным элементом которых является первичный речевой жанр (речевой акт). Это направление, основанное на жанровой концепции М. М. Бахтина, относительно хорошо разработано и ориентировано в первую очередь на решение проблемы структуры речевого жанра. Именно композиция речевого жанра традиционно считалась важнейшим жанрообразующим признаком.

Данное направление жанроведения активно использует достижения лингвистики текста, в которой под речевым жанром обычно понимается сложное структурное образование, включающее в себя множество речевых актов, собранных в единое целое с определенной целью и относящихся к действительности не напрямую, а посредством речевого жанра как цельной единицы.

Основываясь на оппозиции «первичный/вторичный речевой жанр», представленной М. М. Бахтиным, А. Г. Баранов разрабатывает следующую классификацию речевых жанров:

- первичные (простые) речевые жанры – близки речевым актам;
- первичные (сложные) речевые жанры – равны диалогическому тексту;
- вторичные (простые) речевые жанры – функционально-смысловые элементарные тексты: описание, повествование и др.;
- вторичные (сложные) жанры – тексты, включающие низшие речевые жанры в трансформированном виде [2].

Несколько иную классификацию подобной направленности предлагает М. Ю. Федосюк, которым противопоставляются «элементарные» и «комплексные» жанры. Элементарными жанрами речи исследователь считает типы текстов, обладающих общностью композиции, тематики и стиля и не имеющих в своем составе элементов, которые могут быть отнесены к текстам каких-либо жанров. К комплексным жанрам речи относятся такие типы текстов, которые включают в себя другие относительно завершенные элементы, являющиеся текстами определенных жанров. Комплексные речевые жанры могут характеризоваться монологичностью или диалогичностью. В первом случае элементы комплексного жанра производятся одним говорящим (просьба, уговоры, наставление). Во втором случае речь идет о единстве реплик разных производителей речи (спор, разговор по душам, дискуссия) [3].

Концептуально ближе к идее речевого жанра как системного образования, обладающего структурным единством, «вертикальные» речевые модели, предполагающие целостность текста. В этом направлении первичные и вторичные речевые жанры связаны с условиями абстракции текстопорождения. Так, А. Вежбицкая говорит о «речевом жанре», «речевом акте», «иллокутивном компоненте» [4]. А. Г. Баранов предлагает иерархическую систему, состоящую из пяти элементов: «текстотип», «суб-тип», «жанр», «когнио-тип», «текст» [2].

Анализируя жанры интернет-коммуникации, Ю. В. Щурина говорит об их обязательной вторичности. Так, пост в Инстаграме будет представлять собой комплексный жанр, включающий в себя множество субжанров, соотносимых с первичными (подпись к фотографии, сведения о месте, отмеченных на фотографии людях и т. д.) [5].

Таким образом, в центре концепции М. М. Бахтина и его последователей вторичные речевые жанры и включенность в них первичных жанров в измененном виде.

2. Второе направление предполагает понимание вторичного речевого жанра как онтологически производного от первичного. Вторичный речевой жанр отличается от первичного сферой своего функционирования или стилистической окраской, при этом первичные разговорные жанры могут становиться основой для вторичных жанров. По мнению Н. В. Орловой, жанр признания может функционировать в сфере судебного производства (признание в суде) и в сфере бытового общения (признание в любви). Одним словом обозначается церковная исповедь, исповедь близкому человеку, исповедь как публицистический жанр («Исповедь на заданную тему» Б. Ельцина) [6]. С другой стороны, схожие явления речи могут описываться разными словами (просьба и ходатайство, угроза и ультиматум).

В рамках данного подхода следует отметить исследование Н. Б. Рогачевой, которая сопоставила вторичные речевые жанры интернет-коммуникации и первичные речевые жанры неинтернет-коммуникации [7]. С точки зрения исследователя, жанропорождение в интернет-дискурсе происходит на основе существующих жанров реальной коммуникации, так как коммуникант привносит в интернет-среду уже имеющиеся в его сознании жанровые модели. Таким образом, жанры, создаваемые в новом коммуникационном пространстве, будут являться вторичными по отношению к жанрам реальной коммуникации. Это подтверждается и названием интернет жанров: интернет-дневник, Живой Журнал и т. д.

В. В. Дементьев в статье «Интертекстуальный аспект речевых жанров» говорит о близости вторичного жанра и метафоры. Образование вторичного жанра от первичного мыслится как длящийся во времени процесс, у которого есть свои механизмы и причины. Подобный диахронический процесс свойственен метафоре при образовании переносного значения от прямого [8].

3. Существует иной подход к пониманию первичного и вторичного текстов, согласно которому вторичный текст (в самом широком понимании) – это текст, возникший на основе другого текста, называемого первичным, или исходным: «Вторичный текст – текст, созданный на базе другого текста и сохранивший его основное содержание. Авторский замысел (интенция) первичного текста

во вторичном тексте может оставаться без изменений, но может и меняться. Вторичный текст создается с учебной или вспомогательной целью (...). Содержание вторичного текста обусловлено необходимостью информационно-логического структурирования первичного текста, умением подразделять его информацию на основную и развивающую, выделять дублирующую и способствующую информацию. Как правило, вторичный текст меньше первичного, так что его составление требует навыков речевой компрессии в соответствии с требованиями жанра обоих текстов» [9].

Таким образом, вторичный жанр, с данной точки зрения, является результатом текстопорождения, основанного на переработке основного, исходного текста. Такой подход к пониманию феномена вторичного жанра получил широкое распространение в современной лингвистической науке.

Впервые понятие «вторичный текст» становится объектом лингвистического анализа в середине XX века: в теории научной информации, аналитической обработке текста, аннотировании и реферировании и в теории литературного творчества, филологическом анализе текста.

Сам термин «вторичный текст» появляется в 60-х гг. XX века в теории научной информации. Этим термином обозначался документ, созданный в результате аналитико-синтетической обработки исходного, первичного текста. Теория информации к таким текстам относилась, прежде всего, аннотацию и реферат. В 70–80-х гг. появились исследования, посвященные этому виду текстов и в целом принципам свертывания информации. Данные исследования имели прагматически ориентированный характер. В это же время начали появляться специальные инструкции для референтов и редакторов реферативных журналов, содержащие рекомендации для корректного составления вторичных текстов. Главным понятием, связанным с вторичным текстобразованием, выступает на этом этапе свертывание информации и связанное с ним понятие текстовой компрессии. Главная функция текстовой компрессии состоит в употреблении наименьшего количества средств языка для передачи наибольшего количества информации.

Таким образом, все больше лингвистических теорий и методов участвовало в исследовании вторичных текстов, возникших изначально из чисто прагматических потребностей. Со временем понимание вторичных текстов становится шире. Разнообразие направлений в их изучении связано еще с одним источником термина и понятия «вторичный текст» – литературоведением.

В области литературоведения термин «вторичный текст» был предложен М. В. Вербицкой в исследованиях, посвященных пародии. Вторичными объявляются произведения, которые основаны на подражании исходному (первичному) тексту (пародия, стилизация и др.). М. В. Вербицкая также предлагает изучение вторичных текстов с точки зрения их онтологических характеристик. Так, общим для всех вторичных текстов можно считать предложенный исследователем критерий сходства/различия [10], [11].

Важное значение для развития исследовательской работы в области вторичных текстов имеет общая теория вторичности, в которой первичность и вторичность рассматриваются как универсальные философские категории.

В данном аспекте определенный интерес представляют исследования Н. М. Нестеровой [12], [13], которая всесторонне описывает диалектически неразрывные понятия первичности и вторичности, приводит различные их толкования. При этом исследователь определяет понятие «первичный» как исходный, а понятие «вторичный» как производимый во второй раз, представляющий собой следующую, более позднюю ступень в развитии чего-либо.

В своем исследовании Н. М. Нестерова также делает выводы о соотношении первичного и вторичного и об особенностях вторичных текстов:

- 1) первичное и вторичное представляют собой диалектическое неразрывное целое;
- 2) вторичное появляется на основе первичного, являясь его продолжением (развитием);
- 3) для возникновения вторичного необходима «обработка» («деконструкция») первичного;
- 4) вторичное появляется под воздействием первичного на органы чувств (на сознание) субъекта, воспринимающего это первичное;
- 5) первичное и вторичное отличаются по своему происхождению: одно предшествует другому и является основой для его возникновения;
- 6) первичное и вторичное отличается по признаку объективности/субъективности [12].

Расширение понятия вторичного текста обуславливает потребность в определении его существенных характеристик, выделении основных функций, создании типологии указанной категории текстов.

Так, Л. М. Майданова [14] считает наиболее значимой онтологической характеристикой вторичного текста смену авторства, под которой подразумевается замещение одной авторской интенции другой. Она же приводит классификацию вторичных текстов:

- 1) воспроизведение первичного текста;
- 2) циклизация первичных текстов;

- 3) диалог с первичным текстом;
- 4) завершение первичного текста;
- 5) продолжение завершеного первичного текста.

Особый интерес представляют исследования А. И. Новикова и Н. Л. Сунцовой, которыми была предпринята попытка определить природу сходства/различия первичного и вторичного текстов в условиях их порождения.

А. И. Новиковым и Н. Л. Сунцовой [15], [16] была предложена модель производства вторичного текста и дано его определение. В моделях речепорождения процесс создания текста представляется исследователями как последовательность действий, для начала выполнения которых необходим «пусковой механизм». Именно он и был использован в качестве базового понятия для анализа особенностей порождения первичных и вторичных текстов в исследовании А. И. Новикова и Н. Л. Сунцовой. Согласно концепции, предлагаемой указанными авторами, основное различие в описываемых ими порождающих процессах заключается в механизмах, запускающих данные процессы. Для активации процесса создания первичного текста в качестве такого пускового механизма исследователями рассматривается замысел, который формируется в сознании на основе уже существующей темы-понятия. Тема-понятие соответствует возможному основному предмету описания планируемого текста. Она может стать своеобразной отправной точкой для создания не одного, а нескольких замыслов, которые будут реализованы в разных текстах. Все эти тексты будут по-своему «единственными» (с точки зрения исследователей, первичными).

В случае создания вторичного текста с таким механизмом соотносима тема текста, которая представляет собой определенное «ментальное образование, возникающее в мышлении в результате понимания текста и представляющее собой максимально свернутое его содержание» [15]. Данная тема будет отличаться от темы-понятия, так как ей характерна большая степень конкретности. Она может разниться и с замыслом исходного текста, что связано с изменением последнего в ходе текстопорождения. Основное свойство темы конкретного текста, как отмечают авторы исследования, заключается в том, что она «всегда может быть развернута в текст, притом такой текст, который будет в той или иной степени близким к оригиналу. Степень близости будет тем большей, чем более точно выделена тема» [15]. Тема текста во многом близка авторскому замыслу, но отличается от него тем, что может послужить основой не одного, а нескольких схожих текстов, которые могут значительно различаться в формальном и содержательном планах. Именно эти тексты, порождаемые в результате развертывания темы исходного текста, выделенной в результате его понимания, А. И. Новиков и Н. Л. Сунцова называют вторичными текстами.

Как видим, основное отличие первичного и вторичного текстов, с точки зрения указанных авторов, заключается в механизме порождения текста.

В рамках данного подхода к пониманию вторичного текста некоторые исследователи определяют модель вторичного текста, представляющую собой ядерно-периферийную структуру: ядро составляют прототипические вторичные тексты, обладающие основными признаками вторичности (аннотация и реферат), далее располагаются менее типичные тексты и совсем на периферии находятся вторичные тексты, такие как книжное рекламное эссе [17].

Особый интерес представляет деривационная теория вторичных текстов, авторами которой являются Н. Д. Голев и Н. В. Сайкова [18]. В своем исследовании, целью которого является общая концепция порождения вторичного текста, авторы предлагают деривационный подход к образованию вторичных текстов. С точки зрения исследователей, порождение всегда будет содержать деривационный момент, т. к. этот процесс представляет собой образование одного текста на основе другого, трансформацию исходного текста, который сохраняет свою мотивирующую роль в образовательной структуре вторичного текста. Авторы отмечают, что в основе производства вторичного текста лежат механизмы свертывания и развертывания, которые взаимодействуют с восприятием и воспроизводством информации. Понимая под деривацией создание одних языковых единиц на основе других, исследователи предлагают распределить вторичные тексты на деривационной оси, включающей линию формы, линию содержания и линию функции. Данные линии отображают текстовые различия по соответствующим параметрам. Такой подход представляется интересным с точки зрения многоплановости характеристики вторичных текстов. Примечателен также факт обращения к жанровой трансформации как к одному из классифицирующих признаков вторичного текста.

Выводы

Как видим, феномену вторичности в современных исследованиях уделяется достаточно большое внимание. Такой интерес обусловлен, в первую очередь, актуальностью информационной компрессии, текстуализацией мира и сознания в современной постмодернистской действительности. Однако исследование данного феномена в основном относится к области теории текста и общей

теории вторичности. При этом внимание акцентируется на типологизации вторичных текстов, специфике их порождения, выявлении общих критериев вторичности. Так, исследователи выделяют разные критерии для определения первичности/вторичности: включенность простого элемента в сложную структуру, производность одного жанра от другого, преобразование информации.

Однако изучению вторичных жанров в лингвистическом, дискурсивном аспектах до сих пор уделялось мало внимания. Также за пределами исследовательских интересов остается изучение вторичного речевого жанра как динамичной, развивающейся единицы, тяготеющей к различного рода модификациям и жанровым взаимодействиям в условиях определенной дискурсивной среды. Указанный круг проблем требует дальнейших исследований в данных направлениях.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. Баранов, А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста / А. Г. Баранов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 181 с.
3. Федосюк, М. Ю. Нерешённые вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 102–120.
4. Вежбицкая, А. Речевые жанры / А. Вежбицкая // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 99–111.
5. Щурина, Ю. В. Жанровое своеобразие социальной сети Instagram / Ю. В. Щурина // Жанры речи. – Саратов, 2016. – № 1. – С. 156–168.
6. Орлова, Н. В. Исповедь и признание. (К вопросу о речевых жанрах) / Н. В. Орлова // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 1994. Ч. II. – С. 114–117.
7. Рогачева, Н. Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. Б. Рогачева. – Саратов, 2011. – 20 л.
8. Дементьев, В. В. Интертекстуальный аспект речевых жанров / В. В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов, 2015. – № 2 (12). – С. 9–26.
9. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 432 с.
10. Вербицкая, М. В. К обоснованию теории «вторичных текстов» / М. В. Вербицкая // Филологические науки. – 1989. – № 1. – С. 30–36.
11. Вербицкая, М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук / М. В. Вербицкая. – М., 2000. – 312 л.
12. Нестерова, Н. М. Вторичность как онтологическое свойство перевода : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н. М. Нестерова. – Пермь, 2005. – 321 л.
13. Нестерова, Н. М. Текст перевода – текст вторичный? (к постановке и обоснованию проблемы) / Н. М. Нестерова // Проблемы прикладной лингвистики. – 2001. Сборник статей / отв. ред. А. И. Новиков. – М. : Азбуковник, 2001. – С. 133–145.
14. Майданова, Л. П. Речевая интенция и типология вторичных текстов / Л. П. Майданова // Человек. Текст. Культура. – Екатеринбург : «Полиграфист», 1994. – С. 81–104.
15. Новиков, А. И. Концептуальная модель порождения вторичного текста / А. И. Новиков, Н. Л. Сунцова // Обработка текста и когнитивные технологии. – № 3. – 1999. – С. 158–166.
16. Сунцова, Н. Л. Лингвистическая модель порождения вторичного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. Л. Сунцова ; РАН, Ин-т языкознания. – М., 1995. – 22 с.
17. Агранович, Н. Б. Вторичные тексты в коммуникативно-когнитивном аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. Б. Агранович. – М. : РГБ, 2006. – 106 л.
18. Голев, Н. Д. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов / Н. Д. Голев, Н. В. Сайкова // Алтайские лингвистические страницы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html>. – Дата доступа: 23.02.2020.

Поступила в редакцию 21.02.2020

E-mail: t-laevskaya@mail.ru

T. Y. Layevskaya

SECONDARY GENRES: APPROACHES TO DEFINING AND THE HISTORY OF RESEARCH

In this article there is the analysis of the approaches to studying the problem of primary and secondary speech genres. The main criteria for determining secondariness in modern linguistics are described, the definitions of primary and secondary genres from the point of view of different approaches are given, the prospects in research directions for future analysis of secondary genres are outlined.

Keywords: secondariness, speech genres, primary genres, secondary genres, a text.

УДК 81'373.611

А. Э. Мамедова

Аспирант кафедры русской филологии, УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», г. Гродно, Республика Беларусь

Научный руководитель: Никитевич Алексей Васильевич, доктор филологических наук, профессор

О ТИПАХ МОДЕЛИРУЕМЫХ ФРАГМЕНТОВ ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД (РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК/ГОВОРЫ)

Статья посвящена описанию различных типов моделируемых фрагментов синтезированных лексико-словообразовательных гнезд (литературный язык / говоры). Сопоставительный анализ словообразовательных подсистем русского литературного языка и говоров позволяет выявить и описать различные типы комплексных единиц словообразования (словообразовательные пары, цепочки, парадигмы), а также их комбинации, как совокупность родственных единиц, выступающих в качестве фрагментов синтезированных лексико-словообразовательных гнезд с учетом структурных и семантических особенностей входящих в их состав производных слов.

Ключевые слова: словообразовательные пары, цепочки, парадигмы, когнитивно значимая семантика.

Введение

В статье особое внимание уделяется рассмотрению различных типов лексико-словообразовательных гнезд в рамках сопоставления деривационных потенциалов русского литературного языка и языка русских народных говоров. Как считает А. В. Никитевич, «весьма продуктивной может оказаться идея конструирования таких фрагментов словообразовательных гнезд, в которые, наряду со словами литературного языка, могут включаться и диалектные слова. Ведь словообразовательное гнездо – это, в первую очередь, модель построения, модель реализованной комбинаторики аффиксов» [1, с. 129].

Целью данной статьи является рассмотрение словообразовательных пар, цепочек, парадигм и объединений родственных слов в качестве компонентов моделирования как фрагментов лексико-словообразовательных гнезд в рамках системы говоров, так и фрагментов синтезированных лексико-словообразовательных гнезд (русский литературный язык / говоры).

Результаты исследования и их обсуждение

При исследовании различных объединений родственных единиц в таких подсистемах русского языка, как литературный язык и говоры, можно рассматривать следующие классификационные группы единиц: 1) словообразовательные пары, цепочки, парадигмы в кодифицированной системе русского литературного языка; 2) комплексные единицы системы словообразования в языке говоров, где возможны как: а) объединения единиц в рамках одного говора (или группы говоров), так и б) объединения единиц в составе разных говоров; 3) моделируемые фрагменты словообразовательных гнезд с включением единиц рассматриваемых двух подсистем (литературный язык / говоры). Рассмотрим некоторые примеры.

В русском литературном языке известна словообразовательная пара *дождь* – *бездожде* «длительное отсутствие дождя, засуха» [2, т. 1, с. 338]. В псковских говорах обнаружена лексема *недождь* 1. «Сырая погода с мелкими каплями влаги в воздухе». 2. «Отсутствие дождя». Если 2-е значение диалектной единицы фактически совпадает с литературным эквивалентом, то 1-е значение очевидно является когнитивно значимым, так как в литературном языке однословно не выражается.

В «Словаре псковских говоров» отмечены следующие единицы: *невежность* «недостаток в воспитании» [3, с. 30] с производящей основой *невежий* «невежливый». *Невежий* в этом значении представлен и в «Словаре русских народных говоров», других лексем с данным корнем не обнаружено. В «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова представлены следующие единицы: *невежд(а)*, *невежество*, *невежественный*, *невежественно*, *невежественность*, *сневежничать* [4, т. 1, с. 659]. В данном случае звенья словообразовательной пары *невежественный* «необразованный, несведущий, мало знающий» – *невежественность* «свойство невежественного; необразованность» [2, т. 7, с. 725] не совпадают по значению с диалектным объединением родственных слов *невежий* –

невежность, что свидетельствует о семантической специфике анализируемой словообразовательной пары в языке говоров.

Целый ряд производных диалектных лексем, рассматриваемых в составе самых различных деривационных объединений, характеризуется своеобразием внутренней формы, *когнитивно значимой семантикой*, так как в подсистеме литературного языка нет единиц – однословных аналогов данных значений. Ср.: *невздоха* ‘спешная, безостановочная работа’ [3, с. 40], предположительно, мотивированная словом *вздох*; *неугодный* ‘неприятный, неприемлемый’ → *неугодник* ‘ребенок, родившийся вне брака’ [3, с. 270].

Примерами диалектных единиц, способных образовать словообразовательную пару с хорошо известными словами русского литературного языка, являются следующие слова: *дэмониться* ‘безобразничать’. Киров., 1950. [5, вып. 7, с. 349]. *Гуленкаться* ‘вести праздный образ жизни; гулять’. Даль. [5, вып. 7, с. 214]. *Гуляк* 1. ‘Тот, кто прибыл на ярмарку для гулянья, а не для закупки товара’. Шуйск, Влад., 1854. [5, вып. 7, с. 222]. В «Словообразовательном словаре» слово *гуляка* отмечено в составе хорошо дифференцированного гнезда с большим количеством родственных единиц [4, т. 1, с. 263–264], однако глагол *гуленкаться* не зафиксирован. Ряд диалектных слов, деривационно связанных со словом *дева*: *Девичить* ‘гулять в девичестве’. Мы с твоей маткой девичили-то вместях [5, вып. 7, с. 316]. *Девовать* 1. ‘Быть незамужней (о девушке)’. Даль [без указания места]. Не долго тебе девовать. Дон., 1876. Она все девует. Курск. / «Иногда говорится о мужчинах: вести холостую жизнь». Даль [без указания места]. 2. Проводить время в девических забавах. Кубан., 1908. [5, вып. 7, с. 318]. В словаре А. Н. Тихонова лексемы *девичить* и *девовать* в составе словообразовательного гнезда отсутствуют [4, т. 1, с. 278].

Подобных примеров в языке говоров немало. Производные единицы в составе словообразовательных пар синтезированного типа (литературный язык / говоры) могут представлять самые разнообразные значения, важнейшей особенностью которых является их непредставленность в виде одного слова в подсистеме русского литературного языка. Ср.: *Наярмарковаться* ‘вдоволь нагуляться на ярмарке, покутить, повеселиться’ [3, с. 6]. *Неподорожиться* 1. ‘Испортиться, стать плохой (о дороге)’. 2. ‘Потерпеть неудачу, испытать несчастье в пути’ [3, с. 191]. *Непористый* ‘безвременный’ [3, с. 195]. Значение слова *непористый* выражено в литературном языке с помощью иной основы, однако оно заслуживает внимания как потенциальное звено синтезированной словообразовательной пары. В «Словообразовательном словаре» зафиксированы лишь единицы *пора*, *порой* [4, т. 1, с. 797]. Значительно число подобных номинаций лица по характеризующему признаку [6]. Ср.: *Нерастороп* и *нерасторопа* ‘медлительный, нерасторопный, непрактичный человек’ [3, с. 219]. *Нетрудник* ‘ленивый или неумелый работник’ [3, с. 267]. *Несоветный* ‘не любящий советовать и советоваться’ [3, с. 242]. *Недомётанный* 1. ‘Неразвитый, недоучившийся, непонятливый (о человеке)’. 2. ‘Беззаботный, беспечный’ [3, с. 106].

Вполне возможно рассмотрение и таких объединений, как словообразовательные цепочки, в которых учитываются в том числе и отношения лексической мотивации между родственными единицами.

Наибольший интерес представляют диалектные слова, в которых либо представлена иная, по сравнению с литературным языком, комбинаторика морфем, либо выражается *когнитивно значимая семантика*. К примеру, в говорах обнаруживается пара *гостеваться* ‘ходить друг к другу в гости’. Оренб., 1958. [5, вып. 7, с. 91] – *гостеванье* ‘то же, что гостёба, пребывание в гостях’. Урал., 1930. [5, вып. 7, с. 91]. В «Словообразовательном словаре» в состав гнезда с производящей основой *гость* входят лексемы *гостевать*, *загостеваться* [4, с. 245], однако такие единицы, как *гостеваться* и *гостеванье*, отсутствуют. Становится очевидным, что диалектное слово *гостеваться* заполняет пустующее место в цепочке, представленной в литературном языке *гостевать* – *загостеваться*. С учетом наличия диалектной единицы *гостеванье* данный фрагмент гнезда может быть представлен как совокупность родственных слов (частично цепочка, частично парадигма), представленных в системе деривации, объединяющей литературный язык и говоры. Комбинации различных единиц системы словообразования достаточно частотны при моделировании фрагментов деривационных гнезд. Так, в словаре А. Н. Тихонова единица *непорядок* не является производящей. В псковских говорах представлены единицы: *непорядливый* ‘неряшливый, неаккуратный’; *непорядливо* ‘не по порядку, как и что попало’; *непорядня* ‘худой распорядок в доме’ [3, с. 196]; *непорядочный* 1. ‘Который не может поддерживать порядок’. 2. ‘Не такой, как должен быть, недостойный’. 2-е значение, мотивированное основой *порядочный* ‘честный’, известно литературному языку, 1-е же значение является *лексико-семантическим вариантом*, характеризующим язык говоров. Представляет интерес

слово *непоряха* 'неаккуратный человек, неряха'. Можно предположить, что в данном случае происходит наложение морфем слов *непорядок* и *неряха*.

Рассмотрим слово *посулить*. В «Словаре современного русского литературного языка» зафиксированы единицы *посул* 'обещание', *посулить* 'пообещать', *посулиться* 'то же, что и пообещать' [2, т. 10, с. 1569]. В псковских говорах представлены слова *недосул* 'обещание чего-нибудь в недостаточном, неполном количестве', *недосуля* 'человек, легко дающий, но не выполняющий обещаний' [3, с. 105]. Таким образом, в языке говоров можно обнаружить производные со значением, отсутствующим в литературном языке.

По данным [4, т. 1, с. 519], значительное количество единиц представлено в составе гнезда слова *ладить*. Совершенно очевидно, что дополнить парадигму данного гнезда могут *когнитивно значимые* диалектные единицы *неполадливый* 'с которым трудно договориться, поладить', *неполаживать* 'не иметь согласия, быть в соре' [3, с. 193].

При рассмотрении лексико-словообразовательного гнезда с вершиной *видеть* в говорах можно обнаружить лексему *невидница; невидницу городить* 'клеветать, распускать лживые слухи' [3, с. 43]. Данная единица не зафиксирована в словообразовательных словарях [4], [7]. Ср. также: *невидим*, а, м. 1. 'О человеке, которого трудно застать, с которым трудно увидиться'. Был, повернулся и, сейчас же ушел: какой-то невидим! Влад., 1910. [5, вып. 20, с. 342]; *невидимочка*, и, ж. 1. 'Девушка замкнутого характера, необщительная, любящая уединение'. Углич. Яросл., 1907. [5, вып. 20, с. 343]. В словаре А. Н. Тихонова представлена словообразовательная парадигма слова *невидимый* 'недоступный зрению, скрытый от глаз': *невидимо* 'скрытно, незаметно', *невидимость* 'свойство и состояние невидимого', *невидимка* 1. 'То, что недоступно зрению'. 2. 'О человеке необщительном, редко показывающемся на людях, которого трудно найти, застать где-нибудь' [2, т. 7, с. 742], [4, т. 1, с. 170]. Таким образом, параллельно разворачиваются объединения слов: *невидимый* – *невидимо, невидимость, невидимка* со значением 'скрыто, недоступно зрению' (фрагмент словообразовательной парадигмы слова *невидимый*) и фрагмент, имеющий отношение к наименованию лица со значением деминутивности *невидим, невидимка, невидимочка*.

Обнаруженный в говорах глагол *гоношить* представляет интерес своей семантикой: 1. 'Хлопотливо заниматься каким-либо хозяйственным делом'. 3. 'Делать что-либо увлеченно, с усердием, старательно'. Влад. 5. 'Делать что-либо незаметно для других, не привлекая к себе внимания'. Новг., Волог. 1920. Барнаул. 'Делать что-либо втихомолку'. Вят., Васнецов. 6. 'Делать, устраивать что-либо постепенно, исподволь'. Перм., 1848. Старик все что-нибудь гоношит. Свердл., Яросл., Пск. 9. 'Копить, собирать что-либо в одно место. || Соблюдать бережливость, копить, приобретать что-либо'. [5, вып. 7, с. 10]. В «Словообразовательном словаре» обнаружен фрагмент словообразовательного гнезда данного глагола с единицами *гоношиться, загоношиться, сгоношить* [4, т. 1, с. 240]. В говорах представлены производные: *гоношун* 1. 'Хороший хозяин'. Перм. 'Расчетливый хозяин'. Свердл., Слов. Ср. Урала, 1964 [с пометой «экспрессивное»]. 2. 'Суетливый человек'. Арх., 1961. Ср. Урал. [5, вып. 7, с. 12]; *гоношливый* 1. 'Занимающийся прилежно хозяйством, трудолюбивый'. Перм., 1852. Краснояр. 'Хозяйственный (человек)'. Перм., Даль. 'Старательный'. 1910. 'Заботливый'. [5, вып. 7, с. 12]. Таким образом, диалектный глагол, семантика которого не совсем ясна носителю современного языка, способен не только образовать микропарадигму словообразовательного гнезда, но и представить ряд значений, не выраженных в литературном языке однословно.

При исследовании говоров нельзя не обратить внимание на влияние родственных языков друг на друга. Не стоит забывать и о территориальной близости некоторых русских и белорусских говоров, что неизбежно приводит к «взаимопроникновению» слов одного языка в другой. Так, в говорах обнаружены следующие единицы, значения которых отсылают нас к белорусскому языку:

Гультаить 'слоняться без дела, вести праздный образ жизни'. Даль [без указания места]. 'Отлынивать от работы, лениться, ничего не делать'. Плохо работаете – гультаете. Смол. *Гультай* 1. 'Бездельник, лентяй, гуляка'. Смол. 2. 'Трутень, пчелиный самец'. Пчелы гультая не любят. Свердл., 1964. *Гультайство* 'бездельничанье, праздность, лентяйничанье'. Смол. [5, вып. 7, с. 220]. *Непослухмянство* 'непослушание'. *Непослухмянный* 'то же, что и непослушный'. Пск. [3, с. 198]. *Несмачно* 'невкусно', *несмачный* 'невкусный'. Пск. [3, с. 240].

В литературном языке хорошо известно слово *одолеть* 1. 'Победить, одержать верх в сражении, драке и т. п.' 2. 'Справиться с каким-л. делом, работой, суметь выполнить, осуществить что-л.' [7]. Однако следующие единицы по своей структуре близки белорусскому слову *нездоліць*: *несдолимый* 'неодолимый, не соответствующий силам, средствам'; *несдолимть* 'быть не в состоянии

что-нибудь сделать»; *несдóлящий* 'хворый, чахлый, слабый' [3, с. 230]. *Деньковать* 'благодарить'. А даст *чарочку* – я выпью; а даст другую – я *тую*; а за третью – *денькую*. Смол., 1914 [5, вып. 7, с. 355]. При пояснении последнего слова большую роль играет метатекст, в котором встречается не одно белорусское слово. В псковских говорах обнаружены единицы с аналогичной, на первый взгляд, словообразовательной структурой: *непадоба* 'то же, что *неподобица* 1'; *неподобаться* 'не понравиться'; *неподобица* 1. 'Что-то непохожее, не подобное'. 2. 'Несуразное, несообразное ни с чем дело, что-то невероятное'; *неподобность* 'нелепость, нелепое высказывание' [3, с. 190]. Однако внутренняя форма, мотивация слова *неподобаться* становится понятной лишь с учетом значения слова *падабаца* в белорусском языке: 'вызывать симпатию к себе' [8, с. 509]. Таким образом, в псковских говорах представлен фрагмент парадигмы слова *подобный* – *непадоба*, *неподобица*, *неподобность*, в составе которого находятся слова, обнаруживающие очевидную мотивационную связь с белорусским языком.

Наличие различных объединений слов, обнаруживающих ясную мотивационную связь с единицами белорусского языка, имеет место как в системе одного говора, так и в составе разных говоров. В русских говорах обнаружен следующий глагол эмоционального состояния и его производные: *Дековать* 1. 'Насмехаться, издеваться над кем-либо'. Енис., 1865. Челябин., Ср. Урал, Сев.-Двин. *Декованье* 'действие по значению глагола *дековать*'. *Декови́чик* 'насмешник'. Новг., Волог., Перм., Даль. [5, вып. 7, с. 337–338]. В лексикографических источниках русского литературного языка [2], [4] данные лексемы не обнаружены. Обратившись к словарям белорусского языка, можно обнаружить слова *здэк* 'злая, презрительная насмешка', *здыкавацца* 'злбно, презрительно высмеивать кого-то' [8, с. 299]. Глагол *недочуять* 'плохо слышать; плохо ощущать запахи'. Смол., 1914. Сиб. является производным для существительного *недочуй* 'прозвище глухого человека' Черепов. Новг., 1910. Сиди уж на лавочке, глухой пестерь, недочуй! Краснояр. [5, вып. 21, с. 36]. Заслуживает внимания тот факт, что в системе белорусского языка отсутствует такое существительное, как *недочуй*.

Составить словообразовательные пары с хорошо известным словом *вкусный* могут следующие диалектные единицы: *невкусица* 'свойство невкусного' [3, с. 44]. В «Словообразовательном словаре» [4, с. 177] в рамках данного гнезда представлена лексема *безвкусица* 'отсутствие вкусовых свойств; плохой вкус (о пище, напитке)' [2, т. 1, с. 327], однако диалектная единица вносит дополнительное значение; *невкуснящий* 'очень неприятный на вкус, неаппетитный'. Арх., 1976. [5, вып. 20, с. 346]. В «Словообразовательном словаре» данная единица отсутствует, однако представляет интерес с точки зрения и семантики, и формы.

В состав словообразовательного гнезда слова *невзрачн(ый)* входят производные *невзрачно*, *невзрачность* [4, т. 1, с. 659]. В «Словаре русских народных говоров» обнаруживаем единицу *невзрачить* 'портить хорошее впечатление; делать некрасивым, неприятным, непривлекательным'. Она не дурна бы собой, да ее глаза невзрачат. Даль [без указания места] [5, вып. 20, с. 341]. В данном случае глагол с когнитивно значимой семантикой дополняет рассматриваемое словообразовательное гнездо.

Лексико-словообразовательное гнездо с вершиной *дать* в литературном языке представлено достаточно большим количеством единиц. В «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова зафиксированы лексемы *дача* (с пометой 'действие по глаголу дать'), от него образуются производные *датель*, *дательница* [4, т. 1, с. 270]. У глагола *дать* значительное количество префиксальных производных (*выдать* – *выдача*, *здать* – *здание* и др.). Как известно, префикс *не-*, помимо функции отрицания, не является частотным и регулярным словообразовательным формантом. Однако в говорах можно обнаружить производные единицы с *когнитивно значимой семантикой* и с префиксом *не-*: *недача* 'то, что не дано'; *недачливый* 'тот, кто не любит давать займы' [3, с. 72]; / *недачливый* 'крайне экономный, скупой'. Пск., Осташк. Твер., 1855 [5, вып. 21, с. 9]; *недаха* 'скупой человек, отказывающий в помощи, избегающий трат, издержек, расходов' [5, вып. 21, с. 9], [3, с. 72].

При рассмотрении словообразовательной парадигмы слова *неволя* 'состояние, при котором кто-нибудь лишен личной свободы', включающей такие производные, как: *невольт* 'принуждать, заставлять делать что-нибудь вопреки желанию, воле' [2, т. 7, с. 757], *невольтся* 'делать что-то вопреки собственному желанию', *невольник*, *невольный* [3, с. 51–52], особый интерес вызывает лексема *невольт* 'не владеть собою, распускаться'. Заурал., 1962. [5, вып. 20, с. 355], отсутствующая в «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова [4, т. 1, с. 190] и в других лексикографических источниках литературного языка [2, т. 7, с. 757–761].

С точки зрения особенностей выражаемой семантики представляют интерес диалектные единицы с производящей основой *неделя*: *неделевать* 'жить у кого-то, гостить неделю' [3, с. 73];

недельщик ‘работник, нанимаемый на недельный срок’; *недельщина* ‘плата за недельную работу’ [3, с. 74]; *недельщина* ‘пустые разговоры; ложь’. Твер., 1897. [5, вып. 21, с. 12]; в значении неделя ‘воскресенье’ (5-е значение слово неделя в псковских говорах с. 77); *недельщица* ‘дежурная, «дневальная в неделю»’. Даль [без указания места] [5, вып. 21, с. 12].

В некоторых случаях рассмотрение словообразовательных цепочек и парадигм в говорах представляет интерес с учетом наличия в них единиц, характеризующихся иной, нежели в системе литературного языка, комбинаторикой морфем, например: *гордина* ‘то же, что горд’. Даль [без указания места]. *Гординка* ‘о гордом, заносчивом человеке’. Смол., Петрозав., 1896. *Гордистый* ‘исполненный гордости, гордый’. Пск., 1855. *Гордить* ‘быть высокомерным, заносчивым’. Свердл., 1964. *Гордиться* 1. ‘Пренебрегать чем-либо’. 2. ‘Сердиться, злиться’. Нижегород., 1851. *Гордиян* ‘гордец’. Нижегород. Какой еще гордиян нашелся! Костром. *Гордён* 1. ‘Гордый человек; гордец, гордячка’. 2. ‘В свадебном обряде – женщина, которая едет впереди свадебного поезда’. Кашин. Твер., 1897. Амур. *Гордёный* ‘гордый, горделивый’. *Гордверон*, укоризненно. ‘О гордом, заносчивом человеке’. *Гордовать* ‘вести себя заносчиво, пренебрегать, гнушаться кем-либо’. Смол. [5, вып. 7, с. 27–28]. *Гордыня* ‘гордый, заносчивый человек’. Какой ты нонче гордыня стал, сват! Том., 1913. *Гордынник* ‘гордец’. Даль [без указания места] [5, вып. 7, с. 30]. В «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова указанные лексемы не зафиксированы [4, т. 1, с. 660].

При моделировании лексико-словообразовательных парадигм вполне возможно рассматривать не только совокупность очевидных словообразовательных пар, но и такие объединения *родственных по корню* единиц, когда их «содружество» определяется лишь формально [9, с. 21]. Рассмотрим словообразовательную парадигму с вершиной *нескладный* 1. ‘Несоразмерный в частях, не отличающийся стройностью, плохо сложенный’. 2. ‘Лишенный логической связи, последовательности’. 3. ‘Лишенный слаженности; нестройный; неустроенный, неудачный’ [2, т. 7, с. 1166]. В толковом словаре зафиксированы единицы *нескладность* ‘свойство нескладного’; *нескладно*, нареч.; *нескладёха*, простореч. ‘Бестолковый, нерасторопный, нескладный человек’; *нескладица*, разг. ‘Что-либо нескладное, лишённое смысла; чепуха. || Беспорядок, неустройство’ [2, т. 7, с. 1165]. В псковских говорах представлен ряд единиц с большим количеством значений: *Нескладник* 1. ‘Неудачный, некрасивый плод’. 2. ‘Непокладистый человек’. *Нескладница* 1. ‘Женщина, с которой невозможно ужиться’. 2. ‘Неуспех, помеха’. *Нёскладь* 1. ‘Капризный человек’. 2. ‘Несговорчивый человек’. 3. Собр. ‘Отрицательные черты характера: буйство, упрямство, озорство’. [3, с. 236]. *Нёскладён* 1. ‘Нескладный, угловатый человек’. 2. ‘Бестолковый человек’. 3. ‘О том, кто не складно говорит’. *Нескладиха* 1. ‘Нескладный, неуклюжий’. 2. ‘Неаккуратный’. 3. ‘Неурядица, беспорядок’. *Нескладица* ‘то же, что и нескладиша’. *Нескладиша* 1. ‘Нескладный, некрасивый, неуклюжий’. 2. ‘Бестолковый, непонятливый’. 3. ‘Неуступчивый, упрямый, своенравный’. 4. ‘Неудача, невезение’. 5. ‘Неправильное, несуразное высказывание’. *Нескладица* ‘нехорошая, неладная жизнь’ [3, с. 232–233]. Диалектные единицы дополняют парадигму производных литературного языка не только с позиции морфемного состава, но и с точки зрения семантического «расширения».

Выводы

При моделировании фрагментов лексико-словообразовательных гнезд интерес представляют различные объединения родственных слов в рамках отдельного говора, группы говоров, а также в рамках модели литературный язык говоры. При этом особый интерес представляют когнитивно значимые позиции, т. е. случаи «заполнения» пропущенного звена в литературном языке диалектным словом. Целый ряд производных диалектных лексем, рассматриваемых в составе самых различных деривационных объединений, характеризуются своеобразием внутренней формы, когнитивно значимой семантикой, так как в подсистеме литературного языка нет единиц – однословных аналогов данных значений.

При исследовании говоров нельзя не обратить внимание на влияние родственных языков друг на друга. Наличие различных объединений слов, обнаруживающих ясную мотивационную связь с единицами белорусского языка, имеет место как в системе одного говора, так и в составе разных говоров.

Для языка говоров характерно наличие лексико-семантических вариантов производных слов, известных литературному языку (непорядок → *непорядочный* 1. ‘Который не может поддерживать порядок’. 2. ‘Не такой, как должен быть, недостойный’). При этом в говорах производное может быть мотивировано прямым значением производящего, в то время как в литературном языке выражено значение, основанное на метафоризации.

Диалектная лексика представляет интерес с точки зрения и семантики, и формы. В некоторых случаях диалектное слово заполняет пустующее место в составе словообразовательных пар, цепочек, парадигм, представленных в литературном языке.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Никитевич, А. В. Словообразовательное гнездо как объект лингвистического моделирования / А. В. Никитевич // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина) : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. – Н. Новгород, 2016. – С. 125–130.
2. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: В. И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – М. ; Л. : АН СССР, 1948–1965.
3. Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – Вып. 21. – 448 с.
4. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985. – Т. 1–2.
5. Словарь русских народных говоров: 1965–2007. – М. – СПб. : Изд-во Академии наук СССР ; Институт лингв. исследований РАН. – Вып. 1–42.
6. Никитевич, А. В. Наименования лица по внутренним и внешним характеристикам в составе фрагментов лексико-словообразовательных гнезд / А. В. Никитевич // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г. : в 2 ч. / редкол.: О. И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Ч. 2. – С. 153–160.
7. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – 1209 с.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / уклад.: І. Л. Капылюў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.
9. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов / А. В. Никитевич. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2004. – 347 с.

Поступила в редакцию 02.07.2019

E-mail: yakel1989@mail.ru

A. Mamedava

ABOUT THE TYPES OF MODELED FRAGMENTS OF LEXICAL-WORD-FORMATIVE NESTS (THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE / DIALECTS)

The article is devoted to the description of various types of simulated fragments of synthesized lexico-word-formation nests (a literary language / dialects). Comparative analysis of derivational subsystems of the Russian literary language and dialects allows to identify and describe various types of complex units of word formation (word-formation pairs, chains, paradigms), as well as their combinations, as a set of related units acting as fragments of synthesized lexical word-formation nests taking into account structural and semantic features of the derived words.

Keywords: word-formation pairs, chains, paradigms, cognitively significant semantics.

УДК 821.161.3.09-3

Г. В. НавасельцаваКандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры літаратуры,
УА «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава», г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь**МЕГАТЭКСТ У ПРОЗЕ ЛЮДМІЛЫ РУБЛЕЎСКОЙ**

У артыкуле раскрываюцца праблемна-тэматычныя і жанрава-стылёвыя характарыстыкі раманаў Людмілы Рублеўскай «Авантуры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега», «Авантуры студыёзуса Вырвіча», «Авантуры драгуна Пранціша Вырвіча», «Авантуры Пранціша Вырвіча, здрадніка і канфедэрата». Творы ўяўляюць адзінае мастацкае цэлае дзякуючы скразным персанажам, для ўвасаблення якіх выкарыстоўваюцца пазнавальныя рысы сусветна вядомых вобразаў (д'Артаньян, Фаўст). У цыкле рэпрэзентуюцца некаторыя паказальныя прыкметы авантурнага рамана і рамана выхавання, што ілюструе мастацкую ўзнаўляльнасць жанравага канону. Письменніца творча адлюстроўвае выбраную эпоху, паглыблена раскрывае характары галоўных герояў, акцэнтнае культурна-асветніцкае прызначэнне сваёй прозы.

Ключавыя словы: раманны цыкл, галоўны герой, вобразная сістэма, традыцыя і наватарства, Людміла Рублеўская.

Уводзіны

У творчай практыцы беларускіх пісьменнікаў XXI стагоддзя жанр рамана перажывае істотную трансфармацыю, дынаміка яго змястоўнай формы выяўляе паказальную тэндэнцыю да суб'ектыўнага адлюстравання рэчаіснасці. Узрастае мастацкая роля галоўнага героя і, адпаведна, умацняецца аўтарская прысутнасць у творы. Жанравыя характарыстыкі рамана эстэтычна падначалены эксперыментальным пошукам, творчым наватарскім прыёмам. Усё больш выразна выяўляецца пісьменніцкае імкненне да сцісласці, лаканічнасці, умоўна кажучы, да памяншэння аб'ёму твора, што паказальна рэпрэзентуецца і на стылёвым узроўні. У гэтым літаратурным кантэксце адметнай мастацкай з'явай выступае цыкл раманаў з такімі класічнымі жанравымі прыкметамі, як імкненне аўтара паказаць выбраную эпоху ў яе цэласнасці, а таксама разнастайнасці нораваў, паводзін, учынкаў значнага шэрагу персанажаў і адначасова раскрыць характары галоўных герояў.

Творы з раманнай серыі Людмілы Рублеўскай «Авантуры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега» (2012), «Авантуры студыёзуса Вырвіча» (2014), «Авантуры драгуна Пранціша Вырвіча» (2014), «Авантуры Пранціша Вырвіча, здрадніка і канфедэрата» (2017) вызначаюцца праблемна-тэматычным адзінствам. Письменніца паказальна адмаўляецца ад уласцівых для яе творчай манеры двух паралельных сюжэтаў (дэтэктыўныя раманы «Золата забытых магіл» (2003), «Скокі смерці» (2005)), паглыбленага мастацкага даследавання рэчаіснасці ў форме эстэтычных эксперыментаў («Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію» (2007), «Сутарэнні Ромула» (2009–2010)). Перавага аддаецца мастацкай падзейнасці, пісьменніца балансуе на мяжы прыгоды і фантазмагорыі, што і заяўлена ў аўтарскім вызначэнні жанру. Значную эстэтычную ролю адыгрывае суб'ектыўны, эмацыйна афарбаваны аповед ад імя непасрэднага ўдзельніка ўсіх падзей Пранціша Вырвіча – аднаго з галоўных герояў, скразнага персанажа, дзякуючы якому названыя раманы ўтвараюць адзінае мастацкае цэлае. Жанравы падыход, актуальны ў сучасным айчынным літаратуразнаўстве, дазваляе вызначыць эстэтычныя ўласцівасці раманнай серыі як адзінага мастацкага цэлага. Вышэй сказанае абумоўлівае мэту даследавання: выявіць праблемна-тэматычныя і жанрава-стылёвыя характарыстыкі раманаў Людмілы Рублеўскай «Авантуры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега», «Авантуры студыёзуса Вырвіча», «Авантуры драгуна Пранціша Вырвіча», «Авантуры Пранціша Вырвіча, здрадніка і канфедэрата».

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Творчая манера пісьменніцы вызначаецца актыўнымі літаратурнымі пошукамі, паслядоўным зваротам да мастацкіх эксперыментаў. Як слушна зазначае Дз. Я. Бугаёў [1], тэорыя літаратуры пакуль што не зафіксавала такой мастацкай формы, як паралельны раман, аднак гэта форма ў аўтаркі атрымалася. Нельга не пагадзіцца, што ідэя рамана – гэта адказнасць нашчадкаў за справы продкаў, пераемнасць мінулага, сучаснага і будучага, што ў творы асэнсоўваюцца гістарычныя карані беларусаў [1, с. 208]. В. У. Барысенка падкрэслівае мастацкую значнасць паказу «духу гісторыі,

атмасферы таямнічасці» ў рамане «Скокі смерці», дзе пераасэнсоўваецца класічны гатычны канон [2, с. 85]. Трапна заўважае Л. В. Алейнік, што пераважная большасць твораў пісьменніцы «вобразна інтэрпрэтуюць падзеі даўніны, разглядаюць іх скрозь прызму міфапаэтычнага асэнсавання» [3, с. 17]. Даследчыца ўдакладняе, што ў рамане «Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію» пры дапамозе шматлікіх мастацкіх прыёмаў ствараецца сацыякультурны кантэкст мінулага. Думаецца, адносна ўсіх вышэй названых твораў не будзе перабольшваннем сказаць, што багата выкарыстаны гістарычны матэрыял задае пэўныя каардынаты для чытацкага ўспрымання, аднак выконвае якасна іншую функцыю, чым у класічнай гістарычнай прозе.

Нягледзячы на прадстаўнічыя крытычныя і літаратуразнаўчыя ацэнкі, не да канца вырашаным застаецца пытанне пра жанравае значэнне твораў з раманнай серыі, прысвечанай Пранцішу Вырвічу. У прыватнасці, характарызуючы мастацкае палатно «Авантуры Пранціша Вырвіча, школяра і шпегі», Н. Б. Лысова спраўдліва звяртае ўвагу, што апошняе, «нягледзячы на аўтарскае (ці рэдактарскае) вызначэнне “фантазмагарычны”, можна таксама аднесці да класічнага рамантычнага гістарычнага рамана» [4, с. 13]. Даследчыца ўдакладняе, што значэнне «рамантычны» выступае ў якасці стыльвай, фармальнай характарыстыкі. Адносна гістарычнага зместу зазначаецца, што створаны фон «авантурнага стагоддзя з яго касцюмамі і інтрыгамі, алхіміяй і рацыянальнымі ведамі ды асветніцкімі планами» [4, с. 13]. Прадстаўлены і сапраўдныя гістарычныя асобы: адметна раскрыты вобразы магнатаў, уладароў тагачасных дзяржаў, якія выконваюць паказальныя ідэяна-мастацкія функцыі.

У адрозненне ад Уладзіміра Караткевіча, які выводзіў сапраўдных гістарычных асоб на перыферыю мастацкага дзеяння, Людміла Рублеўская актывізуе такія персанажы, найчасцей увасабляючы іх антыподамі, радзей спрыяльнікамі галоўных герояў. На фоне супрацьстаяння магнацкіх родаў, а таксама груповак прыкметна вылучаецца некалькі асоб, знаёмства з якімі істотна ўплывае на светапогляд Пранціша Вырвіча і выступае свайго роду выпрабаваннем для Бутрыма Лёдніка. У прыватнасці, князь Геранім Радзівіл, празваны Жорсткім, ладзіць пышныя застоллі, бязлітасна карае не толькі ворагаў, але і сваякоў: трымае за кратамі на ланцугу свайго брата. Пранціш уражаны бесчалавечнымі ўчынкамі князя, які пакутуе сам і змушае пакутаваць іншых, разумее, што, калі б нарадзіўся ў магнацкай сям’і, мог і сам зрабіцца такім. Героі праніклі ў Слуцкі замак як шпегі, пад выдуманымі імёнамі, аднак праходзяць сапраўднае выпрабаванне на смеласць – рашаюцца дзейнічаць адкрыта, калі абставіны змяняюцца. Як выключна годны і справядлівы чалавек паказаны вялікі гетман Казімір Радзівіл Рыбанька, якому Бутрым у бойцы ратуе жыццё і за гэта становіцца шляхціцам. Такім чынам для чытача створаны дастаткова выразныя партрэты гістарычных дзеячаў, якія раскрываюць норавы тагачаснай эпохі.

Звяртаецца Людміла Рублеўская і да ўвасаблення некаторых вядомых гістарычных асоб, у прыватнасці, эпізадычна, але сэнсава ёміста раскрывае вобраз Кацярыны II. Пісьменніца ўдала пазбягае сацыяльнага клішэ, якое звычайна ўскладняе мастацкі паказ герояў, што неаднаразова рабіліся прадметам увагі розных аўтараў. Згодна з ідэянай задумай рамана, палітычная дзейнасць расійскай імператрыцы інтэрпрэтуецца ў святле амурных спраў. Так, Кацярына сочыць за падзеямі ў Рэчы Паспалітай, дзе з-за вядомага грамадскага бязладдзя справы ўсё больш пагаршаюцца. Асобныя ўплывовыя магнаты імкнуцца стаць яе каханкамі, бо гэта азначае палітычную падтрымку, якая вырашае надзвычай шмат. З расійскай імператрыцай сустракаюцца і галоўныя героі, яе прыхільнае стаўленне вырашальна ўплывае на іх лёс.

Нягледзячы на прадстаўнічую галерэю гістарычных дзеячаў, сапраўдных гістарычных асоб, раманная серыя не адпавядае тым патрабаванням, якія прад’яўляюцца да гістарычнай прозы. Пісьменніца прыцягвае ўвагу чытача дзякуючы эстэтычнай устаноўцы на займальнасць, акцэнтую мастацкую падзейнасць, якую можна акрэсліць як незвычайную і нават неверагодную ў тых сацыяльных і гістарычных умовах. Напрыклад, у першым з твораў галоўныя героі здзяйсняюць амаль немагчымыя ўцёкі са Слуцкага замка, дзеля чаго выкарыстоўваюць, дзякуючы шчасліваму збегу абставін, найноўшае механічнае вынаходніцтва, умоўна названае жалезнай чарапахай. Уцёкі паспяховыя найперш таму, што амаль для ўсіх самаходная машына – нечуванае дзіва: радзівілаўскія слугі проста разбегліся «са знаёмымі да зубоўнага болю крыкамі: “Цмок! Цмок!”». Тым больш цяпер чарапахі магла страляць ва ўсе бакі, а вось ейныя бліскучыя шчыты ніякія кулі не бралі» [5, с. 157]. Як іранічна заўважае пра гэту падзею пісьменніца, у цэлым ілюструючы спецыфіку тагачаснага светабачання, расповед пра беларускага цмока-людажэра, з ноздраў якога ішоў чорны дым, набыў жаласлівы сюжэт, узбагаціў рэпертуар лірыкаў і дадаў адукаваным асобам скептыцызму на конт магчымасці выправіць міфалагічную свядомасць тутэйшага цёмнага людзі. У раманнай серыі многа такога роду здарэнняў, якія амаль цудадзейным чынам дапамагаюць галоўным героям выйсці са складаных сітуацый, што ў выніку акцэнтую прыгодніцкі змест, аднак пярэчыць эстэтычнаму прынцыпу гістарызму.

Калі звярнуцца да тыпалогіі рамана вядомага навукоўца Г. М. Паспелава, то мастацкія палотны з гэтай серыі можна вызначыць як авантурныя раманы. Будзе цалкам справядліва зазначыць, што сюжэтны рух складаецца з асобных эпизодаў, якімі і выступаюць прыгоды галоўных герояў. Апошнія трапляюць у сутарэнні Слуцка, Менска і Полацка, здабываюць легендарную здіду Святога Маўрыкія, праз усю Еўропу выпраўляюцца ў далёкую вандроўку ў Ангельшчыну, нават зарабляюць грошы ў лонданскім байцоўскім клубе. Асобна трэба сказаць пра механічную ляльку па імені Пандора, сакрэт якой трэба разгадаць, тым больш, калі ёсць жывы адпаведнік, які здзяйсняе нечаканыя ўчынкi. Апеляцыя да вядомага грэчаскага міфа прадвызначае інтэртэкстуальны ўзровень прачытання рамана («Авантуры студыёзуса Вырвіча»), што сэнсава паглыбляе твор, наглядна ілюструе яго фантазмагарычны змест. Героі шукаюць езуіцкія скарбы, спазнаюць характар асобных прадстаўнікоў гэтага ўплывовага ордэна, які чыніў знешне мала заўважны, але дзейсны супраціў расійскаму ўплыву. Прыцягвае ўвагу чытача супрацьстаянне з так званым чорным магам і выратаванне егіпецкай прынцэсы, якой насамрэч аказваецца таленавітая прыгонная актрыса. Дынамічна пададзена жыццё герояў у Вільні і ў французскім Манпелье, погляд «знутры» праз іх асабістае судачыненне на магнацкае паўстанне супраць караля Станіслава Панятоўскага.

Разам з тым развіццё характараў герояў Людмілы Рублеўскай выяўляецца не толькі праз адлюстраванне знешняга стану, жыццёвага поспеху або цяжкасцяў, перамог або страт, як гэта прадстаўлена ў класічных прыкладах еўрапейскага авантурнага рамана. Безумоўна, скразны герой раманнай серыі Пранціш Вырвіч, збяднелы шляхціц герба «Гіпацэнтаўр» з Падняводдзя, які лічыць сваім родапачынальнікам самога Палямона, увесь час прагне калі не падзівагаў, то смелых прыгод, вартых сапраўднага рыцара. Гэтаму спрыяе выхаванне ў духу сармацкіх звычаяў, згодна з якімі чалавек без развагі, па першым поклічы, гатовы біцца і аддаць жыццё за Айчыну. Пранціш гатовы, не шкадуючы сябе, слугаваць Чароўнай Даме, няхай і такой, як інтрыгантка і авантурыстка Паланэя Багінская, што найперш карыстаецца з яго высакароднасці. Як слушна акцэнтуюе ўвагу Н. Б. Лысова, галоўны герой як быццам «яднае характарыстыкі д'Артаньяна і Гервасія Вылівахі, дэманструючы юнацкую рашучасць, разбэшчанасць, ганарлівасць і прагу жыцця адначасова са сталай мужнасцю, разумнасцю і дабрыйнёй» [4, с. 14]. Несумненна, што Людміла Рублеўская імкнулася ўвасобіць вобраз адметнага беларускага д'Артаньяна, дзеля чаго мяняла прозвішчы гістарычных асоб, паводле прызнання самой пісьменніцы, вольна абыходзілася з гістарычным матэрыялам: «А што – хіба рэальны д'Артаньян здабываў падвескі французскай каралева? Ён увогуле быў шпегам, ілгуном, баязліўцам і досыць непрыймай асбай» [6, с. 10]. Пранціш Вырвіч паказаны шпегам, шкалярком і студыёзусам, драгунам, урэшце здраднікам і канфедэратам, што выклікае ў чытача некалькі неадназначнае стаўленне.

Складасць успрымання галоўнага героя заключаецца ў тым, што, як зазначалася вышэй, у яго асобе спалучаюцца рысы юнака і сталага чалавека. «Юначыя» праявы характару Пранціша прыцягальныя для маладога чытача, які можа суадносіць героя з самім сабою: той вучыцца, сталее, дзякуючы ў тым ліку авантурным прыгодам праходзіць своеасаблівую жыццёвую школу. У паказе духоўнай эвалюцыі пісьменніца эпизадна звяртаецца да самарэфлексіі: «І Вырвіч часам шкадаваў, што аднойчы сустрэў на сваім шляху алхіміка Баўтрамея Лёдніка, выхаванца Пражскага і Лейпцыгскага ўніверсітэтаў, які навучыў думаць і ўглядацца ў гэты свет і ў сябе. Гэта ўсё роўна што плаваць у балоце з крыламі за спінай. І жабы касавурацца, і крылаў не распрастаць, і далёка не праплывеш» [7, с. 10]. Мастацкі псіхалагізм, дзякуючы якому раскрываецца ўнутраны свет героя, эстэтычна супярэчыць законам авантурнага рамана.

Аўтарская ўвага да паказу галоўнага героя дае падставы разглядаць твор як раман выхавання, хоць гэта і выступае некалькі дыскусійным. Як аўтарытэтна даказвае М. М. Бахцін, раман выхавання адыграў значную ролю ў станаўленні рэалістычнага рамана. Нельга паспрачацца з тым, што ў раманнай серыі Людмілы Рублеўскай увасабляецца актыўнае ўзаемадзеянне асобы і асяроддзя, паказваецца гістарычны час. Аднак пры гэтым паслядоўна выяўляецца фантазмагарычны змест, што і заяўлена ў жанравым азначэнні. Варта падкрэсліць і тое, што ў класічным рамане выхавання рэалістычны прынцып адлюстравання мастацкай рэчаіснасці абумовіў аўтарскі зварот да паказу дынамічнага характару, выяўлення значнага асобнага развіцця, якога ўсё ж не адбываецца ў Пранціша. Апошняя наглядна бачна пры супастаўленні Вырвіча і Лёдніка, вучня і настаўніка, які таксама выступае скразным персанажам.

Калі разглядаць раманную сітуацыю ў суадносінах галоўны герой і яго мікраасяроддзе, то Бутрым Лёднік паказальна вылучаецца з ліку іншых. Увесь час дапамагае свайму выхаванцу, а то і проста ратуе ў цяжкіх абставінах, клапаціцца пра яго адукацыю, спрыяе духоўнаму развіццю. Сам Вырвіч бачыць свайго настаўніка, які ў кожным выпадку абараняе спавядлівае, чыніць высакародна,

захоўвае чалавечую годнасць, дэманструе выключныя маральна-этычныя якасці, у святле таямнічасці і рамантычнасці. Вялікае лекарскае ўменне, абазнанасць у навукх, майстэрства фехтавальшчыка прывабліваюць і чытача, які аддае гэтаму персанажу нават большую ўвагу, чым галоўнаму герою. Апошняму садзейнічаюць і паэтычныя ўвасабленні: «Баўтрамей Лёднік стаяў у спакойнай такой паставе, апусціўшы шаблю, чорныя валасы завязаныя на патыліцы ў хвост – значыць, падрыхтаваўся да сур'ёзнай бойкі. За ягонай спінай павольна апускалася, наліваючыся стамлёнай чырванню, сонца, і аблічча доктара здавалася цёмным, амаль злавесным» [8, с. 309]. Настаўнік Пранціша Вырвіча апантана здабываў філасофскі камень, нарабіў даўгоў і ўрэшце заклаў самога сябе, чым у нейкай меры нагадвае знакамітага Фаўста. Біяграфія Лёдніка дазваляе правесці асобныя паралелі з жыццёвым шляхам вядомых беларускіх асветнікаў. Думаецца, Францыск Скарына мог быць адным з прататыпаў, якія паўплывалі на стварэнне адметнага персанажа, у тых грамадска-сацыяльных умовах – вучонага і ваяра, сапраўднасць якога падаецца цалкам верагоднай у той віхурны час, які метафарычна называюць эпохай «плашча і шаблі».

Як неаднаразова зазначалася ў беларускай крытыцы (М. Аляшкевіч [9], І. Шаўлякова [10]) і літаратуразнаўстве (Л. В. Алейнік [3], В. У. Барысенка [2], Дз. Я. Бугаёў [1]), проза Людмілы Рублеўскай не прэтэндуе на гістарычнасць, аднак гэта не зніжае яе культурна-асветніцкай каштоўнасці. Характарызуючы літаратурны кантэкст, І. Л. Шаўлякова-Барзенка справядліва зазначае, што «ў дачыненні да першага дзесяцігоддзя ХХІ стагоддзя гаворыць пра “рэнесанс” уласна гістарычнай прозы не выпадае. Аднак у параўнанні з другой паловай 1990-х адметнасцю літаратурнага працэсу 2000-х гадоў стаўся пэўны ўздым прозы “гісторыяцэнтрычнай”, якая на працягу апошняга дзесяцігоддзя набыла абрысы актуальнага мастацкага феномена» [11, с. 1075]. Раманная серыя пісьменніцы ўяўляе індывідуальна-аўтарскую падзейна-прыгодніцкую інтэрпрэтацыю айчыннага мінулага, дзе галоўным рухавіком сюжэта выступае герой, які для шырокага кола чытачоў асацыюецца са знакамітым французскім д'Артаньянам. У выніку адбываецца папулярызацыя беларускай культурнай спадчыны праз зварот да сусветна вядомага ўзору.

На працягу ўсяго цыкла раманаў Людміла Рублеўская непазбядаўна ўжывае азначэнні «беларускі», «Беларусь», што з'яўляецца парушэннем прынцыпу гістарызму, аднак адпавядае сацыялітаратурнай задачы. Беларусы таксама называюцца ліцвінамі, іх гістарычны лёс – няспынна ўдзельнічаць у войнах магутных суседзяў не па сваёй ахвоце – асэнсоўваецца на філасофскім узроўні. Сэнсавазначным выступае момант, калі сын Лёдніка Алесь палез у бойку з таварышам, каб абараніць мову, на якой гаворыць. За гэта яго папракае бацька, павучае, што лязо ды кулак – апошні довад і не самы лепшы. У той жа час ад імя аўтара шматзначна заўважана: «Але зразумела было, што і без гэтых довадаў на сваёй зямлі ліцвінам не абысціся, калі нават у абароненай морам ды скаламі Ітацы цару Адысею нельга было схаватца ад вайны. А што ўжо казаць пра скрыжаванне еўрапейскіх дарог...» [12, с. 360].

Вывады

Такім чынам, у раманнай серыі па-мастацку раскрываецца цэласны малонак мінулага праз норавы, звычаі, паводзіны тыповых прадстаўнікоў найперш шляхецка-магнацкага саслоўя. Гістарычны фон, прыгодніцкая падзейнасць, значная аўтарская ўвага да фантазмагарычнага зместу абумоўліваюцца ў ўстойлівую чытацкую цікавасць. Людміла Рублеўская паслядоўна распрацоўвае характары двух галоўных герояў і скразных персанажаў, Пранціша Вырвіча і Бутрыма Лёдніка, першы з якіх увабляе адметныя рысы розных узростаў катэгорый, другі выступае шмат у чым ідэалізаваным вобразам. Для паказу гэтых герояў выкарыстоўваюцца пазнавальныя творыя характарыстыкі сусветна вядомых вобразаў, такіх як д'Артаньян і Фаўст.

Раманы «Авантуры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега», «Авантуры студыёзуса Вырвіча», «Авантуры драгуна Пранціша Вырвіча», «Авантуры Пранціша Вырвіча, здрадніка і канфедэрата» не з'яўляюцца гістарычнай прозай у класічным разуменні гэтага паняцця, выяўляюць характэрныя прыкметы розных жанравых прыналежнасцяў. Творы гэтай серыі ў цэлым адпавядаюць аўтарскаму азначэнню раманаў «прыгодніцкіх і фантазмагарычных», у чым і заключаецца жанрава-стыльовае наватарства Людмілы Рублеўскай. Разам з тым, у названых мастацкіх палотнах рэпрэзентуюцца некаторыя паказальныя рысы авантурнага рамана і рамана выхавання, што ілюструе мастацкую ўзнаўляльнасць жанравага канону. Дзякуючы творча паказанаму гістарычнаму каларыту, адметна ўвасабленаму сацыякультурнаму кантэнтну мінулага раманы выконваюць культурна-асветніцкую функцыю, абуджаюць цікавасць шырокай аўдыторыі да гістарычнай спадчыны, на філасофскім узроўні рэпрэзентуюць нацыянальны змест. Пісьменніца ненавязліва імкнецца пераканаць,

што спазнанне мінулага, культурнай спадчыны беларусаў можа вызваліць сучаснага чалавека ад стэрэатыпнага мыслення, падказаць шлях да маральнага самаўдасканалення. Такім чынам, раманная серыя Людмілы Рублеўскай ілюструе творчую плённасць мастацкага сінтэзу гістарычнага, прыгодніцкага, фантасмагарычнага зместу. Павышаная ідэйна-мастацкая роля надаецца скразным персанажам, што абумоўлівае першасную ўвагу да духоўнага свету героя, суб'ектыўна афарбаванае ўзнаўленне падзей, выяўленне сюжэтнага руху ў залежнасці ад асобнага сталення.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Бугаёў, Дз. Беларускі дэтэктыў Людмілы Рублеўскай / Дз. Бугаёў // Палымя. – 2006. – № 7. – С. 207–212.
2. Барысенка, В. У. Гістарычны жанр на сучасным этапе. Традыцыі і наватарства / В. У. Барысенка // Сучасная беларуская літаратура і працэсы славянскага культурна-цывілізацыйнага ўзаемадзеяння : м-лы Міжнар. навук.-практ. канф. (да 80-годдзя НАН Беларусі), Мінск, 28 мая 2008 г. / Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы НАН Беларусі. – Мінск, 2008. – С. 83–87.
3. Алейнік, Л. В. Сучасная беларуская проза для дзяцей і юнацтва як сродак інкультурацыі (на прыкладзе рамана Людмілы Рублеўскай «Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію») / Л. В. Алейнік // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. – 2014. – Серыя 4. – № 1. – С. 16–20.
4. Лысова, Н. Б. Гістарычная проза Людмілы Рублеўскай: да характарыстыкі жанру / Н. Б. Лысова // Весн. Полацк. дзярж. ун-та. Серыя А. Гуманітарныя навукі. – 2013. – № 10. – С. 12–17.
5. Рублеўская, Л. Авантуры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега : раман прыгодніцкі і фантасмагарычны / Л. Рублеўская. – Мінск : Рэдакцыя газеты “Звязда”, 2012. – 272 с.
6. Рублеўская, Л. І. Ад аўтара / Л. І. Рублеўская // Авантуры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега : раман прыгодніцкі і фантасмагарычны / Л. Рублеўская. – Мінск, 2012. – С. 5–10.
7. Рублеўская, Л. Авантуры драгуна Пранціша Вырвіча : раман прыгодніцкі і фантасмагарычны / Л. Рублеўская. – Мінск : Звязда, 2014. – 320 с.
8. Рублеўская, Л. Авантуры студыёзуса Вырвіча : раман прыгодніцкі і фантасмагарычны / Л. Рублеўская. – Мінск : Выдавецкі дом “Звязда”, 2014. – 320 с.
9. Аляшкевіч, М. Улюбёная гульня / М. Аляшкевіч // Дзеяслоў. – 2011. – № 1. – С. 254–282.
10. Шаўлякова, І. Як выжыць у цікавыя часы / І. Шаўлякова // ЛіМ. – 2009. – 13 лістапада. – С. 7.
11. Шаўлякова-Барзенка, І. Л. Людміла Рублеўская / І. Л. Шаўлякова-Барзенка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / НАН Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў, Цэнтр даслед. беларус. культуры мовы і літ. ; навук. рэд. У. В. Гніламедаў, С. С. Лаўшук. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – Т. 4, кн. 3. – С. 1062–1084.
12. Рублеўская, Л. Авантуры Пранціша Вырвіча, здрадніка і канфедэрата : раман прыгодніцкі і фантасмагарычны / Л. Рублеўская. – Мінск : Звязда, 2017. – 368 с.

Паступіў у рэдакцыю 25.06.2019
E-mail: Novoseltseva.anna@mail.ru

G. V. Navaseltseva

MEGATEXT IN LYUDMILA RUBLEVSKAYA'S PROSE

The article reveals the problem-thematic and genre-stylistic characteristics of such novels of Lyudmila Rublevskaya as “Advantures of Prantsish Vyrvich, a scholar and a spy”, “Advantures of Vyrvich-the-student”, “Advantures of Prantsish Vyrvich-the-warrior”, “Advantures of Prantsish Vyrvich, the traitor and the Confederates”. The works of art are unified integrally through the character who is used to implement cognitive features of the world famous images (D'Artagnan, Faust). The cycle presents some indicative signs of the adventure novel and the novel of education where the reproducibility of artistic genre can be represented. The creative writer reflects the selected era profoundly and it reveals the characters of the protagonists and emphasizes cultural and educational mission of his prose.

Keywords: Novel series, the main character, the imaging system, tradition and innovation, Lyudmila Rublevskaya.

УДК 821.161.3–31.09

Ю. Н. Пасютина

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков,
УО «Витебский государственный технологический университет», г. Витебск, Республика Беларусь

НОВЫЙ «ЛИШНИЙ» ГЕРОЙ В ГОРОДСКИХ ПОВЕСТЯХ А. Н. АНДРЕЕВА

В статье анализируются повести русскоязычного писателя Беларуси А. Андреева, персонажи которых представляют собой новую, современную разновидность «лишнего» героя: это люди творческих профессий, наделенные большими, чем все остальные, умственными способностями, ищущие смысл жизни, страдающие от одиночества и не понятые обществом. Преодолеть жизненные трудности герою-личности помогает женщина тонкой душевной организации, умеющая принимать мужчину таким, какой он есть, в результате чего рождается гармония.

Ключевые слова: герой, лишний, личность, свобода, истина, ум.

Введение

Анатолий Андреев – современный русскоязычный писатель Беларуси. Решительный, дерзкий, имеющий свою собственную точку зрения на все и на всех. Характерной особенностью всего его творчества является созданная им теория персонцентризма, ярко проявляющаяся во всех его произведениях. Герой – обязательно мужчина средних лет (примерно 49–50), обладающий большим, чем остальные обыватели, чувством прекрасного, находящийся в поисках истины и смысла жизни. Это, как правило, необычный человек (своеобразный маргинал) необычной профессии (не какой-то там слесарь или инженер, а писатель или профессор) в обычных обстоятельствах. И это напоминает героя XIX – исключительного героя, так сказать, «лишнего» по тем или иным причинам в современном ему обществе, на что не раз указывали исследователи.

Так, И. С. Скоропанова подчеркивает, что «„новый лишний“ А. Андреева – умный, мыслящий человек, представленный как дефицитная фигура современного массового общества. Настолько дефицитная, что оказывается маргиналом» [1, с. 6]. Отличительными признаками умного человека, согласно теории писателя, являются высокий уровень интеллектуального развития и способность к самостоятельному аналитическому мышлению. И. С. Скоропанова объясняет «невписываемость» героя в социум его умственной превосходностью, так как «самостоятельный ум так же редок, как талант, и, как правило, обречен на непонимание, отторжение, интеллектуальное одиночество» [1, с. 11]. О. Ф. Таланцева определяет героя А. Андреева как «элитарную личность», и здесь речь идет о «духовной элите или меритократии – «элите знания», интеллектуальной и творческой элите – писателях, философах, ученых и др.» [2, с. 25]. Драму такого героя литературовед видит прежде всего в несовместимости его культурных установок с «притязаниями и культурными установками остальной массы людей» [2, с. 30].

Сам автор многочисленных романов, повестей и рассказов неоднократно указывал на то, что главное действующее лицо в его произведениях – Личность, а в центре внимания – отношения мужчины и женщины. Роль женщины, несомненно, значима: возвысить мужчину, создать из только начавшего прозревать «полуфабриката» Настоящего Мужчину. Конечная же цель конфликта между мужчиной и женщиной – обретение счастья.

В статье мы рассмотрим, каким образом развивается характер, происходит становление героя-Личности в городских повестях А. Андреева «Пустота», «Одиночества печать», «Как странен я...», «Вселенная не место для печали».

Результаты исследования и их обсуждение

Одним из «исключительных» героев является профессор Лев Львович Романов (повесть «Пустота»), который вступил в противоречие с социумом в лице заведующего кафедрой Ларисой Георгиевны Державной (или просто Буддой). Герой не выносит учительства, потому как уверен, что в основе его лежит отсутствие ума, замещаемого убеждениями и приказами. Умный человек не станет повелевать и требовать повиновения, это удел слабых (глупых) людей, прикрывающихся догмами и правилами. Умный человек учит мыслить, познавать жизнь и ее законы, глупый же –

приспосаблявацца. Романов ідзе на канфлікт з Буддой яшчэ і таму, што імкнецца да свабоды, імкнецца дыстанцыявацца ад асяродка яго сацыяла, што не заўсёды ўдаецца. Як раз гэта і з'яўляецца ісцінай прычынай яго адказа ад слова «должны», якое выводзіць Льва Львовіча з сябе.

Між тым змяненні адбываюцца і дзе-то ў глыбіні душы героя: ён пачынае падозреваць, што займаецца чым-то не тым, і адчувае сябе *«каким-то не таким»* [3, с. 61]. Больш таго, Лев Львовіч адчувае прыбліжэнне пустоты, якая паступенна становіцца часткай яго, аднак ён супраціўляецца з усіх сіл, ібо б'юцца ёе. Пустота, па меру прафесара, *«крашана ў мышынны серыі колер з адценнем некаторага голубізна»*, сваяобразны образ сусвету: серыя дама, серыя сцяны, серыя неба, але жыць у гэтым серым сусвету герой не сабіраецца, а заглядваць у будучыню страшна [3, с. 71].

У момант разлада са ўсім сусветам Лев Львовіч сутыкаецца са сваёй калегай, быўшай студэнткай – Верай – і по-новому глядзіць на яе, адзначае ўпершыню *«голубовата-серыя з карычневымі крапінкамі перцінок гледа»* [3, с. 62]. Аказваецца, яны і раней сустрачаліся ў неформальнай абстаноўцы роўна год назад сьдмага лістапада, і Лев Львовіч дае імкнецца пацаловаць яе, але тады суэта не дае яму ў поўнай меры ацаніць гэту жанчыну. На гэты раз пачаўся бурны роман, Романов адчуваў, што ўсё ідзе па-другому, не так, як звычайна, яму больш не хочацца быць холостяком, не хочацца быць аднаму, не хочацца быць паглотаным пустотай. Казалася б, пачынаецца поўная сэнсава новая жыць, але сістэма ў афарміце Дзяржавы не пачынаецца ў сваенравных служачых – ім хутка знаходзяць замену. Будда (= сістэма) была ўсюды аднаковай: і на працы, і дома, а значыць крушыла ўсё на сваёй шляху, таму што сама ўжо даўно умерла. Такім чынам, мёртва сістэма кіруе жывымі думачымі або імкнецца думаць людзьмі. Чым жа можа перамагчы гэту сістэму? Любоў, нічога больш, так як ўсё астатняе – пустота.

Будучы, несумнянна, чалавек выдаючымся, адареным недужым умом, Лев Львовіч разрабаваў розныя «жыццёвыя» тэорыі. Аднай з іх з'яўляецца тэорыя «акон», у якой можна выдзяліць *«аконных барышён»* і *«аконных жаніхоў»*, высматрываючых сабе падыходную партыю ў асвабодзіўшаеся час, аднак за ўсімі гэтымі «аконнымі» адносінамі – зноў жа пустота. Герой упэўнены, што сустрэча з кожнай адрэднай жанчынай прывяртае жыць у схему. Але ў яго жыць ворвалася жанчына, сломавшая гэту схему, не ўпісавшаяся ў яе, проста-напроста вывешыла яе з строя – Вера.

Асацыіруа серыі колер з пустотай, Романов вельмі уважлівы да дэталей. Гледа Веры постанова мяняе колер, у моманты счасця яны іскрацца, переліваюцца, але неадждана для сябе ў канун Новага года Лев Львовіч аднаружыў, што ў яе гледах *«вспыхнулі золотыя кольца, переліваючыся алмазнымі інкрустацыямі»*, і ў іх зноў з'явіўся серыі фон [3, с. 112]. К сажаленню, гэта не было слукайносьцю: прашла недела пасля Новага года, але Вера не з'явілася, таму што, як акончательно панаў герой, іх адносінаы угаслі.

Вера пазвоніла лішь праз некаторае час, каб папросіць дыск з запісаным блюзом. Лев Львовіч зноа адметыў для сябе, што гледа яго жанчыны сталі серымі. Абсолютна. Пустота востражествавала зноў, яна запоўніла ўсё існаства героя. Зноа і зноа перабіраа слова, сказаныя ў іх последній веча, прафесар адчетліва панімаў, што не хоча ваврацацца *«в своё адночества, в свою пустоту, где так не хватало пустой женщины, недостойной уважения»* [3, с. 123]. С гледа зрэння героя, удел такіх людзей, як ён – наделённых разумом – «абзавестись достоинством, ведущим в пустоту», а Вера адвергла яго выбар, яго пустоту [3, с. 123].

У следуоуцый раз мы сустрачаемся з героем практычески праз год. Ён актывна бораецца са пустотай са памащю творчства: *«... снежно-белая целіна запоўняецца буквамі, і безжыццёвае прастранства ажывае. Халаднае белое поле напоўняецца буквамі, з корых складваюцца слова, в корых пульсіруа тэплыя адчуваа. Вы по-детски побеждаеа Пустоту. Великое Ничто. Кажется, сама Смерть»* [3, с. 125]. Адноіменную повесть, над когай ён прабаа, герой хоча падарыць Вера роўна сьдмага лістапада, у той день, кога яны ўпершыню сустракліся. Аднак у гэты день первая пазвоніла Вера, рашыўшая ўйці ад мужа і астацца са прафесарам наўсёгда, веа аб яны *«не оконного формата»* [3, с. 126]. Герою прышлося прыняць такой фінал і смириться са гледах Веры: яны так і асталіся серымі, але, як аказалася, гэта *«не самый плохой цвет в мире»*, і дае ён *«может заиграть красками»* [3, с. 128]. Інтарсно, што слова «должны» Лев Львовіч тае полюбів, ібо ён дабравольна выбраў «несвабоду» ад другога чалавека і вынужден ад яна заботацца.

Чым жа каасецца пустоты, та яе растворыла музыка, із *«простых компонентов когай состоаа бесконечный мегамир»* [3, с. 129]. «Музыкальнась» даннай повесть несумнянна, таму как звуки блюза раздаюцца на ўсіх яе старонах, і звучаа яны по-разному. Музыка іграе асобую ролю ў жыць героя: суправаджае яго ва ўсіх яго дэлах, памаае прымаць нааболе важныя рашення.

Блюз сочетает в себе грусть и радость, невосполнимую утрату об ушедшем и надежду на новую жизнь, отчаяние и любовь, нежность и страсть. Музыка наполняет повесть особым смыслом.

Таким образом, Лев Львович Романов обрел свое счастье, преодолел преследующую его пустоту, а его глубокая личность открылась на фоне женщины, которая смогла понять и оценить его внутреннюю силу и ум. Женщина оттенила способность мужчины к саморазвитию, размышлениям, дала толчок к творчеству. Что же касается пустоты – это все мы, наш мир, наша жизнь, то, что непременно всегда с нами. Разница лишь в том, что некоторые не замечают ее, а другие активно с ней взаимодействуют, борются или сдают ей на милость. Так или иначе, понимание пустоты заставляет человека двигаться, развиваться, да и просто жить. Личность – одна из составляющих пустоты.

Герой повести «Одиночества печать» Олег Иванович Гришин находится на распутье своей жизни. Перед нами зрелый мужчина 50 лет, редактор, который решает изменить свою судьбу, но до конца еще не знает как. Жена – это прошлое, а Евгения Вьюгина, девушка лет 30, начинает раздражать, и сейчас в глазах Олега Ивановича можно разглядеть *«что-то вроде холмов из теплого пепла и остатки еще тлеющей любви»* по отношению к ней [3, с. 130].

Итак, с одной стороны – конфликт в душе и сердце, с другой – «квартирный вопрос», который, как известно, изрядно портит людей. Собственную квартиру героя, в которой он позволил жить родителям когда-то, отец, Иван Петрович, хочет поделить между ним и его сестрой Диной – *«чемпионом по эксплуатации чувства вины»* [3, с. 142]. И здесь выясняется, что среди всех этих людей, членов своей семьи, Гришин совершенно одинок: с женой живет по инерции, взрослый сын его не понимает и осуждает, отец не слышит, а сестра Дина хочет нажиться за счет героя.

Олегу Ивановичу удалось все же отвоевать свою квартиру, где он и поселился, окончательно порвав с женой. Из разговора с сыном Никитой становится известна простая истина героя: *«... любить может только умный мужчина, и любить можно только душевно одаренную, тонкую женщину. Не обязательно, чтобы она тебя понимала; но она должна чувствовать твою правоту»* [3, с. 160]. Таков закон гармонии, ибо *«сила мужчины определяется простой мерой: насколько счастливо он прожил свою жизнь»* [3, с. 161].

Гришин неожиданно начал бегать по утрам, будто пытаясь убежать от самого себя, он заметил, что его жизнь как бы превратилась в игру, когда он перестал приспосабливаться под реальность, а сам начал строить судьбу, опираясь на свои мировоззренческие принципы.

На протяжении всего периода поиска себя героя мучает один вопрос: кто является автором выражения «одиночества печать». Его друг, профессор Александр Доброхотов, сразу же указал на своеобразную «ненормальность» героя: *«Ты – меченый, я давно это разглядел»* [3, с. 180]. Знакомый поэт Ахура, напротив, объясняет, что *«клеймо одиночества» открывает доступ «в касту избранных, которых чернь считает отверженными. И носить такое клеймо – большая честь»* [3, с. 182].

С работой начались сложности: Гришина уволили из издательства. Одинокий, всеми покинутый и непонятый, Олег Иванович заболел, неизвестно чем, но проболел все лето. В сентябре жизнь начала налаживаться: сыну стало его жалко, и он позвонил, в издательстве вновь нашлась работа, объявилась Евгения.

Такой большой промежуток времени позволил герою пережить духовный и творческий кризис, обрести себя, раскрыть себя как Личность. Не дававшие ему покоя слова «одиночества печать» превратились в название повести, которую он решился написать *«обо всех тех, кто отважился обнаружить в человеке катакомбы одиночества»* [3, с. 200]. Олег Иванович стал совершенно другим человеком, только «к пятидесяти годам, когда наступило полное и окончательное торжество дегтя, в бочке опять завелся мед», он понял, что всегда бежал от одиночества, искал любовь, *«остров стабильности»*, но не готов был в это поверить [3, с. 205]. Ему удалось найти любовь в этом мире – любовь к Евгении, но герою потребовалось немало времени, чтобы признать это.

Герой повести «Как странен я...» продолжает вереницу героев-Личностей А. Андреева. Даже эпитафия (цитата из творчества А. Грибоедова) подтверждает это: *«... а не странен кто ж? Тот, кто на всех глупцов похож?»*. В парадигме писателя странность = непохожесть = чрезмерный ум = Личность.

На этот раз трагедия Генриха Волкова-Блудилина в том, что у него, драматурга, пропали эмоции, адреналин, мотивация что-либо писать, и персонажи на страницах его пьес просто-напросто замолчали, им нечего было больше сказать. А сам он, выражаясь словами завлита «Театра современной пьесы», не соответствует «дресскоду приличного общества» и *«при несомненном таланте жутко, просто безнадежно не востребован»* [3, с. 210]. Герою не нравится угождать публике и ее дурному

вкусу, поэтому его произведения совершенно несовременные. Его пьеса «Главные слова для любимой женщины» была создана несколько лет назад, но принес он ее в театр только сейчас, надеясь на то, что в нем *«проснутся нереализованные амбиции, которые всколыхнут мотивации»*, но этого не произошло [3, с. 218]. С горечью Генрих признается сам себе: *«...личность во мне сдулась, а человек со своими простенькими потребностями не заговорил в полный голос. Оказался человеком с потенциалом zero»* [3, с. 218].

Сам герой отчетливо понимает суть проблемы: *«ум с сердцем не в ладу»* [3, с. 220]. Интересно, что Генрих рассматривает мотивацию как характеристику отношений с истиной, а амбиции – его отношения с социумом, то есть общественная мотивация, с чем у него были особенные трудности.

Как и герой предыдущей повести, Волков-Блудилин стоит на пороге нового этапа в жизни – этапа понимания Себя и своей Личности. Особенно остро в данный период времени он чувствует, что близкие люди оказались для него по разным причинам чужими, а все остальные более или менее значимые люди в жизни героя начали *«жить по каким-то иным правилам, которые превращали его в отдельно живущее существо. В особь»* [3, с. 222]. Неожиданно для самого себя Генрих становится абсолютно одиноким: от него отвернулись знакомые и родные: вдруг *«перестал быть хорошим гражданином»*, а он просто больше не делал «вид», что общается [3, с. 224].

Единственный звонок девушки-режиссера Насти Хлопушиной перевернул всю дальнейшую жизнь героя: она решила поставить его пьесу. В Волкове-Блудилине наконец пробудилась мотивация. Несмотря на то, что спектакль не состоялся из-за разногласий с главным режиссером, герой нашел свою любовь в лице Насти – они понимали и чувствовали друг друга, и, кроме того, Хлопушина так же, как и драматург, была уверена, что жить без любви невозможно. Они оба полагают, что любовь существует, и поиски этой истины их сближают, но также признают, что любовь – это большая ответственность, а признаться в любви – взять эту ответственность на себя.

Генрих Волков-Блудилин уверен, что к любви надо подготовиться, заслужить ее, любовь приходит *«на закате дней, особенно к людям умным»*, ведь именно тогда, *«через 50 лет жизни человека мужского пола»* зарождается личность [3, с. 247]. Что же касается женщин, то их он делит на *«спутниц жизни»* (жена, его подруга Лидия и все другие, которые во всем ищут не истину и красоту, а пользу) и *«женщин на все времена»* [3, с. 241]. Женская сущность Насти оказалась намного глубже, чем думал герой, она оказалась одной из *«женщин на все времена»*. Согласно рассуждениям героя, *«для любви необходимы венцы творения: умный мужчина и тонко чувствующая женщина, ибо любовь – это «удел великих личностей»* [3, с. 256]. Саму же любовь Генрих характеризует как *«эмоционально-психологическую ипостась истины, свободы, творчества и счастья»* [3, с. 257].

Подарок сына в знак примирения с отцом – лотерейный билет – полностью решил проблемы Генриха Волкова-Блудилина: он выиграл квартиру, в которой поселилось счастье. Любовь тем не менее не смогла сосуществовать вместе с творчеством, так как оно рождалось из жизненных неурядиц, трагической убежденности в невозможности счастья.

Генрих поверил в себя, раскрыл свое сердце и принял в него любовь, ответственность за которую он боялся взять 50 лет. Именно женщина помогла ему почувствовать это.

Герою повести «Вселенная не место для печали» также посчастливилось встретиться с удивительной девушкой – мечтой его жизни. Герман Алексеевич Титов – необычный человек редкой профессии – космический художник. Его всегда интересовала вселенная, ее модель и как она устроена. На своих картинах он с достоверной точностью передавал ощущения, краски, атмосферу космоса, за что его неизменно уважали.

В личной жизни, однако, он не был столь удачлив: пришлось растить сына одному, без жены, но герой никогда не терял надежды устроить эту часть своей жизни и верил в чудо. Будучи мечтателем, Герман Алексеевич всегда представлял, как держит за руку женщину в красивом облегающем платье. В уме он примерял это несуществующее платье на встречающихся ему женщин, но, к сожалению, платье *«по-прежнему оставалось без хозяйки»* [3, с. 283]. Титов был потрясающим мужчиной: *«женщины рядом с ним чувствовали себя женщинами»*, а к детской принципиальности он относился очень трепетно и *«никогда не путал ее с капризами»*, однако женщины с детьми ему категорически не подходили, а выдуманное платье им никогда не шло [3, с. 284].

В канун Нового года Герман Алексеевич решил порадовать невестку и купить в подарок необычное платье. Герой был уверен, что дело вовсе не в платье, а в особом выражении глаз, в их блеске, к которому и следует подбирать наряд. Так, в поиске платья Герман и увидел ту самую женщину, женщину его мечты, «на все времена», девушку возраста его сына. Да и платье оказалось не платьем, а жакетом с юбкой.

Вскоре состоялась их вторая судьбоносная встреча: неожиданно Герману Алексеичу достались билеты на Бал во Дворец Республики (заболела невестка), Нина (женщина, с которой герой встречался уже несколько лет) также не смогла пойти, и Титов решил пойти один. Оказалось, что девушку зовут Ева – «женщина на все времена», а фамилия у нее Круглова, что символично для героя: ассоциация с яблоками, похожими на «звезды, такие же круглые и зеленоватые» [3, с. 296]. Герман Титов – второй космонавт и Ева Круглова – звезда, бесконечная Вселенная. Единственное препятствие – возраст: Еве 21 год, а герою ровно в полночь 31 декабря исполнилось 49 лет.

Вопреки здравому смыслу, Герман Алексеич влюбился, он удивительно тонко чувствовал Еву, угадывал каждое ее движение, хотя сознавал, что наступило время отказаться от любви, но не смог и решил сделать ей предложение.

Общество такую любовь не поддержало: папа девушки Бронислав Леопольдович не хочет знать о Вселенной и ее частицах, о судьбе и предназначении, он не уверен, сможет ли художник содержать его дочь. Отец допускает, что такая связь имеет право на существование, но на это нужны деньги, тем более у него самого есть молодая женщина на стороне, но из-за финансового вопроса он не в состоянии уйти от жены.

Невероятным способом Герман Алексеич достает деньги – 73 тысячи долларов и приносит их Брониславу Леопольдовичу на исполнение его мечты, однако они ему не понадобились, ведь это была не настоящая любовь, предначертанная небесами.

Герой потерял свою возлюбленную: ее заставили выйти замуж за другого, а для Титова наступила пустота. Эта ситуация напомнила герою Вселенную: «...она продолжает существовать, несмотря на проблемы человека. Так и с любовью. Гибель чего-то одного становится рождением чего-то другого ...это и есть формула бесконечности» [3, с. 361].

Герман Алексеич Титов чувствовал, что у него украли жизнь и будущее, его наказание в том, что он не сможет прожить ту жизнь, которая ему предназначалась. Герой проиграл сражение с обществом, не смог сохранить истинную любовь, но не сдался, не сломался, а стал лишь сильнее и мудрее.

Что же касается денег, то он анонимно передал их на открытие детского центра космического творчества. Смерть любви стал рождением гармонии и добра в мире.

Выводы

Таким образом, изучив городские повести А. Андреева, мы не можем не согласиться с утверждением, что произведения этого писателя можно рассматривать как «авторский макротекст», то есть «написанное воспринимается автором как единый текст, и каждое отдельно взятое произведение можно лучше понять в соотносении со всем остальным» [1, с. 9]. Исходя из этого, мы позволим себе сделать несколько выводов:

1. Главными действующими лицами в повестях «Пустота», «Одиночества печать», «Как странен я ...», «Вселенная не место для печали» являются сильные духом мужчины (Лев Львович Романов, Олег Иванович Гришин, Генрих Волков-Блудилин, Герман Алексеич Титов).

2. Писатель подчеркивает, что стать Личностью и, соответственно, испытать настоящую любовь может только мужчина, но не любой, а наделенный способностью мыслить, рассуждать, разграничивать такие категории, как истина – добро – красота. Обладание недюжинным умом несет определенные неудобства для героев: часто их не принимает и не понимает общество. Как следствие, они остро испытывают чувство одиночества и пустоты, становятся своеобразными изгоями лишними. На некую избранность и неординарность указывают и их профессии: редактор, писатель, драматург, художник. Все это позволяет говорить о продолжении в творчестве А. Андреева традиции создания «лишнего героя», но по-новому, в современном нам обществе, живущего среди нас. Необходимо подчеркнуть, что возраст для такого героя также важен. По Андрееву, Личностью стать в молодые годы невозможно, поэтому все его герои описаны в зрелом возрасте: как правило, им 49–50 лет, а это время расцвета человека, обретения им определенных установок и ценностей, а главное – свободы.

3. Женщина играет главную роль в становлении мужчины как Личности. Речь идет о «правильной» женщине, тонко и глубоко чувствующей мужчину, поддерживающей и боготворящей его, безусловно принимающей его истину и свободу. Только при встрече с такой женщиной мужчина обретает себя и полностью раскрывается. В творчестве писателя можно выделить несколько категорий женщин: жена, или «спутница жизни» (обычно живет своей жизнью, не «пересекается» с героем и оказывается впоследствии чужой), «оконные барышни» – женщины, занимающие временную позицию в сердце и жизни героя, и «женщины на все времена» – способные возвысить мужчину и дать ему настоящую любовь.

4. Любовь – это гармония между мужчиной и женщиной, это участь лишь великих одаренных умом Личностей. Любовь, по мнению А. Андреева, это эмоционально-психологическая ипостась истины, свободы, творчества и счастья.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Скоропанова, И. С. Концептуальная парадигма прозы Анатолия Андреева : книга монографических статей / И. С. Скоропанова ; Белорус. гос. ун-т, Филологический фак., каф. русской литературы. – Минск : БГУ, 2015. – 135 с.

2. Таланцева, О. Философия элитаризма в прозе Анатолия Андреева : монография / О. Таланцева. – Минск : Изд. центр БГУ, 2012. – 240 с.

3. Андреев, А. Н. Вселенная не место для печали : повести / А. Н. Андреев. – Минск : Маст. літ., 2013. – 366 с.

Поступила в редакцию 18.03.2019

E-mail: yuliya.pasiutsina@mail.ru

Y. N. Pasiutsina

NEW “SUPERFLUOUS” HERO IN A. N. ANDREEV’S CITY STORIES

The stories of A. Andreev, a Russian-speaking Belarusian writer, are analyzed in the article. The characters of the stories are “superfluous” heroes i.e. they are people of creative professions, who have more mental capacity than everyone else has. Such heroes look for the meaning of life, suffer from loneliness and they are not understood by the society. A woman of delicate sensibilities, who is able to accept a man as what he is, helps him to overcome such difficulties and as a result harmony is born.

Keywords: a hero, superfluous, personality, freedom, truth, intelligence.

УДК 811.161.1'373.7

А. Н. Столярова

Аспирант кафедры белорусской и русской филологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь
Научный руководитель: Кураш Сергей Борисович, кандидат филологических наук, доцент

ОБ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ НЕОФРАЗЕМ

В статье описывается влияние экстралингвистических факторов на появление новых фразеологических единиц. Сферы, оказывающие существенное влияние на активное фразообразование в медийных источниках, функционирующих на территории Республики Беларусь, – это политика, экономика, инновационные технологии, общественные отношения. На данный момент выделяются некоторые продуктивные компоненты неофразем, обладающие высокой активностью употребления: электронный / цифровой / зеленый / облачный и др. В процессе образования неофразем преобладает принцип коммуникативной целесообразности.

Ключевые слова: неофразема, экстралингвистические факторы, неологизация, фразообразование, язык СМИ.

Введение

Динамические явления в языке и фразеологии в том числе обусловлены во многом экстралингвистической ситуацией, сложившейся в данный период времени на данном языковом пространстве. Политические, экономические, социальные, культурные процессы неизбежно оставляют свой след в языке, служат его обновлению, приспособлению к новым реалиям, ведь «язык живет во времени (имеется в виду не абстрактное время, а общество определенной эпохи), но и время отражается в языке» [1, с. 4]. Основа для изменений, как пишет Н. С. Валгина, заложена в самом языке, однако именно «под воздействием внешнего социального фактора приходят в движение внутренние ресурсы языка, наработанные внутрисистемными отношениями, которые прежде не были востребованы по разным причинам...» [1, с. 12]. На обусловленность языковых изменений внутренними и внешними факторами указывает и Н. Ф. Алефиренко: «Неологизация фразеологического корпуса современного русского языка – это не только деривационные процессы в его системе, но ещё и творческая, созидательная деятельность перестраивающегося языкового сознания, его приспособление к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная номинативная реакция языка на стремительные изменения в социокультурном пространстве нашего общества» [2, с. 226–227].

Е. В. Сенько [3] называет следующие экстралингвистические факторы, обуславливающие неологизацию языка:

- идеология и социальная структура общества;
- форма организации производства, производственных сил и производственных отношений;
- социальные факторы научно-познавательного значения – макро- и микросоциальные факторы, относящиеся к естественным, общественным и техническим наукам;
- социальные факторы эстетического плана.

Н. Ф. Алефиренко [2, с. 227–229] считает, что внеязыковыми факторами возникновения новых фразем служат:

- 1) социальные и политические события;
- 2) урбанизация;
- 3) криминогенные факторы;
- 4) масс-медийные источники;
- 5) социальные диалекты.

Наша цель – рассмотреть проявление данных факторов на материале неофразем, используемых в Интернет-изданиях белорусских СМИ, и выявить сферы наиболее активного фразообразования в современной Беларуси. Язык публицистики выбран для этой цели по нескольким причинам. Во-первых, и это особенно важно в свете анализа неологических явлений, он по своей важнейшей функции – доносить оперативную информацию – актуален и соответствует настроению общества. Во-вторых, язык СМИ экспрессивен, т. к. стремится воздействовать на аудиторию, даже манипулировать

ею. В связи с этим употребление неологизмов и неологизмов как новых способов заострения внимания читателя и удержания его становится необходимостью. Он динамичен по своей сути, поэтому гибок и подвижен, легко впитывает любые новации.

Неологизмы как новые единицы, возникающие при памяти живущего поколения, характеризуются мотивированностью и выводимостью значения, поэтому мы рассматриваем объем неологизмологии в широком понимании и относим к ней единицы, обладающие следующими признаками: раздельноформленность, номинативный характер, семантическая целостность и семантическая осложненность, устойчивость и воспроизводимость. При этом для наиболее полного охвата вновь возникающих единиц мы считаем возможным отнесение к неологизмологии сочетаний, не обладающих необходимым уровнем устойчивости и воспроизводимости, еще полностью не прошедших процесс фразеологизации. Такие единицы мы рассматриваем как явления фразеологической переходности.

Источником материала для исследования послужили публикации Белорусского телеграфного агентства [4] и газеты «Беларусь сегодня»[5].

Результаты исследования и их обсуждение

Несомненно, политико-экономическое состояние страны находит широкое отражение в ежедневных публикациях на самые различные темы. Огромное количество передаваемой информации нацелено на читателей, которые в большинстве своем не владеют специальной экономической или политической, юридической терминологией. Задача журналиста – подать сведения так, чтобы они были не просто понятны, но и интересны, близки читателю. Лучшим средством для этого является фразеология, которая позволяет описать новое с опорой на уже знакомые, понятные концепты.

Так, неологизмы *короткие депозиты, длинные вклады, семейный капитал, ловушка бедности, пенсионная ловушка, внешние шоки, таежный союз, желтые жилеты, хромяя утка, слепые покупки, переходить на коммерческие рельсы, индустриальный парк, железобетонный коридор, снять заборы, красный директор, черные лебеди, финансовое оздоровление, амнистия капитала, налоговый маневр, портфельный инвестор, регулятивная песочница* дают возможность кратко передать сложное понятие таким образом, чтобы в контексте статьи его понимание не вызвало затруднений и двусмысленности. Семантическая емкость неологизмов в сочетании с повышенной экспрессивностью делают их ценным материалом для использования в текстах, особенно в заголовках, основная цель которых – привлечь и удержать внимание читателя. Так, заголовок *О феномене смомби, или «мертвых ходках»* вызывает интерес к содержанию статьи и побуждает к дальнейшему чтению. Из контекста значение выражения *мертвый ходок* становится ясным – ‘человек, который идет, уткнувшись в телефон, и ничего не замечает вокруг себя’. В данной неологизме совмещается номинативная (называние явления) и экспрессивная (выражение неодобрительного отношения) функции. Можно говорить и о текстообразующей функции описываемой единицы – автор употребляет ее перед основным текстом публикации, и дальнейшая структура статьи служит объяснению употребления неологизма.

Существует тенденция к активизации неологизмов с компонентом *война*. Многие возникающие конфликты, спорные вопросы авторы публикаций в СМИ предпочитают описывать с использованием этой лексемы, ведь она семантически насыщена, выразительна, символична, что для языка публицистики крайне ценно, поскольку позволяет создать в тексте акцент, смысловый центр. Показательны в этом отношении неологизмы *торговая война, санкционная война, информационная/сетевая война, молочные/мясные войны, локтевые войны*.

Возникают и неологизмы экспрессивного характера, используя которые говорящий/пишущий выражает свое отношение к предмету речи:

✓ *Жировать за счет денег людей недопустимо ни для кого! ... Он был туда назначен, чтобы без ведомственного подхода решить эти вопросы, разложить затраты своего ведомства и **убрать весь лишний жир*** [4].

✓ *Красноречивым ответом стало то, как американский президент разыграл перед телекамерами мизансцену, которую уже назвали «**перхотной дипломатией**». Смахивая невидимую пылинку с плеча Макрона, он сказал, что надо сделать французского президента «более совершенным»* [5].

✓ *Все аргументы уклонистов и поддерживающих их «**диванных комментаторов**» сводятся, в конце концов, к неохоте вылезать из какого ни есть комфорта и детскому «не хочу»* [5].

Огромный импульс развитию неологизмологии придало расширение сферы употребления информационных технологий (ИТ). Подписанный в декабре 2017 г. Декрет «О развитии цифровой

экономики» способствовал появлению ряда новых понятий и связанной с этим фразеологизации целого пласта устойчивых сочетаний, которые теперь надежно внедрились в наше языковое сознание и активно используются как в устной, так и в письменной речи.

В *цифровой реальности* растет новое *цифровое поколение*, которое учится в *цифровых университетах* и пользуется *цифровыми зачетками*. В школах внедряются *облачные классы*, где учатся по *электронным учебникам*, отметки выставляются в *электронные журналы и дневники*. В целом, *цифровая грамотность* населения растет: люди пользуются *электронными ресурсами*, ставят *цифровые подписи*, стоят в *электронных очередях* и берут у врача *электронные рецепты*. *Майнинговые фермы* сейчас больше на слуху, чем привычные мясо-молочные фермы, а *майнить биткойны и криптовалюту* – желание многих школьников.

Из приведенных примеров видно, насколько продуктивными стали компоненты *электронный/цифровой*, причем их фразеологизация проходит крайне быстрыми темпами: едва успев появиться для обозначения новых, ранее не существовавших реалий, они подхватываются СМИ и внедряются в широкое употребление.

Другой значительный пласт неофразем, связанных с ИТ и тиражируемых в белорусских СМИ, относится к использованию сети Интернет рядовыми пользователями. Наиболее частотными здесь являются единицы, описывающие действия в социальных сетях: *сидеть/зависать в соцсетях, выложить в сеть, залить на you-tube, ставить лайки, заблокировать страницу, удалить из друзей, залезть на Фейсбук, запостить в сториз, в открытом доступе, быть онлайн/офлайн, крутить ленту, серфить в нете, скинуть ссылку, отправить в бан, скачать приложение, подписаться на рассылку, привязать страницу*.

В связи с утвержденным *Положением о порядке предварительной идентификации пользователей интернет-ресурса, сетевого издания* активизировалось употребление фраземы *открыть личико* в значении ‘зарегистрироваться’: «С сегодняшнего дня всем, кто пишет сообщения и комментарии на всевозможных белорусских форумах, придется открыть “личико”» [5].

Представляется заслуживающей внимания неофразема *мертвые френды* ‘незнакомые люди, числящиеся в списках друзей в соцсетях’: «Ума не приложу, кто все эти люди, с которыми мне выпало счастье стать друзьями, и для чего нам это взаимное присутствие на страницах друг друга. Скорее всего, для статистики. Хотя «мертвые френды» – это наименьший из вывихов Фейсбука и самый безболезненный» [5]. Компонент *мертвый* здесь употреблен в значении ‘неактивный, бездействующий’, так можно описать человека, с которым не ведется общение в сети. Компонент же *френд* является варваризмом – заимствованием из английского языка, которое не переводится, а используется в транскрибированном виде.

Тенденция к использованию варваризмов в настоящее время очень сильна и в лексике, и во фразеологии (*хайли лайкли, поколение Ni-Ni, пил хавает, запостить в сториз*). Зачастую подобные лексемы и фраземы изобилуют в СМИ. В целом, как эту ситуацию обрисовал В. М. Мокиенко, «исследователи подчёркивают интенсивность демократизации языковой системы, расшатывание литературных норм, неуправляемый поток переименований, жаргонизацию и внедрение иноязычных заимствований» [6, с. 22]. Можно предположить, что это связано с «языковым вкусом эпохи», ведь, по выражению В. Г. Костомарова, «нельзя, однако, не считаться и с торжествующей модой, с настроением людей. Нельзя не считаться и с сегодняшним вкусом на изменение, на отказ от привычного или, по крайней мере, на вариативность: даже такие новшества, противоречащие русской языковой системе, скорее будут восприняты, нежели отторгнуты» [7, с. 26].

Обращает на себя внимание тот факт, что в первой группе неофразем, связанных с ИТ, преобладают субстантивные неофраземы, а во второй – неофраземы с процессуальным значением, где глагол становится ключевым элементом. Вероятно, это можно объяснить тем, что для называния традиционно употребляются существительные (что является новым? что образуется?), в то время как реальное использование сети Интернет связано с действиями пользователя.

Еще одной важной сферой, оказывающей активное влияние на формирование неофразем, является социальная. Новые тенденции развития общества непременно находят свое воплощение и в языке. Так, стремление к экологичности породило неофраземы типа *зеленая экономика, зеленые технологии, зеленый газ, зеленое сельское хозяйство*, разработан проект “*Зеленая карта Беларуси*”, существует *Белорусский зеленый крест*. Компонент *зеленый* в них используется в значении ‘благоприятный для окружающей среды, органический’. Для социализации людей с ограниченными возможностями развивается *безбарьерная среда, инклюзивное образование*, открываются *тихие кассы*. Обычным явлением современности стали *кризисные комнаты*, в стране функционируют три *детские деревни*, в которых работают *SOS-мамы*.

Частью социальной сферы является медицина. Происходит переосмысление многих ее терминов и формирование на их основе новых фразеологизмов. Так, *хронический артрит* стал *хроническим завтритом* – в неофраземе отчетливо прочитывается название известного заболевания, и потому ее внутренняя форма с легкостью интерпретируется читателем. Кроме понятности, неофразема обладает и экспрессивностью, ведь компонент *хронический*, употребленный вне сферы медицины, звучит иронично и позволяет считать неодобрительное отношение говорящего. А лексема *завтрит*, основанная на термине *артрит* и не существующая в языке вне данного сочетания, неизбежно добавляет выразительности, и в итоге неофразема, помещенная к тому же в подзаголовке статьи, является эффектным и красочным средством привлечения внимания читателя: *Хронический «завтрит»: о нашей привычке откладывать жизнь на потом* [5].

Стремление хорошо выглядеть, быть моложе своего биологического возраста вылилось в появление понятия *уколы красоты*, а прогресс в развитии медицинских технологий привел к тому, что *Человечество стоит на пороге того момента, когда на свет начнут появляться так называемые дизайнерские дети* [5] – родители будут иметь возможность ‘отредактировать’ внешность своих будущих детей.

Выводы

Перечисленные источники активного фразеобразования не являются исчерпывающими – свой вклад в увеличение количества неофразем вносят все сферы деятельности человека. Однако наиболее продуктивными являются политика, экономика, сфера информационных технологий и Интернет-общения, образование, медицина. Таким образом, такие внеязыковые факторы, как всеобщая компьютеризация и информатизация, социально-ориентированная политика государства, рост влияния экологического движения, реформы в сфере образования, развитие индустрии красоты, возникновение новых технологий и др. стимулируют появление новых фразеологических единиц. Причем представляется возможным выделение ряда компонентов, обладающих повышенной фразеобразовательной активностью, – таких, например, как *электронный / цифровой / инновационный / зеленый / умный / облачный* и т. д. В ряде случаев авторы обращают внимание читателя на семантическую осложненность новых фразеологических сочетаний, используя кавычки или выражение *так называемый*.

Невозможно не согласиться со словами В. М. Мокиенко: «Наиболее общей доминантой современного состояния русского языка ... следует признать его интенсивную динамизацию. Она проявляется в виде трех основных тенденций – неологизации (новеллизации), экспрессивизации и демократизации» [6, с. 22]. Новая фразеология отвечает всем трем названным тенденциям, будучи крайне востребованной в нашу эпоху глобализации и информатизации, когда необходимо быстрое и адекватное обозначение появляющихся реалий. Кроме того, нужно отметить, что «изменился языковой вкус общества, общественное отношение к языку из идеологическо-державного стало коммуникативным» [7, с. 279], основополагающим становится принцип коммуникативной целесообразности, что еще более способствует росту числа неофразем не только номинативного, но и экспрессивного характера.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
3. Сенько, Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект / Е. В. Сенько. – СПб. : Наука, 2007. – 355 с.
4. Белорусское телеграфное агентство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/>. – Дата доступа: 23.03.2019.
5. Издательский дом «Беларусь сегодня» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sb.by>. – Дата доступа: 23.03.2019.
6. Мокиенко, В. М. Динамические тенденции в современном русском языке / В. М. Мокиенко // Записки Горного института / Санкт-Петербургский государственный горный университет. – СПб., 2011. – Т. 193 : Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе. – С. 21–24.

7. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа / В. Г. Костомаров. – Издание третье, испр. и доп. – СПб. : “Златоуст”, 2015. – 320 с.

Поступила в редакцию 01.07.2019

E-mail: stolyarova_an@mail.ru

A. N. Stolyarova

ON THE EXTRALINGUISTIC CAUSATION OF NEOPHRASEMES

The article describes the influence of extralinguistic factors on the emergence of new phraseological units. Spheres that influence active phrase-formation in media sources functioning on the territory of the Republic of Belarus are politics, economics, innovative technologies and social relations. At present time some productive neophraseme components having a high frequency of usage are distinguished: *electronic / digital/ green / cloud, etc.* The principle of communicative usefulness dominates the process of neophraseme formation.

Keywords: neophrasemes, extralinguistic factors, neologization, phrase formation, language of mass-media.

УДК 821.161.3

А. У. Сузько

Кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры беларускай і рускай філалогіі,
УА “Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна”,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ КАРЦІНА СВЕТУ Ў БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ ТРАДЫЦЫІ ХІХ СТАГОДДЗЯ

У артыкуле разглядаецца адметнасць рэканструкцыі нацыянальнай карціны свету ў айчынай літаратуры ХІХ стагоддзя. Аналізуецца спецыфіка мастацкага выяўлення міжэтнічных адносінаў і станаўлення нацыянальнай свядомасці, адметнага беларускага погляду на свет у творчасці такіх аўтараў, як У. Сыракомля, В. Дунін-Марцінкевіч, Ф. Багушэвіч і інш. Падкрэслена, што для ХІХ стагоддзя былі характэрны развіццё самабытнай культуры, інтуітыўнае адчуванне этнічнымі беларусамі сваёй адметнасці.

Ключавыя словы: нацыянальная карціна свету, літаратурная традыцыя, мастацкі вобраз, этнас, народ, культура, рэпрэзентацыя, самасцвярджэнне.

Уводзіны

ХІХ стагоддзе было вырашальным для беларускай грамадска-палітычнай і культурнай думкі ў плане фарміравання нацыянальнай самасвядомасці, усведамлення беларусамі сябе адметным этнасам, народам з годнай і вартай павагі і пашаны культурай, цікавым і самабытным мінулым. Гістарычна так склалася, што са станаўленнем нацыянальнага вобраза свету ў беларусаў усё было больш складана, чым у іншых народаў. Абумоўлены гэты аспект нацыянальнага быцця, фарміравання нацыянальнага светапогляду, адметнай карціны быцця і мыслення быў гістарычна-сацыяльнымі абставінамі, якія склаліся на Беларусі на працягу папярэдніх стагоддзяў, дыскрэтнасцю паўнацэннага беларускага жыцця. Невыпадкова ў айчынай літаратурнай традыцыі ХІХ стагоддзя знайшла адлюстраванне адметная рэцэпцыя прадстаўнікамі беларускага этнасу сябе саміх і прадстаўнікоў іншых народаў, дэтэрмінаваная якраз своеасабліваасцю гістарычнага лёсу беларусаў і характарам іх узаемадачыненняў з народамі-суседзямі і з тымі, хто ў выніку адсутнасці ўласнай нацыянальнай айкумены “асеў” на беларускіх землях. Праблема станаўлення нацыянальнага самаўсведамлення, адчування беларусамі свайго быцця як арганічнай часткі вялікага свету і адначасова самабытным этнасам актуалізаваны ў творчасці такіх айчынных аўтараў ХІХ стагоддзя, як У. Сыракомля, В. Дунін-Марцінкевіч, Ф. Багушэвіч і інш. Творчасць кожнага з іх рэпрэзентуе адметныя тэндэнцыі паступовага складвання нацыянальнага вобраза свету. Выяўленне адметнасці мастацкай рэканструкцыі нацыянальнага вобраза свету ў беларускай літаратурнай традыцыі ХІХ стагоддзя з’яўляецца мэтай нашага даследавання. Нягледзячы на наяўнасць асобных даследаванняў С. Андраюка, А. Бельскага, Г. Гачава, П. Кошмана, З. Мельнікавай, С. Шашуновой і інш., азначаная праблема застаецца недастаткова распрацаванай.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

На працягу амаль 300 гадоў беларускія землі былі ў складзе такога магутнага дзяржаўнага ўтварэння, як Рэч Паспалітая. Для фарміравання нацыянальнай свядомасці, дакладней для ўскладнення абставінаў і варункаў яе складвання, гэта мела лёсавызначальнае значэнне. Таму нават пасля трох падзеяў Рэчы Паспалітай і далучэння да Расійскай імперыі вобраз адзінага краю, адметны еўрапейскі менталітэт, свабодалюбівыя памкненні і мары пра адраджэнне былой Польшчы не зніклі са свядомасці жыхароў «Паўночна-Заходняга краю», сталі ключовай ідэяй беларускай літаратуры і грамадска-палітычнага руху ХІХ стагоддзя. Пачатак ХІХ стагоддзя стаў для беларусаў свайго роду перыядам абуджэння нацыянальнага гонару і асацыіраваўся найперш з нацыянальна-вызваленчай барацьбай, але поўнага разумення адзінства народа, лёс якога часова быў звязаны з лёсамі іншых народаў у складзе Рэчы Паспалітай, пакуль яшчэ не было.

Асабліваасцю беларускай літаратуры ХІХ стагоддзя стала яе двухмоўнасць. Гэты перыяд у ёй звязаны з дзейнасцю беларуска-польскіх паэтаў рамантычнага складу мыслення. Народжаныя

на тэрыторыі Беларусі, этнічныя беларусы, яны пісалі свае творы на польскай мове, але фактычны матэрыял, вобразы, матывы бралі з роднай зямлі, яе багатага фальклору, гісторыі і культуры. Аднак беларусамі пакуль сябе не лічылі, іменаваліся «ліцвінамі» ў памяць аб былой магутнасці Вялікага Княства Літоўскага і аб залатым стагоддзі беларускай культуры. З другога боку, пачынаюць узнікаць і творы на беларускай мове.

Канцэптуальна нацыянальны вобраз свету гэтага часу адлюстраваны ў творчасці Уладзіслава Сыракомлі (Людвіка Кандратовіча). Паэт выходзіў сярод прадстаўнікоў дробнай шляхты і добра ведаў быт і патрэбы «божага люду», як ён называў у сваіх творах беларускіх сялян. У адрозненне ад іншых беларуска-польскіх паэтаў-рамантыкаў, У. Сыракомля ўсё сваё жыццё пражыў у Беларусі і толькі зрэдку выязджаў у Польшчу. Таму вобразы, матывы, тэмы і праблемы яго творчасці былі сфарміраваны менавіта беларускай сацыяльна-гістарычнай рэчаіснасцю і культурнымі традыцыямі. П. Р. Кошман мяркуе, што «традыцыйная вартасць мастацкага твора – перадаваць унікальнасць досведу той краіны, той нацыі, да якой належыць яго аўтар» [1, с. 34]. У сваіх творах У. Сыракомля не выходзіў за межы беларускага кантэксту, але выяўляў яго па-польску. Нягледзячы на знешнюю форму яго вершаў, выкарыстанне польскай мовы, дух беларускасці, разуменне самой сутнасці беларускага быцця выяўлены ў яго творах. Паводле Г. Тычко, «У. Сыракомля вылучаўся найбольш ярка выяўленай і неаднаразова падкрэсленай у шматлікіх творах свядомай устаноўкай на духоўны рэгіяналізм» [2, с. 8]. Менавіта ў гэтым духоўным рэгіяналізме пісьменніка і быў заключаны комплекс яго ўяўленняў пра сябе як пра беларуса, пра навакольны свет, пра прадстаўнікоў іншых нацый.

Успрыманне беларусаў і іх зямлі ва У. Сыракомлі знарок прыземлена-бытавое, канкрэтна-матэрыяльнае. Для яго Беларусь не духоўная інстанцыя, а тое, што блізка, зразумела, у самых звычайных дробязных бытавых праявах. А беларус – працаўнік і бядак. Айчына, паводле У. Сыракомлі, – гэта сцены роднай хаты, стары дах, пакрыты саломай, загон жыта і галодны беларус, які не шукае нечага звышнатуральнага, а жывіцца тым, што расце на яго полі. Усё проста і не ўражвае асаблівым эстэтызмам і інтэлектуальнасцю: «*З адных круглякоў твае злеплены хаты. // І мох зелянее па стрэхах гарбатых. // А люд над страхом тут просты зазвычай, // Што многім здаецца: да трох ён не злічыць*» [3, с. 29]. Паэт пратэстуе супраць спрошчанага, аднабаковага ўспрыняцця свайго народа іншымі, спрабуе абвергнуць стэрэатып у іх успрыманні і паказвае прыгажосць і глыбіню душы простага мужыка, які традыцыйна асацыяваўся з тыповым беларусам, што збліжае тыпалагічна яго мастацкія пошукі з Ф. Багушэвічам. У. Сыракомля ўступае ў палеміку з тымі, хто лічыў беларускага мужыка забітым і цёмным, заклікае не «абмінаць сэрца толькі за тое, што яно б'ецца пад аўчынным кажухом, абмінаць прадзедаўскую пачцівасць, наіўную веру і іншыя добрыя якасці вяскоўцаў». Беларус у мастацкім адлюстраванні У. Сыракомлі паўстае найперш чалавекам з вялікім пачуццём уласнай годнасці, але нацыянальнасць сваю ён пакуль яшчэ не ідэнтыфікуе.

Спраба нацыянальна-культурнай рэпрэзентацыі, мастацкага выяўлення душы беларускага народа, яго ўяўленняў пра свет уласцівы У. Сыракомлю, калі ён паказвае прыгажосць і своеасаблівасць айчынных абрадаў, самабытнасць вясковага побыту і маральна-этычных нормаў народа і шляхты. Усё, пра што б ні пісаў У. Сыракомля, успрымаецца ім праз прызму жыцця беларускага краю, усё працуе на выяўленне нацыянальнай беларускай свядомасці ў яе найбольш дэмакратычным варыянце. Але У. Сыракомля і яго лірычны герой пакуль яшчэ называюць сябе «ліцвінамі». Успрыняцце ліцвінскага быцця, саміх ліцвінаў у паэта даволі крытычнае, ён найперш пратэстуе супраць сацыяльнай пасіўнасці беларускай шляхты, няздольнай вырашаць свой лёс і лёс свайго краю: «*Сорамна мне, што я ліцвін, што маю герб у пячатцы...*» [3, с. 41].

Характэрна, што ў беларускай літаратуры першай паловы XIX стагоддзя беларус, беларускае быццё паказваюцца ў кантэксце агульначалавечага, а дакладней, агульнаславянскага быцця і не вылучаюцца як унікальная сацыяльна-нацыянальная з'ява. Да ўсведамлення сваёй беларускасці народ яшчэ не дайшоў, бо не меў магчымасці жыць у сваёй уласнай дзяржаве і не адчуваў сябе паўнапраўным гаспадаром. Пакуль ён ідэнтыфікуе сябе і прадстаўнікоў іншых народаў на ўзроўні «свой – чужы», «тутэйшы – немясцовы».

Сітуацыя дыскрэтнасці, перарывістасці развіцця айчыннай літаратуры як выяўлення нацыянальнага духу і рэпрэзентацыі сябе ў культурным свеце была абумоўлена драматычнымі гістарычнымі падзеямі: закрыццё Віленскага ўніверсітэта, адной з лепшых навучальных устаноў таго часу, дзе якраз фармавалася нацыянальная інтэлігенцыя; падаўленне паўстання 1830 года

і звязаная з ім чарговая хваля эміграцыі творчай і навуковай эліты. Ганенні былі і на беларусаў уніяцкага веравызнання, таму што само існаванне неправаслаўных усходніх славян (якімі былі тагачасныя беларусы) разглядалася ў Расійскай імперыі як парушэнне адзінства царскай улады і праваслаўнай царквы. Так, Ф. Багушэвіч у вершы «Хрэсьбіны Мацюка» спрабуе паказаць складаную і драматычную сітуацыю, звязаную з атаясамліваннем веравызнання і нацыянальнасці. Паводле афіцыйнай палітыкі Расійскай імперыі, калі католік – то адназначна паляк, калі праваслаўны – то рускі. А ці не можа быць этнічны беларус ці католікам, ці праваслаўным, ці мець сваё ўласнае, адметнае веравызнанне? Відавочна, нацыянальнае пытанне, «тутэйшасць», як вызначае свой чалавечы і сацыяльны статус Мацей, герой верша Ф. Багушэвіча «Хрэсьбіны Мацюка», і ёсць вызначальная ідэя ўсёй беларускай літаратуры XIX стагоддзя. Паэт актуалізуе думку пра драматызм гістарычнага лёсу беларуса, які апынуўся паміж дзвюх моцных рэлігій і дзвюх моцных дзяржаў, кожная з якіх жадае павялічыць колькасць сваіх падданных і тэрыторыю свайго ўплыву: «*О так хрысцілі мяне казакі // З тутэйшага ды ў палякі!*» [4, с. 38].

Далучэнне беларускіх земляў да Расійскай імперыі мела не толькі адмоўныя для сацыяльна-палітычнага і культурнага быцця беларусаў вынікі, але і станоўчыя, паколькі менавіта з канцом XVIII – пачаткам XIX ст. звязана абуджэнне цікавасці да культуры, фальклору, гісторыі беларускага народа, вывучэнне якіх вялося як польскімі, так і рускімі даследчыкамі, этнографамі і культуролагамі. Відавочна, у XIX стагоддзі праблема нацыянальнай ідэнтыфікацыі беларускага народа паўстала надзвычай востра, стала надзённым і актуальным яго самавызначэнне сярод іншых славянскіх нацый, актуалізацыя нацыянальнай карціны свету.

Адной з вызначальных задач беларускай літаратуры першай паловы XIX стагоддзя стала задача пошукаў найбольш адэкватных і якасных сродкаў для выяўлення нацыянальнай ментальнасці, тыпова беларускай карціны свету. Гэтую задачу найбольш эфектыўна магло вырашыць стварэнне літаратуры на нацыянальнай мове, гутарковай мове беларускага народа, жывой і выразна-ідэнтыфікуючай, што адлюстроўвае ментальнасць, характар і светабудову ў яе тыпова беларускім варыянце. Акрамя таго, перад беларускім народам стаяла задача сацыяльнага і псіхалагічнага сцвярджэння сябе як этнасу, як народа ў агульнасусветным кантэксце, неабходна было пераадолець скептычныя ўяўленні пра бяспрадасную будучыню беларусаў. Асноўнымі жанрамі новай беларускай літаратуры сталі ананімныя творы, гутаркі, вершаваныя аповесці, сюжэтныя вершы і інш. І гэта было зразумела: цэлым народам вёўся дыялог альбо праніклівы маналог пра сваё быццё з мэтай таго, каб яго пачулі ў свеце і звярнулі нарэшце ўвагу на такі адметны тып светапогляду, культуры і быту, як беларускі. А пра гэта найлепш пагаварыць у жывой, размоўнай сітуацыі: («Тарас на Парнасе» К. Вераніцына, творы В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча і інш.).

Значны ўклад у сцвярджэнне адметнага тыпу нацыянальнага характару, паказу беларусаў і іх быцця ў кантэксце агульначалавечай цывілізацыі зрабіў В. Дунін-Марцінкевіч. Яго як пісьменніка цікавілі пытанні суіснавання агульнаславянскага свету, вызваленчай барацьбы славянскіх народаў супраць захопнікаў, спробы ратаваць і захаваць незалежнасць і свабоду. Відавочна, В. Дунін-Марцінкевіч ставіў перад сабой задачу паказаць беларусам узоры грамадзянскай мужнасці іншых народаў, іх імкненне здабыць свабоду для свайго краю і рэпрэзентаваць сваю нацыю. Так, у польскамоўнай паэме «Славяне ў XIX стагоддзі» ён звяртаецца да сучасных яму падзей нацыянальна-вызваленчай барацьбы ўсходніх славян супраць турэцкага прыгнёту. Праз гісторыю змагання мужанага воіна Кізралі супраць турэцкіх захопнікаў і лінію яго кахання да турэцкай дзяўчыны-паланянку Сары Міхаэлі паказана гісторыя барацьбы братоў-славян за сваю свабоду. Характэрна, што В. Дунін-Марцінкевіч не акрэслівае ў творы нацыянальную прыналежнасць герояў, яму важна было паказаць, што ў славянах жыве дух непакоры і свабоды, яны здольны абараніць сябе і сваю будучыню.

Менавіта ў беларускамоўнай творчасці В. Дуніна-Марцінкевіча назіраецца паступовая апеляцыя да нацыянальнай сутнасці беларуса, яго самаідэнтыфікацыі ў культурным свеце і прызнанні сваёй роўнасці з іншымі народамі. Так, у вершы «Да пачцівых беларусаў» паэт выразна размяжоўвае паняцці «ліцвін» і «беларусін». Відавочна, што ў дадзеным выпадку адлюстравалася працэс паступовага ўсведамлення ім самабытнасці гэтага народа і неабходнасці арыентацыі беларусаў на самастойны гістарычны шлях: «*Вас, браты, я помніць буду, // Я не сніў такога цуду, // Каб вырашыць між літвінаў, // Палюбіў беларусінаў*» [5, с. 423]. Гэта верш-пасланне, верш-удзячнасць таму народу, які ўзрасціў пісьменніка, яго гасціннасці, «цноце», «старапольскай зычлівасці», «вясёласці і пачцівасці». І адначасова гэта верш-рэпрэзентацыя, паказ маральных і духоўных, культурных вартасцей і набыткаў беларусаў, сціпых, цнатлівых, паводле Дуніна-Марцінкевіча, свету: «*Ад цнатлівай Беларусі // Дар прыміце – вершаў ношкі; // Ёсць тут усяго патрошкі*» [5, с. 424].

У вершаваным апавяданні «Літаратарскія клопаты» пісьменнік эстэтызуе нацыянальнае быццё, надае яму статус крыніцы натхнення, паказвае самыя прывабныя рысы беларусаў, іх выключную гасціннасць і талерантнасць. А ў вершы «Хіба я стары?», які ўяўляе сабой зварот да мясцовай шляхты, што шануе чужое, гаворыць па-французску, а да свайго роднага, беларускага, ставіцца грэбліва-зняважліва і называе непрыгожым, «мужыцкім», паэт абараняе права беларускай мовы і беларускіх паэтаў, якія пішуць на гэтай мове, на прызнанне ў свеце. Ужо тут В. Дунін-Марцінкевіч прыкмячае пэўны стэрэатып ва ўспрыняцці прадстаўнікоў мясцовага этнасу іншымі – мужыцкае – беларускае, беларускае – мужыцкае – і спрабуе развянчаць яго, што, дарэчы, пасля будзе таксама зроблена ў паэзіі Ф. Багушэвіча. Выкарыстанне прыёму кантрасту, усведамленне сябе беларусам, сынам свайго народа, носьбітам нацыянальнай мовы як увасаблення душы беларусаў характэрны для яго паэзіі. Лірычнаму герою шкада сваёй мовы, якую могуць абразіць і забрудзіць знявагай і абьякавасцю як чужынцы, так і свае рэнегаты. Такім чынам, творчасць В. Дуніна-Марцінкевіча – паказчык таго, што пачуццё нацыянальнай самасвядомасці ў айчынай літаратуры паступова ўзрастае і мова, на якой размаўляла «тутэйшае» насельніцтва, становіцца мовай цэлага народа.

Ролевы герой «Верша Навума Прыгаворкі», персанаж, які пераходзіць з твора ў твор В. Дуніна-Марцінкевіча, увасабляе сабой тыпова беларускі характар, дасціпны, мудры, разважлівы. Тут адзначаецца полікультурны, полінацыянальны пачатак беларускай літаратуры XIX стагоддзя. Відаць, пісьменнік лічыў менавіта літаратуру сродкам сцвярджэння нацыянальнага, праявай беларускага духу і таленавітасці народа. Таму і ўслаўляе ў сваім вершы Апалінара Концкага, Уладзіслава Сыракомлю і Станіслава Манюшку, якія, нягледзячы на рознасць паходжання і месца нараджэння, сталі сімвалічнымі постацямі беларускай культуры. Паэт называе Беларусь славянскай зямлёй і асуджае захопніцкія інтарэсы чужынцаў, «сыноў заморскіх», што здольны прыпісваць таленты зямлі беларускай сабе, адбіраць у беларусаў, якія пакуль яшчэ не маюць сваёй уласнай дзяржавы, узаконенай дзяржаўнай мовы і нацыянальнай культуры, іх славу і таленты. Відавочна, В. Дунін-Марцінкевіч разумее складанасць і адказнасць моманту, у які ён жыве, для фарміравання беларускага этнасу.

Герой яго п'есы «Ідылія» Кароль Лятальскі, пажыўшы пэўны час за мяжой, у Францыі, цалкам адчураўся ад роднага, свайго, таго, што так любіў у маладосці. У наіўна-ідылічнай форме драматург паказвае, як пад уздзеяннем кахання да паненкі Юліі, што пераапрунулася з мэтай перавыхавання Кароля ў сялянскія строі, герой палюбіў родную зямлю, сваю сядзібу і сялян, вырашыўшы тут наладзіць шчаслівае жыццё. У творы ўвасобіліся асабістыя ўяўленні В. Дуніна-Марцінкевіча аб паляпшэнні грамадскага ладу ў дарэформенны перыяд. Важную ролю набывае ў творы вобраз таго ж Навума Прыгаворкі як увасаблення нацыянальнай плыні жыцця, мудрасці і назіральнасці беларускага народа, яго нацыянальнай самаідэнтыфікацыі і ідэнтыфікацыі і ацэнкі прадстаўнікоў іншых народаў. Дзякуючы азначанаму вобразу свет у творах В. Дуніна-Марцінкевіча нацыянальна маркіраваны. Так, у «Ідыліі» адзначаецца пэўны стэрэатып ва ўспрыняцці яўрэяў, якіх, паводле традыцыі, што не мела зняважлівага адцення, называлі «жыдамі». Этнанім «жыды» гучыць з вуснаў Навума Прыгаворкі: «Дружба жыдоўская – усё чартоўскае», «павер жыду на сваю бяду». Безумоўна, такое ўспрыняцце звязана найперш з прагматычна-практычнай, прадпрымальніцкай жылкай прадстаўнікоў гэтага народа, якая ніяк не суадносілася са шчырымі, рахманымі, з шырокай душой і простымі беларусамі.

Найбольш ярка і выразна ўяўленні беларусаў пра саміх сябе і прадстаўнікоў іншых нацый, свет і сусвет выявіліся ў паэзіі Ф. Багушэвіча. Ужо ў прадмове да зборніка «Дудка беларуская» была выкладзена творчая праграма паэта, шчырага абаронцы, адваката ўсяго роднага, мовы, культуры, абгрунтоўвалася спроба самаідэнтыфікацыі сябе, свайго народа сярод іншых, якія паважліва ставяцца да ўласнага, роднага, нягледзячы на нешматлікасць колькаснага складу. У даступнай для селяніна як для носьбіта тыпова нацыянальных рыс, ахоўніка нацыянальнай ментальнасці форме ён абараняе нацыянальную мову і яе права на годнае існаванне сярод іншых моў, права беларускага народа на адукацыю на нацыянальнай мове і выданне кніг: «*Божа ж мой, Божа! Што ж мы за такія бяздольныя? Якаясь маленькая Булгарыя – са жменя таго народу – якіясьці Харваты, Чэхі, Маларосы і другія набратымцы нашыя і ружны чужы зброд, жыды маюць па-свойму пісанья і друкованья ксёнджачкі і газэты, і набожныя, і смешныя, і слёзныя, і гісторыйкі, і баячкі; і дзеткі іх чытаюць так, як і гавораць, а ў нас як бы захацеў цыдулку ці да бацькі лісток напісаць па-свойму, дык, можа б, і ў сваёй вёсцы людзі казалі, што “ніша па-мужыцку”, і як дурня абсмьялі б!*» [4, с. 16]. Паэзія Ф. Багушэвіча па сутнасці і з'яўляецца спробай разбурэння гэтага стэрэатыпу ў ацэнцы разумовых і інтэлектуальных здольнасцей беларуса, бо, паводле Ф. Багушэвіча, на працы мужыцкай трымаецца ўвесь свет, хоць свет той і не прызнае гэтага і навешвае на мужыка новыя абавязкі

і новую працу. А ён цягне і сам рэфрэнам паўтарае пра сябе: дурны мужык, як варона! Але, паводле паэтычнай логікі Ф. Багушэвіча, менавіта ў гэтых словах і заключаецца пратэст супраць такога ярлыка і такой знявагі ў дачыненні да чалавека, яго працы і яго сутнасці. Неабходна адзначыць, што паняцце «мужык» пакуль у Ф. Багушэвіча нацыянальна не маркіравана. Ён яшчэ не лічыць сябе беларусам у поўнай ступені, але адчувае сваю непадобнасць да іншых, сваю ўласную, «тутэйшую» прыроду. Невыпадкова герою верша «У судзе» гэтая дзяржаўная інстанцыя ўяўляецца вавілонскай вежай, дзе змяшаны ўсе мовы і нацыянальнасці, усе саслоўі і ўзросты, а праўды няма. Герой Ф. Багушэвіча шукае праўду, якая не мае нацыянальных і сацыяльных абмежаванняў, адну праўду на ўсіх.

Багушэвічаўскі мужык сарамлівы, нясмелы, баіцца спытаць лішняе, памыліцца, губляецца ў горадзе, але ў яго ёсць моцнае пачуццё свайго нацыянальнага і сацыяльнага гонару (верш «Немец»). Вось, як ён характарызуе сябе: *«Наш брат як увойдзе, – сам сябе баіцца: // Ці ісці без шапкі, ці дзе пакланіцца? // Дык надта ж і стыдна, каб не памыліцца: // Пакланіцца немцу ці якому жыду!»* [4, с. 32]. Багушэвічаўскі мужык цудоўна разумее абдзеленасць свайго гістарычнага лёсу і захопніцкія палітыку і тактыку шматлікіх чужынцаў. Таму даволі насцярожана і грэбліва ставіцца да немцаў, яўрэяў і рускіх. Не прымае яўрэяў, немцаў з іх практычнай жылкай і ўменнем зарабіць грошы практычна на ўсім, іх уменнем прыстасоўвацца да любых абставінаў і заўсёды заставацца ў выйгрышным становішчы. Не прымае рускіх за іх несур'ёзнае стаўленне да інстытута сям'і, за разбэшчанасць: *«глядзім – і наш рускі кінуць за граніцу: // пакінуў і жонку, адрокся і дзеці»* [4, с. 33]. Але, разам з тым, захапляецца іх уменнем жыць і нажываць багацце: *«Жыд панам зрабіўся, немец яшчэ большы, // А мужык быў голы, цяпер яшчэ гольшы!»* [4, с. 33].

Мужык-беларус Ф. Багушэвіча крытычна мысліць і ацэньвае рэчаіснасць, таму ўсведамляе, што ўся бяда беларусаў у тым, што яны не гаспадары на сваёй зямлі. А кожны, хто не свой, не разумее законаў нацыянальнага быцця і ніколі яго не палюбіць, не будзе думаць пра тое, як палепшыць яго, а не сваю ўласную кішэню. Пра гэта беларусы павінны думаць самі: *«Так і на гародзе: лебяды, крапіва, – // Толькі вырві рэпу, – дык зарастуць жыва, // Так як чорт насее. Ото ж так і будзе: // Тутэйшы загіне, дык вораг прыбудзе!»* [4, с. 33].

Дарэчы, вобразы прадстаўнікоў яўрэйскай нацыі даволі часта прысутнічаюць на старонках паэзіі Ф. Багушэвіча. Яны трывала і надзейна «аселі» на беларускай зямлі, умацаваліся, іх паважаюць, але не лічаць за сваіх, аб чым сведчаць вершы «Падарожныя жыды», «Жыдок» і інш. Так, байка «Падарожныя жыды» пра мудрасць яўрэяў, якія хутка знайшлі выйсце са складанай сітуацыі, калі два мясцовыя возчыкі не захацелі саступаць адзін аднаму дарогу. Яны хутка памянліся месцамі і кожны паехаў дадому. Ф. Багушэвіч лічыць, што і беларусам варта прыслухацца, прыгледзецца да быцця іншых народаў і навучыцца саступаць і знаходзіць выйсце са складанай сітуацыі: *«Пазналіся жыдкі, пагергаталі // Дык мужыкі і біцца перасталі! // А што, каб так і мы зрабілі, // А можна бы, і нас не білі?»* [4, с. 36]. Прадпрымальніцкая жылка ратуе яўрэя і ў безвыходнай сітуацыі, бо ён ведае, як зарабіць і забяспечыць сваю сям'ю. Так, верш «Жыдок» апавядае пра беднага яўрэя з сям'ёй, які «сеў» пры дарозе, у найбольш людным месцы, шляхам падману («з дзвюма днамі меў паўкварты») разжыўся, стаў панам, якому кланяліся, хоць і не паважалі. Але падтрымліваў усіх, бо ведаў, што такое галеча.

Я. Гарадніцкі падкрэсліваў, што «нацыянальны вобраз свету... з'яўляецца архетыповым увасабленнем самых розных бакоў рэчаіснасці, інварыянтам, які ва ўсіх канкрэтных выпадках уяўляе сабой сумяшчэнне агульнага і асаблівага» [6, с. 57]. Паводле Ф. Багушэвіча, беларусы вымушаны шукаць сваю долю за мяжой, як, напрыклад, герой верша «Гора», які адвёз сваю цяжкую долю ў Амерыку, каб там пазбавіцца ад яе, але нічога не атрымалася; альбо раскідаць сваіх дзяцей па свеце ў пошуках усё той жа долі (верш «Думка»): *«Якось яно будзе, дажывём да дошкі, // Хоць лепей, хоць горай, абы не так трошкі! // Шышачкі раскіне, як параскідала // Маіх шэць сыночкаў – здаецца, ці мала? // Усе разышліся! – Адзін у наборы, // Адзін пайшоў прочкі, за чорныя моры, // Адзін за Дунаем саўсім асядліўся, // Адзін у Сібіры – за старшынёй набіўся; // Пяты на пісарстве гдзесь у Патарбурку, // Кінупі у хаце вот крывого Юрку!.. // Ну дык рана-позна, тыкі мне здаецца, // Кожны занудзіцца, да дому прыб'ецца... // Паглядзець, як людзі ў будзе сабе радзяць, // Абсядуцца ў дому і лад заправадзяць»* [4, с. 34–35].

Вывады

Адметнасць мастацкай рэканструкцыі нацыянальнай карціны свету ў беларускай літаратуры XIX стагоддзя канцэптually абумоўлена працэсамі нацыянальнага самасцвярджэння, паступовага фарміравання беларускага этнасу і актуалізацыі самабытнай культуры, літаратуры, апеляцыі да гістарычнага мінулага. У творчасці У. Сыракомлі, В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча

адлюстравяўся складаны і паступовы працэс фарміравання нацыянальнай свядомасці, выяўлены характар этнічнай самаідэнтыфікацыі і міжэтнічнай ідэнтыфікацыі беларускага народа, што грунтуюцца на аксіялагічна-анталагічнай формуле “свой – чужы”, сцверджаны адметны тып нацыянальнага мыслення і светаўспрымання.

Даследаванне ажыццяўлялася ў межах гранта БРФФД № Г18-188 на выкананне НДР «Сацыякультурнае ўзаемадзеянне беларускіх і ўкраінскіх земляў у складзе Рэчы Паспалітай: фарміраванне гістарыяграфічнай і літаратурнай традыцыі ў XIX стагоддзі».

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Кошман, П. Р. Нацыянальны вобраз свету: тэорыя і практыка выкарыстання паняцця / П. Р. Кошман // Міжнародныя Шамякінскія чытанні “Пісьменнік – Асоба – Час” : матэрыялы IV Міжнар. навуц.-практ. канф., Мазыр, 2 кастр. 2015 г. / МДПУ імя І. П. Шамякіна ; рэдкал.: А. У. Сузько (адк. рэд.) [і інш.]. – Мазыр : УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2015. – С. 34–39.
2. Тычко, Г. К. Беларуская літаратура XIX–XX стагоддзяў: час і асобы : вучэб. дапам. / Г. К. Тычко. – Мінск : Бел. дзярж. ун-т культ. і маст., 2010. – 267 с.
3. Сыракомля, У. Добрыя весці: Паэзія, проза, крытыка / У. Сыракомля ; уклад. і камент. У. Мархеля, К. Цвіркі ; прадм. К. Цвіркі. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 526 с.
4. Багушэвіч, Ф. Вершы, паэма, аповяданні, артыкулы, лісты / Ф. Багушэвіч ; уклад., прадм. Я. Янушкевіча ; камент. У. Содаля. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 309 с.
5. Дунін-Марцінкевіч, В. Творы [Уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча] / В. Дунін-Марцінкевіч. – Мінск : Маст. літ., 1984. – 527 с.
6. Гарадніцкі, Я. Паэтыка беларускай літаратуры XX стагоддзя: суб’ектыўна-аб’ектыўныя адносіны / Я. Гарадніцкі. – Мінск : Бел. навука, 2010. – 322 с.

Паступіў у рэдакцыю 28.01.2020

E-mail: suzko-1974@tut.by

A. U. Suzko

NATIONAL PICTURE OF THE WORLD IN THE BELARUSIAN LITERARY TRADITION OF THE 19TH CENTURY

The article deals with the peculiarity of the reconstruction of the national picture of the world in the Belarusian literature of the 19th century. The analysis of the specifics of the literary image of interethnic relations is held; the formation of national consciousness is described. A distinctive Belarusian view of the world in the works of such authors as V. Syrokomlya, V. Dunin-Martinkevich, F. Bogushevich and others is done. It is emphasized that the development of an original culture and intuitive feeling of their originality by ethnic Belarusians were treated as the main feature for the 19th century’s literature.

Keywords: the national picture of the world, literary traditions, literary images, ethnos, people, culture, representation, self-affirmation.

УДК [(811.112.2+811.161.1) '37] (045)

О. В. Толкачёва

Аспирант кафедры общего языкознания, УО «Минский государственный лингвистический университет», г. Минск, Республика Беларусь

Научный руководитель: Тарасевич Лариса Александровна, доктор филологических наук, доцент

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЧАЛА ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ ПРЕДЛОГОВ
(на материале немецкого и русского языков)**

Статья посвящена особенностям репрезентации начала перемещения в семантике дирекциональных предлогов в немецком и русском языках. Выявлено общее и специфичное в способах членения пространства с помощью исследуемых предлогов в каждом из сопоставляемых языков. Для обоих языков оказывается релевантной информация о характере топологического отношения между объектами, при этом в русском языке с помощью предлогов более детально членятся регионы локализации, откуда начинается движение локализуемый объект, лингвистически значимой является информация о перемещении относительно вертикали «верх – низ». Специфичным для немецкого языка является профилирование нетерминальности процесса перемещения.

Ключевые слова: предлог, семантика, регион локализации, пространственные отношения, дирекциональный, топологический, димензиональный.

Введение

Положение физических объектов в пространстве (т. е. локализуемых объектов) описывается при помощи предлогов относительно других объектов, называемых в исследованиях по пространственной лингвистике локализуемыми. Оно может определяться в статике (стативные отношения, например, *шкаф стоит в комнате / der Schrank steht im Zimmer*) и в динамике (дирекциональные отношения, например, *Она вошла в комнату / Sie trat in das Zimmer ein*). В зависимости от способности обозначать стативные vs. дирекциональные отношения пространственные предлоги подразделяются на 3 группы: предлоги, обозначающие только стативные отношения (например, *внутри / innerhalb*); предлоги, способные обозначать как стативные, так и дирекциональные отношения (*на / auf* и др.); предлоги, которые обозначают только дирекциональные отношения (*из / aus* и т. д.).

Анализ научной литературы показывает, что подгруппа предлогов, обозначающих только дирекциональные отношения, остается наименее исследованной. В работах, посвященных дирекциональным предлогам, установлено, что эти предлоги категоризируют локализуемый объект как исходную точку перемещения (*из дома / aus dem Haus*), путь, по которому осуществляется перемещение (*по городу / durch die Stadt*), или цель перемещения (*к дому / zum Haus*). На этом основании они делятся на три семантические подгруппы: ДИРЕКЦИОНАЛ-ИСТОЧНИК, ДИРЕКЦИОНАЛ-ПУТЬ и ДИРЕКЦИОНАЛ-ЦЕЛЬ [1]–[3].

Наблюдения над языковым материалом показывают, что в разных языках количество предлогов, указывающих на источник, путь или цель перемещения, различно. Так, к предлогам, характеризующим локализуемый объект как источник движения локализуемого объекта, в немецком языке относятся три несоставных предлога: *ab*, *aus*, *von*. В русском языке таких предлогов пять (*из (изо)*, *от (ото)*, *с (со)*, *из-за*, *из-под*). Можно предположить, что одному предлогу немецкого языка соответствует несколько предлогов в русском языке. Однако анализ переводов русских предлогов на немецкий язык и немецких предлогов на русский язык, а также способов употребления этих единиц показывает, что коррелятивные отношения между ними в сопоставляемых языках гораздо сложнее. Так, в переводных словарях в качестве эквивалентов разных предлогов в немецком языке даются одни и те же русские предлоги и наоборот [4], [5]. Например, в Большом немецко-русском словаре под редакцией К. Лейна (2007) предлог *из* указан в качестве переводного эквивалента как предлога *aus*, так и предлогов *von* и *ab* [5]. На рисунке 1 представлены коррелятивные отношения между дирекциональными предлогами немецкого и русского языков, устанавливаемые на основе переводных словарей.

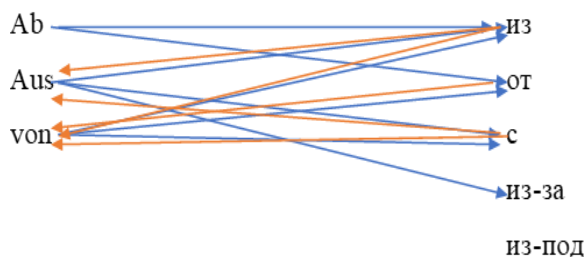


Рисунок 1. – Коррелятивные отношения дирекциональных предлогов подгруппы ДИРЕКЦИОНАЛ-ИСТОЧНИК в немецком и русском языках

Наблюдаемая количественная асимметрия и сложность коррелятивных отношений, свидетельствуют о различиях в членении пространства при описании движения с помощью предлогов в сравниваемых языках. Данное исследование направлено на выявление особенностей репрезентации пространственных отношений предлогами группы ДИРЕКЦИОНАЛ-ИСТОЧНИК в немецком и русском языках. Для решения поставленной задачи необходимо охарактеризовать и сопоставить семантику исследуемых предлогов.

Целью данного исследования является выявление особенностей репрезентации пространственных отношений предлогами группы ДИРЕКЦИОНАЛ-ИСТОЧНИК в немецком и русском языках. Для этого необходимо охарактеризовать и сопоставить семантику исследуемых предлогов.

Подходы к исследованию семантики предлогов весьма разнообразны¹, что говорит о сложности выявления и описания семантических характеристик данных языковых единиц. В нашем исследовании в качестве теоретической основы мы используем модель семантики пространственных предлогов, предложенную Л. А. Тарасевич [3]. Согласно автору, семантика предлогов представляет собой набор ограниченного количества признаков, которые образуют разные комбинации, обуславливая сходства и различия пространственного значения предлогов. Так, в семантике предлогов репрезентированы три типа пространственных отношений: топологические (базируются на противопоставлении внутреннего и внешнего пространств), димензиональные (отражают ориентацию в пространстве тела человека по осям «сверху – снизу», «спереди – сзади», «слева – справа») и дирекциональные (связаны с перемещением). Кроме этого, в семантику предлогов входит информация о регионе локализации (внутренний, внешний, верхний, нижний и т. д.), а также принадлежности локализуемого объекта к воспринимаемому или воображаемому пространству² [3, с. 88–96]. Установлено, что «предлоги, обозначающие местоположение в воспринимаемом регионе, как правило, не употребляются с именами объектов, одномоментное зрительное восприятие которых невозможно (außerhalb des Landes/вне страны – ^{???} außerhalb der Tasse/^{???} вне чашки)» [3, с. 16].

Семантика дирекциональных предлогов характеризуется рядом специфических признаков. Помимо уточнения семы ДИРЕКЦИОНАЛ как ДИРЕКЦИОНАЛ_{цель}, ДИРЕКЦИОНАЛ_{путь}, ДИРЕКЦИОНАЛ_{источник} (в соответствии с тем, какую категоризацию приписывает предлог локализуемому объекту) [3, с. 54], в семантике дирекциональных предлогов топологические отношения дополнительно локализируются по шкале времени как актуальные (у предлогов, категоризирующих релятум как маршрут движения), возможные в будущем (у предлогов, категоризирующих релятум как цель движения) либо существовавшие в прошлом (у предлогов, категоризирующих релятум как источник движения). Например, в конструкции *достать из шкафа* сообщается информация о том, что локализуемый и локализуемый объекты состояли в отношении включения в прошлом.

Результаты исследования и их обсуждение

Для выявления специфики членения пространства с помощью исследуемых предлогов в немецком и русском языках необходимо дифференцировать их семантику в каждом из сопоставляемых языков.

¹ Подходы к исследованию семантики предлогов подробно рассмотрены, например, в статье М. Ф. Филиппенко [6] и в 1 главе диссертации Л. А. Тарасевич [3, с. 26–57].

² Релевантность принадлежности объектов, обозначаемых релятумами, к воспринимаемому или воображаемому пространству отмечалась В. Грисхабером [7, S. 648–649].

Среди немецких предлогов наименьшие трудности вызывает дифференциация семантики предлога *aus*. На основании дефиниции в словаре Duden-online [8], а также анализа способов употребления данного предлога в аутентичных контекстах, в семантике этого предлога, кроме признака ДИРЕКЦИОНАЛ_{ИСТОЧНИК}, выделяется топологический признак ВКЛЮЧЕНИЕ_{В ПРОШЛОМ}:

(1) *Es fielen nämlich Bilder von den Wänden, Gegenstände aus den Schränken und ein fauliger Geruch ziehe durch die Räume.* ‘Со стен падали картины, вещи выпадали из шкафов, и по комнатам тянулся запах гнили’ [taz2]³.

(2) *Das Gift, mit dem Millionen von Menschen ermordet worden sind, kam aus Hamburg.* ‘Яд, которым были убиты миллионы людей, пришел из Гамбурга’ [taz1].

Что касается предлогов *von* и *ab*, то для выявления дистриктивных признаков в их семантике необходимо привлечение не только словарных дефиниций, переводов и дистрибутивного анализа, но и обращение к этимологическим словарям. Обе языковые единицы обозначают отношение удаления из внешнего региона локализирующего объекта. Анализ способов перевода этих предлогов на русский язык в переводных словарях показывает, что оба рассматриваемых предлога могут употребляться с названиями городов, при этом переводятся подобные конструкции на русский язык одинаково: *ab Berlin* ‘от (из) Берлина’, *von Leipzig nach Dresden* ‘из Лейпцига в Дрезден’ [5].

Обращение к дефиниции предлога *ab*, приведенной в толковом словаре немецкого языка Duden-online, не позволило выделить в пространственной семантике этого предлога каких-либо отличительных пространственных характеристик. В нем указано лишь, что в пространственном значении предлог *ab* употребляется «besonders Kaufmannssprache, Verkehrswesen ‘особенно в языке торговли и транспортного дела’ (*ab [unserem] Lager* ‘с (нашего) склада’)» [8].

В семантической структуре предлога *von* уже на основании дефиниции и приведенных в словаре примеров можно выделить признаки ДИРЕКЦИОНАЛ_{ИСТОЧНИК}, КОНТАКТ_{В ПРОШЛОМ} и НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ЛОКАЛИЗАЦИИ_{В ПРОШЛОМ}: 1) «gibt einen räumlichen Ausgangspunkt an ‘указывает на пространственную отправную точку’ (*von rechts* ‘справа’, *von Norden* ‘с севера’)); 2) «gibt den Vorgang oder Zustand der Loslösung, Trennung an ‘указывает на процесс или состояние отрыва, разделения’ (*die Wäsche von der Leine nehmen* ‘снимать белье с веревки’, *sich den Schweiß von der Stirn wischen* ‘вытереть пот со лба’)» [8].

Очевидно, что топологические признаки, выделенные в семантике данного предлога, актуализируются не одновременно. Их реализация определяется характером локализирующего объекта, с именем которого употребляется предлог⁴, и связанным с ним регионом локализации. Контекстуальный анализ показал, что, описывая пространственную ситуацию при локализации в воспринимаемом регионе, предлог *von* указывает на отношение КОНТАКТ_{В ПРОШЛОМ}:

(3) *Wozu erst die Knetgummi-Reste vom Schrank kratzen?* ‘Зачем соскребать остатки пластилина со шкафа?’ [taz91].

При локализации в воображаемом регионе предлог *von* указывает на НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ЛОКАЛИЗАЦИИ_{В ПРОШЛОМ}. Соответственно, в конструкциях такого рода в качестве релятумов выступают наименования объектов, относящихся к воображаемому пространству, которые данный предлог характеризует как ориентир в пространственном континууме для определения направления движения, не предъявляя никаких требований к их пространственным характеристикам:

(4) *Alles privat organisiert, die Leute kamen von Berlin hierher, man hat zusammengelegt für die Reisekosten, ein Plakat, ein bißchen Wein und Essen hinterher* ‘Всё организовано в частном порядке, из (досл. от) Берлина люди ехали сюда, все скинулись на транспортные расходы, плакат и последующий фуршет’ [taz91].

Сказанное подтверждается способностью предлога *von* употребляться с наречиями (например, *von rechts* ‘справа’) и существительными, обозначающими направление (например, *Süden* ‘юг’). Среди всех групп пространственных немецких предлогов способность употребляться с пространственными наречиями выявлена лишь у некоторых дирекциональных предлогов. Например, в анализируемых нами контекстах не встретилось ни одной конструкции с предлогом *aus*, в которых в качестве

³ Источниками примеров в настоящей работе служат данные исследовательского корпуса Л. А. Тарасевич (см. описание корпуса в [3]), Национального корпуса русского языка, корпуса «Berliner Zeitung (1994–2005)», словаря digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, интернет-ресурсы на русском и немецком языках. Ссылки после приводимых примеров отличаются в зависимости от источника, предусматривающего тот или иной способ ссылки. Для примеров, приводимых из корпуса Л. А. Тарасевич, указывается только название газеты; ссылки на Национальный корпус русского языка и корпус «Berliner Zeitung (1994–2005)» из digitales Wörterbuch der deutschen Sprache даются в соответствии с рекомендациями, приведенными на сайтах этих корпусов; для примеров, взятых из Интернета, приводится адрес сайта-источника.

⁴ В дальнейшем имя локализирующего объекта мы называем релятумом.

локализирующего объекта выступают пространственные наречия: если конструкции *von oben* ‘сверху (с той стороны)’, *von unten* ‘снизу (с той стороны)’ вполне допустимы, то конструкции ^{???}*aus oben* ‘из верха’, ^{???}*aus unten* ‘из низа’ – нет.

Следует отметить, что случаи употребления предлога *aus* с релятумами *Süden* ‘Юг’, *Osten* ‘Восток’, *Norden* ‘Север’, *Westen* ‘Запад’ все же встречаются. Однако данные существительные употребляются обязательно с определенным артиклем и обозначают не направление, а конкретные регионы, страны. Так, в примере (5) релятум *Süden* ‘юг’ употребляется с предлогом *von* для обозначения направления (с той стороны). В примере (6) релятум *Osten* ‘Восток’ употреблен с определенным артиклем и предлогом *aus* для обозначения территории Восточной Германии.

(5) *Aber wenn es von Süden her weht, dann kannst du zusehen, wie der schwarze Staub kommt.* ‘Но если дует с юга, тогда можешь увидеть, как вместе с ветром идет черная пыль’ [taz92].

(6) *Viele der Brüder und Schwestern aus dem Osten, die im Jubel in den Westen kamen, liegen heute auf der Straße.* ‘Многие братья и сестры с Востока, ликуя пришедшие на Запад, сегодня лежат на улице’ [taz92].

Наличие в семантике предлога *von* таких различных по своей природе топологических признаков, а также схожесть его семантики с семантикой предлога *ab* можно объяснить этимологически. Согласно этимологическому словарю немецкого языка Я. Гримма и В. Гримма, предлог *ab* еще во времена становления средневерхненемецкого языка уступает свои позиции предлогу *von*⁵ [9, Bd.1, Sp. 7]. Как показал анализ дефиниции и приведенных в данном словаре примеров, это указание на контакт между локализирующим и локализуемым объектами до начала движения. Так, согласно [9] «neben dem ab bald die sache ausgedrückt wurde die entfernt, bald von welcher entfernt werden sollte ‘объект (вещь), употребляемый с предлогом *ab* скоро будет либо сам отделен, либо от которого что-то отделят (отделится)’ (den rock ab dem leib ziehen ‘стягивать юбку с тела’)» [9, Bd.1, Sp.8]. В словаре Duden-online похожая дефиниция приведена уже для предлога *von*. Однако анализ дефиниций и этимологических данных не позволил установить, все ли пространственные семантические функции предлога *ab* перешли к предлогу *von*. Этот вопрос решался нами с помощью дистрибутивного и контекстуального анализа.

Анализ дистрибуции показал, что в конструкциях с предлогом *ab* в качестве релятума выступает небольшое количество наименований объектов (имена геополитических объектов; некоторые пространственные наречия, например, *hier* ‘здесь’; имена типа *Punkt* ‘пункт’, *Grenze* ‘граница’ и т. д.). Предлог *von* также употребляется с подобными релятумами. Можно предположить, что именно при употреблении исследуемых предлогов в подобных конструкциях и проявляется различие в их семантике. В результате анализа контекстов, в которых сравниваемые предлоги употребляются с наименованиями вышеназванных объектов, установлено, что предлог *ab* характеризует их как зрительно воспринимаемые объекты, а предлог *von* используется для описания воображаемого пространства. Например, в конструкциях с названиями геополитических объектов предлог *ab* обозначает отношение с конкретным участком пространственного объекта (остановочный пункт общественного транспорта, вокзал, аэропорт либо граница населенного пункта, обозначенная табличкой), предлог *von* указывает лишь на направление движения со стороны соответствующего геополитического объекта. Так, в примере (7) имя *Leipzig* используется для обозначения железнодорожного вокзала, а в примере (8) – ориентира в пространстве, со стороны которого направлено движение.

(7) *Rückfahrt ab Leipzig vom Gleis 12 um 18.27 Uhr* ‘Обратная поездка (возвращение) из Лейпцига с 12 пути в 18.27’ [Berliner Zeitung, 14.03.1997].

(8) *Auf dem Weg von Leipzig nach Nürnberg, wo weitere Fahrgäste zusteigen sollten, verlor der Fahrer die Kontrolle über den Bus.* ‘На пути из Лейпцига в Нюрнберг, где должны были сесть другие пассажиры, водитель потерял управление автобусом’ [Berliner Zeitung, 27.09.2001].

Кроме этого, отличительной чертой семантики предлога *ab* является профилирование начала и последующего продолжения процесса движения. Выявлено, что конструкции с предлогом *ab* не употребляются для описания движения при помощи глаголов, предполагающих конечный пункт (например, *hierherkommen* ‘приходить, приезжать’). Это семантическое свойство перенесено и в его темпоральное значение: конструкции типа *ab heute* ‘с сегодняшнего дня’ используются для обозначения начала временного отрезка, не предполагающего предельности.

⁵ Как показывают современные исследования, пространственным предлогам свойственно в ходе языкового развития перераспределять функции между собой [10, с. 44–45].

Предлог *von* такой способностью не обладает. Данный предлог употребляется с глаголами, которые обозначают протяженность движения (*fahren, gehen*), его предельность (*kommen*), глаголами, подчеркивающими увеличение дистанции между объектами (*weggehen*).

Таким образом, различия в семантике предлогов *aus, ab* и *von* заключаются в следующем: предлог *aus*, указывая на направительное движение из источника, реализует топологическую сему ВКЛЮЧЕНИЕ_{В ПРОШЛОМ} и категоризует локализуемый объект как вместилище. Предлоги *von* и *ab* обозначают топологические отношения (контакта или близкого расположения в прошлом) с внешним регионом. Оба предлога находятся между собой в отношении дополнительной дистрибуции, употребляясь с именами геополитических объектов, пространственными наречиями и с именами типа *der Punkt* 'пункт', *die Stelle* 'место': предлог *ab* употребляется для ориентации в пространстве относительно зрительно воспринимаемых объектов, а предлог *von* – для ориентации относительно объектов, знания о положении которых в пространстве являются частью знаний о мире говорящего и адресата.

Рассмотрим семантические характеристики предлогов подгруппы ДИРЕКЦИОНАЛ-ИСТОЧНИК в русском языке. Это предлоги *из, от, с, из-за* и *из-под*.

Предлог *из* является коррелятом предлога *aus* и указывает на движение локализуемого объекта из внутреннего региона локализуемого объекта. Он так же, как и его коррелят в немецком языке, указывает на топологическое отношение ВКЛЮЧЕНИЕ_{В ПРОШЛОМ} и характеризует локализуемый объект как вместилище независимо от его принадлежности к воспринимаемому или воображаемому пространству. Например:

(9) *Он быстро вышел из машины и, не целясь, выстрелил в голову Галактионова* [Санкт-Петербургские ведомости].

(10) *В тот момент, когда Вы уезжали из Москвы, в Москве только-только узнали, что такое художественный рынок на Западе* [Независимая газета].

Предлоги *из-за* и *из-под* являются дериватами дирекционального предлога *из* и димензиональных предлогов *за* и *под*. Семантический анализ показал, что от предлога *из* они унаследовали признак ДИРЕКЦИОНАЛ_{ИСТОЧНИК}, а от предлогов *за* и *под* – димензиональные признаки, т. е. данные предлоги обозначают движение из тыльного vs нижнего региона:

(11) *На днях я видел усмирённого мужа, вышедшего из-за своей стальной двери в шлепанцах за газеткой* [Российская газета].

(12) *Вытаскивал из-под кровати невымытые миски, перестирал, перечистил все жалкое имущество хозяина* [Известия 2].

Необходимо отметить, что у предлогов *из-за* и *из-под* нет предложных коррелятов в немецком языке. Подтверждением этому является отсутствие переводных предложных эквивалентов в словарях, а также описательный способ их перевода на немецкий язык (комбинациями различных предлогов в сочетании с глаголом, беспредложные конструкции), установленный при анализе контекстов из параллельного подкорпуса национального корпуса русского языка.

Дифференциация значений предлогов *от* и *с* вызывает некоторые сложности. Оба предлога служат для указания на удаление из внешнего региона локализуемого объекта. В толковых словарях для данных предлогов приводятся похожие дефиниции. Например, в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова пространственное значение предлога *от* определяется следующим образом: «указывает на исходную точку движения, перемещения, а также место, пункт, откуда распространяется что-л.» [11, с. 466]. Пространственное значение предлога *с* в данном словаре объясняется как «указывает на место, предмет, лицо, явление и т. п., откуда направлено движение или действие» [11, с. 714]. Очевидно, что на основании дефиниций разграничить семантику данных предлогов не представляется возможным.

Разграничению пространственной семантики предлогов *от* и *с* посвящена работа И. С. Бородиной [12]. По мнению автора, различия в пространственной семантике исследуемых предлогов заключаются в следующем: «*от* указывает на удаление X^6 из пространства, прилегающего или примыкающего к Y (*от 1*), или указывает на отделение части от целого (*от 2*); *с* указывает на удаление X с поверхности Y , которая являлась опорой для X » [3, с. 200]. Предложенное описание специфики семантики предлогов *от* и *с*, по нашему мнению, не является исчерпывающим, поскольку оно не позволяет объяснить ряд употреблений данных предлогов, например, в тех случаях, когда обе единицы используются в идентичных конструкциях: *сравни мы шли с моря – мы шли от моря*.

⁶ X – локализуемый объект, Y – локализуемый объект (референт и релятум соответственно в работе И. С. Бородиной).

Для разграничения значений необходим более глубокий семантический анализ, требующий изучения дистрибутивных характеристик и учета семантики глаголов, употребляемых в высказываниях с соответствующими предложными конструкциями.

В ходе исследования установлено, что дифференциация семантики предлогов *от* и *с* проходит по нескольким линиям и связана с характером передаваемого топологического отношения, категоризацией локализуемого и локализирующего объектов как отдельных или как частей целого, направлением перемещения относительно вертикали «верх – низ», наличием функциональной взаимосвязи между соотносимыми объектами.

Первое различие в семантике исследуемых предлогов заключается в профилировании отношения контакта: предлог *с*, обозначая отношение с локализирующим объектом как отправным пунктом движения, передает информацию об удалении локализуемого объекта из внешнего региона и прекращении отношения контакта. Как правило, в таких случаях речь идет об объектах воспринимаемого пространства, с поверхностью которых локализуемый объект находился в контакте до начала перемещения (пример (13)).

(13) *Жандармы начали прыгать с машины, сбивая один другого с ног* [Д. Н. Медведев. Сильные духом (Это было под Ровно) (1948)].

Предлог *от*, употребляясь в подобных ситуациях, не предполагает наличие контакта (пример (14)). Он характеризует релятум как исходную точку перемещения, не уточняя топологическое отношение между объектами до начала перемещения.

(14) *Пешеходам приходилось прыгать через ручьи, прыгать от машин, отпрыгивать друг от друга* [Вадим Громов. Компромат для олигарха (2000)].

Второе различие в семантике сопоставляемых предлогов обнаруживается при сопоставлении пространственных ситуаций, в которых оба предлога обозначают прекращение отношения контакта. Необходимо отметить, что семантика предлога *от* не исключает контакт соотносимых в пространстве объектов. Об этом свидетельствует способность *от* употребляться после глаголов, обозначающих разрыв контакта⁷, например, *отрезать, оторвать*. Предлог *с* также может употребляться с подобными глаголами (сравни, *срезать с, сорвать с*). Сопоставительный анализ контекстов с глагольными конструкциями типа *отрезать от – срезать с, оторвать от – сорвать с* показывает, что конструкции с предлогом *от* используются для описания ситуаций отделения части от целого, в то время как конструкции с предлогом *с* – для обозначения разрыва контакта между отдельными объектами. В частности, глагольные конструкции рассматриваемого типа с предлогом *от* допускают употребление в качестве имени локализуемого объекта субстантивы типа *кусок, часть*, в то время как соответствующие конструкции с предлогом *с* сомнительны: сравни *отрезать кусок от пиццы – срезать кусок с пиццы, отрезать часть от буханки хлеба – срезать часть с буханки хлеба* (примеры (15), (16)).

(15) *Она отрезала кусок от своей пиццы и почти силой впинула его Вале в рот* [Т. Тронина. Русалка для интимных встреч (2004)].

(16) *Как ещё можно отрезать части от буханки хлеба, чтобы* [<https://books.google.by/books>].

Таким образом, подтверждается релевантность для семантики пространственных предлогов знаний о том, соотносятся ли в пространстве отдельные объекты или часть и целое [3, с. 78].

Следующее различие в семантике исследуемых предлогов касается направления перемещения. Предлог *с* обнаруживает способность обозначать перемещение локализуемого объекта по вертикали: сверху вниз или снизу вверх. Об этом свидетельствует широкое употребление данного предлога с глаголами типа *упасть, спуститься, поднять, взлетать* и т. п., обозначающими движение по вертикали. Например:

(17) *Стараясь не задевать за острые углы и не падать с лестницы, ибо что для других чревато синяками и ушибами, для нас кончится переломами* [Литературная газета 1].

(18) *ШИЗО (итрафные изоляторы) – темная камера, с потолка капает, вдоль стен и на полу – лед* [Известия 2].

Предлог *от* такой способностью не обладает, что подтверждается недопустимостью таких конструкций, как *падать от лестницы, капать от потолка* и т. п.

⁷ Существует семантическое согласование значения глагола и предлога. Так, например, в [3, с.110] указывается, что глаголы, обозначающие действие, которое предполагает контакт, употребляются с предлогами, способными обозначать отношение контакта.

Еще одно отличие в семантике предлогов *от* и *с* касается описания перемещения с помощью конструкций с глаголами движения (*ехать, идти* и т. д.) и наименованиями в качестве релятума геополитических объектов, различных социальных институтов (*вокзал, школа* и др.), геофизических объектов типа *море, речка*, путей (например, *улица, мост*). В таких контекстах предлог *от* передает информацию о том, что объекты, обозначаемые релятумами, являются исходной точкой перемещения (пример (19)), а предлог *с* – о существовании до начала перемещения функциональной взаимосвязи между соотносимыми объектами (пример (20)).

(19) *Он признал ее позже, увидев меня. От вокзала нужно долго идти прямо, потом надо или сворачивать к нам, или идти дальше, к дедушке.* [З. Синявская. Пазлы // «Сибирские огни», 2013].

(20) *С какой жадностью наполняешь эти часы, в особенности, когда покидаешь Италию... оставляю вещи на вокзале, иду с вокзала пешком.* [С. М. Волконский. Мои воспоминания. Том 1 (1923–1924)].

Таким образом, в результате исследования семантики предлогов русского языка *из, из-за* и *из-под, от, с* выявлены особенности описания с помощью данных предлогов отношения с источником движения. Предлог *из* как и его немецкий коррелят *aus*, обозначает движение локализуемого объекта из внутреннего региона локализующего объекта, обозначая отношение ВКЛЮЧЕНИЕ_{В ПРОШЛОМ}; предлоги *из-за* и *из-под* уточняют внешний регион локализующего объекта, из которого начинает движение локализуемый объект; предлогам *от* и *с* присущи одинаковые топологические семы (БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ_{В ПРОШЛОМ}, КОНТАКТ_{В ПРОШЛОМ}), однако у данных предлогов отличается характер семы ДИРЕКЦИОНАЛ_{ИСТОЧНИК} (предлог *с* обозначает отношение движения по вертикали); оба предлога обнаруживают также различия в их категоризирующем потенциале (употребляясь с глаголами, обозначающими разрыв, разделение, *с* категоризирует локализуемый и локализующий объекты как отдельные, *от* – как части целого). Кроме того, конструкции с предлогом *с* могут имплицировать информацию о наличии функциональной взаимосвязи между соотносимыми объектами.

Выводы

Проведенное исследование показало, что семантические характеристики предлогов подгруппы ДИРЕКЦИОНАЛ-ИСТОЧНИК в русском и немецком языках обнаруживают как сходства, так и различия. В обобщенном виде эти характеристики представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Семантические характеристики предлогов *из, от, с, из-за, из-под, aus, ab, von*

Семантические признаки	из	от	с	из-за	из-под	aus	ab	von
Профилирование внутреннего пространства, включение в прошлом	+	–	–	–	–	+	–	–
Профилирование региона, задаваемого тыльной стороной релятума	–	–	–	+	–	–	–	–
Профилирование региона, задаваемого нижней стороной релятума	–	–	–	–	+	–	–	–
Наличие контакта в прошлом	–	+/-	+	–	–	–	n	+/-
Перемещение по вертикали	–	–	+	–	–	–	–	–
Соотнесение отдельных объектов	n	n	+	n	n	n	n	n
Соотносимые объекты находятся в отношении часть – целое	–	+	–	–	–	–	–	+/-
Наличие функциональной связи между соотносимыми объектами	n	–	+	–	–	n	–	+

Примечание – n – немаркированность признака

Данные таблицы позволяют сделать вывод об общности и специфике в членении пространства при помощи предлогов при описании направленного перемещения из исходного пункта в сравниваемых языках. Установлено, что в обоих языках, маркируя локализующий объект как источник движения, предлоги передают информацию о типе (характере) топологического отношения между объектами (КОНТАКТ, ВКЛЮЧЕНИЕ), существовавшем до начала движения. При этом в русском языке с помощью предлогов более детально членятся регионы локализации, откуда начинает движение локализуемый объект, а именно могут уточняться димензиональные характеристики региона (предлоги *из-за, из-под*). Кроме этого, предлог *с* в русском языке способен обозначать перемещение по вертикали «верх – низ». Специфичным для немецкого языка является то, что с помощью предлога *ab* происходит профилирование нетерминальности процесса перемещения, исключение из фокуса коммуникации его конечного пункта.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Jackendoff, R. S. *Semantics and cognition* / R. S. Jackendoff. – Cambridge : MIT Press, 1990. – XIII, 283 p.
2. Svorou, S. *The grammar of space* / S. Svorou. – Amsterdam : J. Benjamins Publ. Co, 1993. – XIV, 277 p.
3. Тарасевич, Л. А. Пространственные предлоги в немецком и русском языках: семантика и функционирование : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Л. А. Тарасевич. – Минск, 2016. – 284 л.
4. Большой немецко-русский и русско-немецкий словарь. 450000 слов и словосочетаний. – М. : Дом Славянской книги, 2012. – 896 с.
5. Большой немецко-русский словарь / К. Лейн [и др.]. – 14-е изд., испр. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2007. – 1159 с.
6. Филиппенко, М. Ф. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях / М. Ф. Филиппенко // Исследования по семантике предлогов : сб. ст. / отв. ред.: Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. – М. : Рус. словари, 2000. – С. 12–54.
7. Grieshaber, W. Präpositionen / W. Grieshaber // *Handbuch der deutschen Wortarten* / Hrsg. L. Hoffmann. – Berlin ; New York, 2009. – S. 629–655.
8. Duden-online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duden.de>. – Дата доступа: 05.06.2019.
9. Grimm, J. *Deutsches Wörterbuch*: In 33 Bd. [Electronic resource] / J. Grimm, W. Grimm. – Leipzig 1854; Quellenverzeichnis Leipzig 1971. – Mode of access: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB. – Date of access: 15.08.2019.
10. Тарасевич, Л. А. Семантика пространственных предлогов в зеркале количественных показателей (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич // *Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. 4.* – 2014. – № 2. – С. 40–47.
11. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2002. – 960 с.
12. Бороздина, И. С. Семантика пространственных предлогов (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. С. Бороздина. – Курск, 2003. – 219 л.

Поступила в редакцию 03.04.2020

E-mail: olg4100@yandex.ru

O. Tolkacheva

REPRESENTATION OF MOVEMENT BEGINNING IN SEMANTICS OF PREPOSITIONS
(BASED ON GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

The article is dedicated to the peculiarities of movement beginning representation in semantics of directional prepositions in the German and Russian languages. With the help of the prepositions under analysis the common and specific in the ways of space partitioning in each of the compared languages is being indicated. Information about the kind of topological relations between objects appears to be relevant for both languages. At the same time prepositions divide the regions of localization, where the localized object starts its movement, in greater detail in the Russian language. Linguistically important appears to be the information about the displacement according to the vertical line 'top – bottom'. Specific for the German language appears to be the nonterminal profiling of the movement process.

Keywords: prepositions, semantics, search domain, spatial relations, directional, topological, dimensional.

УДК 821.161.3

З. І. Трацяк

Кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры сусветнай літаратуры і замежных моў, УА «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт», г. Полацк, Рэспубліка Беларусь

**АДЛЮСТРАВАННЕ ТЭМПАРАЛЬНАГА РАЗРЫВУ ЯК МАСТАЦКІ ПРЫЁМ
УВАСАБЛЕННЯ ВАЙНЫ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ТВОРАЎ І. ШАМЯКІНА
«ПЕРШЫ ГЕНЕРАЛ» І «ПЕТРАГРАД – БРЭСТ»)**

Артыкул прысвечаны спецыфіцы мастацкага ўвасаблення тэмпаральнага разрыву ў спадчыне І. Шамякіна. На прыкладзе аповесці «Першы генерал» і рамана «Петраград – Брэст» вызначаецца наяўнасць у свядомасці персанажаў уяўлення пра грамадскі і асабісты час. Падкрэсліваецца, што апошні заснаваны на ўражаннях з рэальнага жыцця, але яго ход трансфармуецца, захоўваючы душэўную раўнавагу дзейнай асобы, якая засталася сам-насам з экстрэмальнымі абставінамі. Характарызуюцца асобныя мастацкія сродкі, абраныя І. Шамякіным для раскрыцця сутнасці тэмпаральнага разрыву: проціпастаўленне даваеннага мінулага і франтавой сучаснасці; заглыбленне ва ўнутраны свет персанажа і адлюстраванне сну, здранцвення, трызнення, якія трывала адмяжоўвалі героя ад ваеннай стыхіі.

Уводзіны

Мастацкая прастора твораў І. Шамякіна ўвабрала ў сябе розныя часавыя пласты. Письменнік скрупулёзна разглядаў падзеі ўсяго ХХ ст. (ад рэвалюцыі 1917 г., Вялікай Айчыннай вайны да крызісных з'яў у постсавецкім грамадстве). Падзеі 1914–1918 гг. арганічна ўвайшлі ў шамякінскі малюнак эпохі. Письменнік звярнуўся да Першай сусветнай вайны ў такіх праявах творах, як «Першы генерал» і «Петраград – Брэст». Тая вайна звычайна ўвасаблялася не асобна, а ў кантэксце іншых, не менш значных перыпетыяў стагоддзя. Мастак слова звязваў баявыя дзеянні 1914–1918 гг. з грамадска-палітычным выбухам 1917 г., робячы іх адной з праяў навалы-кантынума.

Часам айчынныя крытыкі і літаратуразнаўцы адзначалі пэўную кан'юктурнасць дадзеных твораў (перш за ўсё ў сувязі з увасабленнем лютаўскай і кастрычніцкай рэвалюцый 1917 г., першых дзён савецкай дзяржавы). Услед за Т. Шамякінай, адзначым, што «зварот да пэўных тэм заўсёды абумоўлены ў творцы нават не рацыянальным усведамленнем той ці іншай грамадскай замовы, што як бы носіцца ў паветры, а адчуваннем, падсвядомым уяўленнем яе неабходнасці для народа, важнасці данясення да насельніцтва ўжо зашмальцаваных дагматычных ісцін у абноўленай, мастацка-вобразнай форме» [1, с. 53]. Акрамя пошукаў новых форм для ўвасаблення падзей пачатку мінулага стагоддзя, мастак слова імкнуўся адрадыць цікавасць да Першай сусветнай вайны.

Мэтай артыкула з'яўляецца выяўленне спецыфікі адлюстравання тэмпаральнага разрыву ў творах І. Шамякіна «Першы генерал» і «Петраград – Брэст», прысвечаных у тым ліку Першай сусветнай вайне. Дадзены мастацкі прыём неаднаразова выкарыстаны ў кнігах як айчынных (М. Гарэцкі, З. Бядуля, К. Чорны), так і замежных (Р. Олдынган, Э. М. Рэмарк, Э. Хэмінгуэй) письменнікаў, якія звярталіся да падзей 1914–1918 гг. Айчынныя даследчыкі (А. Бельскі, І. Бурдзялёва, А. Гардзіцкі, В. Каваленка, З. Мельнікава, М. Мушынскі, А. Шамякіна, Т. Шамякіна), нягледзячы на глыбокае вывучэнне розных аспектаў творчасці І. Шамякіна, пакуль не праводзілі спецыяльнага даследавання, якое б выявіла менавіта адмысловыя рысы адлюстравання тэмпаральнага разрыву ў спадчыне празаіка.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

У савецкія часы І. Шамякін сутыкнуўся з шэрагам праблем, звязаных з літаратурна-мастацкім увасабленнем падзей 1914–1918 гг. У першую чаргу, углядаючыся ў наступствы Першай сусветнай вайны з дастаткова вялікай часовай адлегласці, празаік імкнуўся па магчымасці дакладна ўзнавіць спецыфіку аюпнага (тылавога, бежанскага) існавання, узаемаадносін шараговых і афіцэраў. Паводле Н. Гальго, письменнік часткова вырашыў задачу, перачытаўшы раманы знакамітых савецкіх папярэднікаў: М. Шолахава, А. Талстога. Але ён не змог пазнаёміцца з цэлым пластом дакументальных твораў, выкрасленых з савецкай гуманітарнай прасторы з нагоды іх «неблагодзейнага» аўтарства (напісаны, напрыклад, асобамі, якія не пагадзіліся з сацыялістычным будаўніцтвам) [2, с. 517].

І. Шамякін у меншай ступені абапіраўся на дасягненні сваіх непасрэдных беларускіх папярэднікаў. Экстралітаратурныя фактары адбіліся таксама на лёсе іншых паасобных праявістых твораў, скончаных і апублікаваных рознымі пісьменнікамі ў 1920–30-х гг. (напрыклад, аповесці «Набліжэнне» З. Бядулі, «Варта на Рэйне» і апавяданне «У поплавах» А. Гародні, запіскі «На імперыялістычнай вайне» М. Гарэцкага і інш.).

Паказальна, што І. Шамякін у аповесці «Першы генерал» і рамане «Петраград – Брэст» абраў адмысловага персанажа – чалавека маладога веку, які перажыў момант ініцыяцыі на вайне. Падобная дзейная асоба востра рэагавала на змены ў асабістым і грамадска-палітычным жыцці, спрабавала вызначыць уласныя адносіны да знакавых маральна-этычных праблем эпохі, цягнулася да ўсяго новага і нестэрэатыпнага. Такія персанальныя ўстаноўкі, паводле аўтара, патрабавалі ад героя здольнасці да самарэфлексіі поруч з творчым поглядам на свет. Крэатыўны пачатак дамінаваў у свядомасці Піліпа Жменькі («Першы генерал»): ён, згодна з аўтарскай канцэпцыяй, паўстаў у ролі апавядальніка, які прыгавдаў прыгоды і нягоды ўласнай маладосці, што прыпала на сусветную вайну і рэвалюцыю. Сімптаматычна, што персанаж-апавядальнік разважаў пра свае першыя крокі на жыццёвым шляху ад трэцяй асобы: узнікала своеасаблівая дыстанцыя (адна з праў тэмпаральнага разрыву ў тэксце) паміж наўным падлеткам і дарослым, які здолеў белетрызаваць свой вопыт, стаць адмысловым «гісторыкам», які праз прыватнае прагнуў зазірнуць у агульначалавечае.

Быццё персанажаў (Піліп Жменька з аповесці «Першы генерал», Сяргей Багуновіч з рамана «Петраград – Брэст») І. Шамякіна ўшчыльную звязана з адлюстраваннем наступстваў тэмпаральнага разрыву, выкліканага катастрафічнымі падзеямі сусветнай вайны, якія істотна змянілі самаадчуванне чалавека ў часе і прасторы. Ужо ў дакументальна-мастацкіх запісках «На імперыялістычнай вайне» М. Гарэцкі сфармуляваў тую выснову, што лаканічна характарызаваў вопыт цэлага пакалення ўдзельнікаў Першай сусветнай: «я жыў, але ранейшага мяне на векі няма» [3, с. 33]. У 20–30-я гг. мінулага стагоддзя да гэтай тэмы так ці інакш звярталіся З. Бядуля, А. Гародня, Ц. Гартны, П. Галавач, Я. Колас, К. Чорны і інш., персанажы якіх усведамлялі мяжу паміж мінулым, праведзеным у мірным антуражы, і ўласна ваеннай рэчаіснасцю. Празаікі засяроджваліся на псіхалагічных працэсах, якія тлумачылі своеасаблівае ўспрыманне часу, які то запавольваўся, то паскараў сваю хаду на полі бою, у шпіталі ці ў тыле. Э. Самуйлёнак у апавяданні «Герой нацыі» ёміста падаў асноўныя праявы тэмпаральнага разрыву: «Ішлі дні. Іншы дзень выдаваўся за гадзіну, іншая ноч, доўгая, асенняя, цягнулася, як год. І калі б прайшоў сапраўды год, тыя, што правялі яго ў акопах, былі б здзіўлены. Можна падумаць, што гэта была адна толькі ноч, доўгая ноч артылерыйскага бою» [4, с. 109]. У персанажа ўзнікала ўражанне, што быццё цывілізацыі і жыццё асобы пачыналі адлік ад моманту, калі здэтанавалі снарад пад час першага ў іх жыцці сапраўднага бою¹. Акопнае існаванне ўспрымалася як крывавае пародыя на мірнае працоўнае жыццё.

Інтэнсіўнасць успрымання тэмпаральнага разрыву залежала ад асобных рыс характару і папярэдняга вопыту персанажа. Дзейная асоба ці дэзарыентавалася пад уплывам неспрыяльных абставін, якія паралізавалі яе волю, ці ўсё ж такі процідзейнічала навалю. Так, М. Лынькоў падкрэсліваў: «Адзін табе ходзіць і ног пад сабой не чуе, бо кожнага дня смерць сцеражэ ... Так і ў акопе сядзіць, і ў атаку ідзе, і, сцяўшы зубы, бяжыць па полю, і нічога не бачыць, акрамя кончыка свайго штыха – так і ляціць за гэтым штыхам, каб напароцца на смерць, ... бо мазгі ў яго даўно атруціліся. Другі – нішто ... І смерць над ім, і нягода над ім, над ім камандзір і фельдфебель, – а яму хоць-бы што ... думкі ясныя і ясныя вочы» [6, с. 212].

Адмысловая хада часу заўважалася і ў творах, якія сведчылі, што натуральны працэс змены пакаленняў парушыўся алагічным характарам вайны. Паводле К. Чорнага, сталенне, набыццё

¹ Падобным чынам на надзвычайны вопыт адрэагаваў і галоўны герой шамякінскай аповесці «Першы генерал». Піліп Жменька сутыкнуўся з нелінейнай хадой часу, які нарадзіўся, бо «над ім, здавалася, расколвалася неба, над ім – сутаргава ўздрыгвала і лопалася зямля: пясок, камякі, трэскі, анучкі нейкія, а можа часткі цела чалавечага – ляцелі ўгору і падалі на яго, засыпалі ў яме жывых. Дагэтуль помню, які смяртэльны страх апанаваў мяне. Да таго многа розных страхў перажыў я, але такі ўпершыню – калі здалосся, што гэта канец, што я пахаваны ўжо. Бегчы, уцякаць? Паспрабаваў вылезці з ямы ... Але блізка разрыў адкінуў назад, у магілу ... Нават страх знік, бо, здавалася, ратунку няма, а таму няма чаго трапятання і кідацца: ляжы ціха, канай і чакай, калі ангелы панясуць цябе на неба» [5, с. 55]. Персанаж на самой справе перажыў катастрафічны для псіхікі момант, які можна параўнаць са смерцю: асабісты час быццём бы спыніўся пад уплывам надзвычайных абставін. «Уваскрэсенне» супала з заканчэннем абстрэлу. Яно падштурхнула дзейную асобу да звычайнага ўспрыняцця часу.

новых сацыяльных функцый адбывалася практычна імгненна: «дзевяцігоднія дзяўчаткі жалі жыта, дванаццацігоднія хлапчукі аралі як мае быць, а пятнацігоднія самі вялі гаспадарку, кармілі сем’і працай сваіх рук... Шаснацігоднія хлопцы хадзілі па пілоўцы, а семнаццацігоднія пачыналі пераймаць цясларства» [7, с. 5]. Дзяцінства і юнацтва быццам бы выкрэсліваліся з жыцця маладой асобы, якая адразу трапляла ў віхуру дарослага жыцця (матыў «страчанага маленства»).

Пазней увасабленне тэмпаральнага разрыву распаўсюдзілася і на айчынную прозу, прысвечаную падзеям Грамадзянскай і Вялікай Айчыннай войнаў. Мастакі слова шукалі «матэрыяльныя» праявы дадзенага феномена: хваравітае сненне, глыбокае задуменне, трызненне, якія трывала адмяжоўвалі чалавека ад жудасных падзей, скіроўваючы яго ў плынь памяці, што падарожнічала «ўсюды і нідзе» і мінімізавала траўматычныя для псіхікі наступствы вайны. М. Лынькоў («Векапомныя дні») увасобіў стан жанчыны, якая перажыла знішчэнне гітлераўцамі роднай вёскі: «Яна сядзела ў маўклівым задуменні, і ўсё, што рабілася ў хаце, на вуліцы, у вёсцы, неяк не падавалася разуменню. Усё здавалася нейкае невыразнае: крыкі і стогны, нечыя грубыя галасы, тупат конскіх падкоў на вуліцы, прыглушаныя сірэны. У цяжкім здранцвенні яна не магла паварухнуцца, каб зірнуць у акно» [8, с. 547]. Пазней падобная псіха-фізічная рэакцыя (сон на яве), калі час ці запавольваў свой рух, ці пераносіў персанажа ў альтэрнатыўную рэальнасць, што адлюстравана, напрыклад, у «Хатынскай аповесці» і мастацка-публіцыстычнай кнізе «Карнікі» А. Адамовіча.

І. Шамякін падкрэсліваў, што пачуццё тэмпаральнага разрыву на Першай сусветнай нараджалася адразу пасля таго, як дзейная асоба трапляла на фронт: «Увесь час яму [Багуновічу. – З.Т.] здавалася, што вайна аддаліла яго бязвоблачнае дзяцінства, юнацтва на цэлае стагоддзе» [9, с. 29]. Персанаж губляў знаёмых арыенціры: бінарная апазіцыя «дзень – ноч», змены пор года і прымеркаваныя да іх трансфармацыі відаў гаспадарчай дзейнасці, паступовае назапашванне вопыту і выкананне пэўных грамадскіх функцый у адпаведнасці з перажытым – усе звыклыя пазнакі часу касаваліся новымі праявамі татальнай вайны. Менавіта яны вымушалі чалавечую свядомасць працаваць на максімуме магчымасцей: з аднаго боку, імгненна рэагаваць на небяспеку, з другога – мінімізаваць уплыў дэструктыўных фактараў (натуралістычных відовішчаў, побытавых нястач, праблем у сферы міжасабовых зносін, паралізуючага пачуцця жаху і г. д.). Прызайкі звяртаў увагу на псіха-фізічныя змены, якія недвухсэнсоўна сведчылі, што дзейная асоба сутыкнулася з базавымі праявамі тэмпаральнага разрыву: «Я аглух, анямеў. Не чуў ужо ні “ўра”, ні стрэлаў, ні шуму дажджу, ні стогнаў і просьбаў параненых» [5, с. 68]. Пазней героі пераадоўвалі стан здранцвення, але адносна раўнавага, звязаная з перадваенным часам, не адраджалася, пакідаючы асобу сам-насам з пачуццём кагнітыўнага дысанансу, якое павялічвалася ў экстрэмальных абставінах.

Натуральна, што задуменне, трызненне ці сон маглі змяніцца абвостраным адчуваннем хады часу, напрыклад, пад абстрэлам ці ў момант змагання з ворагам сам-насам. Поруч з гэтым пачуццём назіралася і гіпердэталізаваная рэгістрацыя падзей, якія лёгка аднаўляліся свядомасцю нават праз шмат год: «Усё калечыла душу вясковага хлапчыны ў той дзень. Другім жудасным відовішчам было пахаванне забітых. Пасля артналёту, хавалі хоць па-чалавечы, па-хрысціянску: адпяваў поп, грымеў салют. А тут – пад праліўным дажджом забітых без дамавін апусцілі ў яму, куды наліло вады. Целы патанулі ў жоўтай вадзе. Усплылі шапкі, якія клалі на грудзі забітым. Поп прабульніў колькі хвілін, калі нябожчыкі ляжалі пад голымі бярозамі... Не было салюта» [5, с. 69]. Мастак слова падкрэсліваў выбарнасць, з якой свядомасць то выкрэслівала асобныя трагічныя старонкі, то падрабязна занатоўвала іх ва ўсёй звыроднасці. Узнікаў своеасаблівы каталог, да якога апавядальнік наважыўся звярнуцца і прааналізаваць перажытае толькі пасля таго, як з’явілася вялікая часавая дыстанцыя, што крыху зменшыла напал адмоўных эмоцый.

У экстрэмальных франтавых умовах, паводле І. Шамякіна, які знутры зведаў сутнасць узброенай барацьбы падчас Вялікай Айчыннай, недалёкае мінулае ўспрымалася як сненне, апавед пра «залатое стагоддзе» чалавецтва, ілюстрацыя з падручніка па гісторыі. Дадзенае назіранне за ваеннай рэчаіснасцю добра стасуецца з плёнам разваг заходнееўрапейскіх (А. Барбюс, Р. Олдынган, Э. М. Рэмарк) і амерыканскіх (Дж. Дос Пасас, Э. Уортан, Э. Хэмінгвэй) літаратараў. З другога боку, беларускі мастак слова, на наш погляд, наўрад ці пагадзіўся б з назіраннем Р. Олдынгтана, пададзеным у апавяданні «Шляхі да славы»: «Усё, што накіроўвалася да фронту, поўнілася сілай, маладосцю, жыццём. Усё, што рухалася з фронту, бяссільнае, спарэхнелае, мёртвае» [10, с. 392]. Айчыныя прызайкі больш аптымістычны ў дачыненні да лёсаў галоўных персанажаў аповесці «Першы генерал» і рамана «Петраград – Брэст»: жахі і страты вайны не ператварылі іх у тыповых

прадстаўнікоў «страчанага пакалення». Сэнс іх вяртання з фронту відавочны: прыняць удзел у фарміраванні новага грамадска-палітычнага ладу, які вабіў іх безліччу магчымасцяў для самарэалізацыі.

У выпадку з Піліпам Жменькам («Першы генерал») пачуццё тэмпаральнага разрыву абвастралася, калі персанаж апынуўся ў незвычайнай сітуацыі, што адбілася на яго ідэнтычнасці. Паводле аўтара, стаўшы Жмяньковым, герой часткова страціў повязь са сваім родам і нацыянальнай гісторыяй (хаця ў адным з далейшых эпізодаў аповесці персанаж апантана спрачаўся са сваім аднагодкам-украінцам, імкнучыся растлумачыць, што яго народ існуе насамрэч, а не з'яўляецца плёнам нечужай фантазіі). Мінулае адыходзіла ў нябыт, бо пратаганіст са сціплага хлопчыка раптоўна ператварыўся ў Георгіеўскага кавалера, гераічны ўчынак якога на кароткі момант зацікавіў шырокую грамадскасць. Паралельна з разважаннямі пра ролю выпадку на вайне, мастак слова дакрануўся да дастаткова далікатнай тэмы: зняважлівых адносін да беларусаў у межах поліэтнічнага дзяржаўнага ўтварэння.

Заўважым, што ў кнігах І. Шамякіна, як і ў творах папярэднікаў ды і сучаснікаў, выразна акрэсліваюцца два вымярэнні: аб'ектыўны, гістарычны і непарыўна існуючы час, які вызначаў быццё ўсяго грамадства, і суб'ектыўны, асабісты час, што трансфармаваўся ў залежнасці ад прыватнай сітуацыі і вопыту дзейнай асобы (натуральна, што ён жывіўся пlynню гістарычнага часу). Іх узаемадзеянне набывала самыя розныя абрысы: свядомасць персанажа магла як знітаваць абодва пласты (вопыт спасціжэння рэвалюцыйных ідэй Багуновічам і Жменькам) ці, наадварот, вывесці суб'ектыўны час на першы план. Гэта здаралася, калі персанаж не пагаджаўся з катастрафізмам сучаснасці (пагібель каханай Багуновіча, адаптацыя Піліпа Жменькі да франтавога побыту) і вымушана кіраваўся ў стыхію сваіх думак, унутрана пратэстуючы супраць расчалавечвання, знішчэння чалавека на вайне. Амаль заўсёды падобны сыход у суб'ектыўны час быў надзвычай траўматычным і суправаджаўся фізічнымі пакутамі: «Пад вечар хавалі забітых. На вясковых могілках вярсты за паўтары ад пазіцый. Адпявалі нябожчыкаў два папы ў чорных рызах ... Дамавіны стаялі каля даўжэзнай магілы. Я налічыў іх дзевятнаццаць. Нябожчык у адной быў накрыты белай прасцінаю, пасля казалі – не знайшлі галавы... *Зрабілася млосна. Я адышоў ад магілы і сеў пад каржакаватай сасной. Усё іншае ўспамінаецца як страшны сон... Усё пераблыталася ў галаве. Прасвятленне пачалося са слёз*» (курсіў наш. – З.Т.) [5, с. 55–56].

Суб'ектыўны час звязаны самарэфлексіяй персанажаў, якія недвухсэнсоўна выказваліся пра асобныя вынікі сусветнай вайны. Шамякінскія героі прыходзілі да высновы, што «ўсё ў іх зачарсцвела, душа пакрылася бруднымі гнойнымі струпамі» [9, с. 2]. У аднолькавай ступені гэтаму спрыялі і натуралістычныя відовішчы, і знішчэнне часткі аксіялагічных устаноў мінулага, і вопыт перажытага тэмпаральнага разрыву, і стрэс ад сутыкнення са сродкамі масавага знішчэння, і нядобразычлівыя адносіны вышэйшых па званні. У такіх умовах роздум (у выпадку з Багуновічам і Жменькам) успрымаўся як адмысловы тэрапеўтычны сродак, які дазваляў персанажу вытрымаць страты і псіхалагічны прэсінг.

Высновы

Адлюстраванне тэмпаральнага разрыву – адзін з вядомых сусветнай ваеннай літаратуры мастацкіх прыёмаў, які дапамагаў узнавіць катастрафізм быцця на працягу ўсяго XX ст. Гэты прыём, засвоены беларускімі празаікамі (З. Бядуля, А. Гародня, М. Гарэцкі, Ц. Гартны, К. Чорны) ужо ў першай трэці мінулага стагоддзя, не страціў сваёй актуальнасці для мастакоў слова, якія разглядалі падзеі Першай сусветнай вайны з адносна вялікай часовай адлегласці (У. Гніламёдаў, Г. Далідовіч, В. Карамазаў, І. Шамякін).

Творы І. Шамякіна «Першы генерал» і «Петраград – Брэст» вылучаліся арыгінальнай канцэпцыяй адлюстравання асабістага часу, які перш за ўсё вызначаўся дыскрэтнасцю: персанажам здавалася, што натуральная плынь асабістага часу гвалтоўна перарывалася пад уплывам шакіруючых праяў вайны. Аўтар адметна адлюстравалі псіха-фізічную рэакцыю дзейнай асобы на тэмпаральны разрыў (шок, змаўленне, задуменне, сон, трызненне). І. Шамякін абраў шэраг мастацкіх сродкаў, якія дазволілі яму ўвасобіць трансфармацыі ва ўспрыманні часу персанажамі: проціпастаўленне былога і сучаснасці дзейнай асобы; вялікая колькасць дэталей, якія практычна не аналізаваліся апавядальнікам, што не жадаў і надалей траўмаваць уласную свядомасць, значная колькасць рэтраспектыўных эпізодаў, што ўспрымаліся героямі як далёкая мінуўшчына, як тое, што назаўжды адышло ў нябыт.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Шамякіна, Т. Першая сусветная вайна ў аповесці І. Шамякіна «Першы генерал»: погляд савецкага пісьменніка / Т. Шамякіна // Першая сусветная вайна ў народнай памяці і мастацкім адлюстраванні : матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Мінск, 7–8 кастр. 2014 г.) / прадм. і ўклад. С. Л. Гараніна ; навук. рэд. А. І. Лакотка ; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2014. – С. 53–58.
2. Гальго, Н. Каментарыі / Н. Гальго // Збор твораў у 23 т. / І. Шамякін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2013. – Т. 17: Петраград – Брэст : раман. – С. 514–565.
3. Гарэцкі, М. На імперыялістычнай вайне (Запіскі салдата 2-й батарэі N-скай артылерыйскай брыгады Лявона Задумы) / М. Гарэцкі // Збор твораў : у 4 т. – Мінск : Маст. літ., 1985. – Т. 3. – С. 5–128.
4. Самуйлёнак, Э. Герой нацыі / Э. Самуйлёнак // Дачка эскадрона : апавяданні. – Мінск : ДВБ, Маст. літ., 1937. – С. 92–136.
5. Шамякін, І. Першы генерал / І. Шамякін // Бацькі і дзеці. Выбранае. – Мінск : Беларусь, 1971. – С. 5–192.
6. Лынькоў, М. На чырвоных лядах / М. Лынькоў. – Менск : ДВБ ЛіМ, 1934. – 322 с.
7. Чорны, К. Пошукі будучыні / К. Чорны // Пошукі будучыні : Раман. Апавесці. Апавяданне. – Мінск : Маст. літ., 2008. – С. 5–214.
8. Лынькоў, М. Векапомныя дні / М. Лынькоў // Збор твораў : 8 т. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – Т. 5, кн. 3, 4. – 718 с.
9. Шамякін, І. Збор твораў : у 23 т. / І. Шамякін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2013. – Т. 17: Петраград – Брэст : раман. – 567 с.
10. Олдингтон, Р. Прощайте, воспоминания / Р. Олдингтон // Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Худож. лит., 1988. – Т. 1. – С. 383–398.

Паступіў у редакцыю 23.11.2018

E-mail: zoya.tretyak@rambler.ru

Z. Tratsiak

TEMPORAL GAP DEPICTION AS ONE OF THE ARTISTIC TECHNIQUES OF WAR
INCARNATION (ON THE EXAMPLE OF ‘THE FIRST GENERAL’ AND
‘PETROGRAD – BREST’ BY I. ŠAMIĀKIN)

The article is devoted to some specific features of temporal gap artistic expression in I. Šamiakin heritage. The existence of such notions as public and private time is proved on the example of ‘The First General’ and ‘Petrograd – Brest’. It is highlighted that the latter feeds on experience from real life, but private time changes its ways to preserve quietism of a lonely hero in the extreme circumstances. Some artistic techniques selected by I. Šamiakin to show temporal gap are characterized: opposition of the pre-war past and front-line reality, thorough investigation of a character’s inner world, depiction of dreams, numbness, delirium which separated a hero from war elements.

УДК 81'33'37(045)

Н. Г. Швец

Старший преподаватель кафедры информатики и прикладной лингвистики,
УО «Минский государственный лингвистический университет», г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель: Зубов Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор

РАЗРАБОТКА ФОРМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВЗАИМОСВЯЗИ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается построение компьютерной модели, позволяющей к заданному тексту рекламного объявления подобрать наиболее подходящую по содержанию иллюстрацию. При этом основное содержание текста предлагается представлять в виде определенного набора главных и второстепенных ключевых слов, а содержание иллюстрации – в виде многоуровневого комплекса дескрипторов. Компьютерная реализация разработанной модели доказала, что формальная взаимосвязь вербального текста и иллюстрации рекламного объявления вполне осуществима на лексико-семантическом уровне.

Ключевые слова: компьютерная модель, креолизованный текст, рекламное объявление, ключевое слово, основное содержание, тезаурусное описание.

Введение

В связи со стремительным развитием современных информационных технологий, направленных на решение проблем автоматизированной обработки семиотически неоднородных массивов информации, особый интерес представляет исследование механизмов порождения и восприятия смысла креолизованных текстов, в которых в рамках единого сообщения сплетены вербальные и невербальные компоненты.

В лингвистике текста обращение к невербальным средствам связано с поиском закономерностей текстообразования, выявлением роли этих средств в организации прагматического воздействия текста на адресата, необходимостью более полного извлечения текстовой информации. Визуальное сообщение имеет существенные особенности по сравнению с вербальным текстом: «в нем нет непосредственной линейной композиции, которая требует считывания последовательно: слово за словом. Специфика визуального текста в том, что, с одной стороны, если количество его элементов превышает два, то такое сообщение предъявляет композицию непосредственно и одновременно. С другой стороны – реципиент обладает свободой в осознанном или неосознанном выборе порядка считывания сообщения» [1, с. 296–297].

Мир креолизованных текстов чрезвычайно многообразен. Он охватывает тексты газетно-публицистические, научно-технические, тексты-инструкции, иллюстрированные художественные тексты, афиши, комиксы, карикатуру, шарж, плакаты, открытки, географические карты и др. В этом списке есть и печатное рекламное объявление, являющееся «сложным текстовым образованием, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [2, с. 17]. Исследователи отмечают, что эффективное сочетание в рекламе вербального знака и иллюстрации возможно лишь в результате длительной работы по разработке композиции рекламного объявления. И проблема такого эффективного сочетания остается серьезной проблемой для современной лингвистической науки.

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена, во-первых, неослабевающим интересом к анализу самых разных аспектов рекламного дискурса, который во многом стимулирует современные исследования в области анализа дискурса в целом; во-вторых, значимостью исследований механизмов порождения и восприятия смысла креолизованных текстов, в которых в рамках единого сообщения сплетены элементы различных семиотических кодов; в-третьих, необходимостью разработки способов формального представления содержания таких текстов.

Цель исследования – найти оптимальный способ взаимосвязи вербальной составляющей рекламного объявления и иллюстрации этого рекламного объявления и представить эту взаимосвязь в виде формальной модели.

Результаты исследования и их обсуждение

Конкретизируя в целях нашего исследования понятие **рекламное объявление** (РО), будем называть им семиотически неоднородный текст, содержащий вербальный (словесный) компонент (непосредственно рекламный текст) и визуальный (невербальный) компонент (изображение), представленный в письменной форме, заранее подготовленный, обладающий автономностью, направленный на донесение до адресата определенной информации с целью привлечения внимания к тому или иному виду товара.

Гипотеза исследования 1000 печатных РО по теме «Косметика и парфюмерия» состоит в том, что, представляя содержание текста РО в виде определенного набора главных и второстепенных опорных (или ключевых) слов, а содержание иллюстрации РО – в виде многоуровневого комплекса дескрипторов, можно определить близость этих содержаний через максимальное число совпадений опорных слов и дескрипторов с учетом их степени важности.

Общая схема построения компьютерной модели включает следующие основные этапы [3, с. 9]:

- 1) постановка задачи;
- 2) разработка модели;
- 3) проведение компьютерного эксперимента.

Под **моделью** в компьютерной лингвистике понимается формализованное описание ряда существенных лингвистических свойств объекта, системы нескольких объектов, процесса или явления, обладающее структурным или функциональным подобием [4, с. 94], [5]. Такое описание может быть выражено конечным набором предложений какого-либо языка, математическими формулами, таблицами, графиками, специальными знаками или какими-нибудь схемами.

Рассмотрим подробнее перечисленные выше этапы разработки формальной модели.

Начнем с постановки задачи. Из 1000 проанализированных РО выбраны 200 РО, которые относятся к трем предметным областям: «Шампунь», «Крем для лица», «Краска для волос». Каждое РО состоит из двух основных частей: вербальной, содержащей текст рекламы, и изображения.

Необходимо для текста любого из упомянутых РО подобрать наиболее подходящее по содержанию изображение.

Каждая компьютерная модель опирается на некоторую базу знаний (БЗ). В нашем исследовании она состоит из:

- 1) таблиц основного содержания (ТОС) исследуемых рекламных текстов;
- 2) формальных представлений изображений исследуемых РО, заданных в виде их тезаурусных описаний;
- 3) текстов РО;
- 4) изображений РО.

Списки опорных слов, тезаурусные описания, а также тексты и иллюстрации рекламных объявлений в БЗ делятся на 3 группы, соответствующие следующим:

- 1) шампунь;
- 2) крем для лица;
- 3) краска для волос.

В нашем исследовании при выделении ключевых слов текста учитывается абсолютная частота употребления знаменательных слов (с учетом всех их возможных синонимов и замен) и количество абзацев, в которых они встретились. В современных системах автоматической обработки текста статистические методы, как правило, дополняются другими методами [6, с. 42]. Поэтому в целях получения более качественного результата мы использовали комплексный подход: статистический метод в сочетании с позиционным методом извлечения ключевых слов из текста. Преимущество выбранной нами методики состоит в возможности классифицировать слова конкретного текста в зависимости от степени их важности для семантической структуры текста по нескольким группам, а также в гибкой применимости данной методики к текстам РО с разным количеством абзацев.

Были получены ТОС для каждого исследуемого текста, которые были дополнены ключевыми словами из заголовков (КСЗ) соответствующих РО. В ТОС опорные слова в соответствии с предметными свойствами своих референтов в общем случае могут быть разделены на следующие группы [7]:

- 1) слова-объекты;
- 2) слова-признаки;
- 3) слова-действия;
- 5) прочие слова.

Например, в ТОС (таблица 1) текста РО № 1 (рисунок 1) ГОС и КСЗ разделены на следующие группы:

- 1) слова-объекты: *шампунь, волосы, лаборатория, фрукты, концентрат*;
- 2) слова-признаки: *активный, укрепляющий*;
- 3) прочие слова: *сила, блеск*.

Таблица 1. – ТОС текста РО № 1

Тип опорных слов	Опорные слова текста			
	объекты	признаки	действия	прочие
ГОС1	<i>шампунь</i>			
ГОС2	<i>волосы</i>			
ГОС3	<i>лаборатория</i>			
ГОС4	<i>фрукты</i>			
ГОС5	<i>концентрат</i>			
ГОС6		<i>активный</i>		
ГОС7				<i>сила</i>
ГОС8				<i>блеск</i>
КС3		<i>укрепляющий</i>		

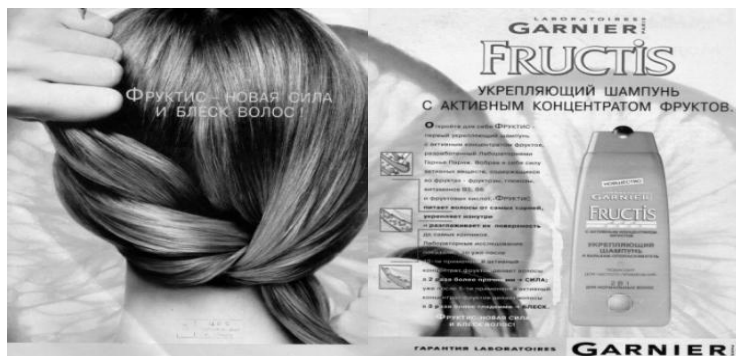


Рисунок 1. – Рекламное объявление № 1

В настоящем исследовании вызывает большой интерес тезаурусное представление содержания изображения, представляющее собой описание иллюстрации в виде некоторого набора слов и отношений между этими словами в рамках определенной предметной области. Преимуществом данного метода является то, что он позволяет учесть как доминирующие, так и второстепенные черты изображения.

Методика тезаурусного описания изображений РО включала следующие этапы [8]:

1) выявление языкового, денотативного и коннотативного содержания изображений исследуемых РО;

2) определение дескрипторов, образующих первый уровень тезауруса;

3) выделение следующих типов отношений между дескрипторами: ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ, СОМАТЕМА – ПРИЗНАК, СОМАТЕМА – ДЕЙСТВИЕ, ОБЪЕКТ – ПРИЗНАК, ОБЪЕКТ – ДЕЙСТВИЕ, АССОЦИАЦИЯ;

4) систематизация отношений типа СОМАТЕМА – ПРИЗНАК по ряду параметров (цвету, форме и т. п). Такие параметры были выделены для описания следующих соматем: «Женщина», «Волосы», «Глаза», «Губы», «Зубы», «Кожа», «Лицо», «Нос», «Ресницы», «Тело (Фигура)»;

5) систематизация отношений типа ОБЪЕКТ – ПРИЗНАК по следующим параметрам: «форма», «цвет», «содержимое», «название», «фирма-изготовитель».

Проиллюстрируем процедуру тезаурусного описания на примере изображения РО, показанного на рисунке 1.

Данная иллюстрация имеет следующее языковое содержание, образованное надписью на бутылочке с шампунем: «Новшество. Laboratoires Garnier Paris. Fructis с активным концентратом фруктов. Укрепляющий шампунь и бальзам-ополаскиватель. Подходит для частого применения. 2 в 1 для нормальных волос».

На анализируемом изображении можно выделить такие объекты, как рекламный персонаж (женщину), предмет рекламы (флакон с шампунем), фон (дольки фруктов), схему-пояснение (на ней показан корень волоса, окруженный молекулами разных активных веществ, которые его питают, укрепляют и разглаживают). Это денотативное содержание изображения.

Рассматривая исследуемое изображение более детально, можно выделить несколько коннотативных содержаний, т. е. тех ассоциаций, которые проходят через сознание человека при восприятии данного изображения.

Во-первых, завязывание волос в узел демонстрирует силу волос. Так как на иллюстрации изображена еще и бутылочка с шампунем, то это говорит о том, что именно он помог женщине так укрепить свои волосы.

Во-вторых, и женщина, и бутылочка с шампунем изображены на фоне долек с фруктами. Значит, активные вещества этих фруктов входят в состав рекламируемого шампуня.

В-третьих, желто-салатовые цвета фона и бутылочки с шампунем ассоциируются с целебными свойствами предмета рекламы.

Следовательно, у человека, посмотревшего на данное изображение РО, не может не возникнуть мысль: «Чтобы добиться такого эффекта сильных и блестящих волос, необходимо использовать именно тот шампунь, который рекламируется».

Тезаурусное представление изображения РО № 1 приведено в таблице 2.

Таблица 2. – Тезаурусное представление изображения РО № 1

Дескриптор (уровень тезаурусной иерархии)	Мероним (уровень тезаурусной иерархии)	Признак (уровень тезаурусной иерархии)	Действие (уровень тезаурусной иерархии) (ассоциация)
<i>женщина (1)</i>	<i>голова (2)</i> <i>руки (2)</i>		
<i>флакон (1)</i>	<i>шампунь (2)</i>	<i>зеленый (2)</i> <i>прямоугольный (2)</i>	
<i>фон (1)</i>	<i>фрукты (2)</i>		
<i>схема-пояснение (1)</i>	<i>волос (2)</i> <i>вещество (2)</i>		
<i>голова (2)</i> <i>руки (2)</i>	<i>волосы (3)</i>		<i>завязывать волосы в узел (3)</i> <i>(сила волос)</i>
<i>шампунь (2)</i>		<i>fructis (фруктус) (3)</i> <i>garnier paris (3)</i>	
<i>волос (2)</i>	<i>корень (3)</i>		
<i>вещество (2)</i>	<i>молекулы (3)</i>	<i>активное (3)</i> <i>зеленое (3)</i>	
<i>фрукты (2)</i> <i>волосы (3)</i>	<i>дольки (3)</i>	<i>блестящие (4)</i> <i>сильные (4)</i> <i>густые (4)</i> <i>шелковистые (4)</i> <i>длинные (4)</i> <i>гладкие (4)</i>	
<i>корень (3)</i>		<i>здоровый (4)</i> <i>сильный (4)</i>	
<i>молекулы (3)</i>		<i>зеленые (4)</i> <i>красные (4)</i>	<i>проникать в корень (4)</i> <i>(сила и блеск волос)</i>
<i>дольки (3)</i>		<i>зеленые (4)</i> <i>желтые (4)</i>	

Тезаурус является иерархической структурой, состоящей из дескрипторов различных уровней [9, с. 219], [10], [11]. Первый уровень тезауруса иллюстрации анализируемого РО (уровень тезауруса в таблице 2 обозначается цифрой в скобках) образуют следующие дескрипторы: *женщина, флакон, фон* и *схема-пояснение*.

Между дескриптором первого уровня *женщина* и дескрипторами второго уровня *голова* и *руки* устанавливаются системные отношения типа ЦЕЛОЕ (холоним) – ЧАСТЬ (мероним).

Дескриптор первого уровня *флакон* связан с дескриптором второго уровня *шампунь* отношением ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ, а с дескрипторами второго уровня *зеленый* и *прямоугольный* – отношением ОБЪЕКТ – ПРИЗНАК.

Между дескриптором первого уровня *схема-пояснение* и дескрипторами второго уровня *волос* и *вещество* устанавливаются отношения типа ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ.

Третий уровень тезауруса образуют следующие дескрипторы: *волосы, завязывать волосы в узел, сила волос, Fructis (Фруктис), Garnier Paris, корень, молекулы, активное, зеленое, дольки, волосы.*

Дескрипторами четвертого уровня тезауруса являются: *блестящие, сильные, густые, шелковистые, длинные, гладкие, здоровый, сильный, зеленые, красные, желтые, проникать в корень, сила и блеск волос.*

Основным критерием максимальной близости по содержанию любого текста РО и иллюстрации, взятых из БЗ, является максимальное количественное совпадение ключевых слов текста с дескрипторами тезаурусного описания изображения, выбранными определенным способом.

Формальная модель процесса выбора иллюстрации к заданному тексту РО может быть представлена в виде принципиальной схемы алгоритма, основные блоки которого приведены на рисунке 2.

Основной принцип работы алгоритма заключается в следующем.

Пользователь по своему желанию может выбрать на экране в меню предмет рекламы: «Крем для лица», «Шампунь» или «Краска для волос» (блок I), а затем – текст РО (блок II).

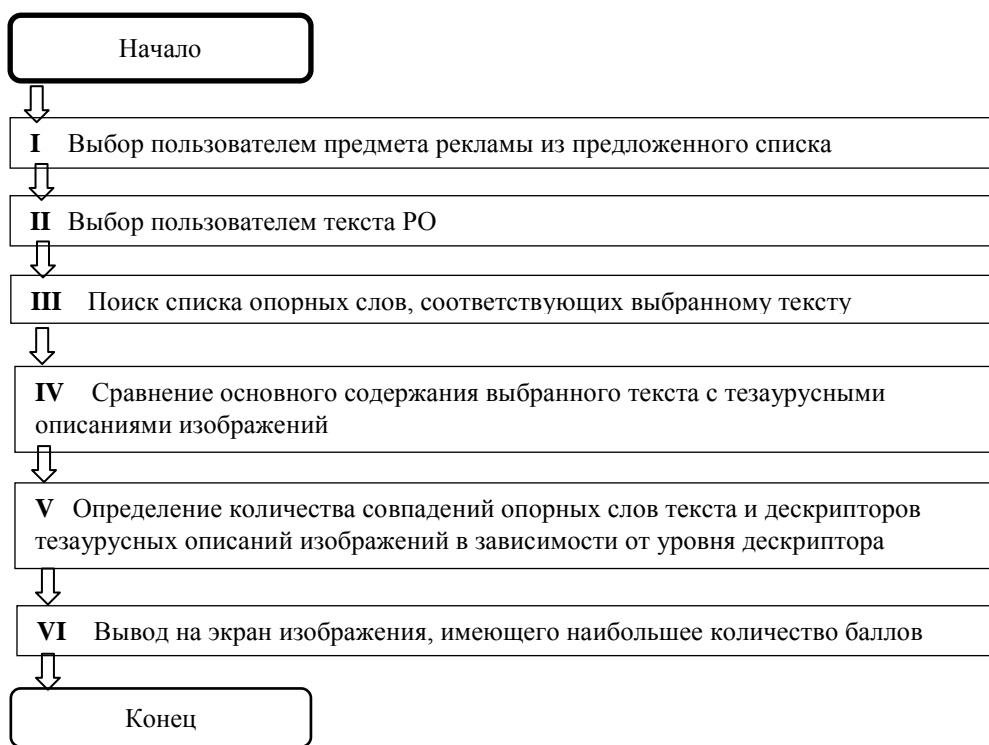


Рисунок 2. – Основные блоки принципиального алгоритма выбора иллюстрации к заданному тексту РО

Далее компьютер в автоматическом режиме подбирает иллюстрацию к данному тексту и высвечивает ее на экране. Для этого сначала осуществляется поиск в БЗ списка опорных слов, соответствующих выбранному тексту (блок III), и его сравнение с тезаурусным описанием каждой иллюстрации, относящейся к выбранному предмету рекламы (блок IV). Затем определяется количество совпадений опорных слов текста и дескрипторов всех иллюстраций (блок V). В результате на экран выводится иллюстрация, которая имеет наибольшее количество баллов, которое зависит не только от количества совпадений, но и от уровня дескриптора (блок VI).

Для проведения компьютерного эксперимента была написана программа на языке C#.

Программа работает следующим образом. Сначала из меню пользователь выбирает один из предметов рекламы (рисунок 3), затем – один из текстов, описывающих выбранный предмет рекламы.

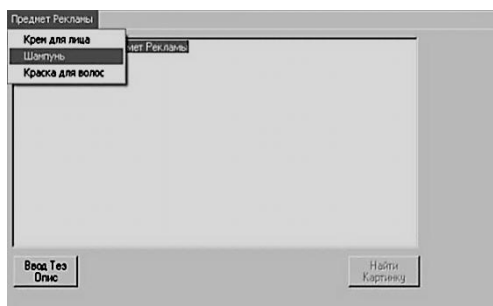


Рисунок 3. – Выбор из меню предмета рекламы

После нажатия на кнопку «Найти картинку» (рисунок 4) на экране высвечивается таблица с результатами совпадения опорных слов и дескрипторов всех иллюстраций БЗ. В этой таблице перечисляются опорные слова выбранного текста РО, а также совпавшие с ними дескрипторы определенного уровня из тезаурусных описаний иллюстраций. Каждому такому совпадению начисляется определенное количество баллов, которое зависит от уровня дескриптора.

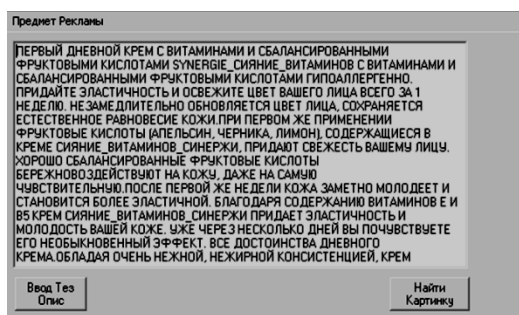


Рисунок 4. – Окно с выбранным текстом

Далее при нажатии на кнопку «Сумма баллов» (рисунок 5) подсчитывается количество совпадений опорных слов текста и дескрипторов, описывающих изображения РО, и на экран выдается иллюстрация, имеющая наибольшее значение числа таких совпадений.

КлючевоеСл	Дескрипторы	Баллы	Уровень	Иллюстрации
Лицо	лицо	3	Третий	"Image2.jpg"
Крем	крем+маска	2	Второй	"Image2.jpg"
Лицо	лицо	3	Третий	"Image3.jpg"
Крем	крем	2	Второй	"Image4.jpg"
Synergie_Si	synergie_sia	3	Третий	"Image4.jpg"
Лицо	лицо	3	Третий	"Image4.jpg"
Кожа	кожа	4	Четвертый	"Image4.jpg"
Кожа	соприкасает	4	Четвертый	"Image4.jpg"
Витамины	витамины	4	Четвертый	"Image4.jpg"
Лицо	лицо рунно	4	Четвертый	"Image4.jpg"
Лицо	свежесть ли	4	Четвертый	"Image4.jpg"
Лицо	соприкасает	4	Четвертый	"Image4.jpg"
апельсин	апельсины	2	Второй	"Image4.jpg"
черника	черника	2	Второй	"Image4.jpg"

Рисунок 5. – Окно с результатами совпадения опорных слов текста и дескрипторов тезаурусных описаний иллюстраций

Заключение

Сущность проведенного исследования – в формализации и алгоритмизации лексико-семантических правил, связывающих текст РО и соответствующее тексту изображение.

Анализ результатов работы компьютерной программы на материале 200 РО показал ее достаточно высокую эффективность. Таким образом, было доказано, что формальная взаимосвязь вербального текста и иллюстрации РО вполне осуществима на лексико-семантическом уровне.

Преимущества разработанного метода и его последующее апробирование на компьютере обеспечивают объективность анализа, высокую скорость обработки, возможность проверки различных вариантов соотношения текста и иллюстрации. Полученные результаты могут стать теоретической

основой для разработки формальных моделей распознавания визуальных материалов различной степени сложности.

Предложенные идеи можно использовать при создании информационных систем семантического поиска визуальных материалов в криминалистике (при отождествлении предметов и их описаний) и музейном деле (при составлении документации на картины и другие экспонаты), в издательском деле (при компьютерном дизайне текстов), а также в вузовских учебных курсах по лингвистике текста, семиотике и прикладной лингвистике.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИНЯТЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

- БЗ – база знаний
- ГОС – главное опорное слово
- КСЗ – ключевое слово из заголовка
- РО – рекламное объявление
- ТОС – таблица основного содержания

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лындин, В. С. Программы визуальной коммуникации / В. С. Лындин // Искусство и научно-технический прогресс. – М. : Искусство, 1973. – С. 281–306.
2. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. вузов / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
3. Зубова, И. И. Информационные технологии в лингвистике : учеб. пособие / И. И. Зубова. – Минск : МГЛУ, 2001. – 211 с.
4. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика / Е. И. Большакова [и др.]. – М. : МИЭМ, 2011. – 272 с.
5. Марчук, Ю. Н. Компьютерная лингвистика : учеб. пособие / Ю. Н. Марчук. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 317 с.
6. Карпилович, Т. П. Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2003. – 226 с.
7. Швец, Н. Г. Определение основного содержания текстов рекламных объявлений / Н. Г. Швец // Материалы ежегодной науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та 16–17 апр. 2002 г. : в 3 ч. / Минск. гос. лингв. ун-т ; отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск, 2003. – Ч. 2. – С. 82–87.
8. Швец, Н. Г. Формальный способ представления изображений рекламных объявлений в виде тезауруса / Н. Г. Швец // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2019. – № 2 (99). – С. 161–171.
9. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРРС, 2001. – 360 с.
10. Тезаурус как средство описания систем знаний / П. И. Браславский [и др.] // НТИ. Сер. 2. – 1997. – № 11. – С. 16–22.
11. Шингарева, Е. А. О двух направлениях представления семантики текста (тезаурус и фрейм) / Е. А. Шингарева // НТИ. Сер. 2. – 1982. – № 8. – С. 1–8.

Поступила в редакцию 09.03.2020

E-mail: shvetssnat@gmail.com

N. G. Shvets

DEVELOPMENT OF A FORMAL MODEL OF THE INTERRELATION OF VERBAL AND NON-VERBAL COMPONENTS OF CREOLIZED TEXT

The article discusses the construction of a computer model that allows you to choose the most suitable illustration for the given text of the advertisement. Moreover, the main content of the text is proposed to be presented in the form of a specific set of main and secondary keywords, and the content of the illustration in the form of a multi-level complex of descriptors. The computer implementation of the developed model proved that the formal relationship of the verbal text and the illustration of the advertisement is quite feasible at the lexical-semantic level.

Keywords: computer models, creolized texts, advertisement, keywords, main content, thesaurus description.

УДК 811.161.1'373.7: 821.161.1

О. Г. Яблонская

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и МПИЯ,
УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ МЕХАНИЗМОВ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ НА БАЗЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Данная работа посвящена изучению текстообразующих свойств фразеологических единиц на материале произведений российского автора С. Лукьяненко. Анализируются функции фразеологизмов и особенности их контекстной семантики, определяются способы их вхождения в структуру художественного текста и способы создания контекстных фразеологизмов, раскрываются механизмы текстообразования на базе данных единиц.

Ключевые слова: фразеологические единицы, контекстный фразеологизм, функции фразеологических единиц, механизмы текстообразования.

Введение

На современном этапе развития фразеологии актуальным является интегрированный подход к исследованию фразеологизмов, а именно рассмотрение их семантического и трансформационного потенциала, особенностей функционирования в речи (в том числе на примере художественных текстов), коммуникативной и прагматической направленности. Кроме того, в поле рассмотрения находятся вопросы выявления национальной специфики, особенностей перевода, а также формат словарного описания фразеологических единиц (ФЕ). Эти направления нашли отражение в работах таких ученых, как А. С. Аксамитов, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, А. В. Кунин, И. Я. Лепешев, О. А. Лещинская и других.

В настоящее время также активно изучается такое сложное языковое явление, как текст. Исследователей интересуют вопросы структуры текста и единиц его составляющих (Г. Д. Ахметова, Н. С. Валгина, В. А. Лукин, З. Я. Тураева и другие), функциональный и прагматический аспекты (М. Н. Кожина, Е. С. Кубрякова и другие), рецепция и интерпретация художественных текстов (Н. С. Болотнова, В. А. Кухаренко, Н. А. Николина, О. И. Ревуцкий и другие), коммуникативный и духовно-творческий аспект (Б. М. Гаспаров, Г. А. Золотова, В. А. Кухаренко и другие). В центре внимания также находится вопрос «Каким образом создаются тексты?», т. е. анализируя тексты, исследователи стремятся выявить факторы, элементы и механизмы текстообразования (Н. С. Болотнова, Н. С. Валгина, И. Г. Кошечкина, Т. В. Харламова и другие).

Последние десятилетия характеризуются расширением сферы изучения ФЕ, а именно обращением к текстам, в которых раскрывается их семантический, преобразовательный и текстообразующий потенциал. Проблема текстообразования рассматривается нами на примере диалогии современного российского автора Сергея Лукьяненко «Черновик» и «Чистовик», что позволяет провести комплексный анализ ФЕ в широком литературном и социокультурном контексте.

Цель и задачи исследования

Цель данной работы – выявить текстообразующий потенциал ФЕ в художественном тексте, определить механизмы текстообразования на базе данных единиц.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- 1) выявить языковые и контекстные фразеологизмы в тексте романа С. Лукьяненко;
- 2) определить способы вхождения ФЕ в структуру текста;
- 3) определить способы создания контекстных фразеологизмов в тексте;
- 4) раскрыть текстообразующие возможности ФЕ и механизмы текстообразования на базе данных единиц.

Результаты исследования и их обсуждение

Одним из современных литературных направлений является «историческая фантастика», к которой можно причислить анализируемые произведения. «...Мировоззренческой основой

художественной практики стало признание множественности равнозначных исторических позиций, скепсис по поводу исторической истины вплоть до отрицания познаваемости смысла истории в принципе, деконструкция, домысливание и изменение истории по желанию автора... Опираясь на игровое начало в искусстве, писатели ведут игру в историю и игру с историей, деформируют исторические сюжеты, нередко пародируя официальную историографию и литературную традицию» [1, с. 30].

Роман С. Лукьяненко динамичен и драматичен, главный герой, Кирилл, стремится осмыслить окружающий мир, разобраться в происходящих событиях, ответить на вопрос, который интересует все человечество: каков идеальный мир? «Герою предстоит многое узнать и осознать. Например, задуматься над поиском национальной идеи для здешней России. А также понять, что же все-таки есть «черновик» – он сам с навязанной ему функцией, миры, двери в которые ему предстоит «выспать», или же наша Земля?» [2]. В содержательном плане роман характеризуется рассмотрением вопроса существования и развития человека и человечества в целом в разных гипотетически возможных условиях исторического развития. Созданные автором художественные варианты действительности, в основе которых находятся разные человеческие ценности, взгляды и убеждения, позволяют ФЕ проявить свой текстообразующий потенциал.

В рассматриваемой диалогии фразеологизмы используются как в сильных в семантическом плане позициях (чтобы обозначить определенную точку зрения, подчеркнуть общечеловеческие ценности), так и в слабых (чтобы точнее передать мысли и отношение героев к событиям, дополнить характеристику кого-либо или описание чего-либо). Многочисленные примеры, в которых автор вводит ФЕ в текст, прибегая к различным приемам их трансформации. Трансформированные единицы представляют собой контекстные фразеологизмы, т. к. они являются аналогами языковых фразеологизмов в семантическом, структурном и/или функциональном аспекте и ограничены рамками данного художественного произведения.

Рассмотрим следующие фрагменты текста.

«Новый мир – хорошо, а старый друг – лучше. Я должен спасти Кешью».

Основой данного выражения является всем известная поговорка *Старый друг лучше новых двух*. Новый мир представляет для главного героя несомненный интерес, желание исследовать его велико, однако эмоциональная привязанность к собаке, которая являлась неотъемлемой частью жизни Кирилла, переживания за родное живое существо берут верх. Кроме того, эта мысль неоднократно повторяется в ходе повествования, что подчеркивает человечность героя, его ответственность за пса и желание убедиться, что с ним все в порядке.

Реализация процесса текстообразования осуществляется вследствие модификации синтаксической модели языкового прототипа контекстного фразеологизма и расширения его лексического состава. В таком трансформированном варианте фразеологизма когнитивная и эпистемическая функции выходят на первый план, т. е. в нем отражаются новые знания, необходимые для правильной интерпретации происходящего, которые обнаруживаются за счет элементов нового мира, опосредованных сознанием героя [3, с. 18–19]. Кроме того, реализуются следующие функции: оценочная (дает оценку, расставляет приоритеты), эмоционально-экспрессивная (передает отношение героя) и резюмирующая (подводит итог произошедшим событиям).

Явным контекстным фразеологизмом является выражение из следующего примера, созданное на основе языковой единицы: *не учи ученого* или *ученого учить – только портить*:

«Ну зачем было меня так пугать? Рассказала бы сразу... – И этим бы все испортила, – Наталья фыркнула. – Не учи функционала исполнять его функцию».

Лексическое наполнение контекстного фразеологизма, с одной стороны, способствует буквализации его значения, а с другой, выражает коммуникативную и прагматическую функциональную направленность всего высказывания: сообщение информации о своей самодостаточности и «квалифицированности» и одновременное выражение возмущения и раздражения от подобного предложения функционала-новичка.

«Кто их сделал мастерами? Те, с Земли-один. Значит, во-первых, они им признательны. А во-вторых – побаиваются. Кто функционалом сделал, тот свой дар и назад отобрать может».

Прототипом данного предложения является устойчивое выражение *Бог дал, Бог взял*, о чем свидетельствуют структурное подобие сравниваемых выражений и их лексическая аналогия. Однако в семантическом и прагматическом плане проявляется совсем иная информация. Исходный языковой оборот употребляется для выражения безропотного смирения при большой потере [4], тогда как контекстный фразеологизм-аналог содержит в себе предостережение

в отношении поступков, за которыми может последовать конкретное наказание в виде лишения способностей функционала.

В тексте романа на первый план выходят следующие функции данной ФЕ: резюмирующая (подводит итог сообщенной информации), прагматическая (предостерегает собеседника от необдуманных поступков), интенсификационная (усиливает прагматическое воздействие за счет создания образа кого-то очень могущественного).

«...Ага! Технологию они притормозили, идиоты... *С каждого мира по нитке, себе кафтан решили сшить*».

В качестве основы данного выражения используется пословица *с миру по нитке – голому рубаха*, т. е. если собрать со всех понемногу, то получится нечто ощутимое для кого-либо одного [4].

В данном случае наблюдается семантическое преобразование пословицы в соответствии с широким контекстом: в ней заключается желание людей выбрать лучший для себя вариант развития цивилизации. Конкретизация значения основана на замене лексических единиц согласно «условиям» художественной действительности. Одновременно в рамках узкого контекста выявляется ирония говорящего, его возмущение происходящим, насмешка над поступками «сверхлюдей», т. к., несмотря на все эксперименты, им все равно не удалось создать идеальный мир. Среди функций, которые выполняет данная контекстная пословица, можно выделить резюмирующую (подводит итог действиям «сверхлюдей»), оценочную (выражает несовпадение желаемого и полученного результата), образную (вызывает ассоциации с происходящими событиями) и эмоционально-экспрессивную (передает отрицательное отношение говорящего, его насмешку).

Наряду с использованием словарных фразеологизмов, их трансформированных и преобразованных вариантов, в тексте романа встречаются созданные автором выражения фразеологического характера, например, пословицы. Рассмотрим следующие примеры.

«Как в народе говорят: *хоть золотарь, хоть царь, а все – смертна тварь*».

Данное выражение не зафиксировано в словарях, но контекстное пояснение «как в народе говорят» придает правдоподобность суждению и подчеркивает его общепринятость. «Рекомендательная и объяснительная сила пословиц основывается на общем знании, разделяемом всеми носителями данного языка. В этом смысле они культурно зависимы. Их можно рассматривать как средоточие правил наивной логики, определяющей практическое поведение человека в проблемных ситуациях» [9, с. 78]. Пословичный характер выражения создается также за счет синтаксической структуры предложения, которая используется во многих русских пословицах.

Приведенная контекстная пословица выполняет в тексте следующие функции: образную (создает отсылки к простым и понятным понятиям и явлениям), резюмирующую (обобщает принципы мироустройства и отражает общественное сознание), эпистемическую (выражает мировосприятие, опосредованное сознанием этого общества).

Еще один пример контекстной пословицы приведен в следующем фрагменте текста.

«*Если крысину нору заделать, то звери прогрызут другую, рядом*. Лучше поставить мышеловку».

В мире, где развиты биотехнологии, образы животных используются для выражения общественного сознания и миропонимания. Высказывание представляет собой умозаключение, сделанное на основе жизненного опыта и мировосприятия представителей этого мира. Именно такой социальный и эволюционный опыт придает выражению устойчивый характер. Согласно контексту, данное высказывание воспринимается как пословица, т. к. в нем возможно выделить две особенности плана содержания, а именно – рекомендательную силу и отсылку к общему знанию носителей данного языка [5, с. 80].

Данный контекстный фразеологизм выполняет характеризующую функцию (подчеркивает наблюдательность и рассудительность общества), образную (облегчает восприятие идеи выражения), прагматическую (способствует размышлению и подводит к принятию правильного решения), резюмирующую (подводит итог наблюдениям).

Выражение ретроспективно становится более значимым, т. к. имеет парадигматическую связь с другим фрагментом текста: «Если ты не можешь заделать нору – затопи ее». Образ крысиной норы является основой дальнейшего развертывания текста.

Выводы

Фантастика как литературный жанр дает автору свободу выбора языковых средств при создании художественной действительности. Рассмотрев фразеологизмы и единицы

фразеологического характера в произведениях С. Лукьяненко «Черновик» и «Чистовик», можно сделать следующие заключения.

ФЕ могут проявлять широкие возможности текстообразования в произведениях данного жанра: они могут быть использованы непосредственно в своих словарных значениях, как варианты или в трансформированном виде, либо служить основой для создания контекстных выражений фразеологического характера. Фразеологизмы формируются на основе языкового и социально-художественного опыта коммуникантов и, таким образом, создают качественное своеобразие литературного произведения на сюжетном, предметно-логическом, образном и эмоциональном уровнях восприятия. Употребление контекстных ФЕ способствует расстановке смысловых акцентов, созданию необходимой языковой среды в соответствии с художественным окружением.

Семантический план контекстного фразеологизма строится за счет наложения смысла на исходный языковой фразеологизм, значение которого может отходить на второй план или полностью исчезать. В таком случае значимую роль имеет сохранение его синтаксической структуры, которая способствует восприятию авторского выражения в качестве фразеологизма. Новый фразеологизм, с одной стороны, событийно, локально и темпорально обусловлен контекстом, а с другой – выполняет роль вектора для дальнейшего развертывания текста в содержательном плане и является ядром эмоционально-эстетического и прагматического воздействия на читателя.

К механизмам текстообразования на базе рассматриваемых единиц можно отнести следующие (в порядке возрастания их значимости):

- использование ФЕ в слабой позиции текста наряду с лексическими единицами; ФЕ имеют фрагментарную значимость, существенны лишь синтагматические связи данных единиц;

- использование ФЕ в значимых в смысловом отношении фрагментах; ФЕ проявляют парадигматические связи с другими фрагментами текста, усиливая важность конкретной идеи, которая таким образом дублируется;

- использование вариантов и трансформантов ФЕ, в результате чего выраженная или характеризуемая фразеологизмом идея получает дополнительный смысловой акцент, значимый для фрагмента или целого текста;

- использование фразеологического прототипа для создания контекстного фразеологического выражения; структурная модель языкового фразеологизма наполняется новыми лексическими единицами, которые приобретают фразеологическое значение в рамках созданной художественной действительности.

Диапазон функций фразеологизмов может расширяться под влиянием их структурно-семантических трансформаций, а также за счет фоновых знаний собеседника (читателя), которые включают в себя знания о художественной реальности.

Художественное преобразование языкового материала во фразеологические элементы авторского текста создается за счет способности фразеологизмов выражать глобальные обобщения на уровне духовного и философского восприятия мира (на основе образов, аллюзий, т. п.). Таким образом, контекстные фразеологизмы раскрывают духовный мир, ценности или представления описываемого социума, отражают ключевые убеждения, которые лежат в основе поведения человека в том или ином мире.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Трубина, Л. А. Художественный текст в аспекте категории исторического сознания / Л. А. Трубина // Текст как филологический феномен: актуальные аспекты рецепции и интерпретации / Д. В. Абашева [и др.] ; сост. и науч. ред.: Л. А. Трубина, В. К. Сигов. – М., 2018. – С. 14–35.

2. Байкалов, Д. Таможня дает добро [Электронный ресурс] / Д. Байкалов // Если. – 2015. – № 11. – Режим доступа: https://royallib.com/read/gurnal_esli/esli_2005_vipusk_11.html#1052273. – Дата доступа: 10.01.2020. – Рец. на кн.: Лукьяненко, С. Черновик / С. Лукьяненко. – М. : АСТ : Транзиткнига, 2006. – 414 с.

3. Яблонская, О. Г. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в структуре русских художественных текстов XX–XXI веков: компонентный и контекстный анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / О. Г. Яблонская ; Белорус. гос. пед. ун-т. – Мозырь, 2018. – 28 с.

4. С миру по нитке – голому рубаха [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=С+миру+по+нитке+голому+рубаха&from=xx&to=ru&did=dic_wingwords&stype=. – Дата доступа: 08.01.2020.

5. Баранов, А. Н. Основы фразеологии: крат. курс : учеб. пособие [Электронный ресурс] / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – Режим доступа: <https://b-ok.org/dl/2895406/fa473a>. – Дата доступа: 10.01.2020.

Поступила в редакцию 13.01.2020

E-mail: olga_yablonskaya@rambler.ru

O. G. Yablonskaya

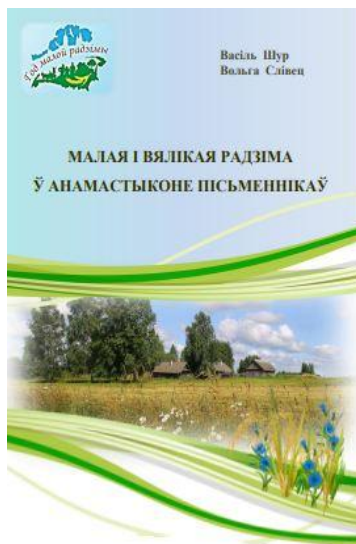
TO THE PROBLEM OF DEFINING THE WAYS OF TEXT FORMATION
ON THE BASIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS

The paper is devoted to the study of the text-forming properties of phraseological units on the material of the works by the Russian author S. Lukyanenko. The functions of phraseological units and the features of their contextual semantics are analyzed, the ways of their entry into the structure of the literary text and the ways of creating contextual phraseological units are defined, the ways of text formation based on the analyzed units are revealed.

Keywords: phraseological units, contextual phraseological units, functions of phraseological units, ways of text formation.

РЭЦЭНЗІІ

УДК 808.26-313.1(043.3)

А. В. Кавалёва¹, Г. В. Юдзянкова²¹Кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры замежных моў і методыкі выкладання замежных моў, УА «Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»²Кандыдат філалагічных навук, загадчык аспірантуры, УА «Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»**З ЛЮБОЎЮ ДА РОДНЫХ МЯСЦІН***Шур, В. В. Малая і вялікая радзіма ў анамастыконе пісьменнікаў / Васіль Шур, Вольга Слівец. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2019. – 171 с.*

Доктар філалагічных навук, прафесар Васіль Васільевіч Шур на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў грунтоўна і паслядоўна займаецца даследаваннем анамастычнай лексікі ў соцыуме і розных тыпах мастацкага дыскурсу. Значная колькасць яго прац прысвечана лінгвістычнаму краязнаўству. Новая кніга Васіля Шура «Малая і вялікая радзіма ў анамастыконе пісьменнікаў» напісаная ў суаўтарстве з Вольгай Слівец, прымеркавана да Года малой радзімы і з'яўляецца абагульненнем іх ранейшых даследаванняў у галіне рэгіянальнай праблематыкі на матэрыялах твораў *Якуба Коласа, Івана Мележа, Івана Шамякіна, Івана Навуменкі, Фёдора Янкоўскага, Уладзіміра Верамейчыка, Віктара Карамазова, Уладзіміра Караткевіча, Галіны Дашкевіч*. Паэтонімы з'яўляюцца спецыфічным пластом лексікі ў творах мастацкай літаратуры. Побач з сучаснымі адметнасцямі яны нярэдка захоўваюць у сабе асаблівасці далёкага і блзкага мінулага. Заслугоўвае ўвагі і тое, што некаторыя фрагменты змешчанага ў манаграфіі матэрыялу публікаваліся ў такіх часопісах, як «Польмя», «Роднае слова», «Маладосць» і інш., пра што становіцца адзначалася ў літаратурнай

крытыцы. Вядома, што вывучэнне ўласных імёнаў немагчыма толькі ў межах лінгвістыкі, таму ў манаграфіі аўтары аналізуюць фактычны матэрыял у некалькіх аспектах – лінгвістычным, этналінгвістычным, гістарычным, географічным, міфалагічным, краязнаўча-педагагічным. У кнізе, напрыклад, пададзены шматлікія прыклады з аўтабіяграфій і ўспамінаў пісьменнікаў, а таксама звесткі пра гісторыю стварэння літаратурных твораў і персанажаў, многія з якіх маюць рэальныя прататыпы, у тым ліку і сярод мазыран.

Палессе – географічна шырокі этнаспецыфічны рэгіён на тэрыторыі Беларусі, Украіны, Расіі. Цікаvasць да яго ўжо доўгія дзесяцігоддзі ўстойліва праяўляюць этнографы, мовазнаўцы, фалькларысты, гісторыкі, якія адзначаюць моўную, этна- і лінгвакультурную адметнасць палешукоў, пра што многа пісалі названыя вышэй пісьменнікі. Мясцовы каларыт перадаецца такімі рэгіянальнымі адзінкамі, як асабовыя ўласныя імёны, прозвішчы, мянушкі, андронімы, разнастайныя тапонімы, дыялектызмы, а таксама праз паказ традыцыйных народных свят, што характарызуюць бытавы ўклад жыцця палешукоў, і інш. З павагай і любоўю пісьменнікамі малююцца ў творах дарагія іх сэрцу назвы родных мясцін: *Іван Мележ* (Глінішчы, Юравічы, Мазыр, Брагін, Рэчыца, Хойнікі), *Уладзімір Верамейчык* (Палессе, Мазыр, Нароўля, Рэчыца) і інш. У манаграфіі таксама адзначаецца, што сімваламі малой радзімы ў беларускай літаратуры выступаюць тапонімы *Мікалаеўшчына, Альбуць, Загор'е, Багацькаўка, Церуха, Давыд-Гарадок, Боркі, Вялікі Бор, Цімкавічы, Бабчын, Ліхаўня* і інш. – мясціны, умела апетыя вядомымі аўтарамі.

Любоў да малой радзімы перадаецца пісьменнікамі і праз паслядоўны зварот да гідронімаў: *Нёман* (Я. Колас, Ф. Янкоўскі), *Прыпяць* (Ф. Янкоўскі, І. Навуменка, У. Караткевіч, У. Верамейчык, Г. Дашкевіч), *Пціч* (І. Навуменка), *Дняпро* (У. Караткевіч, В. Карамазяў, І. Шамякін).

Бібліёнім (онім-загаловак) займае цэнтральнае месца ў анамастычнай прасторы кожнага мастацкага твора і можа функцыянаваць як самастойная адзінка ці выступаць у якасці асацыятыўнага «намесніка» тэксту, уваходзячы ў канцэптасферу нацыянальнай лінгвакультуры. Частка аналізаваных назваў мастацкіх твораў гэтых аўтараў мае сімвалічны характар: сёння лічацца прэцэдэнтнымі такія бібліёнімы, як «*Людзі на балоце*», «*Сэрца на далоні*», «*Новая зямля*», «*Крыніцы*», «*Глыбокая плынь*», «*Злая зорка*», «*Зямля пад белымі крыламі*», «*Каласы пад сярпом тваім*», «*Брама*» і інш., пра што падрабязна і пазнавальна тлумачыцца ў манаграфіі.

У кнізе прыводзіцца кароткі слоўнік анамастычных тэрмінаў, што робіць яе завершанай, дакладнай і зручнай для карыстання не толькі філолагам.

Думаецца, што выданне «*Малая і вялікая радзіма ў анамастыконе пісьменнікаў*» знойдзе ўдзячных чытачоў не толькі сярод навуковых супрацоўнікаў, аспірантаў, магістрантаў і студэнтаў гуманітарных факультэтаў, у асяроддзі настаўнікаў мовы і літаратуры, а таксама будзе запатрабаванай падчас правядзення выхаваўчых мерапрыемстваў. Такую серыю манаграфій варта прадаўжаць. Гэтага патрабуе наша рэчаіснасць.

УДК 37.013:17(476)(091)"09/17"

Т. В. ПалиеваКандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной работе,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»**ЭТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БЕЛОРУСОВ –
ДЛЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ БУДУЩЕГО***Болбас, В. С. Генезіс і пераемнасць развіцця этыка-педагагічнай думкі Беларусі Х–XVIII стст. / В. С. Болбас. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2019. – 228 с.*

Известным специалистом в области этнопедагогике, доктором педагогических наук, профессором Валерием Сергеевичем Болбасом подготовлена научная работа в виде монографии, ставшая результатом многолетнего исследования, посвященного проблеме генезиса этико-педагогической мысли Беларуси Х–XVIII вв.

Монография еще раз иллюстрирует, что историко-педагогические исследования не просто сохраняют для будущего поколения значимые факты о воспитательной и образовательной практике, но и упорядочивают философско-педагогические мысли, идеи, концепции, теории, при этом наращивая фундамент для развития педагогической теории и практики будущего.

Организуя историко-педагогическое исследование, автор прежде всего, выстраивает собственную уникальную методологию, которая исходит из специфики объекта и предмета исследования, его задач и стратегии. Четкость методологических подходов и принципов, использованных автором, обеспечивает научную обоснованность исследования, его результативность, многомерность анализа, грамотную интерпретацию историко-

педагогических фактов, выявление перспективных направлений дальнейшего развития изучаемого феномена.

Анализируя генезис этико-педагогической мысли Беларуси как исторически заданного, постепенно эволюционирующего социально-педагогического феномена, учёный установил обусловленность ее развития в период с X по XVIII вв. социокультурными, общенаучными и педагогическими факторами, осуществил не только событийное описание исследуемого историко-педагогического явления, но и логическое моделирование процесса развития. Ценным в исследовании также является соотнесение основных понятий прошлого с современной терминологией, выявление разнообразных аспектов взаимодействия этико-педагогических идей с образовательной практикой.

В монографии определена совокупность понятий, составляющих категориальный аппарат изучения генезиса и развития этико-педагогической мысли Беларуси; выявлены основные социокультурные и исторические факторы генезиса этико-педагогической мысли Беларуси; обоснована периодизация развития этико-педагогической мысли Беларуси и целе-содержательная преемственность его этапов в X–XVIII веках; предложен авторский вариант классификации принципов и методов морального воспитания, представленных в трудах белорусских мыслителей X–XVIII веков; разработана аксиологически-прогностическая модель развития этико-педагогической мысли Беларуси на основе универсальных и этнонациональных этико-педагогических ценностей. В. С. Болбасом актуализированы и введены в научный оборот малоизвестные источники педагогического наследия Беларуси X–XVIII веков.

Монографический труд В. С. Болбаса будет интересен историкам, так как этико-педагогическая мысль рассматривается в процессе генезиса и эволюции; культурологам, так как предмет исследования представлен в контексте функционирования и развития культуры; этнографам, так как в работе анализируются особенности этногенеза белорусов; педагогам, так как автор монографии предлагает целостную систему нравственного воспитания, разработанную на принципах исторической преемственности.

УДК 81'42:81'373.612.2

Н. А. Илюхина

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и массовой коммуникации ФГАОУВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва»

О ТЕКСТО-ДИСКУРСИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ МЕТАФОРИКИ

Кураш, С. Б. *Метафорика русской и белорусской поэзии: тексто-дискурсивный аспект* / С. Б. Кураш. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.



Концептуальное осмысление феномена поэтической метафоры в тексто-дискурсивном ракурсе представлено в монографии известного белорусского метафоролога С. Б. Кураша «Метафорика русской и белорусской поэзии: тексто-дискурсивный аспект».

Эта работа имеет характер теоретический – интегрирует целый спектр методологических подходов, заявленных в современной науке по отношению к метафоре, языковой системе, тексту, дискурсу.

Благодаря столь широкому теоретико-методологическому контексту, объектом рефлексии автора оказывается далеко не только поэтическая метафора, но и целый спектр феноменов, связанных с ней и служащих системой координат для ее многостороннего исследования и интерпретации.

В отличие от большинства работ, в которых метафора рассматривается либо как локальное образование, либо как лингво-ментальное явление в одном из аспектов, в данном случае автором избран глобальный ракурс теоретического осмысления и концептуализации целого круга проблем,

связанных с метафорой, активно обсуждаемых в современной филологической науке как лингвистами, так и литературоведами.

Справедливо считая лексикологический, в том числе семасиологический, подход в изучении и интерпретации метафоры наиболее разработанным, автор сосредоточивает исследовательское внимание на иных аспектах, ставших наиболее актуальными в современной науке.

Отталкиваясь от известного тезиса о генетической связи метафоры и художественного мышления (высказанного Н. Д. Арутюновой и другими учеными), С. Б. Кураш рассматривает метафору в контексте дискурса с присущими дискурсу и его единицам многомерными отношениями.

Основой столь широкого ракурса выступают такие ипостаси языковых, текстовых, дискурсивных и ментальных единиц, как *изоморфизм* и *интерактивность*.

Так, интерактивность, предложенная М. Блэком для интерпретации когнитивного аспекта метафоры, в данном случае расценивается как свойство, универсальное для единиц языка, текста и дискурса, определяющее их природу и принципы функционирования, в том числе как свойство поэтической метафоры.

В свою очередь глобально понимаемая интерактивность, взятая в качестве призмы для интерпретации метафоры и других единиц языка, текста и дискурса, позволяет вскрыть другую универсалию – *изоморфизм*.

Таким образом, интерактивность и изоморфизм, будучи положенными в основу концепции, обеспечивают возможность для глобальных аналогий в рамках языковой системы, текста и дискурса, в том числе во взаимосвязях трех указанных макросистем.

Глобальный ракурс рассмотрения метафоры в предложенной С. Б. Курашем концепции закономерно охватывает самые разные ее стороны, включая метафору как лингвоментальный механизм, принцип концептуализации мира и результат действия этого механизма – отдельное метафорическое выражение и весь метафорикон конкретного языка, в том числе языка поэтического.

Для интерпретации поэтической метафоры в ее связи с дискурсом, формируемым сложной сетью отношений, особенно в динамическом аспекте, выбрана глобальная система координат

(схематически представленная в первой главе), убедительно обоснованная в своей целостности. Сеть отношений формируют такие феномены, как *дискурс*, *поэтический текст*, *денотасфера*, *интертекст*, *язык*, *метафора*, *семиосфера*, *коммуниканты* (автор – читатель).

В последующих главах каждый элемент этой системы, включенный в сеть оппозиций, убедительно представлен в описании на материале поэтической речи. В результате описания метафорических картин белорусского и русского поэтических языков на основе названного комплекса понятий эти два поэтических метафорикона предстают в монографии как многоаспектно структурированные системы.

Следует отметить, что выдвигаемые теоретические положения в монографии убедительно иллюстрированы фрагментами поэтических произведений, представляющих белорусскую и русскую поэзию с привлечением весьма широкого круга признанных авторов. В частности, показательной иллюстрацией является представленное в 3-й главе обобщение существующих исследований и собственный анализ поэтической рефлексии по поводу *языка / мовы* и их единиц (единиц всех языковых уровней, в том числе их графической формы) и использования этого концепта в качестве метафоры, а также по поводу самой метафоры в двух сопоставляемых поэтических системах. Не менее выразительно и богато представлено систематическое описание и теоретическая интерпретация картины метафорического моделирования коммуникативной ситуации на примере актов поэтической коммуникации в 5-й главе.

Актуальность разработанной концепции заключается в том, что она демонстрирует соизмеримость метафоры (с точки зрения ее генезиса и функционирования) и поэтического дискурса в логике антропоцентрической парадигмы, позволившей вскрыть в названных процессах их глубинные интегральные механизмы.

Теоретико-методологическая ценность этой концепции связана с тем, что представленная в ней модель текста (дискурса), изоморфного метафоре, обеспечивает возможности многомерного структурирования и аналитической оценки метафорического массива поэтического текста в следующих основных аспектах: текст – действительность, текст – язык, текст – интертекст, текст в аспекте адресации – текст в аспекте восприятия. Эти возможности многомерного описания поэтического метафорикона продемонстрированы в описательной части монографии, при этом – в сопоставительном аспекте, на материале русской и белорусской поэтической метафоры.

Кроме того, обобщением существующих научных идей, заявленных разными учеными в трудах XX – начала XXI вв., их интеграцией в стройную концепцию поэтической метафоры С. Б. Кураш вносит вклад в развитие теории метафоры, поэтической метафоры, теории дискурса, в частности – дискурса поэтического.

Самостоятельную ценность представляет методика и результаты сопоставительного исследования русского и белорусского поэтических метафориконов. Общее и специфическое получают адекватную интерпретацию в понятиях лингвокультурологии и дискурсоведения.

Концепция имеет прочную опору на классические и новейшие труды советских, российских, белорусских, западноевропейских и американских ученых по широкому кругу проблем, находящихся в фокусе предпринятого исследования: по теории метафоры, лингвопоэтике, теории текста, дискурсологии, интертекстуальности, лингвокультурологии и сопоставительной лингвистике. В частности, автор обобщает оценки метафорического механизма применительно к единицам всех языковых уровней (фонетического, морфемно-словообразовательного, морфологического, синтаксического, дискурсивного) и тем самым обосновывает новую трактовку метафоры как семиотического принципа, формирующуюся в современной науке. Столь же принципиальному расширению подвергается традиционное понимание контекста, смыкающегося с дискурсом.

Разработанная концепция представляется органичной не только для рассмотрения метафоры в поэтическом дискурсе, она может служить рабочей моделью для рассмотрения иных элементов поэтического текста. Более того, эта концепция поэтической метафоры органична для теоретического осмысления феномена поэтического текста (дискурса) в целом.

К достоинствам монографии относятся обширные приложения, включающие тексты и фрагменты текстов, не вошедшие в основной объем работы (201 текст белорусских и русских поэтов; приложение А), список источников материала (включающий 133 источника, представляющих русскую поэзию, и 114 источников – белорусскую; приложение Б), таблицу «Действие метафорического механизма на разных уровнях языка» (приложение В).

Рецензируемая работа представляет безусловный научный интерес для специалистов в области разных отраслей филологии, семиотики, культурологии.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статьи объёмом 14 000–25 000 печатных знаков (включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др.; учитывается текст статьи без аннотации, ключевых слов, списка основных источников) на русском (белорусском) языке в одном экземпляре направляются простым (заказным) письмом по адресу: ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл. и по электронной почте: vesnik.mgpu@mail.ru.

Текст должен быть набран на компьютерной технике в текстовом редакторе (Word 97, 2000, 2003, 2007, 2010 for Windows); шрифт Times New Roman, 10pt; одинарный межстрочный интервал; абзацный отступ 1,25 см; подписи к фотоснимкам, графикам, рисункам, диаграммам набирать шрифтом Times New Roman (9pt, п/ж), поля – левое, правое, нижнее, верхнее – по 30 мм. Номера страниц внизу по центру.

2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.

3. Далее через 1 интервал по центру помещаются инициалы и фамилия автора (авторов) и сведения об авторе (авторах) на русском (белорусском) и английском языках:

- фамилия, имя, отчество полностью;
- учёная степень и звание;
- должность;
- подразделение организации (кафедра);
- место работы (полное название организации).

Для магистрантов и аспирантов – сведения о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание).

4. Далее через 1 интервал по центру заглавными буквами без переносов печатается название статьи на русском (белорусском) и английском языках, которое должно быть кратким, отражать основную идею выполненного исследования.

5. Ниже через 1 интервал печатается аннотация (рекомендуемый объем – 500 печатных знаков) на русском (белорусском) и английском языках, которая должна быть информативной (не содержать общих слов), содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований), структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

6. Ключевые слова и словосочетания на русском (белорусском) и английском языках (до 15 слов).

Далее с абзацного отступа печатается текст статьи со следующей структурой, обозначенной в тексте:

Введение (дается краткий обзор литературы по данной проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формируется и обосновывается цель работы и ее актуальность; если необходимо, указывается ее связь с важными научными и практическими направлениями. Анализ источников, использованных при подготовке научной статьи, должен свидетельствовать о знании автором (авторами) научных достижений в соответствующей области).

Методы и методология исследования (описываются методики, материалы исследования, основные методологические принципы и подходы).

Результаты исследования и их обсуждение (подробно освещается содержание исследования, проведенного автором (авторами); полученные результаты должны быть проанализированы с точки зрения их достоверности, научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными).

Заключение (кратко формулируются основные результаты, полученные автором).

7. Рекомендуются термины, основные понятия, языковой материал, используемый для анализа или в качестве примеров, печатать **полужирным шрифтом** или *курсивом*.

8. В специальной и терминологической лексике, а также в именах собственных точность передачи букв *ё* и *е* обязательна.

9. В конце статьи дается перечень принятых в статье обозначений и сокращений (при их наличии).

10. Ссылки на литературные источники нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок записываются внутри квадратных скобок (например: [1], [2], [3, с. 14], [5, с. 10–12]).

11. Список цитированных источников располагается в конце текста под заголовком «СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ» / «СПІС АСНОЎНЫХ КРЫЊІЦ» и оформляется в соответствии с требованиями Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (ГОСТ 7.1–2003).

12. Распечатанный вариант статьи подписывается автором (авторами) и руководителем научного исследования на каждой странице.

13. К статье прилагаются:

- а) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения (выписка из протокола заседания);
- б) почтовый адрес для переписки, номера рабочего и домашнего телефонов, e-mail каждого автора.
- в) договор о передаче исключительного права в двух экземплярах (см. на сайте УО МГПУ имени И. П. Шамякина («Научная деятельность» / «Научный журнал “Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна”»); www.msru.by);

Редакционная коллегия журнала проводит независимую экспертизу, что является одним из основных условий опубликования поступающих рукописей. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. В случае отклонения статьи редакция сообщает автору о решении редколлегии, рукопись автору не возвращается. Решение о доработке статьи не означает, что она принята к печати. После доработки датой поступления рукописи считается день предоставления в редакцию исправленного варианта.

Редакция не вступает в дискуссии с авторами по поводу отклоненных работ.

Недопустимо предлагать редакции ранее опубликованные статьи или работы, принятые к печати другими изданиями, а также материалы, не подлежащие к опубликованию в открытой печати, в соответствии с действующими законодательными актами Республики Беларусь.

За опубликование научных статей плата не взимается.

В Правилах для авторов возможны изменения, с которыми можно ознакомиться на сайте УО МГПУ им. И. П. Шамякина.